

71
К 90

www.bsu.edu.ru

www.bstu.ru

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ПОНИМАНИЕ

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

2014

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова»

Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»

КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ

Материалы
II Международной научной конференции

24-26 апреля 2014 г.

Белгород
2014

УДК 338.12.017(470)

ББК 338.66; 65.011.7

К 90

Редакционная коллегия:

д-р полит. наук, проф. *О.Н. Полухин*;

д-р экон. наук, проф. *С.Н. Глаголев*;

директор музея-заповедника «Прохоровское поле» *Н.И. Овчарова*;

д-р пед. наук, проф. *М.С. Жиров*; д-р экон. наук, проф. *Е.Н. Чижова*;

д-р социол. наук, проф. *О.А. Волкова*; д-р филос. наук, проф. *П.А. Ольхов*;

д-р филос. наук, проф. *Н.З. Бросова*; д-р филос. н., проф. *Т.И. Литич*;

д-р полит. наук, проф. *К.Н. Лобанов*; д-р филос. наук, проф. *А.Д. Майданский*;

канд. социол. наук, доц. *А.П. Кривец*; канд. филос. наук, доц. *И.А. Монастырская*;

канд. филос. наук, доц. *С.В. Бацанова*

К 90 **Культура. Политика. Понимание :** материалы II
Международной научной конференции, 24-26 апреля 2014 г.
Белгород – государственный военно-исторический музей-
заповедник «Прохоровское поле» / сост. С.В. Бацанова; науч. ред.
Е.Н. Чижова, И.А. Монастырская, П.А. Ольхов, Н.З. Бросова и др. –
Белгород : ООО «Эпицентр», 2014 – 300 с.

ISBN 978-5-9905516-1-9

В настоящем сборнике научных работ представлены статьи, посвященные исследованию истории интеллектуальной культуры, актуальным междисциплинарным проблемам политологии и культурной политики, экономической антропологии и метаэкономики, этнокультурологии, социальной и военной истории. Авторы – участники II Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» – особое внимание уделили диалогической философии и герменевтико-эпистемологическим компонентам в структуре научного знания.

Материалы конференции адресованы ученым и специалистам в области социального и гуманитарного знания.

УДК 338.12.017(470)

ББК 338.66; 65.011.7

© НИУ «БелГУ», 2014

© БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014

© БРО РАЕН, 2014

© Государственный военно-исторический музей-заповедник
«Прохоровское поле», 2014

© ООО «Эпицентр», 2014

ISBN 978-5-99055161-9

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
(НИУ «БЕЛГУ»)
СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Г. ШУХОВА
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА
КАФЕДРА ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ»

Программа
II Международной научной конференции
«КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ»
24-26 апреля 2014 г.
г. Белгород

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Сопредседатели Оргкомитета конференции:

Полухин Олег Николаевич, доктор политических наук, профессор, ректор НИУ «БелГУ»

Глаголев Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, ректор БГТУ им. В.Г. Шухова

Овчарова Наталья Ивановна, директор Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»

Заместители председателя Оргкомитета конференции:

Жиров Михаил Семенович, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, декан социально-теологического факультета НИУ «БелГУ»

Дорошенко Юрий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и менеджмента БГТУ им. В.Г. Шухова

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Чижова Елена Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методологии науки БГТУ им. В.Г. Шухова

Мишкина Оксана Сергеевна, заместитель директора государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»

Ответственные секретари Оргкомитета конференции:

Бросова Наталья Зиновьевна, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и политологии по научной работе НИУ «БелГУ»

Монастырская Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории и методологии науки БГТУ им. В.Г. Шухова

Члены организационного комитета:

Майданский Андрей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, заместитель декана социально-теологического факультета по научной работе и международной деятельности НИУ «БелГУ»

Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета НИУ «БелГУ»

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ»

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Шилов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Бацанова Софья Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки БГТУ им. В.Г. Шухова

Бойко Жанна Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Кривец Алла Павловна, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Мальцева Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Пеньков Виктор Евгеньевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Сямина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Иерей Юлиан Гоголюк, кандидат богословия, доцент кафедры теологии НИУ «БелГУ», настоятель храма Архангела Гавриила

Коваленко Марина Викторовна, ассистент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

24 апреля

**Конференц-зал
социально-теологического факультета НИУ «БелГУ»
(ул. Преображенская, д. 78, ауд. 8)**

Регистрация участников конференции: 09.30 – 10.00

10-00 – 13-30

**ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

ПРЕЗИДИУМ:

Полухин Олег Николаевич, доктор политических наук, профессор, ректор НИУ «БелГУ»

Глаголев Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, ректор БГТУ им. В.Г. Шухова

Овчарова Наталья Ивановна, директор Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»

Жиров Михаил Семенович, декан социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», профессор, доктор педагогических наук

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Чижова Елена Николаевна, заведующая кафедрой теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, профессор, доктор экономических наук

Волкова Ольга Александровна, заведующая кафедрой социальной работы НИУ «БелГУ», профессор, доктор социологических наук

Липич Тамара Ивановна, заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ», профессор, доктор философских наук

Майданский Андрей Дмитриевич, заместитель декана социально-теологического факультета по научной работе и международному сотрудничеству НИУ «БелГУ», профессор, доктор философских наук

Мишкина Оксана Сергеевна, заместитель директора государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»

Монастырская Ирина Александровна, заместитель заведующей кафедрой теории и методологии науки БГТУ им. В.Г. Шухова, доцент, кандидат философских наук – член президиума, *ученый секретарь*

Приветственное слово ректора Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
О.Н. Полухина

Приветственное слово ректора Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова
С.Н. Глаголева

Приветственное слово директора государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»
Н.И. Овчаровой

Доклады
(выступление – 15-20 мин.
ответы на вопросы – 5-10 мин.)

Диалог суверенитетов государства и Церкви в духовно-нравственном воспитании молодежи. *Липич Тамара Ивановна*, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» (Россия)

Открытый мир: этнокультурная традиция Белгородчины. *Жиров Михаил Семенович*, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, декан социально-теологического факультета НИУ «БелГУ» (Россия)

Культурные контакты, связи и сотрудничество России и Сербии. Роль национальной культуры в продвижении России за рубежом. *Атлагиц Синиша*, доктор политических наук, профессор факультета политических наук, Белградский государственный университет (Республика Сербия)

Этнополитика как фактор национальной безопасности: опыт современной Украины. *Терес Наталья Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и краеведения, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Модернизация как политическая идеология современной России. *Кривец Алла Павловна*, кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ» (Россия)

Роль социального капитала в развитии общества. *Чижова Елена Николаевна*, доктор экономических наук, заведующий кафедрой теории и методологии науки, БГТУ им. В.Г. Шухова (Россия)

Российские локальные идентичности в начале XXI века: функционально-сакральные основания. *Лебедев Сергей Дмитриевич*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью НИУ «БелГУ» (Россия)

Общая дискуссия: до 15 мин.

13.00–14.00

ПЕРЕРЫВ

14-00-14-30

Студия церковно-исторической и портретной живописи

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ «ПАСХАЛЬНАЯ ПАЛИТРА»

(ауд. 18)

14-30-17-00

Экскурсия для участников конференции (по заказу)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ БЕЛГОРОДА

(с посещением выставки «Палитра Крыма», выставочный зал «Родина»)

14-30-16-00

КРУГЛЫЙ СТОЛ

**«ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. ТРАДИЦИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ»**

(ауд. 18-19)

Соруководители круглого стола:

Жиров Михаил Семенович, декан социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», профессор, доктор педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

Даниленко Анжела Павловна, заведующая кафедрой изобразительного искусства НИУ «БелГУ», доцент, кандидат педагогических наук

К участию в круглом столе приглашены народные мастера керамики и глиняной игрушки Белгородской, Курской, Липецкой областей России, фольклорная группа Белгородского государственного института культуры и искусств.

Основные направления дискуссии и модераторы направлений:

Этнохудожественные аспекты современного образования. *Даниленко Анжела Павловна*, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой изобразительного искусства НИУ «БелГУ»

Народная игрушка – Старый Оскол: творчество и обновление. *Никишина Наталия Николаевна*, директор МБУК «Старооскольский Дом ремесел», Народный мастер Белгородской области. *Белых Инна Викторовна*, директор МБУК «Старооскольский ЦДПТ», Народный мастер Белгородской области

Символические структуры народного костюма: вневременные компоненты и визуальная конкретность. *Шведова Ирина Викторовна*, старший научный сотрудник ГБУК «Белгородский государственный музей народной культуры», магистрант кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

14-30-16-00

Круглый стол

«НАУКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ»

(ауд. 28)

Руководитель круглого стола – Пеньков Виктор Евгеньевич, профессор Российской академии естествознания, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Основные направления дискуссии и модераторы направлений:

Антропологические измерения эволюционизма и возможные пути научного постижения трансцендентного. *Пеньков Виктор Евгеньевич*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Рациональный стиль научного мышления и историко-методологическая модель науки. *Мальцева Наталья Николаевна*, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Классические проблемы теории чисел на современном этапе развития математики. *Шевцова Мария Витальевна*, кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры алгебры, теории чисел и геометрии НИУ «БелГУ»

Значимость многопараметрических объектов. *Субботин Андрей Валерьевич*, аспирант кафедры теоретической и математической физики НИУ «БелГУ»

**II МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПОЗНАНИЕ И ПОЛИТИКА В КУЛЬТУРНОМ ОПЫТЕ
XXI СТОЛЕТИЯ: ПЕРЕПУТЬЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**14-30-18-00
(кофе-пауза – 16-00-16-30)**

**СЕКЦИЯ «МОЛОДЕЖЬ В МИРЕ ПОЛИТИКИ»
(ауд. 8)**

Модераторы секции:

Гукова Ирина Николаевна, ассистент кафедры культурологии и политологии
Шенцов Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры культурологии и политологии

Секретарь секции – *Борисова Ксения Сергеевна*, студентка III курса, образовательное направление «Политология»

Тематические инициативы:

Перспективы вступления республики Армения в таможенный союз. *Арутюнян Хорен Араратович*, студент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Корпоративизм как форма взаимодействия государственной власти и бизнеса. *Борисова Ксения Сергеевна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Соотношение национализма на Украине и в нацистской Германии. *Кобзарь Егор Олегович*, студент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Неоосманизм и пантюркизм как вектор современной внешней политики Турции. *Роцупкин Иван Андреевич*, студент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Пути разрешения этнополитических конфликтов в Нагорном Карабахе и Крыму: общее и особенное. *Смелая Алевтина Юрьевна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Армия в ближневосточной политике XX века. *Тарасевич Евгений Анатольевич*, студент НИУ «БелГУ»

Великобритания и проблемы «добровольцев» и экспорта вооружения в период гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) по материалам британской прессы. *Фомичев Николай Николаевич*, аспирант НИУ «БелГУ»

Представления населения малого провинциального города о современной российской политической элите. *Анисимова Дарья Сергеевна*, студентка Ливенского филиала Государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса г. Орел

К вопросу о трудовой миграции молодёжи малых городов России. *Кофанов Павел Игоревич*, студент Ливенского филиала Государственного университета – учебно–научно–производственного комплекса г. Орел, Ливны

Портрет молодого телезрителя (опыт социологического исследования). *Толмачева Елена Александровна*, студентка Ливенского филиала Государственного университета – учебно–научно–производственного комплекса г. Орел, Ливны

Аполитичность молодёжи – злая сторона современности. *Шевченко Диана Сергеевна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

История моей семьи в истории России. *Шелудько Лика Александровна*, студентка НИУ «БелГУ»

16-30-18-00

**СЕКЦИЯ «МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ»**
(ауд. 28)

Модераторы секции:

Сямина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», член Союза художников России
Бойко Жанна Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Секретарь секции – *Зубарев Валентин Алексеевич*, аспирант НИУ «БелГУ»

Тематические инициативы:

Духовная основа технологической культуры молодежи. *Гончарова Елена Николаевна*, аспирант НИУ «БелГУ»; учитель православной культуры МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №3 с углублённым изучением отдельных предметов г. Строитель Яковлевского района Белгородской области»

К вопросу о видении роли религии Л.Н. Толстым. *Мусиенко Алла Васильевна*, аспирант НИУ «БелГУ»

«Азбука» и «Новая азбука» Л.Н.Толстого как непререкаемая ценность в деле семейного воспитания детей. *Шевченко Мария Вадимовна*, студентка НИУ «БелГУ»

Семья как ценность в жизни творческого человека (пример М.С. Щепкина). *Лопина Мария Романовна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Чем жива философия, и почему ей нужен перевод? *Бабьяк Артур Андреевич*, аспирант НИУ «БелГУ»

Философия Нагуа: к проблеме возникновения философской мысли в Мезоамерике. *Зубарев Валентин Алексеевич*, аспирант НИУ «БелГУ»

Философский диалог России и Германии: к опыту интерпретации философско-исторической концепции Гегеля в контексте отечественной философской и общественной мысли XIX века. *Теслев Александр Александрович*, студент НИУ «БелГУ»

Роль культуры в преодолении поведенческих девиаций у подростков. *Машинова Виктория Викторовна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Археология культуры (зодчество, изобразительное искусство) и палеокультурология. *Габелко Юлия Владимировна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Усадебное наследие в современном социокультурном пространстве России. *Хотина Виктория Александровна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Реконструкция Историко-литературного музея Н.В. Станкевича (культурологический эскиз). *Белых Марина Александровна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Музей-усадьба Н.В. Станкевича: проектный образ и бренд-прогноз. *Боголюбова Виктория Владимировна, Усиченко Екатерина Романовна*, студентки кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Сила простоты: имение “Нескучное” в жизни и творчестве З.Е. Серебряковой. *Шаркунова Анна Борисовна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Образ солнца в лирике поэтов Серебряного века: структурно-семантический анализ. *Богун Наталья Николаевна*, студент НИУ «БелГУ»

Пчеловодческая культура и церковь: религиозно-нравственный аспект. *Фисенко Владимир Владимирович*, соискатель кафедры культурологии, Курский государственный университет

Мультимедиа как способ трансляции культурных ценностей. *Чекрыгина Софья Евгеньевна*, студентка кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

18-00 – 19-00

Посещение выставки «Палитра Крыма»
(Выставочный зал «Родина», пр-т Б. Хмельницкого, 71)

25 апреля

8-30 – 9-00

Отъезд участников конференции в Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»

Время отправления и маршрут движения автобуса:

8-30 – общежитие Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

9-00 – корпус № 7 НИУ «БелГУ» (социально-теологический факультет)

10-00 – 17-00 – музей-заповедник «Прохоровское поле», этнокультурный центр «Кострома»

18-00 – корпус № 7 НИУ «БелГУ» (социально-теологический факультет)

18-30 – общежитие Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

10-00 – 10-30

Обзорно-аналитическая экскурсия по музейному комплексу «Третье ратное поле России» (Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»)

10-30-12-30

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ КУЛЬТУРЫ
И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ»**

(Библиотека Н.И. Рыжкова, Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»)

Соруководители пленарного заседания –

Салтык Галина Александровна, заведующая кафедрой культурологии Курского государственного университета, профессор, доктор исторических наук
Волкова Ольга Александровна, заведующая кафедрой социальной работы НИУ «БелГУ»Ю профессор, доктор социологических наук

Российская провинция в социокультурной повседневности XX века.
Салтык Галина Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Курского государственного университета

Политика в сфере трудовых отношений: лингво-психо-социальный анализ иллюстрированных подарочных карточек.
Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы НИУ «БелГУ»

Феномен русской усадьбы в исследовательских практиках XIX-XXI вв. *Сямина Ольга Васильевна*, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», член Союза Художников России

Проблемы религиозного и нравственно-политического просвещения девочек-крестьянок Курской губернии в XIX – начале XX вв. *Бородина Светлана Васильевна*, заведующая научно-исследовательским отделом государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»

Звукосфера русской культуры. *Лопин Роман Анатольевич*, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Создание Черубины: попытка реконструкции. *Устюжин Игорь Борисович*, магистр искусств, старший преподаватель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

10-30-13-30

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ»
(Конференц-зал музея-заповедника «Прохоровское поле»)

Соруководители пленарного заседания:

Малай Вера Владимировна, заведующая кафедрой международных отношений украиноведения НИУ «БелГУ», профессор, доктор исторических наук

Лобанов Константин Николаевич, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», доктор политических наук

Российская провинция в социокультурной повседневности периода Первой Мировой Войны: 1914-1918 гг. *Салтык Галина Александровна*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Курского государственного университета

Региональные конфликты в Европе накануне и после второй мировой войны (Испания, 1936-1939 и Греция, 1946-1949) и международные отношения. *Малай Вера Владимировна*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и украиноведения НИУ БелГУ»

Усилия Англии по урегулированию итало-абиссинской войны в октябре-декабре 1935 г. *Урывский Андрей Петрович*, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры международных отношений и украиноведения

Проблемы внешней политики в системе нацистской пропаганды сер. 1930-х гг. *Крупская Светлана Юрьевна*, кандидат исторических наук, ассистент кафедры международных отношений и украиноведения НИУ «БелГУ»

Позиция Великобритании в связи с началом гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) в трактовке зарубежных историков. *Беляева Светлана Петровна*, старший методист кафедры истории и обществоведческих дисциплин Белгородского института развития образования

К вопросу о деятельности комитетов помощи российским добровольцам в войсках Франко (1937-1939). *Пчелинов-Образумов Александр Александрович*, магистр истории, главный специалист отдела использования архивных документов Государственного архива Белгородской области

Роль современного государства в решении экономических проблем. *Журавлева Лариса Ивановна*, кандидат экономических наук, профессор кафедры теории и методологии науки БГТУ им. В.Г. Шухова

Несколько замечаний об идее недопустимости государственного вмешательства в рыночную экономику. *Шенцов Максим Евгеньевич*, кандидат исторических наук, ассистент кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Умберто Эко: эпистемологический взгляд на феномен Нео-войны. *Маслеников Антон Олегович*, студент кафедры философии НИУ «БелГУ»

13-00-14-00

Звонница

(Обед)

14-30-17-00

Парк регионального значения «Ключи»

Этнографическая деревня «Кострома»

26 апреля

10-00-13-00

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

«ФИЛОСОФИЯ САМОСОЗНАНИЯ И ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

(Конференц-зал Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, 46)

Соруководители пленарного заседания:

Майданский Андрей Дмитриевич, заместитель декана социально-теологического факультета НИУ «БелГУ» по научной работе и международной деятельности, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Доклады

(выступление – 15-20 мин.)

ответы на вопросы – 5-10 мин.)

Русский менталитет глазами русских мыслителей: сущностные черты, факторы формирования. *Ефремова Жанна Дмитриевна*, кандидат социологических наук, декан экономического факультета Ливенского филиала Государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса г. Орел

Феномен философской мысли: истоки диалога и/или монолога. *Бросова Наталья Зиновьевна*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

О диалогическом переосмыслении исторического знания. *Ольхов Павел Анатольевич*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и политологии НИУ «БелГУ»

Диалог как модель анализа текста в философии языка М.М. Бахтина. *Рязанцева Людмила Васильевна*, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

Проблема востребованности текста в диалогической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси. *Монастырская Ирина Александровна*, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

Об условиях успешного диалога: Г.-Г. Гадамер – О. Розеншток-Хюсси. *Мотовникова Елена Николаевна*, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»

Диалектика и герменевтика: логика дела против логики слова. *Майданский Андрей Дмитриевич*, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»

Л.Н. Толстой и его понимание “диалектики души” как особый взгляд на структуру человека. *Проскурина Татьяна Дмитриевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии НИУ «БелГУ»

Доктрина творения, природа и политический строй общества в философии М.Б. Фостера. *Проселкова Татьяна Васильевна*, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического и программного обеспечения информационных систем НИУ «БелГУ»

Аксиология Макиавелли. *Мальченко Александр Евгеньевич*, студент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»

13-00

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференц-зал

Белгородского государственного технологического университета
им. В.Г. Шухова

ПРОБЛЕМЫ ГНОСЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ДИАЛОГИЗМА М.М. БАХТИНА

В философских поисках М.М. Бахтина центральной идеей всего творчества стало его учение о диалоге. Зародившись в работе «К философии поступка», оно далее прозвучало как в его собственно философских трудах, так и в теоретических исследованиях произведений русских и западноевропейских писателей. Он убедительно продемонстрировал, что его понимание онтологических, гносеологических, антропологических, аксиологических проблем может быть рассмотрено как оригинальная диалогическая философия. Понимание М.М. Бахтиным сущности диалогизма близко трактовке его основными представителями философии диалогизма XX века на Западе (М. Бубер и О. Розеншток-Хюсси) [1].

В истории становления философского диалога М.М. Бахтин наиболее ценным считал «зачатки» преодоления «**м о н о л о г и ч е с к о й м о д е л и м и р а**» в «сократическом диалоге» [3, 351].

Выстраивая собственную модель мира, М.М. Бахтин сформулировал целый ряд положений, которые свидетельствуют о том, что «вещная модель мира», созданная классической наукой и философией Нового времени на основе принципов естественнонаучного рационализма и монологизма, больше не отвечала потребностям развития науки и цивилизации и должна смениться «моделью диалогической» [3, 351].

Основания ее М.М. Бахтин представил в следующих положениях:

1. «Жизнь по природе своей диалогична» [3, 351]. Диалог – это обозначение способа действия человека, сущностью которого является «поступок». Бытие – это архитектоника человеческих поступков и творчества.

2. Человек – существо диалогическое. «Человек реально существует в формах «я» и «другого» («ты», «он» или «тап»). [3, 351] Отношения Я и Ты, Я и Другой, содержание которых – «встреча», взаимность», «обращенность», открытость, живое общение, являются диалогом.

3. Познание есть отношение «человек с человеком», предполагающее «активность познающего и активность открывающегося (диалогичность)» [5, 7]. Событие встречи и взаимопонимание становятся основой для философствования и получения истинного знания

Опираясь на эти принципы, М.М. Бахтин рассматривает основные категории гносеологии, выявляя глубокие различия их трактовки в системе монологизма и диалогизма.

Исследуя категории объект (предмет) и субъект познания, М.М. Бахтин устанавливает, что в системе монологизма предметом познания является «вещь», «определенное, готовое и застывшее бытие-данность» [4, 116]. При таком подходе понимание человека как объекта означает его «монологическое овеществление» [2, 365]. Отношения субъекта и объекта носят здесь односторонний характер: активен только рационально мыслящий субъект, его «односторонним актом» познания исчерпывающе раскрывается «чистая мертвая вещь» [5, 7]. Возникающие в результате «вещные (овеществляющие, объектные) образы, – по мнению М.М. Бахтина, – для жизни и для слова глубоко неадекватны» [2, 351], они всего лишь абстрактный элемент научного познания. В системе диалогизма предметом познания выступает «бытие-событие», становление которого происходит во взаимодействии и диалоге множества «неповторимо ценных личных миров» [4, 116] и человеческих поступков. Именно поэтому «бытие–событие» никогда не бывает «равно самому себе» [4, 114–115]. В системе связей изменчивого и неисчерпаемого человеческого бытия «всякое целое (природа и все ее явления, отнесенные к целому) в какой-то мере лично», – утверждает философ [5, 7]. Обратившись к художественной литературе, он показал, что вещь, включенная в контекст человеческого бытия, предстает как живая и становится «Ты» в отношении с Я, субъектом.

В гносеологии диалогизма меняется понимание субъекта: во-первых, существенное значение придается его личностным качествам. Субъектом познания становится «человек как целостный голос», участвующий в этом процессе «не только своими мыслями, но и своей судьбой. Своей индивидуальностью» [2, 351].

Во-вторых, в познании взаимодействуют Я и Ты, Я и Другой как субъекты – личности, сознания которых равнозначны. Как отмечает М.М. Бахтин, возникающие между ними «диалогические отношения предполагают общность предмета интенции» [2, 350], но не исключают различия позиций в интерпретации полученных результатов.

В системе диалогизма основными становятся субъект–субъектные отношения, при которых субъект может выступать и как объект. Глубокое различие в понимании сущности и связи субъекта и объекта приводит к разным результатам в получении знания. Итогом научного познания, по мнению М.М. Бахтина, оказывалась «идея как монологический вывод» [6, 173]. Она включает в себя лишь то, что признавалось истинным и существенным, но было лишено индивидуальности. Фиксируя в языке

понятий «заочный образ мира», застывшее состояние жизни и смысла, она несет в себе представление о мире как о чем-то внешнем, отчужденном от всей системы человеческой жизни. Но для всякого мыслителя, по мнению М.М. Бахтина, такая истина при всей ее неполноте важна как «идеальная установка», эталон, к которому следует стремиться, при этом не ограничивая себя в поиске личного, более глубокого понимания сущности того или иного предмета. Отсюда вытекает очень актуальный для понимания проблем современной гносеологии вывод М.М. Бахтина: «Монологическая форма восприятия познания и истины – лишь одна из возможных форм» [6, 60]. Исследуя соотношение сознания и единой истины, он утверждает, что «единая истина требует множественности сознаний», поскольку она имеет социально-событийный характер и рождается «в точке соприкосновения разных сознаний» [6, 60]. Иначе говоря, приближение к истине предполагает между ними «существенный диалог» [2, 350].

Встреча «Я» и «Ты», «человека познающего» с другим, равнозначным ему субъектом, рождает понимание, включающее как знание об общих свойствах предметов, так и их индивидуальных особенностях. В диалоге достигается знание бытия–события, участником и творцом которого является личность с ее иррациональным и рациональным, эмоционально-волевым и ценностным отношением к миру. Фактически здесь М.М. Бахтин утверждает диалогическую природу истины и сознания. Его размышления о проблемах гносеологии в контексте философии диалогизма имеют большое значение для понимания содержания и методов получения социально-гуманитарного знания.

Литература

1. Абросимова Л.В. Историко-философский анализ концепций диалогизма XX века (М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, М.М. Бахтин). – Автореферат дисс. на соискание уч. степ. кандидата философ. наук. – М.: 2008. – 26 с.
2. Бахтин М.М. Достоевский. 1961. // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. – М.: «Русские словари», 1997. – С. 364-374.
3. Бахтин М.М. 1961г. Заметки // М.М. Бахтин. Собр. соч. Т. 5. – М.: «Русские словари», 1997. – С. 329-360.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Философия и социология науки и техники. – М.: «Наука», 1986. – 160с.
5. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. – М.: «Русские словари», 1997. – С. 7-10.
6. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. Т.2. – М.: «Русские словари», 2000. – С. 5-175.

РОССИЙСКИЙ МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС КОНЦА XX ВЕКА И МЕНТАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Российскую модернизацию невозможно рассматривать вне связи со взаимоотношением России и Запада и определением места России в диалоге культур Запада и Востока. «Надо заметить, что тема культурной самоидентификации вряд ли где, кроме России, была столь же болезненной», – подчеркивает М.С. Назаров [1, 13]. В самом деле, для этносов «Старой Европы» или азиатско-тихоокеанского региона их соотнесенность соответственно с Западом и Востоком несомненна, хотя становится все более условной: с одной стороны, современные Япония, Китай, Южная Корея и ряд других экономически развитых государств представляют собой постиндустриальное общество западного образца (к Западу относится при всей своей культурной специфике и Израиль), с другой стороны, миграционные процессы привели к тому, что в Великобритании, Франции, других староевропейских государствах миллионы маргиналов, выходцев из Азии и Африки, не желающих или не могущих адаптироваться к западноевропейским ценностям, все более размывают последние. «Даже такие крупные географические реалии физического мира, как Европа и Азия, уже давно потеснены в политике и экономике таким структурным кодом социального пространства, как Запад и Восток.

Каково место России – предмет острых дискуссий, начавшихся с полемики западников и славянофилов. Особый, третий, путь развития России вопреки западникам и славянофилам провозглашался евразийцами. «Евразийцы манифестировали следующие идеи:

1. Россия – это не Восток и не Запад, это великий Восток-Запад, 2. На Земле существует третий, срединный материк – Евразия, 3. Обозначение “Евразии” приобретает значение сжатой, культурно-исторической характеристики (последняя теоретическая формула принадлежит П. Савицкому), 4. Народы Евразии скреплены крепкими духовными и культурными узами, Россия издревле была многоплеменна и мультикультурна», – отмечает И.В. Подойницына [2, 105-106]. На наш взгляд, России действительно принадлежит особое место и особая роль.

Россия наряду со всей своей очевидной спецификой природно-климатических условий, собственной истории, включая геополитический ее аспект, культуры, менталитета, все же не выпадает вопреки

славянофильским и неославянофильским убеждениям из европейски-христианской цивилизации, а сочетает в себе черты Запада и Востока, Европы и Азии, как в прямом, так и в переносном смыслах.

Литература

1. Назаров М.С. Россия между Западом и Востоком: проблема самоидентификации. // Россия, Восток, Запад: диалог культур. Тезисы докладов междунар. науч. конф., г. Хабаровск, 16-17 октября 1997 г. (Часть II). – Хабаровск: Хабаровский госпедуниверситет, 1997. – С. 13.

2. Подойницына И.В. Восток–Запад: диалог культур (к проблеме евразийства) // Россия, Восток, Запад: диалог культур. Тезисы докладов междунар. науч. конф., г. Хабаровск, 16-17 октября 1997 г. (Часть II). – С. 105-106.

Анисимова Д.С.,
научный руководитель Ефремова Ж.Д.
*Ливенский филиал Государственного
университета – учебно-научно-
производственного комплекса г. Орел
Ливны, Россия*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА О СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ

Особенностью политической власти в России является персонификация. Это наложило отпечаток на российскую политическую культуру. Социологические исследования обнаруживают элементы персонификации власти в общественном сознании, которые выражаются в уровне информированности, оценках, ожиданиях и отношении населения к различным органам власти, политической элите и лидерам. С целью определения отношения населения малого провинциального города к современной политической элите был проведен опрос жителей г. Ливны. Исследование проводилось в декабре 2013 года. Объем выборки составил 150 человек, среди которых 40 % мужчин и 60 % женщин. Были выделены две равные по численности возрастные группы («младшая» – до 30 лет и «старшая» – старше 30 лет). Анализ производился в сравнении по возрастным группам.

Респондентам было предложено выразить свое отношение к таким понятиям, как «власть», «государство», «чиновники», «элита». Понятие «власть» вызывает как позитивное, так и негативное отношение примерно в равном соотношении: 38,7 % и 42,7 % соответственно. Не наблюдается различий в позициях «старшей» и «младшей» возрастных групп. К понятию «государство» 57,3 % респондентов из «младшей» группы

относятся позитивно. В «старшей» возрастной группы этот значительно процент выше и составляет 77,3 %. Совсем иначе обстоит дело с отношением жителей города к чиновникам. Позитивное отношение выразили только 7,5 % респондентов (10,7 % в «младшей» и 4 % в «старшей» группах). Абсолютное большинство опрошенных (77,3 %) негативно относятся к чиновникам. Причем в младшей группе этот процент значительно ниже, чем в старшей, и составляет лишь 64 %, тогда как в старшей возрастной группе этот показатель достигает 90,6 %. Ту же картину можно наблюдать и в отношении жителей города к понятию «элита»: 58 % всех опрошенных относятся к этому понятию негативно, 17,3 % – позитивно, 24,7 % затруднились ответить на данный вопрос. И опять, более позитивное отношение демонстрируют молодые респонденты: 26,7 % против 8 %. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сознании населения понятия «государство», «власть» и отделены от ее носителей.

Отношение к власти и представление о ее эффективности – важное условие общественной стабильности или развития напряженности. Эффективность власти в глазах людей напрямую связана с прочностью их общественных связей, позиций, с их социальной и физической защищенностью. Респонденты вне зависимости от возраста единодушны в мнении, что современные российские элиты не соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою. Респондентам был задан вопрос: «Соответствует ли нынешняя политическая элита задачам, стоящим перед обществом?». Большинство респондентов «старшей» группы (54,7 %), считают, что политическая элита задачам, стоящим перед обществом, не соответствует, так же считают 36 % респондентов «младшей» возрастной группы, хотя 24 % в этой группе полагают, что политическая элита способна решать стоящие перед обществом задачи. В старшей группе «оптимистов» только 9,3 %.

Что касается отношения к различным эшелонам политической элиты и оценки их эффективности, то существенных различий в оценке высших и региональных элит не наблюдается. На вопрос «Какие эшелоны российской элиты в наибольшей степени способны решать важные задачи, стоящие перед страной и обществом?» были получены следующие ответы: члены правительства, министры – 31,3 %, депутаты Федерального собрания – 26 %, региональное руководство – губернаторы, мэры городов – 22,7 %.

Все это говорит о том, что жители малого города не верят в политическую элиту, что, несомненно, связано с тем, какие качества народ выделяет в современной российской политической элите. Так большинство опрошенных в «старшей» группе видят в современной российской политической элите такие качества, как корыстолюбие, склонность к личному обогащению (48 %), злоупотребление властью

(40 %), склонность ставить личные интересы выше общественных (13,3 %). Респонденты «старшей» возрастной группы совсем не видят в представителях российской политической элиты такие качества, как патриотизм, образованность, ответственность и выполнение обещаний. В младшей группе 20% считают, что у российской политической элиты присутствует патриотизм, ответственность перед страной и народом, а так же энергичность и инициативность. Но все же в наибольшей степени политической элите нашей страны, по мнению респондентов «младшей» группы, присущи корыстолюбие, склонность к личному обогащению (36 %), злоупотребление властью (34,7 %), склонность ставить личные интересы выше общественных (32 %).

Негативную оценку респондентов получили способы рекрутирования элиты. Об этом свидетельствует ответ на вопрос «Что нужно человеку, чтобы оказаться в рядах политической элиты российского общества?». Большинство респондентов считают, что во властные структуры можно попасть с помощью финансовых средств и связей (38 %). Хотя молодежь более оптимистична в ответе на этот вопрос, чем «старшая» группа (таблица).

Таблица

Качества, необходимые для попадания в элиту, в %

Варианты ответов	«Младшая» группа	«Старшая» группа	Всего по выборке
Наличие денег	29,3	46,7	38
Связи во властных структурах	28	48	38
Высокая квалификация	18,7	4	11,3
Хорошие способности	13,3	4	8,7
Инициативность и предприимчивость	9,3	1,3	5,3
Трудолюбие, ответственность	6,7	4	5,3
Честолюбие, решительность	6,7	4	5,3
Твердость, сильный характер	10,7	5,3	8
Способность быть лидером	13,3	10,7	12
Ум, интеллект	13,3	2,7	8
Затрудняюсь ответить	5,3	10,7	8

Таким образом, можно констатировать негативное отношение жителей города Ливны к российской политической элите, к качествам ее носителей, эффективности ее деятельности. Однако подобная оценка отражает, на наш взгляд, не столько объективную характеристику, сколько субъективное отношение, возникающее во многом под влиянием средств массовой информации. Можно согласиться с мнением, что «от внимания молодых людей не ускользает тот факт, что политическая сфера жизни общества стала ареной безнравственности, в отдельных случаях даже преступной деятельности» [1, 166]. Актуальной для России остается

проблема легитимации и признания элитных групп и программ их деятельности [2, 97]. Авторитетность элиты – важнейшее условие ее пребывания у власти, правящая элита должна быть легитимной.

Литература

1. Долинина И.Г. Сознание и поведение молодежи в контексте гражданской культуры // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 1. – С. 162-170.

2. Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // ПОЛИС. – 2008. – № 6. – С. 86-98.

Арутюнян Х.А.,
научный руководитель Лобанов К.Н.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия*

ПЕРСПЕКТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ

Мир находится в постоянном движении так же, как и государства в постоянном развитии. Повсеместно происходят важные политические процессы, как положительные, так и негативные. Данные явления могут представлять собой как конфликты, так и наоборот, интегрирующие процессы, в той или иной степени касающиеся России. В этом ключе хотелось бы рассмотреть решение Армении о вступлении в Таможенный союз (ТС).

Армения сейчас является главным военным и экономическим союзником России в Закавказье. Именно в Армении в городе Гюмри дислоцируется 102-ая российская военная база. Товарооборот с Россией превышает 25 % от общего. Кроме того, Россия является одним из членов Минской группы ОБСЕ, работающей над урегулированием Нагорно-Карабахского конфликта, непосредственно касающегося Армении. Хочется заметить, что Армения в 2013 г. сменила внешнеполитический курс. Главным и весьма резонансным событием стал отказ Армении в парафировании договора с Евросоюзом, мотивированный желанием вступить в Таможенный союз. По оценкам экспертов, договор о членстве в ТС юридически сможет быть подписан уже в марте 2013 г. А «дорожная карта» по вступлению Армении в ТС уже подписана на заседании Евразийского интеграционного союза, прошедшем в конце декабря в Москве.

Таким образом, можно констатировать, что Армения выбирает Таможенный союз. Основной причиной этого выбора являются более выгодные условия экономических отношений, чем с ЕС. В частности, можно с уверенностью сказать, что Армения будет получать российский газ по низким льготным ценам. По недавно подписанному договору между «Газпромом» страна будет поставлять в Россию до 2,5 млрд кубометров газа каждый год. В соответствии с заявлением президента РФ В.В. Путина, для Армении цена составит 189 \$ за тысячу кубометров [1]. Также российская сторона готова всячески содействовать Армении для окончательного юридического расширения ТС. Недавно с официальной речью выступил премьер-министр республики Армения Тигран Саркисян, в которой однозначно были определены государственные внешнеэкономические приоритеты: «В основе решения о присоединении к Таможенному союзу, которое имеет стратегическое значение для нас, лежало стремление к созданию наиболее благоприятных условий для устойчивого роста и формирования конкурентоспособной экономики Армении. Экономическое сотрудничество с Россией, как известно, имеет исключительное значение для Армении. Россия является нашим основным внешнеторговым партнером и крупнейшим инвестором в экономику нашей страны. Она играет решающую роль в развитии инфраструктуры Армении» [2].

Можно констатировать, что глава армянского правительства весьма трезво оценивает экономическую ситуацию Армении. Ведь действительно, многие важнейшие отрасли армянской экономики напрямую зависят от России и ее инвестиций. Уже сегодня объем накопленных российских капиталовложений превысил 3 млрд долларов. Более того, в Армении ведут свою работу почти полторы тысячи российских компаний.

По мнению политологов и экономистов, после вступления в Таможенный союз безопасный и широкий доступ на внешние рынки получают и армянские товары. Однако здесь есть один весьма значимый факт, который может этому якобы помешать. У Армении отсутствуют границы со своими новыми партнерами. К тому же Армения находится в состоянии экономической блокады со стороны Турции и Азербайджана. Ряд ведущих российских специалистов считают, что отсутствие границ с партнерами у Армении никак не мешает Таможенному союзу в своем дальнейшем расширении. Такого же мнения придерживается министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Татьяна Валова. Она считает, что в наше время преимущество имеет сфера услуг, связанная с торговлей интеллектуальной собственностью, новейшими компьютерными и информационными технологиями. В связи с этим границы имеют минимальное значение. А товары реального производства, перемещаемые

через границы, будут проходить все таможенные процедуры в максимально упрощенном режиме, исключая санитарные барьеры и таможенные досмотры.

Вдобавок ко всему, не стоит забывать, что после официального вступления Армении в ТС начнется активное вливание средств и инвестиций в страну со стороны Казахстана и Республики Беларусь, которые на данный момент являются динамично развивающимися странами с солидным потенциалом и большими экономическими и людскими ресурсами. Если же брать в расчет стратегический аспект, следует отметить, что Армения может послужить неким коридором для стран Таможенного Союза, ведущим на Ближний Восток. Армения способна наладить диалоги, предоставить услуги по транспортировке, созданию перевалочных пунктов и т. д.

Предположительно официальное вступление в ТС состоится летом 2014 г. [3]. После этого Армения будет активно и полноправно вовлечена в процесс формирования Евразийского экономического союза, в выгодах от членства в котором, похоже, не сомневается ни один из экспертов из стран-участниц нового экономического объединения.

Литература

1. Армения получила цену на газ. РБК: весь мир. [Электронный ресурс] url: <http://top.rbc.ru/economics/02/12/2013/892359.shtml> (дата обращения 20.01.2014).
2. Армения выбирает Таможенный союз. Статья «Голос России». [Электронный ресурс] url: <http://www.hayweb.ru/articles/2269-armeniya-vybiraet-tamozhennyy-soyuz.html> (дата обращения 20.01.2014).
3. В мае 2014 года Армения может подписать соглашение о вступлении в Таможенный союз / ИА REGNUM. [Электронный ресурс] url: <http://www.regnum.ru/news/1750844.html#ixzz2xFe0ceXm> www.regnum.ru/news/1750844.html (дата обращения 20.01.2014).

Атлагич С.

*Белградский государственный университет
Белград, Республика Сербия*

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ, СВЯЗИ И СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СЕРБИИ. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

Дискуссия на тему «Культурные контакты, связи и сотрудничество России и Сербии» – это дискуссия, которая превышает актуальные вопросы современных политических процессов в России и Сербии. Речь идет о более широкой проблеме межкультурного диалога в славянской Европе, особенно принимая во внимание значимость русской социальной,

политической и культурной мысли для сербского национального идентитета. Поддерживаемые внешней политикой государства и тем, что в современной политической науке называют «публичная дипломатия», культурные ценности лежат в основе так называемой мягкой власти (soft power), в том числе и в основе формирования позитивного имиджа страны за рубежом [3, 4]. Культурные ценности, подобно ценностям в более широком смысле, помогают индивиду адаптироваться к социальной реальности и развивать свое представление о ценностях других социальных групп и индивидов, принадлежащих к ним. В данном случае речь идет об одном из ключевых понятий в области современной политической коммуникации, имидже, который, кроме того, что связан с ценностями, находится в тесной связи с еще одним понятием, принадлежащим социальному сознанию – с общественным мнением [5, 51].

Россия – это государство, о котором существует очень положительное мнение в Сербии, о чем свидетельствуют и опросы общественного мнения. Так позитивный имидж, скорее всего, является результатом очень долгих и крепких религиозных, политических и культурных связей русского и сербского народов, начавших развиваться еще в Средние века и более или менее интенсивно продолжающихся до сегодняшнего дня. С точки зрения автора этих строк, позитивный имидж России в Сербии не вполне способствует реализации ожидаемых или, по крайней мере, желаемых российских интересов в этой стране. Об этом свидетельствуют заявления российских государственных служащих, в том числе и российского министра иностранных дел С. В. Лаврова который считает, что теперешние отношения Сербии и России можно охарактеризовать не только как «очень хорошие». По его мнению, эти отношения находятся уже на уровне стратегического партнерства, но достигнутый уровень еще не соответствует ни потребностям, ни потенциалам двух государств [2].

Результаты опросов общественного мнения говорят, что более половины сербов (57,3 %) считает: Россия должна больше присутствовать в сербской культурной жизни [7]. Речь идет, прежде всего, о содержании массовой культуры, культуры в форме медиа-контента, в которой, согласно впечатлениям граждан и результатам опросов общественного мнения, Россия кажется почти «незаметной». С другой стороны, уровень «присутствия» России в Сербии через элитную культуру считают удовлетворительным [3].

Что же не способствует распространению российской массовой культуры в сербской общественности – можно ли сказать, что речь идет о негативных последствиях глобализации и голливудизации или о недостаточной институциональной поддержке культурному обмену? Хотя влияние глобализации бесспорно, но в случае российско-сербского

культурного обмена остается под вопросом, является ли это влияние решительным; ведь в сербском медийном пространстве очень важное место занимают продукты и ценности других культур, не только англосаксонской, а испанской и, в последнее время, турецкой культуры. Положение, в котором находится российская массовая культура, похоже на положение русского языка в Сербии. Это часть основных принципиальных вопросов, которые относятся к продвижению России не только в Сербии, но и за рубежом. Российские авторы, занимающиеся вопросом имиджа России, указывают на них, говоря, что между имиджем российского государства и символическим богатством России и ее культуры существует «трагический разрыв» [1].

Литература

1. Василенко И. А. Современная российская политика. – М.: Издательство Юрайт. 2014. – 488 с.
2. Blic. (Сербская дневная газета). 2 февраля 2014.
3. Jovanović Miroslav. "In The Shadow of Gas and Politics: Cultural and Spiritual Contacts, Connections and Cooperation between Serbia and Russia" in *Russia Serbia Relations at the beginning of XXI Century*. ISAC fund, Belgrade. 2010.
4. Leonard Mark. *Public Diplomacy*. The Foreign Policy Centre. London. 2002.
5. Nye Joseph. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books. New York. 1990.
6. Pantić Dragomir & Pavlović Zoran. *Javno mnjenje: Koncept i komparativna istraživanja*, Institut društvenih nauka, Beograd. 2007.
7. "Južni tok" i srpsko-ruski odnosi iz ugla srpskog javnog mnjenja. URL: <http://www.mc.rs/juzni-tok-i-srpsko-ruski-odnosi-iz-ugla-srpskog-javnog-mnjenja.4.html?eventId=9211>

Бабьяк А.А.,
научный руководитель Бросова Н.З.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия*

ЧЕМ ЖИВА ФИЛОСОФИЯ, И ПОЧЕМУ ЕЙ НУЖЕН ПЕРЕВОД?

Чем может быть интересен философ? Кажется, все важное уже обдуманно и написано, возможно, еще Платоном. Вряд ли философ должен слишком увлекаться актуальной политикой, хотя именно Платон не только обстоятельно рассматривал феномен политической жизни [3, 252-253], но и сам принимал в ней живое участие. Когда политика становится технической наукой и распространенной профессией, говорить о ней философу словно бы не пристало. Но как философствующему найти свою нишу, выявить собственную уникальность? Я думаю, что решение этого вопроса прокладывается через национальную философию.

При встрече с тем или иным философом естественны ожидания некоей Другой мысли, не Новой, а именно Другой в сравнении с уже известной. Но зачастую обнаруживаются лишь вариации идейной истории – от античности до современности. Когда-то высказанная мысль не растет, не преобразуется на новой почве, "не питается". А ведь отдаться философии должно полностью: вместе с образованием, воспитанием, верой, родным языком и национальностью.

В. Библихин писал, что попытки понять философию кончаются в стремлении понять самих себя [1, 178-179]. Я думаю, что с этого должно начинаться ее понимание. Такое начало дает почувствовать свою неповторимость, возможно, одиночество. Но без уникальности и одиночества не было бы философии. Пытаясь понять Другого, человек лучше понимает себя; это «работает» и в отношении культурно-исторической традиции [2, 704], может быть, это единственный способ понять себя до конца. Л.С. Выготский утверждал, что развитие индивидуальности возможно лишь благодаря культуре – обобщенному опыту человечества, который должен активно присваиваться в совместной деятельности с носителями культуры [7]. Вряд ли возможно формирование одинаковой психики, а значит, и мировоззрения у людей, вырастающих в различных социокультурных условиях.

Глобализация осуществляет свое унифицирующее дело, и все же остаются различия, которые разделяют людей. Люди различаются не языками, танцами, песнями и проч., а разделяются мировоззрениями, жизненными укладами, фундаментально принимаемой верой. В книге «Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность» уже в предисловии утверждается: «Они (различия) не касаются или в очень малой мере касаются мировоззрения носителей языка» [5, 10]. Но содержание монографии указывает на уникальность восприятия представителями китайской культуры времени, пространства, этических идеалов, природы, души, порядка. А.В. Смирнов отмечает характерную особенность арабской философии: внимание к процессуальности, которое на языковом уровне выражается в использовании большого числа отглагольных существительных и установлении логических связей между ними. В этом ее отличие от европейской традиции, где для философа важнее понимать, какой предмет какими свойствами обладает и какое действие совершает [4]. Культурные различия – это разница в видении мира, в способе его понимать и описывать, действовать в нем, это почва, которая позволяет философии становиться самобытной.

Но почему люди стремятся к единомыслию? Возможно, из желания создать искусственное пространство функционального единства: так можно играть в футбол, хозяйствовать, вести войну или, наоборот,

спасательную операцию. Однако философствовать, оставаясь разными и притворяясь одинаковыми, очень сложно. Новейшая история показывает, что человеческие сообщества противятся универсализации идентичности. Характерна ситуация ноября 2013 г., когда президент ЕС Х. ван Ромпей подвергся резкой критике за призыв к гражданам ЕС отказаться от национальностей и впредь называться «европейцами»; при этом политик справедливо утверждал, что «популизм и национализм не могут быть ответами на вызовы нашего времени» [6]. Аргумент весомый, но недостаточный, чтобы отменить традиционные социокультурные различия.

XX век по-новому поставил проблему национальности и национализма, подчеркнув необходимость идейной, философской, культурологической, политической, конфессиональной корректности. Вместе с тем, в начале XXI века становится понятно, что корректность не должна пытаться стирать существующие принципиальные различия. Заостряя момент, можно сказать, что толерантность начинается с понимания неискоренимости национального фактора. Проявления общего культурного бытия в религии, языке, образовательных институтах, общественных движениях и др. выявляют демаркационные линии в человеческом обществе, делают их видимыми и чувствительными.

Именно этот путь: через вопрос о «Другом» к вопросу «Кто я сам?», может быть очень плодотворным для философа. Важно, чтобы философия говорила на разных языках – перевод последует.

Литература

1. Библихин В.В. Язык философии. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – М.: «Прогресс», 1988. – 704 с.
3. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 тт., Т. 3. – М.: «Мысль», 1994. – 654 с.
4. Смирнов А.В. Философия перевода и перевод философии – доклад в рамках «Гуманитарных чтений РГГУ» 2011 [Аудио запись] [Электронный ресурс]. URL: http://smirnov.iphras.ru/win/audio/phper_i.htm (дата обращения: 10.03.2014).
5. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
6. Антон Невзлин «Европейцев лишают родины». Русская Германия, № 46, 2013. Дата публикации: 15.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=12847&Itemid=13 (дата обращения: 10.03.2014).
7. С. К. Нартова-Бочавер [Электронный ресурс]. URL : <http://www.psylist.net/difpsi/nb10srenas.htm> (дата обращения: 10.03.2014).

КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Утверждение, что человеческие ресурсы являются главным источником конкурентных преимуществ большинства компаний и большинства стран, сегодня уже признано истинным. Именно квалифицированный и мотивированный персонал стран Юго-Восточной Азии позволил сформироваться в этом регионе инновационной экономике, которая связана, прежде всего, с использованием научных знаний, высокоэффективных технологий, элементов «умной инфраструктуры» (интеллектуальные транспортные сети, smart grid и др.).

Согласно результатам форсайт-прогнозов, уже к 2025 г. в мировой промышленности может сложиться пакет новых технологий, и подготовка высококвалифицированных специалистов станет важным условием экономического развития. Инновации – это не только технологии, а также изменения принятых способов мышления. Переход к инновационному типу развития предполагает внедрение инновационных процессов в разных областях социума. Экономика тесно связана и в значительной степени зависит от сферы образования, являющейся основным источником человеческих ресурсов.

Образование в настоящее время меняется во всем мире, однако как всякая система, оно обладает мощным амортизационным запасом, который смягчает воздействия внешних факторов. Пока не существует ясных алгоритмов для формирования новой системы, трансформируются отдельные элементы прежней системы. Возникают новые направления, новые типы провайдеров образовательных услуг, использующие преимущества информационно-коммуникативных технологий – ИКТ. На данном этапе ни одна информационная технология сама по себе не обеспечивает конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе. Актуально лишь преобразование информации в определенные смысловые руководства к действию. Поэтому остается открытым вопрос, будут ли ИКТ в будущем играть ведущую роль в образовании или их будут использовать как дополнение к традиционным технологиям.

Современная образовательная модель должна быть адекватна постиндустриальной эпохе, экономике знаний, которой требуется другой тип работника, склонного к инновациям и креативным решениям, другой тип руководителя, использующего комплекс гуманитарных технологий для управления инновационным процессом.

Активизация инновационной деятельности детерминирует изменения в социально-трудовых отношениях и методах управления человеческими ресурсами. Перемены происходят как на макроэкономическом уровне (появление новых отраслей; развитие инфраструктуры; изменение структуры занятости), так и на микроэкономическом уровне (инновационные проблемы решаются при определенной корпоративной культуре, социальном типе сотрудников, их постоянном развитии). Доказано, что инновационный климат формируют топ-менеджеры, являющиеся носителями определенного менталитета. Прогноз развития всех социальных институтов в XXI веке не может быть точным без исследования и анализа микропроцессов – на уровне организаций и компаний, коллективов и команд. Ибо уже очевидно, что ментальные особенности могут способствовать или препятствовать смене установок и моделей поведения. Еще Г. Хофстеде доказал, что существует связь между культурными особенностями и индексом инновационного развития – Global Index [1].

В ряде международных и российских исследований было доказано, что креативность напрямую зависит от ценностных приоритетов личности, что социокультурная среда оказывает воздействие на творческий потенциал. Креативные студенты настроены на универсализм, они имеют иную систему ценностей, нежели их однокурсники: выполнение ими заданий новыми, творческими способами позитивно коррелирует с индивидуальными ценностями (по Шварцу) самостоятельности, стимуляции и универсализма. По мнению декана экономического факультета МГУ А.А. Аузана, креативный потенциал надо отслеживать, как-то вычислять, каким-то образом понимать, что с ним происходит. В образовательной среде возможно создание творческой атмосферы, воздействующей на формирование ценностей и поведенческих установок.

В образовательном сообществе также дискутируются вопросы, не будут ли одни качества личности развиваться в ущерб другим? Как изменится в целом ценностно-смысловая организация личности? Не окажется ли креативная личность в противоречии с реалиями современной жизни? Перечисленные моменты позволяют утверждать, что формирование инновационной личности, по сути, *не задача, а проблема*, решение которой для определенной страны имеет конкретное содержание. Изучать эту *проблему* следует, прежде всего, в социокультурной сфере.

Литература

1. The hofstede centre [Электронный ресурс] url: http://www.geert-hofstede.com/hofstede_dimensions.php (дата обращения 20.03.2014)

ТЕЛЕСНОСТЬ В СИСТЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Формирование субъективности современного человека – вариативный и постоянный процесс. Наука, культура, социальное пространство дают возможность человеку по-разному интерпретировать представления об окружающем мире, собственной точке зрения, чувствах, убеждениях и желаниях. Отход от единой тождественной самой себе субъективности становится отправной точкой конструирования множества субъективностей, строящихся на основании политических взглядов, гендерного, национального, расового статуса. Во второй половине XX века стала возможной репрезентация ранее маргинальных идентичностей и рассмотрение их в качестве оснований для конструирования субъективности.

Процесс создания субъективности связан с интерпретацией, как рациональных моделей мышления, так и механизмов бессознательного и телесных практик. Последним сегодня отводится одна из ведущих ролей. Субъект в культуре представлен не только как мыслящий, но и как видимый. Визуальное восприятие субъекта в культуре связано с исторической традицией, осмысливающей понятие телесности и ее место в мире, а так же с дискурсами, обусловленными властными отношениями. М. Фуко называет процесс конструирования субъективности «субъективацией».

Визуализация субъекта напрямую связана с феноменом телесности, так как, конструируя субъективность, личность презентует ее не только с помощью ментальных конструкции, а прежде всего как физический конструкт, сформированный в соответствии со своими представлениями о человеке, соотношении духовного и телесного, реального и идеального тела в понимании конкретного исторического времени. Понимание телесности – это понимание идеологии, формирования субъекта и его картины мира. «Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты»: субъект сам по себе есть «ничто», пустая форма, которая заполняется содержанием символических матриц. Тем самым проблема идентичности субъекта – это проблема конституирования его символического статуса в системе

социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума» [1, 439].

«Субъективность в современной культуре имеет двойственный характер – с одной стороны, субъективность конструируется в культурном поле, с другой стороны, именно в сферах символического производства, основанных на визуальности как базовом модусе, субъективности проявляют и манифестируют себя» [2].

Расширение возможности для визуальной репрезентации себя чрез дискурсивные практики (язык, властные структуры, масс-медиа, визуальное искусство), создание «виртуального» Я, позволяющего воплотить любые фантазии и максимально оторваться от реальных параметров «телесного» Я. Если еще недавно эмансипация субъекта была связана с телесными практиками сексуальности, то сегодня конструирование происходит по другой оси – визуальной. Современность дает множество возможностей, как для символического конструирования субъективности, так и для визуального. Практики смены пола, трансгендерной презентации субъекта без хирургической смены биологического пола по востребованности и освещенности в СМИ уступают практикам изменения тела и телесной революции.

На первый план выходят три группы практик и связанных с ними стратегий: медицинские, дисциплинарные и идеологические. Медицинские представлены огромной индустрией красоты, направленной на максимальное изменение исходной телесности – это операции, медицинские безоперативные вмешательства, имеющие целью приблизить человека к его представлениям об идеале. Формируя субъективность на основании собственных представлений о социально успешном теле, человек понимает себя, прежде всего, как визуальный образ, изначально несовершенный и нуждающийся в болезненной трансформации. Весь объем этих практик – трамплин для понимания собственного места в мире, определяемого с субъективной визуальной позиции.

Дисциплинарные техники долгое время бывшие прерогативой закрытых сообществ и институтов сегодня становятся достояние общественности и включаются в нормативные представления о телесности и субъективности. Телесность позиционируется в качестве результата труда и самоограничений, понимаемых как стиль и образ жизни. Современная индустрия фитнеса стремится к дисциплинаризации жизни всех своих пользователей. Формирование «правильного»

физически развитого тела становится ключевым понятием и целью жизни наравне с достижениями личностного и профессионального роста. Красивое и тренированное тело понимается как фундамент субъективности, потому что это результат индивидуального, четко направленного труда, доказательство собственной целостности и совершенности.

Третью группу практик можно условно обозначить как «идеологические», для них телесность является не самоцелью, а следствие образа жизни, удовлетворяющего все потребности личности от физических до интеллектуальных. Здесь в равной степени представлены конструкты субъективности на основании глубокого понимания восточных практик (йога, цигун т.д.); конструкты интерпретирующие телесность как следствие уровня развития духовности (психологические методики, методики интеллектуального и духовного самосовершенствования); конструкты строящиеся вокруг естественности человеческой жизни, отказа от принудительной трансформации тела с помощью любых практик (феминистические практики естественности тела, практики натурализации образа жизни и мира в целом); концепты субъективности, понимающие телесность как результат развития общества и потребности цивилизации в физической силе (это практики связанные с введением в понятие нормы лишнего веса, отказа от эстетики телесности, разделения «Я физического» и «Я интеллектуального»).

Таким образом, конструирование субъективности современного человека напрямую связано с пониманием его телесности, в той же мере, в которой ранее оно было связано с конструированием социального статуса. Возможности современных социальных лифтов, уход от статусности одежды приводят к повышению значимости физического тела и сформированному на его основе конструкту телесности.

Литература

1. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 427–465.
2. Кедрик Т.В. Современные концепции субъективности в контексте «визуального поворота» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2258-----l-r> (дата обращения: 02.04.2014)

ТРАДИЦИИ ГЕНЕАЛОГИИ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ЧУВСТВА ОДИНОЧЕСТВА В АТОМИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

*Неуважение к предкам
есть первый признак
дикости и безнравственности.
А.С. Пушкин*

Одиночество человека по праву можно считать одной из самых распространенных проблем как XX-го, так и наступившего XXI-го веков. За этот период данной теме посвящена масса равноуровневых исследований в разных областях научного знания. Во многих из них отмечается, что одиночество связано с переживанием человеком его оторванности от сообщества людей, семьи, исторической реальности, гармоничного природного мироздания [3, 8].

Известно, что чувство одиночества способны испытывать как молодые, так и пожилые люди, люди с инертной нервной системой, с ее нарушениями. В целом классифицировать одиночество как состояние человека чрезвычайно трудно, так как это индивидуальное переживание, качественно отличающееся у разных людей. Между тем, к причинам возникновения одиночества в настоящее время принято относить возросшую брачно-семейную динамику (повышение уровня разводимости), деперсонализацию больших городов, укрепление начал индивидуализма, а также рост числа психических заболеваний.

На сегодняшний день увеличение процентного соотношения одиноких людей провоцирует социокультурные, экономические и др. изменения, еще более атомизируя социум. В них не обошлось без становления специфической индустрии услуг для этой категории населения. Установлено, что одинокие имеют возможность и желание тратить больше средств на свои увлечения, на туризм и отдых, приобретение дорогих товаров и т.п. Хотя это в большей степени относится к тем людям, для которых одиночество – сознательный и комфортный выбор как результат доминанты собственного эгоцентризма.

В связи с решением проблемы преодоления подобного одиночества сегодня можно встретить разные предложения, например:

1. Занятия умственной деятельностью (к ним относят просмотр ТВ, других источников СМИ, чтение книг и т. п., прослушивание музыки).
2. Занятие работой, карьерным ростом.
3. Занятие домашним хозяйством.
4. Занятие спортом, творчеством, общение с природой и т.п.

5. Занятие собственным имиджем, шопинг.
6. Поиск новых знакомств (через посещение дискотек, вечеринок, различных клубов, в Интернете и др.).
7. Самоанализ причин собственного одиночества, обращение к психологу.

Кроме того, необходимо обратить внимание на более эффективный, преодолевающий эгоцентризм в одиночестве, но в то же время в какой-то степени альтернативный вышеуказанным способ избавления от одиночества, как негативного явления современности. Им может стать обращение к традициям генеалогии.

По определению В.Б. Кобриня, генеалогия занимается «изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц и выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности этих лиц» [2, 3]. Генеалогия способна помочь найти неизвестных родственников, а в лучшем случае – и родственных душ, что позволит избавиться от симптомов одиночества.

Как известно, генеалогия зародилась еще в древние времена, когда представления о родстве и кровной связи были гораздо крепче и важнее, чем сегодня. Генеалогической культуре уделяется огромное внимание и в древнейшей библейской традиции, благодаря которой генеалогия стала достоянием и русской традиционной культуры, ее историко-правовой системы. В данном случае достаточно вспомнить о том, что рассказ о русской истории в древнейшей русской летописи, «Повести временных лет», начинается с родословной Ноя, от сыновей которого, по представлению древних русичей, происходят народы мира. Потомками младшего сына Ноя – Иафета – являются и сами славяне.

Помимо легендарной, большое значение имела и реальная (правовая и экономическая) генеалогия. Исторически, во всех слоях общества – от крестьян до князей и царей – необходимо было знать свою родословную и свою родню. В первую очередь это нужно было для решения вопросов о наследовании. Земельная собственность (от небольших трудовых наделов до княжеств и стран) передавалась только по наследству. В случае пресечения рода она переходила к родственникам по различным линиям.

Генеалогия выявляет причастность конкретных людей к событиям прошлого, история становится ближе. Вероятно, этим и объясняется привлекательность генеалогии для современного человека. Она восстанавливает утраченные связи между прошлым и настоящим, соединяет потомка с деятельностью его предков – творцов прошлых эпох. Она необходима для определения родства и свойства в развитии брачно-семейных отношений человека [4, 55].

В настоящее время все большее число людей начинает интересоваться своей родословной: историей семьи, традициями и укладом своих предков, происхождением фамилии. Построение семейного древа позволяет им не только лучше узнать свою родословную, но и обрести новые родные души, готовые поддержать и помочь в трудную минуту. Сегодня, благодаря современным средствам коммуникаций, в том числе Интернет сервисам, у каждого человека есть возможность пользоваться рядом услуг, позволяющим построить генеалогическое дерево, составить поименный каталог всех членов семьи с датами и местами рождения и смерти, узнать, какую роль сыграли его предки в истории страны.

С.В. Кочевых говорит о том, что «...изучение рода, родовых связей выводит внутрисемейные отношения на новый уровень, придает отношениям внутри семьи глубину, открывая новые смыслы внутрисемейной и внутриродовой общности, создает основу для семейной культуры, является сильным объединяющим фактором» [1], что сегодня является актуальным в вопросе преодоления проблемы одиночества в российском обществе.

Литература

1. Кочевых С.В. Методическое пособие по проведению генеалогических разысканий [Электронный ресурс] : основы генеалогической культуры. URL: <http://diderix.petergen.com/metod.htm>. (Дата обращения 03.03.2014)
2. Кочукова С.В., Кочуков С.А. Русская генеалогия: метод. пособие для студентов ист. фак. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 28 с.
3. Лабиринты одиночества: сб. статей // Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
4. Традиционная культура семьи России: учебное пособие / авт. сост. Р.А. Лопин; под. общ. ред. В.В. Овчинникова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2012 – 240 с.

Белых М.А.,
научный руководитель Ольхов П.А.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ Н.В. СТАНКЕВИЧА (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ)

В современном обществе музейные учреждения начинают играть особую и важную роль среди учреждений, занимающихся документированием культурно-исторических событий. К одному из видов подобных музеев можно отнести музейные усадебные комплексы. Как отмечает Е.В. Холодова, феномен русской усадьбы занимает значительное

место в отечественной культуре. Ее по праву называют «историческим и культурным феноменом», «стихией русской души», «образом России» [12, 2]. Неоспорима важность сохранения историко-культурного наследия Белгородчины, бережного отношения к накопленному опыту и традициям прошлого. В таком ракурсе иначе воспринимается роль музея – не как консервативного и «консервирующего» компонента культуры, а как центра гуманитарного становления личности, хранителя исторической памяти.

Долгое время внимание специалистов концентрировалось на изучении резиденций царей и крупных усадебных комплексов, оставляя при этом за рамками исследования многогранную культуру русской провинциальной усадьбы. Однако подробное и все стороннее исследование феномена провинциальных усадеб открывает новые страницы жизни знаменитых имен – гордости России, а с ними становятся значимыми простые названия сельских поселений. Исследованию русских провинциальных усадебных комплексов посвящены работы Л.Н. Чижиковой, М.М. Звягинцевой, Т.В. Ковалевой, А.Н. Крупенкова, А.Н. Кряженкова, Е.В. Холодовой. Несмотря на этот факт, данный феномен еще до конца не изучен: остается много «белых» пятен на историко-культурной карте. Этим и обуславливается выбор данной темы исследования.

Историко-литературный музей Н.В. Станкевича расположен в некотором удалении от Белгорода, областного центра, в с. Мухоудеровка Алексеевского района; но его дальнейшее развитие – важный аспект функционирования культуры Белгородчины в XXI веке. Современное состояние музея можно охарактеризовать как переходное. Существовая на первично реконструированном культурном субстрате, в усадебных ландшафтах бывших владений семьи Станкевичей, он находится, как нам видится, на перепутье различных стратегий реконструкции и дальнейшего развития. Здесь уместно задаться вопросом, быть ли ему местом сокровенным, тщательно сохраняющим материальные остатки памяти семейного предания? Либо же он станет центром сельского туризма, развиваясь в составе двадцати шести сельских усадеб Белгородской области, сохранивших уникальность архитектурного стиля? Поспешные ответы на эти и другие, последовательно возникающие вопросы о будущем музея, неприемлемы. Для этого требуется представить музей на пересечении различных культурных событий, давних и современных, в единстве его вневременных и ситуативных смыслов. Реконструкция как некий замысел о будущем музейно-усадебного комплекса, может быть условием формирования такого представления.

В ходе исследования-реконструкции был выявлен ряд проблем, которые можно условно разделить на две группы: проблемы внутреннего содержания музея-усадьбы Н.В. Станкевича и проблемы, касающиеся

внешнего оформления и вида музейного учреждения. Для того чтобы яснее представлять ситуацию, происходящую на территории с. Мухоудеровка, было принято решение проанализировать план работы управления культуры администрации муниципального района «Алексеевский район и город Алексеевка» и провести социологическое исследование – опрос жителей с. Мухоудеровка, в котором объективировалась культурная ситуация в данном населенном пункте и отношение местных жителей к культурно-историческому наследию своих великих земляков (Н.В. Станкевича и тех, чьи биографии совпали на время с историей усадьбы Станкевича).

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1) жители активно участвуют в культурной жизни села, периодически посещают музей;

2) большинство опрошенных довольно деятельностью музейных работников, но хотели, чтобы организовывалось больше мероприятий для молодежи;

3) цели посещения музея разнообразны: начиная от потребности в удовлетворении эстетических и познавательных интересов, заканчивая желанием расширить свой кругозор;

4) 70 % участников социологического опроса выступают за реставрацию внешнего вида музея в виду его не благовидности;

5) 40 % респондентов настроены против введения платных услуг. 30 % выразили готовность ими пользоваться, такое же количество опрошенных заявили, что все зависит от суммы.

В связи с вышеизложенным, нам хотелось бы предложить некоторые актуальные мероприятия, которые бы способствовали совершенствованию деятельности музей Н.В. Станкевича:

1. Тактический и стратегический анализ целевой аудитории музея.

2. Создание фирменного стиля, формирующего имидж учреждения.

3. Создание веб-сайта, на котором все желающие могли бы ознакомиться с экспозицией, временем работы и фондами музея, узнать о предстоящих выставках и событиях.

4. Увеличение объема музейных фондов – разработка плана докомплектации, приобретения экспонатов, а также пополнение их посредством безвозмездного пожертвования.

5. Развитие музея как базы для проведения разнопрофильных научно-практических конференций.

6. Создание литературно-философского клуба имени Н.В. Станкевича.

7. Увековечение памяти Я.М. Неверова.

8. Популяризация личности А.В. Никитенко.

9. Организация международного культурно-исторического маршрута Россия – Латвия: Кришьянис Баронс – Николай Станкевич» .

10. Организация и проведение региональных конкурсов сочинений и графических работ-фантазий («Лицо и личность Н.В. Станкевича», «Увидеть незримое: образ мышления и стиль жизни Н.В. Станкевича» и др.), конкурса портретов известного философа и просветителя.

11. Придание международного статуса ежегодному поэтическому фестивалю «Удеровский листопад».

12. Организация и проведение стажировок для сотрудников музейного учреждения.

13. Развитие системы менеджмента и PR-деятельности в музее: проведение презентаций (экспозиций, выставок, печатной продукции), круглые столы, специализированные дни и т. д.).

14. Создание фирменного стиля, формирующего имидж учреждения, призванного проявляться во всех видах деятельности и присутствовать на печатях, бланках и конвертах; афишах, плакатах и постерах; рекламных изданиях и буклетах; униформе технического персонала; сувенирной продукции.

15. Проведение мониторинга различных групп посетителей на предмет характера, целей, интенсивности посещаемости для выявления потребительских запросов в музее.

Кроме реформы внутреннего содержания, необходима и внутренняя реконструкция – целесообразно продумать и изменить дизайн залов, усиливая одно из главных свойств музейных предметов – аттрактивность. Можно выделить и некоторые соображения, касающиеся изменения внешнего вида музейного учреждения: замена надгробной плиты Николая Владимировича; оборудование гардероба и гигиенических комнат музея; оформление уголка достопримечательностей для привлечения спонсоров, в котором можно было бы поместить грамоты и благодарственные письма.

Осуществление предлагаемого проекта и ряда мероприятий обеспечит стабильное развитие музея Н.В. Станкевича, расширит возможности музейного учреждения удовлетворять запросы и потребности всех категорий населения и гостей с. Мухоудеровка, обеспечит реконструкцию, модернизацию и техническое оснащение музея, повысит эффективность всех направлений деятельности музея, включая инновационные разработки, благотворно отразится на культурной среде не только населенного пункта, но и области в целом.

Фактором, способствующим реализации предлагаемых направлений, является существование законодательной базы, включающей в себя Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [5]. Здесь особое внимание уделяется формированию человеческого капитала,

создающего экономику знаний в сфере культуры, что предполагает переход к качественно новому развитию библиотечного, музейного, архивного дела, театральной, кинематографической деятельности, традиционной народной культуры и др. В части региональных законодательных актов можно выделить также Концепцию обустройства родовых усадеб и родовых поселений в Белгородской области [4] и Закон Белгородской области от 15 марта 2010 г. № 331 «О родовых усадьбах в Белгородской области» [1], где регламентированы основы организации и деятельности указанных объектов, уделяется повышенное внимание возрождению родовых усадеб и родовых поселений, популяризации исторического, духовного и культурного наследия народов Российской Федерации и их традиций; обозначены основные направления государственной поддержки родовых усадеб и родовых поселений.

Литература

1. Закон Белгородской области от 15 марта 2010 г. №331 «О родовых усадьбах в Белгородской области» [Электронный ресурс: URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/belgorod/235945/#ixzz2w4FkISUQ>] (дата обращения 04.03.2014)
2. Историческая справка на объект культурного наследия регионального значения: «Усадьба «Удеревка» Станкевичей-парк. Управление культуры администрации муниципального района «Алексеевский район и город Алексеевка» цит. по: [Электронный ресурс: URL: <http://alekskultura.ru/heritage/derevko/>] (дата обращения 04.03.2014)
3. План работы управления культуры администрации муниципального района «Алексеевский район и город Алексеевка» на октябрь 2013 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://alekskultura.ru/plans/oktobe/> (дата 02.12.2013).
4. Постановление правительства области от 26.07.2010 г. № 254-пп «О реализации закона Белгородской области "О родовых усадьбах в Белгородской области» [Электронный ресурс] URL: <http://rodus31.ru/>(дата обращения 04.03.2014)
5. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/194365/>, (дата обращения 04.03.2014).
6. Бахмут В.Ф., Краженков А.Н. Родина Станкевича. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://belstory.ru/goroda/alekseevka/rodina-n-v-stankevitcha.html> (дата обращения 04.03.2014).
7. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. – М: Проспект, 2011. – 592 с.
8. Холодова Е.В. Пореформенные усадьбы Курской губернии 1861-1917 годов. – Курск: ООО «Крона», 2007. – 392 с.
9. Холодова Е.В. Усадьбы Курской губернии 1861-1917 годов: Историко-архитектурные очерки. – Курск: «Славянка, ООО «Крона», 1997. – 96 с.

10. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та; ООО «Крона», 2003. – 280 с.

11. Холодова Е.В. Загородное усадебное строительство Курской губернии 1861-1917 годов: Дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. – М., 2005. - 214 с.

Беляева С.П.
*Белгородский институт
развития образования
Белгород, Россия*

ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1939 гг.) В ТРАКТОВКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

Тема Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. нашла достаточное освещение в зарубежной исторической науке. Это, например, работы представителей различных научных школ – М. Алперта, Р. Карра, П.В. дер Эш, Дж. Эзенштейна, Э. Шуберта, Э. Морадьеллоса, П. Престона, Р. Уили и др.

Для внешнеполитического курса Англии накануне II Мировой войны имело большое значение сохранение влияния на общеевропейскую ситуацию и международные отношения в целом. Стремление избежать очередного военного конфликта в Европе, способствовало формированию «политики невмешательства».

Одной из первых работ, посвященных проблемам международных аспектов гражданской войны в Испании в контексте английского внешнеполитического курса, явились исследования историка Патрисии Ван дер Эш. По мнению автора, Великобритания отрицательно относилась к гражданской войне в Испании как к военному конфликту вообще [3, 16]. П.В. дер Эш также обращала внимание на то, что британские консерваторы, находившиеся у власти, были обеспокоены геостратегическим значением событий Испании, особенно для Канарских и Балеарских островов, которые были расположены перпендикулярно морским маршрутам в Атлантике и Средиземноморье, ведущим к Империи. Интересы Великобритании сводились к экономической составляющей, связанной с инвестициями в Испании [3, 17]. Опасения европейской войны подталкивали к непрерывным попыткам достигнуть соглашения сначала с Германией, а затем с Италией в течение гражданской войны. Консерваторы, считали, что Великобритания должна искать союзников скорее с Гитлером и Муссолини, а не со Сталиным. Эта политика являлась своеобразным гарантом британского невмешательства в дела Испании, независимо от его частого нарушения державами.

Анализ экономической составляющей британской

заинтересованности в Испании, а также стратегического положения этой страны можно проследить и в работах Р. Карра и Э. Морадьеллоса [2, 236; 5, 341-342]. По мнению других известных исследователей, например, П. Престона и Р. Карра, испанский конфликт был самым ожесточенным сражением в европейской гражданской войне, которая, по мнению историка Престона, бушевала периодически в течение предыдущих двадцати лет, получив толчок от русской революции 1917 г. [6, 73; 2, 230]. Страх перед распространяющейся по Европе «коммунистической заразой» стал одним из определяющих факторов международной дипломатии Великобритании. Отсюда и первоначальная терпимость по отношению к действиям Гитлера и Муссолини на международной арене, молчаливое одобрение их политики в отношении левых сил. Как отмечает Престон, это же стало следствием лицемерной позиции невмешательства в испанский конфликт. Британия действовала в собственных интересах, а Испания послужила разменной монетой в отношениях с Германией и Италией [6, 74].

П. Престон солидарен с П.В. дер Эш в том, что британское правительство стремилось любой ценой к уменьшению рисков европейской войны и убеждению Германии обратиться на восток, если хотела расширить свои владения. Отсюда – намеренно принесенные в жертву Австрия и Чехословакия; отсюда – попытки Н. Чемберлена освободить Великобританию от ее соглашения о помощи Польше в случае нападения [3, 17].

Невмешательство рассматривало обе стороны в Гражданской войне как равные, хотя одна из них являлась законным государством, а другая – группой мятежных генералов. В ряде зарубежных работ (Р. Уили, Р. Карра) указывается на раскол внутри страны по испанскому вопросу, поэтому у Великобритании не могло быть последовательной политики. Так лейбористская партия, будучи пацифистской, теперь требовала действий в поддержку Народного фронта. Консерваторы же были более осторожны в высказываниях, опасаясь вызвать всеобщую войну. Большинство инстинктивно поддержало Франко против «красных», тем не менее, и они были разделены. В противостоянии Н. Чемберлену У. Черчилль, несмотря на его открытую враждебность по отношению к левым испанцам, пришел к заключению, что Великобритания рискует своим статусом Великой державы в Средиземноморье, если будет помогать создавать фашистскую Испанию. Но большинство консерваторов приняло осуществляемую Н. Чемберленом политику примирения фактически любой ценой [7, 231; 2, 230].

Нельзя не согласиться с мнением Р. Карра, что внутривнутриполитические расколы лишь ослабили позиции Великобритании на международной арене, а гражданская война в Испании продемонстрировала ее дипломатическое бессилие [2, 232]. Политика невмешательства, так рьяно

поддерживаемая британским правительством, оказалась малоэффективной: Италия открыто ею пренебрегала, посылая свои дивизии в Испанию.

По мнению британского историка М. Алперта, для британского руководства невмешательство было лучшим способом улучшения отношений с Италией и убеждало Германию в том, что Великобритания и Франция не пытаются объединиться в блок против нее. Данная позиция основывалась на переоценке готовности Германии к войне и возможностях итальянской военной мощи [1, 59].

Можно согласиться с Дж. Эзенштейном и Э. Шубертом, что реакция британских политиков на события в Испании была вполне ожидаемой и обусловлена ее геополитическими интересами. С чисто дипломатической точки зрения, Великобритания хотела поддержать территориальную целостность Испании и обеспечить благожелательный нейтралитет, какая бы из сторон ни победила. Таким образом, она могла бы не только упрочить свои позиции в Средиземноморье, но и защитить свои экономические интересы на Пиренейском полуострове. Не последнюю роль сыграл и идеологический фактор: для большинства членов «Национального» правительства с доминированием консерваторов, стоящих у власти, идея «красной» Испании была анафемой [4, 94]. Престон же считает, что британское руководство было сильно встревожено возможностью того, что испанский конфликт мог бы разжечь другую общеевропейскую войну [6, 84].

Таким образом, многие зарубежные историки сходятся во мнении, что на внешнеполитический курс невмешательства оказала влияние находящаяся у власти партия консерваторов, обусловив его заинтересованностью Великобритании, связанной с геополитическими и экономическими интересами в регионе; также подчеркивается всяческое стремление избежать общеевропейского конфликта, отсюда вытекает политика умиротворения агрессии Германии и Италии. К тому же сыграл и идеологический фактор: для правящей партии было важным не допустить распространения коммунизма в Европе, поэтому некоторые историки отмечают негласную поддержку с их стороны профашистского режима в Испании.

Литература

1. Alpert M. A. *New International History of the Spanish Civil War*. L., 1994. 209 p.
2. Carr R. *The Spanish Tragedy. The Civil War in Perspective*. L., 1977. 336 p.
3. Esch P. A. M. *Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936-1939*. The Hague, 1951. 190 p.
4. Esenwein G., Shubert A. *Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931-1939*. L., N.Y., 1995. 283 p.
5. Moradiellos E. *The Origins of British Non-Intervention in the Spanish Civil*

War: Anglo-Spanish Relations in Early 1936 // European History Quarterly. 1991. V. 21. N 3. P. 339-364.

6. Preston P. The Spanish Civil War, 1936-1939. L., 1986. 184 p.

7. Whealey R. Foreign Intervention in the Spanish Civil War // The Republic and the Civil War in Spain / Ed. R. Carr. L., N.-Y., 1971. P. 213-238.

Бердник А. Н.

*Белгородский государственный
институт культуры и искусств
Белгород, Россия*

КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исследование границ и прилегающих к ним пограничных территорий является одной из важнейших тем современного социально-гуманитарного знания. Традиции изучения пограничья начали складываться с конца XIX века в рамках географической науки (Фридрих Ратцель, Рауль Бланшар), истории (Фредерик Тернер, Герберт Юджин Болтон) и геополитических исследований (Карл Хаусхофер).

Среди регионообразующих факторов авторы выделяют не только природно-географические, политико-экономические, демографические, но все больше – культурные, которые включают традиции, ценности, обряды, язык, верования, ментальность проживающих на территории региона народов [1].

Высказывается точка зрения, что на рубеже II и III тысячелетий в результате нарастания рубежной энергетики наступает эра пограничных маргинальных состояний, которая значительно расширит границы человеческого познания [2]. В русле данных тенденций обращение к проблемам пограничной культуры является важным и актуальным.

Культурное пограничье – это специфический социокультурный и этносоциальный феномен, расположенный на границе культур, этносов, реальных политических образований. Для анализа пограничья существенным является то, что граница не только разъединяет, но в то же время объединяет государственные общности, традиции, нормы и ценности, становится основой их связи, местом прямого соприкосновения и единения. Здесь происходит наложение социокультурных структур на географический ландшафт жизни общества.

Проблема пограничья приобретает все большую актуальность для нашей страны. После распада СССР многие территории, ранее принадлежавшие внутреннему пространству, вдруг в одночасье оказались пограничными, что актуализирует данную проблему и для российской науки.

В последнее время в отечественной науке все больше утверждается предельно широкое представление о «культурном пограничье», как одном из главных концептов постмодернистского дискурса, наряду с опытом «мультикультурализма» и школы культурных исследований (cultural studies). Активным сторонником данной точки зрения является М. Тлостанова, которая считает, что проблема пограничья выходит за рамки трансрегиональных контекстов, пересекая границы отдельных национальных культур, все чаще оперируя в глобальном мировом масштабе [3].

Новый уровень анализа региональных проблем невозможен без осмысления социокультурных процессов прошлого и настоящего. Данные вопросы являются составной частью более широкой проблематики обретения региональной идентичности и формирования регионального самосознания на постсоветском пространстве.

В связи с этим, концепт «культурное пограничье» может быть применен к анализу не только исторических проблем, но и дать ответы на многие вопросы современного регионального развития.

Например, общепризнаны успехи Белгородской области во всех сферах социально-экономического развития. Белгородчина занимает лидирующие позиции в стране по темпам промышленного производства, продуктивности сельского хозяйства, масштабам жилищного строительства. Всех, кто впервые приезжает в Белгород, поражают ухоженность и благоустройство городов и сел, отличные дороги, чистота улиц и тротуаров из цветной плитки, школы и детские сады с плавательными бассейнами, сельские дома культуры, похожие на дворцы, и новые спортивные комплексы в районных центрах [4].

Даже те авторы, которых трудно заподозрить в симпатиях к позитивным переменам, оценивают итоги развития Белгородчины как «историю успеха» и включают ее в число трех регионов постсоветской России, сумевших добиться наибольших результатов в экономическом и социальном развитии.

В чем состоят главные слагаемые этого успеха? Бесспорно, можно согласиться с авторами в том, что регион обладает богатствами, полученными от природы, в виде залежей железной руды и плодородных черноземов, на основе которых удалось создать промышленные и сельскохозяйственные кластеры.

Третья группа исследователей переводит поиски в политологическую плоскость, проводя анализ построенной в регионе, так называемой, патерналистской модели власти, и деятельности Белгородского губернатора Е.С. Савченко, который в течение двадцати лет возглавляет регион. За это время он сумел стать признанным

региональным лидером и авторитетным политическим деятелем современной России [5].

Наша гипотеза состоит в том, что успехи Белгородской области нельзя объяснить только в русле рационально-сциентистских подходов. Признавая важность социально-экономических и природно-географических факторов, мы предлагаем использовать культурологический метод анализа. Он основан на представлениях классической культурологии о том, что в основе развития социума лежат процессы, происходящие в культуре, ядром которой являются духовно-нравственные ценности и смыслы, сформированные в русле мировоззренческого кода народа.

Не случайно за прошедшее десятилетие Белгородская область дважды выступает с региональными проектами, которые приобретают Всероссийское значение. Так, в 2003 г. Белгородчина стала первым регионом, предложившим уникальную программу улучшения качества жизни населения [6].

Данная идея стала белгородским «ноу-хау», и на уровне Российской Федерации в 2004 году Президент России впервые определил качество жизни как главную стратегическую цель социально-экономического развития страны [7].

Программа получила широкий резонанс, потому что само понятие «качество жизни» в большей степени соотносится с нашими представлениями о социальной справедливости и отвечает цивилизационному своеобразию России, ее культуре и религии.

Как писал в своих работах выдающийся российский экономист Д.С. Львов, – дух запада, поднимающий на щит ценности богатства и благополучия, основан на протестантской этике с его основным постулатом об индивидуальной избранности к спасению. Православие же всегда отстаивало идею коллективного спасения, равенства всех перед Богом, совесть, т. е. благую весть, которая гласит: «Спасутся или все или никто». Поэтому вместо стремления к индивидуальному богатству и его символическим выражениям – стремление к высокому качеству жизни. Последнее невозможно достичь индивидуально, не повышая качество жизни окружающих [8].

На следующем этапе развития Белгородской области, в 2011 году в качестве цели регионального развития была предложена Стратегия формирования регионального солидарного общества, основанная на осознании жителями общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей [9].

Обращает внимание, что речь опять идет о качестве, однако теперь, – о качестве человеческих отношений, в основе которых доверие, солидарность и ответственность.

Таким образом, анализ двух документов: «Программы улучшения качества жизни населения Белгородской области» и Стратегии «Формирования регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы, – позволяет сделать вывод, что прошедшие восемь лет позволили перенести основной центр тяжести с материального на духовное, с экономической политики – на улучшение человеческих отношений. Можно без преувеличения сказать, что речь идет о беспрецедентной попытке предложить идею сопряжения материального и духовного измерения человеческого бытия в качестве социального проекта регионального развития.

Подводя итоги, необходимо отметить, что именно культурология, как познавательная система и интеллектуальная тенденция нашего времени, основанная на междисциплинарных подходах, сможет объединить разрозненное знание о социокультурных процессах пограничья. Необходимо дальнейшее исследование культурного пограничья, направленное на выявление содержания и специфики регионального сознания в условиях социальных трансформаций как на бытовом, эмпирическом уровне, так и на уровне самосознания.

Литература

1. Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: история пограничных областей Северного Кавказа. [Электронный ресурс] url: <http://www.newlocalhistory.com/node/16>. (дата обращения 01.03.2014).
2. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 424 с.
3. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 392 с.
4. Скульмовская Л.Г. Регион как субъект функционирования и развития культуры: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 297с.
5. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учебник. – М.: Гардарика, 2003. – С. 52.
6. Дергачев В.А. Рубежная коммуникативность // Известия РГО. – 1999. – Т. 131, вып.3. – С. 43-65.
7. Тлостанова М.В. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность, культура, общество. – 2008. – Т. 10. – Вып. 5-6. – С. 170-171.
8. Филиппов В. Русский дом Евгения Савченко // Русский дом. – 2010. – № 4. [Электронный ресурс] url: <http://www.russdom.ru/node/2749>. (дата обращения 01.03.2014)

9. Стариков И. Феномен Евгения Савченко, или Белгородский Ли Куан Ю // Смена. – 2012. – № 87. – С. 3.

10. Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области. – Белгород, 2003. – 110с.

11. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс].url: <http://www.kremlin.ru/act>. (дата обращения 01.03.2014).

12. Львов Д.С. Экономика и жизненный мир человека// Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции: Сб. материалов I Оптинского форума. – М.: Калуга, 2006. – С. 67-68;

13. Львов Д.С. Образ новой России – истоки формирования// Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 36.

14. Стратегия «Формирования регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы. – Белгород, 2011. – С. 8.

Бердник Д.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

В современном мире молодежь является органической частью всего общества, и составляет потенциал будущего. Ее устремления и действия станут определять механизмы управления обществом. Поэтому уже сегодня участие молодежи в политической жизни страны является приоритетным направлением молодежной политики страны. Именно молодежь призвана продолжить дело сохранения и укрепления государственности, без чего немислима современная Россия.

В силу отмеченных обстоятельств внимание к проблеме избирательной активности молодежи актуализируется следующими причинами.

Во-первых, молодые люди составляют сегодня в России 23 процента электората [1]. Потенциальные возможности молодежи, как важнейшего ресурса повышения избирательной активности населения не могут недооцениваться участниками избирательного процесса.

Во-вторых, от установок и образцов поведения молодых людей будет зависеть статус выборов в российском социуме: превратятся ли выборы окончательно в инструмент манипуляции населением, или они станут одной из действенных технологий демократической организации власти.

В-третьих, молодежь представляет особый интерес для оценки современного политического процесса в России как группа, в значительной степени явившая собой «первый итог» социально-

политических преобразований последнего двадцатилетия. От ее поддержки зависит успех той или иной партии, движения в борьбе за власть.

Проблема электоральной активности молодежи России получила достаточно широкое освещение в трудах многих ученых, таких как И.М. Ильинский, Ю.Г. Волков, В.И. Добренев, В.П. Бабинцев, О.М. Карпенко, И.А. Ламанов, А.А. Малькевич, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров и др. [2].

Электоральное поведение молодежи имеет свою специфику. Однако сравнительный анализ явки на избирательные участки молодых людей и взрослого населения в целом показывает, что эти различия не столь велики.

Например, прошедшие на Белгородчине в 2010-2013 гг. выборы депутатов федеральных и региональных органов власти показывают следующие результаты: на выборы депутатов Белгородской областной Думы пятого созыва в октябре 2010 г. в день голосования пришло 64,71 % избирателей в целом и 71,78 % молодых избирателей; на выборы депутатов Государственной Думы шестого созыва в декабре 2011 г. – 75,45 % избирателей в целом и 73,04 % молодых избирателей; на выборах Президента РФ в марте 2012 г. – 74,35 % избирателей в целом и 72,77 % молодых избирателей и на выборах Губернатора Белгородской области в октябре 2012 г., соответственно – 59,48 % избирателей в целом и 69,98 % молодых избирателей [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Белгородской области сложилась система работы с молодежью по повышению ее правовой культуры и электоральной активности, которая включает следующие элементы:

во-первых, в течение пятнадцати лет в Белгородской области реализуются областные целевые программы «Повышение правовой культуры избирателей, участников референдума, обучение организаторов выборов и референдумов».

Во-вторых, в регионе постоянно совершенствуется система клубов избирателей, молодых и будущих избирателей. В ее состав входят 370 клубов молодых избирателей, в которых занимается более 32 тыс. человек, 485 клубов будущих избирателей, в которых обучается почти 30 тыс. человек.

В третьих, в Белгородской области накоплен положительный опыт развития молодежного парламентаризма. При Правительстве Белгородской области действует молодежное правительство, выборные органы молодежного самоуправления (молодежные парламенты, советы) избираются и действуют в муниципальных районах и городских округах области.

В работе с молодежью участвуют все 650 библиотек области. Во многих из них созданы правовые центры, работают клубы молодых и будущих избирателей. На базе Белгородской универсальной научной библиотеки действует Правовой центр Избирательной комиссии Белгородской области.

Ежегодно в феврале в Белгородской области проводится Всероссийский День молодого избирателя, в рамках которого проводится более двух с половиной тысяч больших и малых мероприятий, в которых принимают участие более 180 тысяч молодых и будущих избирателей. В их число входят самые различные мероприятия – от конкурсов на лучшую работу по избирательному праву и Дней молодого избирателя до правовых дискотек

Вместе с тем, главными проблемными вопросами, которые необходимо решить в предстоящем будущем состоят в том, что еще около 30 процентов молодых избирателей из года в год не принимают участие в выборах, а также из числа впервые голосующих, восемнадцатилетних избирателей области, не участвуют в выборах до 13 процентов [3].

По нашему мнению, важнейшим инструментом повышения электоральной активности молодежи могут стать современные интернет коммуникации. Они имеют и другое название – социальные медиа, как вид массовой коммуникации, осуществляемый посредством сети Интернет (англ. social media).

Статистические данные свидетельствуют, что за последние годы активность молодежи все более перемещается от телевизионных экранов и общественных организаций в Сеть Интернет. Именно там, находясь в виртуальной реальности, посредством сетевых коммуникаций проводит свое время большая часть молодого поколения России. Молодежь становится главным проводником сетевой культуры в нашей стране.

Социальные сети – явление новое в нашей политической реальности. Главное назначение сети – расширение доступа к информации, ее распределение и установление обратной связи между источником и потребителем информации. От английского слова network, образован глагол to network, что означает = «покрыть сетью», осетевить, включить в сеть, приобщить к сети.

Сетевой принцип противоположен жесткой централизованной иерархии, организации по закрытому алгоритму. Полностью закрытых сетей не бывает. Сеть всегда открыта.

Примечательно, что различные побудительные мотивы человека активно используются в политических кампаниях, осуществляемых посредством социальных медиа и виртуальных социальных сетей. Данный вывод наглядно подтверждает предвыборная кампания нынешнего президента США Б. Обамы, в которой активно были задействованы

социальные медиа и их широкие возможности по удовлетворению потребности пользователей в информации.

Команда Б. Обамы создала web-сайт, который представлял собой портал, интегрирующий в себя официальный блог Б. Обамы, программу предвыборной кампании, видеоканал, названный Barack TV, и социальную сеть my.barackobama.com. В процессе реализации такой инновационной предвыборной кампании потребность пользователей в социальной значимости удовлетворялась посредством предоставления следующих возможностей: гласность и публичность, статусное приближение, открытое наблюдение за изменением иерархии пользователей, наделение силой и властью. Помимо этого команда Обамы использовала Интернет и для сбора денег для избирательной кампании [4].

Официальный сайт Обамы [5], который функционирует и в настоящее время, активно представлял различные материалы об избирательной кампании, включая политический курс программы, систематическую отчетность по сбору средств и пунктах затрат, агитация к участию в кампании, призывы к мотивации соседей и друзей также присоединиться к кампании, а также материалы о кандидатах-соперниках.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные сети обладают значительными преимуществами по сравнению с другими видами политической коммуникации. Возросшая роль социальных медиа и виртуальных социальных сетей в избирательном процессе наглядно свидетельствует о необходимости их активного использования в целях повышения электоральной активности молодежи.

Литература

1. Бабинцев В.П., Коврижных Ю.В., Реутов Е.В. Социология молодежи: Учебник. – Белгород: КОНСТАНТА, 2008. – С.101.

2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: [Философия. История. Теория.]. – М.: Голос, 2001. – 694 с.

3. Совершенствование направлений, форм и практики повышения правовой культуры молодых избирателей, будущих избирателей, развитие выборного молодежного парламентаризма – основа дальнейшего повышения электоральной активности молодежи. Материалы заседания «круглого стола» 21 декабря 2012 года. – Белгород, Избирком Белгородской области, 2012. – С. 6. [Электронный ресурс] url: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/etc/broshyura>. (дата обращения 01.03.2014).

4. Фролова О.А. Особенности политических технологий двух президентских кампаний Барака Обамы // Общество: Политика, экономика, право. – 2014. – № 1. – С. 32-36.

5. Сайт Барака Обамы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barackobama.com>. (дата обращения 01.03.2014).

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В индивидуальной и коллективной деловой активности значительное место занимают ее духовно-ценностные основания, и в этой связи представляется важным рассмотрение некоторых вопросов, связанных с современным пониманием сущности корпоративной культуры как системы ценностей и норм, определяющей взаимоотношения в деловой сфере.

Следует отметить, что долгое время ценностные ориентации не анализировались в качестве факторов, имеющих значение для деловой жизни. Долгое время господствовало убеждение, что то, с чем действительно следует считаться – это достижение максимума экономической прибыли, которое традиционно называли «единственной социальной обязанностью делового человека», а разговоры о моральных ценностях, напротив, деструктивны и бессмысленны [3, 73]. Однако в последнее время получил широкое распространение прагматистский взгляд на деловую этику, согласно которому корпоративная культура, основанная на системе ценностей, является эффективной управленческой техникой, направленной на достижение и сохранение успеха [2, 71].

Форма и содержание системы ценностей компании формируются под влиянием многих факторов, наиболее значительными из которых, бесспорно, являются специфика конкретного бизнеса, политические и культурные традиции общества, а также личные взгляды и устремления руководящего звена. Казалось бы, такая разнородность факторов в условиях глобализации должна создавать неразрешимые противоречия на пути выработки ценностной системы компании. Однако в настоящее время практика преуспевающих компаний в любой точке земного шара демонстрирует немало общих черт как в системах ценностей, так и в культурах корпораций. Для каждой преуспевающей компании пропуском на международный рынок теперь является не только высокий уровень развития ее бизнеса, но и степень соответствия определенным культурным и этическим нормам и ценностям. Несмотря на существующее культурное многообразие, все же можно выделить некоторые универсальные принципы, нормы и ценности, принятые и однозначно одобряемые в деловом мире. Это честность, ответственность, толерантность, уважение к партнеру и клиенту и т. д.

На сегодняшний день корпоративная культура является для каждого работника той или иной организации набором наиболее важных

положений, принимаемых членами организации, и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Свое выражение она находит в административных кодексах, системах запретов и поощрений, иерархии и т. п. Однако лишь немногие отечественные организации обладают четко упорядоченной системой норм и предписаний, где были бы распределены обязанности, спрогнозированы возможные ситуации и определены моральные требования к поведению. Скорее ее можно представить в виде некоего неуловимого «духа» компании, выраженного в относительно устойчивых формах поведения, легендах, стереотипах и размытых представлениях о должном поведении.

Интересную точку зрения на это явление высказывает датский специалист в области связей с общественностью Йеспер Кунде. Корпоративная культура, принципы которой четко не сформулированы, постепенно трансформируется в своеобразную «корпоративную религию», если понимать последнюю как мировоззренческий комплекс, органично сочетающий в себе духовно-ценностные и практически ориентированные компоненты. Этот «религиозный» тип отношений опирается на несколько оснований. Это в первую очередь менеджмент, базирующийся на харизме руководителей, прозрачности руководства и доступности ключевой идеи компании. Также это так называемая «приверженность» сотрудников и клиентов основным ценностям компании, проявляющаяся в особом психологическом состоянии работников и клиентов, которая поддерживается и воспроизводится с помощью определенных ритуалов и атрибутов. По словам Кунде, будущее принадлежит компаниям с ценностным брендингом, которые постепенно вытесняют компании, использующие товарный брендинг: если бренд ассоциируется с определенными ценностями, то компании гораздо проще получать лояльных потребителей, разделяющих эти ценности. Также Кунде обращает внимание на концепцию «компания как семья», внедрение которой путем солидаризации членов трудового коллектива в неформальной обстановке и привлечения членов семей работников в решение профессиональных проблем поможет преодолеть отчужденность и стереть привычные границы между работой и личной жизнью [1, 18-36]. Последнее утверждение (это, кстати, признает и сам Кунде) является весьма неоднозначным – все же сейчас доминирует тип человека «экономически рационального», описанный Э. Фроммом, по мнению которого человек принуждает себя к определенной трудовой деятельности, не являющейся для него смыслом жизни, и осознанно соглашается быть отчужденным в работе при условии определенного уровня материальной компенсации со стороны общества. Однако сам факт актуализации этого вопроса позволяет говорить о назревании

изменений в традиционном понимании ценностных ориентаций в деловой сфере.

Ценностная система может сложиться сама собой, стихийно, под влиянием неформальных лидеров, а также на основании опыта и привычек, приобретенных людьми в предыдущих коллективах, однако в последнее время некоторые корпорации формируют внутреннюю культуру искусственно и целенаправленно. Как показывает опыт, сегодня все большее число руководителей начинает рассматривать корпоративную культуру своей организации как мощный стратегический инструмент, позволяющий объединить трудовую инициативу всех сотрудников. В свою очередь, это несет предприятию множество преимуществ, так как при осмысленном подходе учитываются интересы не только руководства, но и рядовых сотрудников. Как замечают Р. Фредерик и Э. Петри, выработка корпоративных норм относится к серии попыток найти некую новую формулу деловой активности, которая позволяла бы «вырабатывать эффективные решения и тем самым последовательно продвигаться к некоторому итоговому результату» [2, 70].

Действительно, в последние годы можно наблюдать стремление к переменам и поиску новых устойчивых оснований в организационной сфере отечественной деловой активности. Становится очевидным, что настоящее реформирование организации предполагает формирование новой системы ценностей и принципов, а также внедрение новой системы отношений между ее членами. Культурные аспекты все чаще рассматриваются как важное средство обеспечения стабильности и успешности предприятия или организации. Копирование благополучных западных или восточных моделей корпоративных культур, естественно, не приносят желаемого результата – наглядно видна необходимость соответствия отечественному законодательству и менталитету, а также особенностям конкретной организации. К тому же динамичный политический, культурный и экономический курс общества вносит неопределенность в мировоззренческие установки. В этой связи особое внимание к проблемам формирования подхода и выработки конкретных норм и принципов корпоративной культуры становится как никогда актуальным.

Литература

1. Кунде Й. Корпоративная религия. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2004. – 270 с.
2. Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии. – 1996. – № 3. – С. 70–78.
3. Friedman M. The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits – In: Business Ethics: Readings and Cases in Corporate Morality. Ed. W.M. Hoffman, R. Frederick, M.S. Schwartz. McGraw-Hill. 2001. 638 p.

Боголюбова В.В., Усиченко Е.Р.
научный руководитель Ольхов П.А.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Н.В. СТАНКЕВИЧА: ПРОЕКТНЫЙ ОБРАЗ И БРЕНД-ПРОГНОЗ

Н.В. Станкевич (1813 – 1840) относится к числу тех известных мыслителей XIX в., которые наименее избалованы вниманием отечественных и зарубежных культурно-мемориальных центров. Есть только один музей, специально посвященный его жизни и творчеству, расположенный на территории бывшей родовой усадьбы Станкевичей, в с. Мухоудеровка (Алексеевский район, Белгородская область). Этот музей создан в 1990 г.; современные проектные перспективы этого музея являются специальным предметом внимания со стороны российского научно-культурологического и, шире, гуманитарного сообщества (ссылка на информацию о проведении юбилейных мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения в 2013 г.).

На наш взгляд, уточнение этих перспектив связано с необходимостью его брендового прогнозирования – актуализацией и приумножением фондов музея с учетом понимания его историко-культурных возможностей и социокультурных перспектив в современных рекламно-визуальных контекстах. Усадьба – это микромир, замкнутый в своих переживаниях и представлениях, которые формируют идеи и характеры людей, ощущающих свою неразрывную связь с традициями России. Усадьба – это новое представление о стиле жизни, имеющее под собой глубокие исторические и культурные корни; проектные представления о будущем усадебного мира требует определенного упорядочения и решения практических вопросов, связанных с брендингом возможных проектных образов усадьбы.

Прежде всего, следует учесть полисемантические характеристики существующего музейного комплекса. Он создан в помещении земской школы, открытой в 1908 г., благодаря усилиям одного из друзей Н.В. Станкевича – Я.М. Неверовым; к музейному комплексу отнесены также территории, некогда входившие в состав усадьбы Станкевичей. Фонды и экспозиции музея посвящены трем деятелям европейской культуры, очень разным по своему историческому предназначению, но жизнь которых так или иначе связана с родовой усадьбой Станкевичей. До наших дней сохранились липовые аллеи, река и даже место

захоронений. Немало легенд и невероятных историй связано и с окрестными болотами, которые так же сохранились до наших дней. Кроме этого, в музее присутствуют фонды, посвященные Кришьянису Баронсу, который был домашним учителем Станкевича. На территории музея есть памятный камень с именем К. Баронса, который проделал долгий путь из Латвии в Россию. Фонд, посвященный Баронсу, собран не только работниками музея, но и латвийскими дарителями. В музее есть фондовая коллекция и экспозиции, посвященные еще одному выдающемуся земляку – А.В. Никитенко, современнику, цензору А.С. Пушкина, автору уникального памятного дневника. Спустя много лет внешний вид усадьбы очень изменился. Теперь лишь старожилы с трудом вспоминают дом и семейную церковь, украшенную двумя колоколенками. Надгробные памятники из черного мрамора на реставрированном некрополе символизируют место последнего приюта Н.В. Станкевича и его отца. А так, где раньше стоял двухэтажный усадебный дом с балконом, сохранились липовые аллеи, по которым прогуливался знаменитый земляк.

Семантическая насыщенность музейных мест с. Мухоудеровка позволяет сформировать некоторый культурологический бренд-прогноз. Мы выбрали один из существующих подходов к брендингу – разработку логотипа, которые в дальнейшем можно использовать для различной рекламной продукции (футболки, бейсболки, чашки, брелоки, магниты, календари, значки, брошюры, рекламные листовки и так далее). Логотип выполнен в красных тонах, так как это наиболее удачный для маркетинга цвет. Он привлекает к себе внимание и призывает к действию: усадьба – это просто и аристократично. В логотипе музея нашлось место и для К. Баронса и А.В. Никитенко. Первые буквы их фамилий, облакаемые в заглавную букву С, говорит о том, что усадьба Станкевичей объединила самых разных людей. Об этом свидетельствует и фраза под основной надписью.

В России тысячи заброшенных усадеб, которые нуждаются в широкомасштабной реконструкции. В небольших городах нашей страны еще сохранились дворянские усадьбы, история которых весьма интересна не только ученым-историкам и краеведам, но и многих жителям нашей страны и ближайших к России стран. Возрастающий год от года интерес к своей истории, культуре, религии со стороны не только ученых и простых людей, но и со стороны государства, сыграл большую роль в возрождении дворянских гнезд. И мы надеемся, что брендинг усадеб привлечет внимание людей к историческим усадьбам.

Богун Н.Н.,
научный руководитель Сямина О.В.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
Белгород, Россия

ОБРАЗ СОЛНЦА В ЛИРИКЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Обращение к исследованию символа в художественном произведении связано с пониманием текста как культурно-коммуникативной системы, которая, благодаря образам, мотивам, символам, переходящим от эпохи к эпохе, от текста к тексту, накапливает и сохраняет огромный смысловой потенциал, необходимый для понимания как текста в целом, так и его отдельных составляющих.

Целью исследования является анализ роли и семантики образа солнца в художественном мире поэтов Серебряного века, выявление общего и особенного в его интерпретации. Предметом рассмотрения стала лирика представителей разных поэтических направлений, в том числе символизма, акмеизма, футуризма. Проанализировано 459 стихотворений, в 89 из них было обнаружено обращений к образу Солнца, то есть в каждом четвертом произведении. Среди поэтов разных литературных направлений чаще всего обращаются к образу солнца символисты (особенно К. Бальмонт – в каждом втором стихотворении из 53, взятых для анализа), реже – футуристы.

Одной из составляющих художественной картины мира русских символистов является обращение их к природным стихиям. Образ-символ солнца является ключевым для многих циклов и поэтических книг 1900-х годов. Ни до, ни после символистов в русской поэзии не было столь многомерного, многоликого толкования этого образа.

В поэзии символистов образ Солнца выражает полярные мироощущения: ликование и радость жизни, но также – тревогу, ощущение надвигающихся катастрофических перемен. Для К. Бальмонта Солнце – это сама сущность Жизни, ее полнота, красота, творческая энергия. «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце и синий кругозор...» Свои стихи поэт называл «солнечной пряжей». Стихотворение-манифест «Будем как Солнце!» выражает жизнеутверждающий пафос поэзии Бальмонта.

В стихотворениях ранних символистов мир предстает как замкнутое пространство, лишенное солнца и света: «Мы – над бездною ступени. Дети мрака солнца ждем» (Д. Мережковский). У А. Блока солнце

часто выступает в образе кроваво-красного заката: «Идут, идут испуганные тучи, Закат в крови!»

В стихотворениях О. Мандельштама присутствует устойчивый образ темного солнца – «черное солнце, ночное солнце, вчерашнее солнце», символика которого восходит к древним религиозно-мифологическим текстам: затмение солнца – черное солнце – предвестие гибели. В лирике А. Ахматовой образы природы – способ передачи внутреннего состояния: «Молюсь оконному лучу Он бледен, тонок, прям. Сегодня я с утра молчу, А сердце – пополам». В ранних стихотворениях часто применяется Ахматовой цветовая символика Солнца: «малиновое, бледное, тусклое, морозное». В поздних философских стихотворениях Ахматовой Солнца практически нет. В 1945 г. она напишет: «И заря притворилась тьмой». В поэтическом мире Н. Гумилева царит ослепительное и всепоглощающее Солнце. Свет и все, что связано с этим поэтическим образом, в его поэзии является действенной позитивной силой. Марина Цветаева – один из самых солнечных поэтов. Солнце у нее – «светоносное, божественное, солнце в груди, солнце – одно». Солнце для нее – символ света, полноты жизни, изобилия.

В поэзии футуристов образ солнца неоднозначен. Характерен мотив «победы над Солнцем»: побежденное солнце – это символ преодоления старой романтической эстетики, утверждения новой красоты индустриального века: Мы вырвали Солнце со свежими корнями, Они пропахли арифметикой, жирные, Вот оно, смотрите!... (А. Крученых). Панибратское отношение к Солнцу – не новость в среде футуристов, как в известном стихотворении В. Маяковского «Необычайное приключение...». В этом стихотворении Солнце – метафора поэта-труженика, миссия которого «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца...».

Выводы: поэтическая семантика образа солнца определяется идейно-художественной задачей, решаемой в конкретном произведении; каждый поэт вкладывает особое содержание и использует свою систему выразительных средств для создания образа солнца; наиболее важную роль образ солнца играет в поэзии символистов, где приобретает различное смысловое наполнение; создается образ солнца разными языковыми средствами, такими как метафоры, олицетворения, («солнце светит звонами»; «солнце дышит смехом»; «солнце ароматно»); эпитеты (солнце золотое, ускользающее, гневное, злое, палящее, убивающее, страстное, свирепое, грозящее, опьяняющее, укрепляющее и т. д.), гипербола («в сто сорок солнц закат пылал...») и др.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У КУЛЬТУРОЛОГОВ ЧЕРЕЗ АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

В настоящее время приобрели актуальность активные методы обучения, способствующие формированию профессиональных компетенций у будущих специалистов. Использование этих методов требует у педагогов и обучаемых тщательной проработки и подготовки. Это методы, при которых деятельность носит продуктивный, творческий, поисковый характер, что становится важным в процессе приобретения профессиональных умений и навыков для будущих культурологов. Среди ведущих методов можно отметить самостоятельную деятельность, работу с книгой, исследование, зрительно-слуховые методы.

Особое внимание следует уделить такой деятельности как «познавательная самостоятельность» [2]. Это свойство личности, «которое проявляется в стремлении и умении своими силами овладеть основами и способами деятельности и применять их в учебной, последовательной и практической деятельности с целью подготовки к деятельности профессиональной» [1]. В категории «познавательная самостоятельность» различают две стороны – мотивационную и процессуальную [2]. Первая обуславливает стремление и потребность в познании. Вторая сторона является технологической, т. е. обеспечивает овладение средствами и способами познания, умениями познавать в процессе целенаправленного поиска.

Мотивационная сторона является значимой в «познавательной самостоятельности», и указывает на степень включенности студента в активную образовательную деятельность. Профессиональный мотив, являясь системным образованием, включает в себя ряд значимых компонентов. К ним относятся удовлетворенность учебным заведением, занятиями по дисциплинам; осознанность содержания образовательного процесса и необходимости культуросообразного самосовершенствования, понимание идеального образа профессионала-культуролога; результативность показателей, выраженных в оценках по изучаемым дисциплинам, практической деятельности, в реализации профессиональных знаний и опыта их применения [3]. Перечисленные компоненты становятся интегрированным показателем сформированности профессионального мотива и показывают на заинтересованность студентов в получении профессиональных знаний, творческий подход в

учебно-образовательном процессе. Профессиональный мотив, который должен формироваться в процессе обучения, оказывает положительное влияние на позитивное ценностное отношение к будущей профессиональной деятельности.

Рассматривая процессуальную сторону самостоятельной деятельности, следует отметить важный способ познания – работу с книгой. Главным достоинством его является возможность студентам в удобное для них время многократно обращаться к учебной информации. Чтение оригинальных текстов, тематических журналов способствуют активизации мыслительных способностей, формируют умения сосредотачивать и удерживать внимание на читаемом материале. Работа с книгой развивает мышление, позволяет уловить и пропустить через себя эмоциональный настрой, заложенный в текстах, включить свое воображение, переосмыслить нужную информацию.

Исследовательский метод помогает подготовить студентов-культурологов к профессиональной научно-исследовательской деятельности. Сущность его состоит в том, что преподаватель вместе со студентами формулирует проблему, которую будущие специалисты самостоятельно решают, а преподаватель оказывает помощь лишь при возникновении затруднений в ее решении. Следовательно, исследовательский метод применяется не только для обобщения знаний, но главным образом для того, чтобы научить приобретать знания, изучать предмет или явление, делать выводы и использовать добытые знания. Его сущность сводится к организации поисковой деятельности обучающихся, которая пробуждает творческую самостоятельность и проявляется в умении анализировать добытые факты.

От культуролога сегодня требуется качественно новый уровень понимания и обобщения знаний о культуре и человеке. Освоение студентами-культурологами гуманитарных знаний не может обойтись без зрительно-слуховых методов, которые становятся эффективным источником повышения качества обучения благодаря яркости, выразительности и информационной ценности зрительно-слуховых образов. При этом реализуется дидактический принцип наглядности, возможность индивидуализации обучения и одновременно охвата всех участвующих в образовательном процессе, усиливается мотивационная сторона занятий, что является важным в формировании профессиональных компетенций культурологов.

Активные методы обучения составляют дидактическую базу для организации «познавательной самостоятельности» студентов-культурологов, для развития у них творческих способностей, логического мышления, инновационной деятельности, что способствует их профессиональному росту.

Литература

1. Ястребова Е.Б. Развитие познавательной самостоятельности студентов младших курсов : Автореф. дис... канд. пед. наук. – М., 1984. – 16 с.
2. Лернер И.Я. Дидактические основы формирования познавательной самостоятельности учащихся : Автореф. дис... докт. пед. наук. – М., 1971. – 38 с.
3. Бойко Ж.В. Становление ценностного отношения к профессиональной деятельности у студентов в процессе актуализации культурологических знаний. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. – 165 с.

Болдарев М. А.,
научный руководитель Кривец А.П.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В современном обществе в условиях глобализации и политического плюрализма происходит переосмысление общих ценностей и интересов. Под ценностью можно понимать важность, значимость, пользу чего либо. Под ценностью общества понимаются представления людей о целях и средствах достижения блага, о нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества [2].

Разберем определение политических ценностей. Можно их выразить как те ценности, которые реализуются с помощью политической власти при опоре на всю мощь государственного аппарата, или за осуществление которых ведется борьба за политическую власть, за обладание государственным аппаратом.

На сегодняшний день в политике государства можно проследить возникновение различных проблем, связанных с ценностно-ориентировочной направленностью. Данные проблемы напрямую связаны с историческими событиями прошлого и современной политической ситуацией. Есть возможность выделить ряд аспектов в политической ситуации РФ, на которые направленно внимание квалифицированных представителей политической сферы.

Обратив внимание на политические ценности, можно заметить, что в данный момент происходит широкое влияние политических элит, СМИ на общественное сознание. В свою очередь, человеческое сознание легко поддается манипуляции со стороны властных группировок. Исследуя данную проблему, многие эксперты обращают свой взгляд к проблеме развития политических партий на территории Российской Федерации. Здесь следует отметить, что в сознании граждан РФ доминируют

стереотипы советской политической системы. Поэтому в политических ценностях российских граждан нет места ценностям западной демократии. Можно отметить отсутствие у граждан широкой и глубокой информации о какой-либо партии, о ее программе или ее идеологии. Партии же, по своей сущности, являются неотъемлемой частью политической аксиологии, так как являются носителями различных идеологий. Широкое распространение демократических принципов приводит к тому, что граждане различают партии лишь по их лидерам или названию, что, в свою очередь, формирует политическую неразборчивость. Подобная ситуация может привести к дестабилизации общества, потере целостности, политическому кризису и концентрации власти в руках узкого круга политиков [1]. Человек, как составляющая общества, должен чувствовать опору. Эту опору предоставляет государство, являющееся носителем ценностных ориентиров общества, а также партии, выступающие связующим звеном различных классов и слоев общества с государством, как носителем главного ценностного ориентира.

«Ценности в политике – нормы, актуальные стереотипы политического сознания, которые позволяют оценивать политическую ситуацию и ориентироваться в ней» [2]. Ценности в процессе конкуренции нужно доказывать; когда нечего доказывать и нет самого процесса, человек откликается на любые предложения со стороны. Идеология как форма общественно сознания выполняет серьезные функции в работе государства. При ее отсутствии сознание общества становится неустойчивым и подвластным различным воздействиям. Отсутствие идеологии как политической ценности приводит к дезориентации общества.

«В пользу подобного понимания политических ценностей можно привести следующие аргументы. Во-первых, политика есть социальная сфера, играющая по отношению к обществу служебную роль, это часть подсистемы социального управления. Поэтому важно определить, что является целями политики, на что должна ориентироваться политика в своих воздействиях на общество. Характеристики же самой политической системы в этом плане являются вторичными. Во-вторых, главной задачей политики является обеспечение интегрального общественного интереса, он может быть сформулирован лишь путем обобщения частных интересов. Чем более абстрактно выражена политическая цель, тем более вероятно принятие ее в качестве общей цели для общества. И уже принятие этой цели за основу позволяет ее детализировать и корректировать, вести дискуссию относительно ее конкретных параметров» [3, 11].

Субъект приходит к власти на основе выражения или навязывании политических ценностей общества. То есть при условиях

нецентрализованной или неконкурентоспособной политической структуры к власти могут прийти люди не совсем подходящие для народа, что через некоторое время, когда человек поймет свою ошибку, выльется в анархию и власть потеряет легитимность.

Черета представленных проблем не должна оставаться без внимания, так как они несут в себе серьезные изменения политической ситуации на уровне сознания граждан. Отсутствие ценностей и потеря значимых ориентиров имеют различные негативные пути развития. В сегодняшней динамике политической жизни и политического развития могут возникать новые, еще до конца не обдуманые политические течения, несущие в себе другие привлекающие себя ценности, способные объединить граждан вокруг государства. Нужно лишь сделать смелый политический шаг, в котором отразится будущее народа.

Литература

1. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку: Учебник для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд. корпорация «Логос», 1999. – 544 с.

2. Политический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/politic/Cennosti-V-Politike-5123.html> (дата обращения 20.02.2014)

3. Шилов В.Н. О понятии «политические ценности». Политическая аксиология. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – С. 11.

Борисова К.С.,

научный руководитель Кривец А.П.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Белгород, Россия

КОРПОРАТИВИЗМ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА

В последние два десятилетия отношения Российского государства, органов государственной власти и разного рода промышленных объединений находятся в центре внимания различных исследователей, в том числе и политологов, так как характер взаимодействия бизнеса и власти является одним из важнейших индикатором состояния государства и общества в целом. Отношения между данными субъектами зачастую определяют ориентиры общественного развития, влияют на характер власти, стиль и технологии управления государством.

Как утверждает Кисель К.Ю. [3, 11-12], научный интерес к проблемам взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти обусловлен и целым рядом факторов, связанных с основными тенденциями в экономической и политической системах. Формирование специфических моделей взаимодействия бизнес-структур и органов

государственной власти в РФ является одним из определяющих факторов успеха реформирования экономики и, как следствие, увеличением темпов экономического роста, а также влияет на эффективность функционирования политической системы, и с ним нельзя не согласиться. Интерес к проблеме взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти также связан с задачами управления. Построение эффективной модели взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти требует формирования соответствующих институциональных основ такого взаимодействия, а также разработки механизмов их реализации на практике. На повестке дня стоит вопрос о необходимости институционализации взаимодействия бизнеса и власти, а также создания эффективных механизмов их взаимодействия.

В России сотрудничество промышленных структур с органами государственной власти сталкивается с рядом серьезных проблем, которые проявляются в недостатках правовой базы, несовершенстве форм и методов реализации партнерских отношений, отсутствии конкурентных условий для эффективного сотрудничества, неразвитости инвестиционной и инновационной среды и т. д. [3, 17].

Консолидация и централизация государственной власти в начале XXI в. подтолкнули представителей российского бизнеса к осознанию необходимости собственного объединения и институционального представительства корпоративного интереса на политическом уровне, его правового закрепления. Важно отметить, что сама по себе корпоративизация отношений внутри российского бизнеса необходимое, но не достаточное условие развития корпоративной модели взаимодействия основных политических сил в России.

Современные особенности и условия развития российского общества определили основные и наиболее актуальные проблемы формирования системы взаимодействия органов государственной власти и предпринимательского сообщества. Изменения в обществе характеризуются приданием этому взаимодействию нового характера, возникновением необходимости повышения его эффективности, а также формированием новых стратегий управления отношениями типа «государство—общество», «власть—бизнес», что является неотъемлемым условием развития гражданского общества [4, 79-83].

В настоящее время реализация на практике КСО (Корпоративная социальная ответственность, также называемая корпоративная ответственность, ответственный бизнес и корпоративные социальные возможности) [1] считается первостепенной задачей в формировании эффективной системы взаимодействия бизнеса и органов государственной власти. Подтверждение этому может служить выдержка из Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на 2008-2020 гг., в которой указано, что дальнейшие отношения органов государственной власти и предпринимательского сообщества будут развиваться при

«поддержке инициатив бизнеса по участию в развитии социальной сферы» с «расширением участия предпринимательского сообщества в подготовке решений органов государственной власти, связанных с регулированием экономики» [2, 117-121.].

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что современная российская политическая система естественно обнаруживает склонность к формированию корпоративных связей с бизнесом, причем иерархия корпораций выстраивается не только на самых высших уровнях власти, но и опускается намного ниже, доходя до звена муниципального управления. Подобного рода институциональная структура позволяет быстрее принимать и реализовывать политико-экономические решения и в целом делает политическую систему управляемой и предсказуемой. Но в то же время, данный тип связей лишает политическую систему государства возможности маневренных решений и реализации альтернативных политических проектов, так как сложившиеся корпоративные отношения власти и бизнеса все еще зачастую весьма консервативны.

Литература

1. Корпоративная социальная ответственность // Википедия. Свободная общедоступная многоязычная универсальная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 22.02.2014)

2. Зудин А.Ю. Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6. – № 4. – С. 71-198.

3. Кисель К.Ю. Современные модели взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти /Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2013. – С. 11-12.

4. Сигарева Л.В. Актуальные вопросы формирования системы взаимодействия органов государственной власти и бизнеса в современной России // Омский научный вестник. – 2010. – № 3. – С. 79-83.

Бородина С.В.

*Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»
Прохоровка, Белгородская обл., Россия*

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО И НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ДЕВОЧЕК-КРЕСТЬЯНОК КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В настоящее время особенно актуальными стали проблемы религиозного и нравственно политического просвещения. Традиционно решением этих задач занималась семья, церковь и учебные заведения. В крестьянской семье зачастую главную роль духовного центра играла женщина; отсюда, актуальным следует считать историческое

исследование воспитания девочек в крестьянской семье – тех, которым предстояло посвятить себя семейному просвещению, приобщению к духовно-нравственным ценностям семейной жизни все новых поколений крестьянских детей. Оправданной представляется локализация исследования на материалах истории Курской губернии XIX в., в состав которой в то время входили отчасти и территории нынешней Белгородской области.

В церковно-приходских школах Курской губернии приоритетным направлением обучения являлось религиозное просвещение. При многих церквях работали церковно-приходские школы и школы грамотности, они открывались приходским священником с разрешения епархиального архиерея. К концу XIX в. в Курской епархии работала 301 школа, из них 148 церковно-приходских и 153 школы грамотности. В них обучалось около 9000 человек. В 1911 г. школ было уже 611, в них обучалось более 60000 человек. Курский Епархиальный училищный совет оказывал и материальную помощь церковным школам, в том числе и на ремонт. Подтверждение этому находим в документе направленному училищным советом Совету Добро-Колодезского второклассной школы Тимского уезда от 5 марта 1908 г.: «Вследствие отношения от 20 декабря прошлого года за № 167, Курский Епархиальный Училищный Совет сим уведомляет Совет школы для надлежащего исполнения, что журнальным определением Школьной Комиссии Совета, утвержденным резолюцией Его Преосвященства от 21 февраля сего года за № 1691, разрешено Школьному Совету израсходовать летом сего 1908 года 344 р. 22 коп., отпущенные в 1907 году на ремонт печей здания школы из специальных средств Св. Синода по капиталу второклассных школ» [3, 15]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что образование, особенно начальное, получило широкую поддержку со стороны епархиального начальства [4, 109].

В 1895 г. на территории Обоянского уезда насчитывалось 30 церковно приходских школ, а общее число церковно-приходских и школ грамоты – 71, в которых обучались 274 крестьянские девочки. Основной учебный возраст учениц крестьянского сословия 9-11 лет, что соответствует 8-13 годам среднего школьного возраста крестьянских девочек, получавших образование в земских школах. Высокая востребованность церковно-приходских школ для дочерей крестьян объясняется хорошей финансовой поддержкой государства, которую получали эти школы; данный тип учебных заведений был одним из самых дешевых. Как писали учителя, «девочки поступают охотнее в церковную школу, где учебники выдают бесплатно». По окончании обучения такие девочки могли в последующем стать «черничками» или «келейницами». И уже они сами могли обучать грамоте других девочек. За умение читать по

Псалтыри и обучение детей грамоте они пользовались уважением в общине.

Активно поощрялось домашнее чтение. Книги были в личном пользовании крестьян, но их было не достаточно для всестороннего обучения и для домашнего чтения. В 1883 году уже существовали частные библиотеки и читальни, но их было не много. Открывались библиотеки и при учебных заведениях, так например в 1893 г. она была учреждена в Грайворонском уезде в Стригуновской волости, надзор за библиотекой был поручен учителю местного Стригуновского училища, которого назначил инспектор народных училищ. Учитель являлся ответственным лицом, как за состав библиотеки, так и за порядок ведения оной, за работу ему полагалось жалование. Эта библиотека была открыта на основании Правил о бесплатных народных читальнях, утвержденных Министром Внутренних Дел 15-го мая 1890 г. [1; 5, 9]. В таких библиотеках можно было взять и прочитать книги духовного и светского содержания.

Помимо самостоятельного чтения дома, в кругу родных, глава семьи принимал участие во встречах крестьян среднего и старшего поколения, собиравшихся для бесед о текущих хозяйственных делах, обсуждения политических новостей. Такие встречи были как стихийно, так и специально организованными в постоянном месте. На таких беседах шел обмен опытом, вырабатывалось общее мнение о политических, социальных и местных новостях, серьезные обсуждения могли прерываться остротами и поговорками. Информация пополнялась свежим притоком извне за счет вернувшихся с солдатской службы, с отхожих промыслов, с ярмарок, а также прохожих и проезжих странников, которых охотно принимали на ночлег и внимательно слушали. Живой интерес проявляли крестьяне к сообщениям о новейших или совершившихся в недавнем прошлом событиях национального, государственного масштаба. Степень достоверности устной информации или соответствия ее официально опубликованной версии были очень различны: от непосредственных или точно пересказанных сообщений очевидцев до фантастических измышлений, обретавших художественную форму. Для большинства крестьян слухи служили существенным источником сведений о внешней и внутренней политике государства, смене монархов, заговорах, переворотах и т. д. В процессе многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями. Но нередко и кардинально меняли свой характер – в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи [см.: 5, 209-214]. Все новости глава семьи рассказывал дома.

Крестьяне прекрасно понимали значение образования в повседневной жизни, но вот в отношении своих жен и дочерей их мнение

было не однозначным. Специфика изучаемого социального слоя состояла в практическом отношении к получению образованию. Это обусловило нежелание отцов обучать девочек грамоте, так как с точки зрения крестьянина это не было целесообразно. Однако если семья была многочисленна и была возможность учиться, например, существовали вольные школы, в селе был учитель, не было трудоемких сельхоз работ, то в этом случае родители не возражали и даже поощряли обучение своих дочерей. И сами девочки проявляли желание учиться, с раннего детства постигали трудовую деятельность, разбирались в проблемах семьи, проявляли желание больше знать.

Всего в губернии в 731 церковно-приходской школе и школах грамоты обучалось – 4 281 девочка. В Белгородском уезде в 63 школах училось 489 девочек, в Курском в 51 школе насчитывалось 253 девочки, в Обоянском в 71 школе было и 274 ученицы и т. д. [8, 151]. К концу XIX в. количество земских школ значительно увеличилось. До 1864 г. в губернии насчитывалось всего-навсего 40 начальных школ. По одной в Дмитриевском, Старооскольском и Суджанском уездах, две в Белгородском, по три в Курском, Новооскольском, Путивльском и Фатежском уездах, по четыре в Корочанском и Щигровском уездах, в Грайворонском – 7 школ, Обоянском – 8. В уездах: Львовском, Рыльском и Тимском школ вовсе не было [6, 151]. Если рассматривать количество школ в Курской губернии при земских учреждениях по десятилетиям, то можно проследить следующие изменения:

Год	Количество школ
1865	40
1875	377
1885	508
1895	568
1900	709

Таким образом, за 35 лет число земских начальных народных училищ абсолютно увеличилось на 670.

Благодаря плодотворной деятельности земства в сфере просвещения, начальная школа на заре XX в. уже переставала быть роскошью для населения Курской губернии. Идея, которой руководствовались деятели земского движения Курщины, выражалась в формуле: «безграмотность народа стоит в несколько раз дороже его всеобщей грамотности». Ее осознание и применение способствовало включению многих курян в борьбу за общедоступное начальное образование.

Перед земствами вставали вполне реальные материальные трудности и политические события, например начало Первой мировой войны. При постройке школ обстоятельства складывались очень непредсказуемо и довести начатое до завершения было проблематично. Вот лишь один пример из многих подобных: крестьяне Вытского сельского общества Гламаздинской волости Дмитриевского уезда Курской губернии, состоящего из 150 домохозяев, еще 3 ноября 1907 года на сельском сходе в присутствии сельского старосты Петра Кирнетина, в числе 102 человека, что составляло не менее 2/3 всех полноправных домохозяев, приняли решение о строительстве в селе двухкомплектного училищного здания на 120 учеников, взамен уже бывшего – однокомплектного. Для реализации задуманного крестьяне просили земство ассигновать безвозмездно 1500 рублей и ссуду в 1000 рублей. Со своей же стороны крестьяне обязались выделить землю под строительство, определить на постройку необходимое количество подвоя для доставки строительного материала и принимали на себя полное содержание училища, а именно: отопление, освящение и дополнительное количество земель (около ½ десятины). В итоге в 1910 году были выданы деньги на строительство. Но возникли трудности с выбором места, так как возле школы должен был быть показательный сад и плодовый питомник, для этого нужно было перенести две постройки хлебозапасного магазина и сарая. С местом определились и начали строительство в 1913 году. 11 марта 1913 года вырубка школьного здания в с. Выти достигала почти 5 аршин, окна были связаны, сверх того были поставлены столбы для сарая. И вот 17 мая 1915 года сами крестьяне пишут в Уездную Управу: «Мы просили в 1907 году Уездную Управу устроить в нашем селе двухкомплектную школу, отвели усадьбу под постройку, где ничего не было под постройку, для переноски хлебозапасного магазина и подкормного сарая в нас средств нет, потому что большое число молодых людей ушли на военную службу, в деревне остались старые и малые дети, а у них и без этого разоренное хозяйство приходится» [2; 2, 12, 15, 17, 22, 44, 101]. На основании этого видно, крестьяне хотели построить школу, и земство готово было посильно помочь, но жизненные обстоятельства и политические реалии выдвигали непреодолимые препятствия на пути реализации задуманного.

Наблюдался и ряд других проблем типичных для школ, рассматриваемого периода. Так в 19 веке в Подолешенской волости (современный Прохоровский район Белгородской области) было открыто несколько школ. Одна из самых больших школ располагалась в с. Подольхи. Школа основана в 1875 г. по инициативе местного священника. Первое время она помещалась в волостном правлении, а затем недалеко от церкви построено специальное здание. В школе было две классные комнаты, в которых установлено 14 парт. При школе располагалась

квартира учителя, состоящая из двух комнат. Довольно просторная прихожая приспособлена для раздевания детей. В отчете 1896 г. отмечалось, что классные комнаты сырые и холодные, стены зимой промерзают. Ученические столы к росту не приспособлены, книг и учебных пособий мало. Учащиеся из трех селений: Подольхов, Домановки и Новоселовки. На содержание школы общество отпускает около 240 рублей. Земство 120 рублей в год. 10 января 1880 г. крестьянин Никита Ефимович Гридчин был избран попечителем школы. Гридчин вместе с женой Натальей Васильевной жил в Харькове, но делал постоянно пожертвования для школы: высылал книги и подарки детям [11, 19-20].

В дополнении отметим так же еще ряд причин мешавших распространению грамотности: отсутствие теплой одежды и обуви для девочек в зимний период, разливы рек, переполненность и удаленность от домов крестьян школ, нехватка учителей и т.д.

Подведем итоги: духовное воспитание девочек крестьянок, как и трудовое, начиналось с самого раннего возраста. Школой душевного сбережения и спасения духовного выступала церковь и личный пример родителей. Первыми наставницами в духовной жизни и примером для девочек становились их матери, именно они впервые вели дочерей на церковную службу, отвечали на первые вопросы о вере, иконах, Святом писании. Важно было и регулярное посещение церкви и воскресной службы, проповеди священника, сама духовная атмосфера храма. Открывались церковно-приходские и земские школы на протяжении всего XIX и в начале XX веков, наблюдался устойчивый рост их количества и девочек-крестьянок выпускниц. Девочки получали полноценное религиозное развитие, а вот политическое оставляло желать лучшего. Уровень образованности среди крестьянок на протяжении десятилетий постепенно увеличивался, но не значительно в масштабах всей Курской губернии.

Благодаря совокупности всех вышеперечисленных начинаний, уровень грамотности постепенно возрастал. К сожалению, данный процесс был прерван революционными событиями, Первой мировой войной, нарастающим общенациональным кризисом. Приоритеты государства изменились. Оно все более заботилось о политической благонадежности педагогических кадров, представителей земств, учащихся, чем о распространении грамотности. Именно в это время ужесточается контроль за деятельностью земств, осложняется проведение народных чтений, отклоняются многочисленные земские ходатайства об открытии новых школ и о финансировании правительством старых.

Литература

1. ГАКО Ф.1. Оп. 1. Ед.Хр. 4685.

2. ГАКО Ф. 239. Оп. 1. Ед.Хр. 5.
3. ГАКО Ф. 792. Оп. 1. Ед.Хр. 320.
4. Алексеенко А.И. Образовательные учреждения Курской епархии в XIX веке // Вторые Дамиановские чтения. Сборник материалов. – Курск, 2003 г. С. 109.
5. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М., 1991.
6. Краткий исторический очерк деятельности земств Курской губернии за XXXV-летний период 1866-1901. – Курск. 1902.
7. Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (10-начало 20 века): Учебное пособие. – М., 1998.
8. Народное начальное образование в Курской губернии с диаграммами и картограммой. Составил Белокопский И.П. – Курск, 1897.
9. О семье и воспитании. – СПб., 1998.
10. Обзор Курской Губернии за 1896 год. – Курск, 1897.
11. Овчарова Н.И. Прохоровка: след в истории. – Белгород: Константа, 2013.
12. Панкеев И. Круг жизни. – М., 1999.
13. Российская историческая политология. Курс лекций: Учебное пособие / Отв. ред. С.А. Кислицын. – Ростов н/Д: «Феникс», 1998.
14. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Т 1. под ред. Вернера И.А. – Курск, 1885.
15. Энгельгард А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872-1887. – М.: «Мысль» 1987.

Бросова Н.З.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

ФЕНОМЕН ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ИСТОКИ ДИАЛОГА И/ИЛИ МОНОЛОГА¹

Известное положение Аристотеля, что философия начинается с удивления [3, 69] включает в себе многие смысловые векторы; важной, хотя не всегда артикулированной в его текстах оказывается оппозиция последовательного изложения отдельной точки зрения (монолога) и полифонии философского собеседования (диалога, полилога). Что же виделось более предпочтительным у истоков философской мысли: удивляться самому или удивляться вместе с другими?

Согласно Диогену Лаэртскому, первым сочинять диалоги стал Зенон Элейский, а Платон довел этот способ изложения до совершенства.²

¹ Материал подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-03-00068а)

² Современные исследователи относят формирование философского диалога к более позднему периоду, связывая его с сократическими ми, где культивировались способы ведения беседы, применяемые Сократом.

Существенным отличием философского диалога от повседневных, пусть зачастую весьма насыщенных разговоров определяется смысловая непрерывность и логическая обоснованность: «Диалог есть речь о предмете философском или государственном, соблюдающая верность выведенных характеров и отделку речи» [7, 149-150]. Однако, здесь пока еще не учитывается различие между смысловой континуальностью монолога и сохранением предмета обсуждения в диалоге. А ведь в диалогическом развитии темы индивидуальная философская позиция, варьируясь, проблематизирует и собственные идейно-содержательные контуры [8, 37-76]. Правда, именно в диалоге оттачиваются не только полемически-риторические навыки сражения оппонента (на чем преимущественно сосредоточиваются софисты), но также обретается опыт критической рефлексии, необходимый для систематического дискурсивного мышления, которое ищет новых форм самоизложения на пути обращения к самому себе [9; 205, 220-221]. Впрочем, основы такого опыта намечаются уже в платоновском учении о дианоэ, поскольку она есть «происходящая в душе беззвучная беседа ее с самой собой» [2, 326]. С самого начала диалог и монолог выступают своеобразными комплементарными форматами философской мысли, синтетично представляя собой и литературный жанр, и метод мышления [10, 489-494, 496-500]. Вместе с тем, они находят выражение и применение, прежде всего, в человеческом, именно, общественно-политическом и межличностном пространстве [11, 315-319; 4, 444-449].

Возникающее христианство вводит новые смыслы в тему диалога/монолога, обозначая их абсолютного адресанта и возникающую отсюда неустранимую проблему понимания, которая уже не связывается только с освоением сугубо человеческого, сколь угодно богатого, теоретического и культурно-исторического опыта. Тем самым и в монологе, и в диалоге обнаруживаются своего рода пределы возможностей — метафизические, герменевтические, коммуникативные — при сохранении формально-жанровых отличительных черт. В этом отношении парадигмальными выступают евангельские сюжеты ночного бдения Христа и учеников в Гефсиманском саду, допроса Иисуса Христа Понтием Пилатом. Безответное обращение Христа к Отцу: «Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты...» [5, 1540] варьирует ветхозаветные сюжеты достаточно развернутых диалогов с Богом — Адама, Каина, Авраама, Исаака, Моисея и других. Диалог Христа и римского правителя Иудеи замечателен своеобразным смыслоречевым параллелизмом; оба участника говорят именно друг с другом, но остаются каждый в своем измерении бытия и, соответственно, понимания: «...Пилат... призвал Иисуса и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и

первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство мое не от мира сего....Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина?» [5, 1649].

Четкая дихотомия Творца и сотворенного мира, постулат личностного Бога способствуют перенесению акцента христианских философско-теологических осмыслений на формат монолога, который включает в себя особым образом трансформированные функции диалога. Речь, обращенная вовне (к Богу), оказывается направленной к себе, но иначе, нежели в предшествующей античной традиции;³ мысль, осваивающая пространство веры, намечает свои пути к горизонтам трансцендентализма: «Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? <>...ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя?» [1, 8]. Вместе с тем, уже в начале становления христианства обозначается проблема собственно философского ресурса диалога, в котором свободная мысль оставалась бы самодовлеющей. Эта перспектива намечается как обращение к традиции самой философии, к ее античным истокам, которые признаются ее подлинной почвой [6]. Диалог с собственными основаниями становится условием живого развития философии, ведь «вернуться к вопросам Платона – не значит вернуться к его ответам».

Литература

1. Августин. Исповедь. Абеляр. История моих бедствий. – М.: Республика, 1991. – 336 с.
2. Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 896 с.
3. Аристотель. Метафизика. Соч. в 4 т., Т. 1. – М.: Мысль. 1976. – 550 с.
4. Аристотель. Политика. Соч. в 4 т., Т. 4. – М.: Мысль. 1984. – 830 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. 2 изд. «ЖИЗНЬ С БОГОМ». – Брюссель. 1983. – 2536 с.
6. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990. – 416 с.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
8. Исследования по истории платонизма. – М.: Крузь, 2013. – 880 с.
9. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 383 с.
10. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
11. Платон. Государство. Собрание сочинений в 4 т., Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 654.

³ Достаточно сравнить сочинения: Марка Аврелия «К самому себе» и Аврелия Августина «Монологи», «Одинокие беседы» (“Soliloquia”).

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЛИНВО-ПСИХО-СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ПОДАРОЧНЫХ КАРТОЧЕК

Раскрытие ценностных ориентиров государственной политики в сфере трудовых отношений потенциально в отношении иллюстрированных подарочных карточек (почтовых открытых писем, электронных открыток, рекламных карточек, буклетов, визиток, мини-календарей, непочтовых поздравительных и подарочных карточек). Богатство и неизученность соответствующих источников позволяет поставить вопрос о введении в научный оборот визуального филокартического материала. Это намечает через обогащение исследовательского дизайна новые пути к пониманию прошлого и настоящего государственной политики в сфере трудовых отношений.

Линво-психо-социальный анализ позволяет интегрировать некоторые специфические лингвистические термины в методологию визуальных исследований. Проводя анализ нелинейных мыслительных конструкций, В. Сысуев вводит в современный научный арсенал элемент «визуальный оксюморон» [1]. Данная форма репрезентации характерна для иллюстрированных подарочных карточек. В качестве особого семантического типа словосочетаний оксюморон трактуется как «стилистическая фигура, состоящая в соединении двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключающих одно другое» [2]. Академик П.А. Николаев в словаре по литературоведению уточняет, что оксюморон — «сочетание, казалось бы, несочетаемых явлений, на самом деле это смысловая образная единица, имеющая серьезное значение» [3]. Противоречивость приема подчеркивается в Интернет-ресурсах: «Фундаментальной электронной библиотеке» и «Электронной энциклопедии». Термин античной стилистики «оксюморон» (др.-греч. буквально – остроумная тупость) – стилистическая фигура, или стилистическая ошибка – сочетание слов с противоположным значением. Для создания стилистического эффекта характерным для оксюморона является намеренное использование противоречия [4], «нарочитое сочетание противоречивых понятий» [5]. В психологическом дискурсе оксюморон представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации [6]. Оксюмороны располагают к мозговой активности, поскольку «содержат взаимно исключающие части, создающие рефлексивный диссонанс» [1].

Значение оксюморонного сочетания базируется на семантике главного слова, словосочетания или ключевого образа, а зависимое слово (второстепенный образ, образ второго плана) актуализирует противоречащие конструкты, создавая новое понятие/образ. Такое сочетание создает новое представление и кажется абсурдным, но на деле подчеркивает противоречивую природу объекта описания. Вербальные, визуальные и вербально-визуальные оксюмороны могут быть мощным гипнотическим средством, инструментом внедрения иллюзорных представлений о мире, средством манипулирования людьми [7]. Вероятно, по этой причине происходит включение оксюморонов в пропагандистско-праздничный дискурс.

Семиотика визуальных материалов позволяет проводить аналогию между вербальным и визуальным языками. Проблема заключается в недискретности визуальных образов, трудностях выделения более мелких единиц, схождения на уровень ниже, чем изображение в целом. При анализе предыстории и вскрытии подтекстов визуальных репрезентаций образы, размещенные на иллюстрированных подарочных карточках, выступают как источники информации об обществе в прошлом и настоящем. Иллюстрированные подарочные карточки – это сообщения, обращенные к адресату (ко всем гражданам сразу и одновременно к конкретному гражданину и гражданке), и по этой причине являются высказываниями.

Чтобы приблизиться к пониманию логики автора и адресата, важно отразить многоэтапный процесс селекции материала для размещения на иллюстрированных подарочных карточках. С 1918 г. несколько раз предпринимались попытки к изданию открыток с поздравлениями с «Первым годом Октябрьской годовщины», «Вторым...» и др., но на рынке они не нашли спроса [8]. Визуальные оксюморонные сообщения ярко выражены на отечественных открытках, посвященных Первому Мая. Возможно, специфика изображений во многом обусловлена историей праздника. В 1888 г. в Сент-Луисе съезд Американской Федерации Труда назначил 1 мая днем общенационального выступления за права рабочих. В 1889 г. I-й (Парижский) конгресс II Интернационала принял решение о ежегодном праздновании дня международной солидарности трудящихся (в память о героическом выступлении рабочих Чикаго в майские дни 1886 г.) и предложил ежегодно отмечать его демонстрациями с социальными требованиями. Рабочие России отмечают Первое мая с 1891 г. [9]. После победы Февральской революции 1917 г. Первое Мая впервые праздновали открыто, миллионы трудящихся вышли на улицы с лозунгами большевиков. С победой Великой Октябрьской социалистической революции характер и содержание празднований изменились, 1 мая (по КЗОТу РСФСР 1918 г.) и 2 мая (пост. ЦИК СНК

СССР от 23 апреля 1928г.) были объявлены нерабочими днями.

Открытки первых лет советской республики наглядно рассказывают, что в 1918 г. Первое Мая объявлен праздничным днем: «1 Мая русские рабочие празднуют», а «заграничные рабочие должны поработать». На другой открытке мы уже видим события 1919 г. Здесь 1 Мая – это праздничный день, нерабочий (согласно КЗОТу РСФСР 1918 г.), но ассоциированный с субботником. Весной 1919 г. Коммунистические субботники возникли по почину рабочих, в ответ на призыв Центрального Комитета Коммунистической партии ко всем организациям партии и ко всем профессиональным союзам «взяться за работу по-революционному» [10]. Субботники возникли в период Гражданской войны и военной интервенции, в ответ на призыв В.И. Ленина улучшить работу железных дорог.

Как правило, изображение на открытках сопровождается словесным комментарием, то есть коммуникация представляет собой сложный акт, состоящий из невербальной и вербальной части. Но при рассмотрении некоторых экземпляров речь может идти о «маргинальных» жанрах, лежащих на стыке словесной и визуальной образности. Для выражения риторических форм используется не только грамматика вербального языка, а целый набор эстетических и визуальных средств. С одной стороны, можно предположить, что таким образом автор обращается к адресатам, которые, по его мнению, больше склонны к восприятию слов, чем визуальных образов в их классическом понимании. С другой стороны, объективную трудность представляет собой создание исключительно зрительной композиции, в которую была бы включена солидарность «днем и ночью, по будням и выходным, без нормированного рабочего дня». Через открытку передается идея: трудящиеся Советского Союза в день 1 Мая выражают свою солидарность с революционной борьбой трудящихся капиталистических стран, с национально-освободительным движением, выражают решимость отдать все силы борьбе за мир, за построение коммунистического общества.

Ученые пишут, что идеологическая подоплека Первого Мая, политические праздничные лозунги появились в 1930-е сталинские годы [9]. Скорее, в этот период оформляется специфическая мировоззренческая система, включающая в себя политические, правовые, экономические и прочие взгляды и ценности – идеология.

15 октября 1958 г. объявлено о Всесоюзном соревновании за звание «бригад коммунистического труда». Стахановское движение сталинских времен уже не действовало, и было изобретено очередное средство внеэкономического принуждения, попытка активизировать рабочих. Пропаганда ведется «идеологически правильно», при использовании средств невербальной и вербальной коммуникации. Во фразе «трудовые

будни – праздники для нас!» заложена тонкая двусмысленность и парадокс, фундаментальная диалектика сходства и различия. В современном мире Первое мая традиционно отмечается как пролетарский праздник солидарности. В нашей стране руководство сверхдержавы XX в. поднялось на трибуну Мавзолея В.И. Ленину для проведения 1 мая 1990 г. последней официальной первомайской демонстрации. В России в 1992 г. Международный день солидарности трудящихся был переименован в праздник Весны и Труда.

Появляются иллюстрированные подарочные карточки, изображение на которых не позволяет с полной достоверностью определить, предназначены они для дарения на 1 или 8 марта. Но россиянами Первое Мая зачастую используется для проведения митингов и демонстраций с выдвижением политических требований. Советский миф «вся жизнь – борьба» акцентирует трудовой энтузиазм, согласно которому люди перманентно находятся в состоянии не прекращаемой стройки века. Для правильной интерпретации идеографов, а также их составляющих, необходимо движение по герменевтическому кругу между частями и целым (при рассмотрении герменевтики в широком смысле – как науки об интерпретации культурных проявлений человеческой деятельности). В контексте данной статьи линво-психо-социальный анализ – метод, основанный на совмещении подходов контент-анализа, семиотики, дискурс-анализа, лингвоанализа и нарративного анализа, применяемый для изучения такого вида визуальной репрезентации как иллюстрированные подарочные карточки. Введение в научный оборот иллюстрированных подарочных карточек и использование лингво-психо-социального анализа позволяет внести определенный вклад в развитие российской социологии.

Литература

1. Сысуев В. Нелинейные мыслительные конструкции. [Электронный ресурс] url: <http://bor.satcomtel.ru/klassika/misc/unlin.html#Оксюморны>. (дата обращения 20.02.2014)
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2001. С. 241.
3. Николаев П.А. Словарь по литературоведению. 2004. [Электронный ресурс] url: <http://nature.web.ru/litera/6.4.81.html>. (дата обращения 20.02.2014)
4. Оксюморон // Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] url: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>(дата обращения 20.02.2014)
5. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. [Электронный ресурс] url: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-2701.htm>. (дата обращения 20.02.2014)
6. Крышук Н. «Да» и «нет» Николая Пунина // «Звезда». 2002. С. 147-169.

7. Репин Е., Репина Н. Утешительный гипноз оксюморона. [Электронный ресурс] url: <http://www.terminomika.ru/data/library/authors/trup.html>. (дата обращения 20.02.2014)

8. Чапкина М. Рождественская открытка под гнетом советской цензуры. [Электронный ресурс] url: История филокартии http://collection.ng.ru/collect/1999-12-18/6_sensor.html.

9. Фролов Ю. Столкновение на Сенном рынке: [из истории международного праздника 1 Мая: кровавое столкновение рабочих с полицией в Чикаго 120 лет назад] // Муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» Сормовского района г. Нижний Новгород. [Электронный ресурс] url:http://libnn.ru/component/option,com_marc/task,view/id,48373/Itemid,55. (дата обращения 20.02.2014)

10. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т.1 – М.: Наука, 1976. – С. 364.

Габелко Ю. В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

АРХЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (ЗОДЧЕСТВО, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО) И ПАЛЕОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Очевидно, что любая культура независимо от времени и эпохи, в которой она существует, наделена определенными признаками, свойствами, различными особенностями, отличающими ее от других культур. Археологией культуры является совокупность материальных памятников и артефактов, относящихся к определенной эпохе, одной территории и обладающих общими чертами [3, 201]. Изобразительное искусство, зодчество транслируются через эту совокупность. Известным фактом является то, что древнерусское зодчество при наличии большой монументальности характеризуется чрезвычайной пластичностью форм, каким-то особым ощущением их спокойствия и незыблемости, соизмеримостью с размерами человека, его масштабами и потребностями. Все это относится также в полной мере к интерьерам светских и культовых сооружений [1, 152]. Древнерусское зодчество, развивавшееся до конца XVII столетия, дает целостную картину развития черт и признаков культуры, что способствует расширению кругозора в данном вопросе. Параллельно всецело происходило становление и развитие архитектуры, что в результате дало толчок к переходу от существовавших простейших архитектурных форм к сложнейшим объемным решениям.

В культовом каменном строительстве на века утвердился тип кубического храма, внутреннее пространство которого определялось наличием параллельных нефов. При наличии сходной объемной и конструктивной структуры, русские культовые сооружения дают картину чрезвычайного разнообразия размеров, объемных форм и средств декоративной обработки сооружений. Подавляющее большинство сооружений до XV в. включительно отличается органичностью и единством объемной композиции и конструктивного решения, их внутренняя структура четко и последовательно выражается во внешних формах. Что касается особенностей изобразительного искусства, для него характерны многочисленные произведения, эстетическая ценность и образность которых воспринимается чисто зрительно. Произведения изобразительного искусства могут быть беспредметны и даже нематериальны, но, независимо от материальности и предметности, типичные произведения изобразительного искусства обладают чертами объекта – ограниченностью в пространстве, стабильностью во времени [4, 87-88]. Способность генерировать объекты – важнейшее свойство изобразительного искусства, связанное с его историей, происхождением и обуславливающее его развитие.

Эпоха палеолита (древнекаменного века) – период формирования основных видов изобразительного искусства. Высший расцвет искусства эпохи палеолита – мадленский период [2, 29].

Согласно историческим фактам, до наших дней дошла информация о том, что в Европе, Южной Азии, Северной Африке найдено во время археологических раскопок большое количество памятников скульптуры, живописи, прикладного искусства. Обнаружены росписи на стенах и потолках пещер, в глубинах подземных галерей и гротов. Это является свидетельством зарождения и процветания палеокультурологии. Таким образом, археология культуры и палеокультурология способствуют расширению представления о культуре, формировавшейся на протяжении длительного времени.

Литература

1. Быстрова А.Н. Мир культуры. – М.: ВЛАДОС, 2005. – 712 с.
2. Лысак И.В. Культура Древности и Средневековья. – ТРТУ, 2006. – 162 с.
3. Львова Е.П. Мировая художественная культура. От зарождения до XVII века. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 416 с.
4. Солонина, Ю.Н. Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2007. – 566 с.

РУССКИЙ ЦЕНТР В ПИЗЕ: ПРОБЛЕМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Одним из актуальных вопросов на сегодняшний день является вопрос о том, какую роль в современном социокультурном пространстве играет влияние русского языка и русской культуры на современное европейское общество. Для реализации поставленного вопроса достаточно обратить внимание на структуру и деятельность Русского центра в Пизе, открытие которого состоялось в 2012 г. Необходимо заметить, что данный центр является не единственным подобным объединением по изучению русского языка и культуры в Италии. Напомним, что «с декабря 2010 года при римском университете Сапиенца (La Sapienza) успешно действует Центр российских исследований, служащий развитию и укреплению научных и образовательных контактов между Италией и Россией в самых разных областях знания» [1].

Действительно, в последние годы интерес к русскому языку и русской культуре в Италии не только не ослабевает, но и продолжает усиливаться. На сегодняшний день, как показывает статистика, популярность русского языка за рубежом продолжает набирать обороты. Так, например, студенты славянских факультетов предпочтение отдают русскому языку, в качестве изучения иностранного, оставляя позади немецкий и французский языки. Это говорит о том, что современный европейский мир видит все большую перспективу сотрудничества с Россией, и в этом плане культурный диалог между Италией и Россией продолжает укрепляться и обновляться: появляются интересные проекты, исследования, публикации. Благодаря фонду «Русский мир», который является партнером, как местных, так и зарубежных образовательно-просветительских учреждений и организаций, было открыто 76 центров русского языка и культуры в разных странах мира. Директор фонда «Русский мир» В. Никонов отметил: «Есть много причин учить русский язык. Треть миллиарда человек говорит по-русски. Русский язык является одним из шести официальных языков ООН. Русский – язык великой науки и культуры, первым прозвучавший в космосе» [4]. Безусловно, популярность языка распространяет любую культуру, дает преимущества его носителям, а это в свою очередь приумножает интерес к этой же культуре, и повышает лояльность к странам этой культуры в мире. С момента основания «Русского центра» в Пизе проводятся различные мероприятия, главной целью которых является наиболее детальное и пристальное знакомство с русской культурой и русским языком.

Например, в рамках Дней памяти А.С. Пушкина 11 февраля 2012 г. в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) прошел круглый стол «Пушкин в переводах на языки мира». В работе приняли участие известные как отечественные, так и зарубежные исследователи, литературоведы, переводчики, писатели (А.Ю. Балакин, Б. Гомиде, А. Маркович, Х.Т. Санчес, М.Д. Яснов и др.). Обсуждались вопросы современного пушкиноведения и проблемы изучения Пушкина на разных языках мира. Необходимо отметить, что видеотрансляцию круглого стола организовал Русский центр в Пизе, а также «в рамках секции отведенной для онлайн-выступлений зарубежных участников, с докладом об итальянских переводах творчества А.С. Пушкина выступили профессор Стефано Гардзонио (Пиза) и профессор Бьянка Сульпассо (Мачерата)» [5]. Заметим, что именно Стефано Гардзонио принадлежит ведущая роль в развитии русского центра в Пизе. Итальянский славист неоднократно подчеркивал особую роль русского языка и русской культуры не только в Италии, но во всем европейском образовательном пространстве. Следует помнить, что именно Италия первой дала миру опубликованным великий роман XX века «Доктор Живаго» и именно в Италии сегодня определение «русская эмиграция в Италии», разрослось до более общего понятия «русские в Италии», что также свидетельствует об особой роли и проявлении интереса к русскому культурному наследию сегодня.

Популяризация любого языка – явление особое, требующее более детальной проработки и научного подхода. В этом отношении популяризация русского языка за рубежом не является исключением. До недавнего времени существовало мнение, что русский язык не самый популярный язык в мире. Современное социокультурное пространство доказывает обратное. Появляется тенденция, и даже мода на все русское. Известно, что русские классики являются одними из ярчайших писателей мира, их изучают и почитают во всем мире, но не следует ограничиваться только литературой, «ведь настоящую популярность язык обретет став языком международного общения, а это обеспечивается культурным обменом» [2]. Работа в этом отношении продолжается: известно множество успешных европейских проектов по культурному обмену, ведется целенаправленный культурный диалог между разными странами мира. Продолжают создаваться центры русского языка в тех странах, где наблюдается наибольший спрос на русский язык – во Франции, Финляндии, странах СНГ. Похвально, что на государственном уровне в России популяризация русского языка приобрела особый статус. Так, в 2013 г. был создан Совет по русскому языку при правительстве России, целями которого стали рассмотрение ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка и выработка предложений по совершенствованию государственной политики в указанной сфере. Кроме того, Совет занимается популяризацией русского

языка и проведением общественной экспертизы проектов федеральных законов, связанных с вопросами языка.

Таким образом, «русский язык, отражая в концентрированном виде духовную жизнь российского народа, является действенным средством формирования духовной личности, обеспечивает приобретение человеком ценностных жизненных ориентиров, помогает понять, принять национальную и общемировую культуру, и в целом способствует приобщению к духовным богатствам, хранимым языком» [3]. В решении проблем популяризации и культурологической интеграции русского языка, русский язык может выступить средством восстановления единства культуры России и русского зарубежья в целом.

Литература

1. В Пизанском университете открыт Русский центр [Электронный ресурс]. url: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/9204 (дата обращения: 25.03.2014).
2. Инструменты повышения популярности русского языка в мире [Электронный ресурс]. url: <http://www.festival.mggu-sh.ru/works/item/5337/> (дата обращения: 25.03.2014).
3. Панельная дискуссия «Проблемы популяризации и культурологической интеграции русского языка, восстановление единства культуры России и русского зарубежья» [Электронный ресурс]. url: http://ruskod73.ru/panel_discussion (дата обращения: 24.03.2014).
4. Русский центр в Пизанском университете [Электронный ресурс]. url: <http://russedina.ru/articul.php?aid=21751&pid=5> (дата обращения: 25.03.2014).
5. Фонд Русский мир. Информационный портал [Электронный ресурс]. url.: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/news/rucenter/news2204.html> (дата обращения: 25.03.2014).

Гончаренко Н.М.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XX ВЕКА⁴

Многие художники-авангардисты начала XX века были одержимы будущим. Искусство этого времени переполнено грандиозными замыслами прорыва в неведомое (или ведомое только художнику) будущее, проектами, программами, утопиями. В русском авангарде 1910-х гг. тема нового человека занимала одно из центральных мест. В статье, посвященной концепциям «нового человека» в искусстве авангарда,

⁴ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-33-01012/13.

исследователь Е. Бобринская обращается к истокам этого сюжета: «Мифологему о новом человеке со всеми основаниями можно отнести к разряду так называемых вечных сюжетов, имеющих, как правило, сакральное происхождение <...> Авангардистская версия фокусировала в себе самый широкий спектр подходов к этой теме, начиная от архаической магии и мессианских ожиданий и кончая новейшими научными изысканиями в области биологии, медицины, генетики и психологии. Вариант мифа о новом человеке, связанный прежде всего с технико-магическими манипуляциями с человеческой формой, как принято считать, в наибольшей степени соответствует авангардистскому мышлению. Икар, Голем или другие порождения научно-магического творчества, безусловно, чаще всего привлекали внимание художников авангарда. Новый человек рассматривался в этом случае как новый механизм, а его рождение – как новая техническая задача, прообразом для разрешения которой служит вторичная, искусственная реальность, и прежде всего мир техники <...>».

Рассуждениям о духовном прогрессе и рождении новых рас сопутствуют предостережения о грядущем вырождении человеческого типа и призывы к установлению научного контроля за процессом изменений «формы человека». К началу XX века эта тема становится не только модным сюжетом для философско-художественных работ, но переходит нередко из сферы теории в область практических экспериментов по улучшению человеческого рода» [1, 72-73].

На практике преломления темы «нового человека» в различных художественных объединениях и у разных художников были достаточно противоречивы. Так, в творчестве Василия Кандинского нашла выражение психика уникальной личности внутри универсальной общности людей. В своих теоретических трудах художник шел в ногу с русскими учеными, работавшими в области космогонии в те же годы, – В.И. Вернадским, А.Л. Чижевским, К.Э. Циолковским.

Из наиболее значительной книги Кандинского, «О духовном в искусстве» (1910) следует, что главным стремлением человека должно быть стремление смертного, но причастного мирозданию существа, к постижению космической механики и вечности, частью которой была его душа. Отвергая все сложившиеся в европейской изобразительной традиции варианты предметно-узнаваемой формы, Кандинский наделял художника способностью к конструированию мироздания, возникающего после разрушения всего, что было. Так складывается язык абстракционизма, сыгравшего огромную роль в визуальной культуре XX столетия, включая не только изобразительное, но и прикладное искусство и архитектуру.

Еще одной вариацией на тему абстрактного искусства стала теория и практика супрематизма (от лат. *supremus* – высший). Ее автором и

главным действующим лицом был Казимир Малевич. После ряда фовистских по своему звучанию композиций 1911 г. («Купальщик», «На бульваре», «Садовник», «Мозольный оператор в бане»), Малевич обращается к новому подходу к изобразительной форме в картинах «Уборка ржи» и «Лесоруб», где неуклюжие фигуры людей собраны из объемов, напоминающих части металлических конструкций. Затем следуют кубистические полотна, где раздробленные на геометрические составляющие элементы начинают двигаться, как в композиции «Точильщик» 1912 г. Эта картина – характерный пример кубофутуризма, возникшего на стыке двух популярных в то время художественных направлений.

Футуристы – как итальянские, так и русские – программно утверждали переходность нынешнего состояния человека, а себя именовали «новыми людьми»: «Футуризм... – подчеркивал Д. Бурлюк, – это новое мироощущение. Футуристы – новые люди» [3, 63]. «Будетляне – это люди, которые будут», – утверждал Маяковский [4, 329]. Поэтому для футуристов новый человек – это человеческий тип, культивирующийся в самом «стиле» действий и поведения, отражающийся в том внутреннем, психологическом «пейзаже», который создает футуристическое искусство. Стоит также отметить, что футурист с его особым типом поведения и мироощущения часто утверждает себя через негативные и разрушительные действия, через жесты борьбы и агрессии, в том числе в реальной жизни (скандалы, уличные потасовки).

Порой трансформация человека в искусстве авангарда понималась буквально – как изменение человеческого тела и появление новых органов. О возможности появления новых органов восприятия у человека писали уже романтики. В начале XX в. эта тема под влиянием теософской и оккультной литературы вновь получила самое широкое распространение. Примером служат теософские «мыслеформы», «тактилизм» и развитие новых органов восприятия в текстах Ф.-Т. Маринетти, умозрительная версия супрематической живописи Казимира Малевича («Живопись – краска, цвет, – она заложена внутри нашего организма. Ее вспышки бывают велики и требовательны. Моя нервная система окрашена ими. Мозг мой горит от их цвета») [5, 25].

По замечанию Е. Бобринской, русских футуристов интересуют самые различные формы смещений психики – сон, экстаз, инфантилизм, безумие, ведущие к деструкции устойчивых контуров Я, к «психическому хаосу». «Психический хаос», по сути дела, воссоздается в опере Алексея Крученых «Победа над Солнцем», в ее атмосфере иррациональной жестокости, в страхах, испытываемых персонажами, в галлюцинаторных и сновиденческих образах и картинах будетлянских стран, рисующих абсолютно замкнутое пространство и человека, блуждающего во

«внутренностях» странного мира, где «все дороги перепутались и идут вверх к земле» [1, 72-73].

Костюмы для футуристической оперы «Победы над Солнцем», премьеры которой состоялась на сцене Петербургского Луна-Парка в декабре 1913 года, разработал К. Малевич. Эту работу сам художник считал программной, толкавшей к открытию беспредметной формы. Геометрия костюмов, заменявшая собой человеческую, живую суть героев-актеров, стала открытием с далеко идущими последствиями. Именно 1913 год считается годом рождения супрематизма, по мысли Малевича – высшего и конечного пункта развития человеческой культуры.

Первые послереволюционные годы воспринимались многими художниками как крах «старого мира», время Апокалипсиса. Черты «нового мира» еще не ясны, в изображениях происходит смена привычных сюжетов, героев, символов и аллегорий, смена языка высказывания. По замечанию Н. Степанян, мифическое время толкает на поиски соразмерного себе мифического пространства, в произведениях вторгается космос. Примером служит картина Константина Юона «Новая планета», которая воспринимается как воплощение апокалипсического самочувствия [2, 42]. Среди мастеров русского авангарда особняком стоит основатель «аналитического искусства» Павел Филонов, представивший в сложных, не до конца поддающихся интерпретации композициях безрадостный мир будущего.

Люди Филонова склонны к нескольким жестам, их облик и физиономии сближены. Повторяемость скрещенных или воздетых рук, постоянно вводимая бритая голова самого автора (иногда на нескольких телах в одной композиции) создают особую, навязчивую узнаваемость. Статичным фигурам людей и животных художник придает многорукость (многоноготь, многоглазость), давая понять, что эти существа движутся и что он зафиксировал их с разных точек зрения. Его полотна не просто многофигурны, они буквально набиты людьми («Мужчина и женщина», «Запад и Восток», «Пир королей» (1912–1913), «Волхвы» и «Коровницы» (1914), «Формула вселенной» (1919) и др.).

Особую насыщенность эмоциями и мрачность картинам Филонова придает стремление рассмотреть и изобразить людей в аспекте их плотской связи с органической природой в целом, в единстве с миром животных, а далее – с миром растений, предметов, машин, кристаллов и пр. Фигуры часто лишены кожи, под ней обнаруживается мышца или с фотографической точностью изображенный сустав, иногда глаз, лицо просечены разрезом, в котором размещены части городского пейзажа, видны корни деревьев.

Это однородное пространство филоновских произведений – космос, где все одинаково важно, где человеческий мир составляет лишь

часть универсума. Мир видимый в творчестве П. Филонова пронизан миром невидимым. Так проявляется религиозно-натуралистическое отношение художника к миру. Его «аналитический метод» позволяет «анатомировать» изображение: «работы Филонова населены трупами вещей и тел. Это мертвые, разложившиеся миры, уже совершенно созревшие для того чтобы воскреснуть «научным способом», в духе прозрений Федорова... Это ожидание смерти как возможности воскреснуть вместе со всеми, кто когда-либо жил, и со всем, что когда-либо существовало» [6, 35-37].

Павел Филонов был приверженцем высказанных философом Н. Федоровым идей о соединении факта технологической революции новейшего времени с мистической задачей человечества – окончательной победой над смертью как физической данностью. (Вместе с Филоновым подобные идеи разделяли многие представители русской культуры того времени – Цилковский, Малевич, Чекрыгин, Хлебников, Заболоцкий, Маяковский, Платонов.). Главный труд жизни Николая Федорова «Философия общего дела» вышел в свет в двух томах уже после смерти автора (1-й том в 1906, 2-й том в 1913 году). В этой утопии сливались философия, религия и наука. По замечанию Н. Степанян, идея возможности воскресения во плоти, оживления всех умерших поколений («отцов») силой науки, в 1910-е гг., характерные усилением позиций атеизма в России, и в послереволюционные годы, с их активной антирелигиозной пропагандой, привлекала своеобразной «актуализацией» отодвинутых в сторону христианских эсхатологических идей (Конца Времен, Страшного суда, Спасения и Преображения). Отношение к федоровской «философии общего дела» у молодых художников и поэтов было исполнено надежд до смешного конкретных: вспомним воскресение автора-поэта в поэме «Владимир Маяковский» (1913) или обращение к «химику» с мольбой о воскрешении в поэме «Про это» (1922–1923). Утопия Федорова впоследствии забылась, но в первые послереволюционные годы к ней относились с доверием [2, 42].

Зачастую именно на трудах деятелей первой половины двадцатого века строят эксперименты современные художники. При помощи технических средств происходит не только перевод художественных форм на другой изобразительный язык, но и создаются принципиально новые формы. Современная культура отмечена не меньшим разнообразием поисков на стыке науки и искусства, чем рубеж XIX и XX вв. В книге «Искусство и миф» исследователь С. Батракова пишет о том, что современный художник хочет уподобиться ученому – заглянуть в атом или ген, представить невидимое излучение, запечатлеть на холсте след от исчезнувшей микрочастицы или волны (примеров подобных новаций немало в абстрактной живописи) или проникнуть в темные

закоулки человеческой психики [7, 48]. Эти поиски стали неотъемлемой частью современных художественных практик.

Литература

1. Бобринская Е. Новый человек в эстетике русского авангарда 1910-х годов // Русский авангард: истоки и метаморфозы. – М.: Пятая страна, 2003.
2. Степанян Н. Искусство России XX века: развитие путем метаморфозы. – М.: Галарт, 2008.
3. Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. – С.-Пб., 1994.
4. Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. – М., 1955 – 1966.
5. Малевич. К. От кубизма и футуризма к супрематизму / К. Малевич. Черный квадрат. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», 2013.
6. А-Я. Журнал неофициального русского искусства. 1979-1986». Репринтное издание. Под ред. Игоря Шелковского и Александры Обуховой. – М.: АртХроника, 2004.
7. Батракова С. Искусство и миф: Из истории живописи XX века. – М.: Наука, 2002.

Гончарова Е.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ДУХОВНАЯ ОСНОВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Начавшееся столетие нередко называют веком социальных технологий. Социально-технологическую культуру молодежи допустимо определять как совокупность индивидуальных позиций и ориентаций человека или группы в сфере социального управления, присущие им типы управленческого поведения, как субъективную сферу, лежащую в основе практических социально-управленческих действий и придающую им значение. Она выступает в данном случае: а) как процесс и результат институализации ценностей и поведенческих установок; б) как область предметно-практической деятельности различных социальных сфер; в) как феномен группового сознания.

Элементы социально-технологической культуры могут быть структурированы в следующем виде:

1. Санкционированные обществом ценностные ориентации установки людей, принимающих значимые для региона решения.

2. Интерес и цели, которые становятся субъектами регионального управления, а также мотивы поведения в ходе реализации региональной управленческой практики.

3. Система отношений, в которые вступают между собой участники процесса регионального управления.

4. Действия и поступки в сфере принятия и осуществления управленческих решений.

5. Виртуальная составляющая, включающая в себя своего рода «вторую реальность», созданную средствами массовой информации и массовой культурой.

Таким образом, вопреки нередко встречающемуся утверждению о самодостаточности социальных технологий в управлении современным обществом, мы считаем, что они не могут разрабатываться и применяться без учета духовной составляющей.

Во-первых, она включена в структуру технологической культуры в виде ценностей, жизненных установок, а также виртуальной составляющей. Исключительная значимость ценностей для социально-технологического процесса осознана относительно недавно. В.А. Луков отмечает, что данная точка зрения далеко не сразу утвердилась в теории и практике социального управления. Первоначально они были ориентированы на фактор успеха [1, 12].

Во-вторых, ценности, являющееся ядром технологической культуры, выступают как естественные ограничители применения социальных технологий, особенно в тех случаях, когда такое применение может вызвать необратимые последствия для общества и природы.

В-третьих, духовные основания технологической культуры позволяют провести довольно четкую грань между технологиями и антитехнологиями, поскольку первые представляют собой процедуры преобразования социума, осуществляющиеся в рамках права и морали, а вторые – вопреки нравственным и правовым установкам.

Следовательно, технологии, рассматриваемые как «вещь в себе» имеют ограниченное применение, а нередко, внедряемые безотносительно к духовным основаниям и последствиям. Технология, претендующая на формальное соответствие определенным правилам, приводящим в стандартной ситуации к запланированному результату, способна выхолащивать смысл развития, изменения. Не случайно исключительно технологичной является бюрократическая система управления. Но именно этой системе присущ ряд негативных характеристик, во все времена вызывающих протест разумного человека.

Пример бюрократической самоорганизации и бюрократического сознания подтверждает, что любая технологическая модель ограничена в своих возможностях, если из нее выхолащено духовное начало. Разумеется, внесение элемента духовности в процесс применения социальных технологий также не может не иметь границ. По нашему мнению, эти границы определяются несколькими обстоятельствами:

- духовные элементы социальных технологий не должны подменять собой функциональных целей. В противном случае процесс социальных преобразований мифологизируется, а реальностью становится мистико-проективное сознание [2, 14] – основа социальных утопий;

- духовные основания социальных технологий должны не препятствовать достижению управленческих целей, но максимально способствовать ему, облегчая решение жизненных проблем;

- духовную основу процесса применения технологий следует формировать с учетом менталитета населения и его традиций.

По нашему мнению, духовные основы технологической культуры современной российской молодежи должны опираться на несколько ценностей:

- на признание самодостаточности духовного развития, духовно-преобразующей деятельности в поведенческой структуре;

- ориентация на постоянный поиск добра и справедливости, необходимость которого была отмечена еще в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. Осознание данной особенности связано с включением в число требований к поведению молодого человека следования принципу справедливости. Справедливость всегда требовала отказа от установки на достижение целей любой ценой, в том числе и ценой некомпенсированного присвоения чужого труда;

- государственное служение. Основой его всегда служило представление о государстве как о союзе свободных нравственных существ, соединившихся между собой, жертвующих частью своей свободы для охраны и утверждения общими силами закона нравственности [3, 37]. Именно поэтому человек в России всегда служил государству, более того, государственный интерес рассматривался как приоритетный по отношению к личному интересу. Сегодня идея государственного служения как вербальная поведенческая установка востребована более чем когда-либо, и является важнейшим элементом социальных ролей молодежи.

Таким образом, формирование современной технологической культуры молодежи предполагает не только образование и обучение молодых людей эффективным процедурам разрешения социальных проблем. Оно требует усиления воспитательной составляющей, опирающейся на отечественную культуру, которая в основе своей русская, православно-христианская традиция.

Литература

1. Луков В.А. Социальное проектирование. – М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии: Флинта, 2003. – 240 с.

2. Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. / Сост. В. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

3. Очерки русского самосознания. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. – СПб.: Издательство Л. С. Яковлевой, 1994. – 267 с.

Гридасова Ю.Д.,
научный руководитель Бросова Н.З.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

«АВГУСТОВСКАЯ РАПСОДИЯ»: КУЛЬТУРНОЕ НЕПОНИМАНИЕ

«Но сегодня для большинства людей... атомная
бомба – как предание из далекого прошлого.

Время идет, и люди забывают даже такие... страшные события» [1]

В рамках конференции «Культура, политика, понимание» и в контексте современной политической ситуации (события в Украине) для рассмотрения был выбран фильм выдающегося японского режиссера Акиры Куросавы «Августовская рапсодия», снятый по книге Мураты Киеко «В горшке». Ввиду того, что существует угроза развязывания военного конфликта, статья призвана напомнить об ужасной трагедии 1945 года, а именно об атомной бомбардировке городов Хиросимы и Нагасаки американской авиацией.

Вплоть до окончания американской оккупации Японии в 1952 году, тема бомбардировки была запрещенной и поднималась в кинематографе лишь косвенно. Выход фильма в 1991 году вызвал широкий резонанс. Очень яркое выражение европейского и американского влияния в кино, нередко подталкивало японского зрителя к восприятию творчества Куросавы негативно, обвинению его в предании национальных традиций. «Августовская рапсодия» в этом смысле парадоксальна, поскольку повествует об истинно японской боли, а посему невероятно близка к ней, но в то же время подвергнута критике уже со стороны Запада.

« – Под этим красивым городом Нагасаки... лежит другой Нагасаки, уничтоженный ядерной бомбой.

– Дедушка погиб, когда сбросили ту бомбу?

– Да.

– А как же спаслась бабушка?» [4]

Режиссер рассматривает трагическое событие через призму истории одной конкретной семьи. На первое место выходят уже не сами фрагменты прошлого, а проблема восприятия и понимания современным поколением этих событий.

Фильм обладает особой уникальностью, поскольку в съемках принимает участие известный американский актер Ричард Гир, будучи одним из немногих, кому посчастливилось сотрудничать с японскими коллегами. Создание фильма происходило в межкультурном сотрудничестве режиссера и актера – Р. Гир не был «гостем» картины, он исполнял вполне отлаженную роль, которая корректировалась по мере его проникновения в образ. Опытный режиссер А. Куросава в свою очередь также прислушивался к мнению актеров, и это позволило максимально ярко преподнести тему войны на эмоциональном уровне, не обращаясь к ней визуально.

Это предпоследний фильм Мастера, снискавшего славу в зарубежных странах, едва ли не большую, чем в родной Японии. Актуальность приобретает не только исторически сложившаяся проблема отличающегося восприятия тех или иных событий их очевидцами и представителями последующих поколений, но и разобщенность в оценке мнения тех, кто эти проблемы поднимает.

Литература

1. Акира Куросава. 100 человек, которые изменили ход истории. Выпуск № 35. – М., Издательство «Де Агостини», 2008. – 32 с.
2. Акира Куросава. Августовская рапсодия, 1991. [Электронный ресурс] url: <http://baskino.com/films/dramy/5525-avgustovskaya-rapsodiya.html> (дата обращения 20.02.2013)
3. Разлогов К. Э. Мировое кино. История искусства экрана. – М.: Эксмо, 2013. – 688 с.
4. Тадао Сато. Кино Японии. – М.: Радуга, 1988. – 224 с.
5. Фильм Акиры Куросавы АВГУСТОВСКАЯ РАПСОДИЯ (текст) [Электронный ресурс] url: <http://www.vvord.ru/tekst-filma/Avgustovskaya-rapsodiya/> (дата обращения 20.02.2013)

Даниленко А.П.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ЭТНОХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Надвинувшаяся на русский народ угроза национально-культурной деградации активизировала в обществе процесс осознания необходимости серьезного изучения мудрых глубин национальной духовной и материальной культуры и преобразования России на прочной основе народности, гуманизма и патриотизма.

В характерных для нашей страны условиях урбанизации особую роль в решении этих проблем на новых началах призваны сыграть деятели отечественной науки, культуры и образования. В связи с этим актуализируется необходимость коренного улучшения системы подготовки специалистов в области народной художественной культуры, разработки и внедрения модели целостной этно-художественной образовательной системы, охватывающей дошкольное, школьное, дополнительное, среднее специальное, вузовское и поствузовское образование в России, а также в русских диаспорах за рубежом.

Тенденции роста национального самосознания россиян, их тягу к собственной культурной самобытности, воспроизводству сложившихся традиций и самовыражению себя через праздники и обряды, интерес к историко-культурному прошлому «малой родины», осознание необходимости изучения и развития лучших художественных традиций народа исследователи связывают с рядом причин общесоциального характера. К ним следует отнести: отчуждение церкви от жизни общества (в последнее время она становится все более светской организацией и имеет те же проблемы, что и другие социальные структуры); исчезновение эффективных механизмов трансляции подлинно духовных ценностей; утрату педагогических ориентиров; разрушение и длительное игнорирование национальных культурных традиций в воспитании и образовании. (В дореволюционных учебниках по педагогике подробно описывались методы формирования храбрости, настойчивости, рассудительности, совести и других качеств характера россиян.)

Проблема изучения, сохранения и передачи исторически сложившихся этнохудожественных традиций новым поколениям русских людей вызывает сегодня широкий научный интерес и занимает в гуманистических исследованиях значительное место. По мнению ученых, возрождение национальных культурных традиций – важное условие духовно-нравственного обновления современного общества.

Положительный опыт использования народных традиций в учебно-воспитательном процессе уже имеется. В практику до вузовских и вузовских структур введены программы, грамотно сочетающие федеральный компонент с региональным (собственные учебные планы включают предметы, отражающие этническое самосознание конкретного региона). Образование (по выбору) опирается на исторические, социально-культурные и традиционные элементы народной педагогики.

Белгородский край был и остается богатейшим источником духовного богатства, без которого отечественная культура выглядела бы обедненной. Несмотря на наличие большого числа научной литературы, разработка основ этнокультурного образования как подсистемы профессиональной подготовки специалистов в масштабе конкретного

региона – Белгородской области – еще не стала предметом специального исследования.

Народные традиции могут сыграть важную роль в формировании и развитии высших духовно-нравственных ценностей. По мнению ученых, особое место в распространении знаний о народной художественной культуре должны занимать дошкольные учреждения и центры дополнительного образования. Наиболее массовыми и стабильно действующими в системе воспитания детей на традициях являются школы. В современной России их деятельность должна быть ориентирована на освоение художественно-образного содержания, выразительных средств и форм бытования произведений народного художественного творчества.

Разрабатывая курс «Народная художественная культура Белгородского края» для подготовки студентов по специальности «Изобразительное искусство», мы сосредоточили основное внимание на интересе и потребности студентов в освоении духовно-нравственного наследия региона. Темы спецкурса изучались в историческом аспекте с использованием богатого этнографического материала (периоды бытования, обогащение и развитие традиций во времени и пространстве); в культурологическом (народные праздники, обряды и ритуалы, народных художественных промыслов, их современное состояние, проблемы и тенденции развития). Основой педагогического процесса являлась специфическая методика организации учебно-творческих занятий.

Изучение раздела «Народная игрушка», входящего в состав курса «Народная художественная культура Белгородского края» включает в себя общую характеристику искусства русской народной игрушки как одного из древнейших видов народного творчества и декоративно-прикладного искусства, как бесценного памятника духовной и материальной культуры народа, в котором соединились средства прикладного и изобразительного искусства с элементами театрального и музыкального искусства.

Как известно, русская народная игрушка – один из самых ярких и самобытных видов традиционного декоративно-прикладного искусства. Особая ее ценность для изучения русской художественной культуры объясняется тем, что с языческих времен она сохранила в своем образно-стилистическом строе отголоски древнеславянских поэтических воззрений на природу и жизнь человека.

В современной педагогике искусство русской народной игрушки призвано стать мощным средством художественно-эстетического развития ребенка, важным фактом его приобщения к этнической культуре и активизации процесса его этнической самоиндификации.

Сознавая, что практически в каждой губернии и даже в уезде России создавались свои своеобразные игрушки, в рамках курса «Народная

художественная культура Белгородского края» подробно освещаются народные игрушечные промыслы региона.

В связи с этим мы опирались на труды крупнейшего теоретика народной художественной культуры и искусства доктора искусствоведения, профессора, члена корреспондента Российской академии художеств М.А. Некрасовой, ведущих искусствоведов Г.Я. Дайн, Богуславской и др.

Двойников А.В.,
научный руководитель Лобанов К.Н.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

После развала Советского Союза мир вступил в новую эпоху. Эпоху однополярного мира. Международное право перестало играть ключевую роль, оно нередко игнорируется и нарушается. Ялтинско-Потсдамская система, созданная под биполярный мир, уходит в прошлое. Все чаще в мировой практике встречаются, так называемые, двойные стандарты. Одни и те же события и явления трактуются по-разному, создаются противоречивые прецеденты, принимаются односторонние решения в обход ООН. На наших глазах совершаются открытые военные нападения, которые называют потом миротворческими и гуманитарными миссиями. Примеров этого много: Югославия, Ирак, Ливия, Косово и другие.

Проводимая политика западных стран ведет к краху правового регулирования. В настоящее время бал правит право силы, а не сила права. Это не может не вызывать беспокойство у России. Все ближе у наших границ появляются очаги беспокойства. НАТО расширяется на Восток вопреки всем договоренностям. Любые попытки найти общий язык не находят отклика, упираются в глухую стену. Показательной в этом плане является новая концепция НАТО, принятая в 1999 году [1], которая позволяет вмешиваться в любые конфликты на любой территории по своему усмотрению, без одобрения ООН.

Наиболее яркой в этом плане выглядит ситуация с Косово. Не считаясь ни с кем, Запад (в главной степени – США) отторг от Сербии часть ее исконной территории. На международное сообщество было оказано давление с целью признания данных действий законными с международно-правовой точки зрения.

Нынешняя ситуация на Украине еще один пример использования двойных стандартов. То, что можно было сделать Косово, в такой же ситуации запрещается делать Крыму. А все сводится к тому, что поддержка косоваров была выгодна США, а поддержка Россией крымчан невыгодна для них.

Мы живем в мире, где существует превосходство одной державы, которая использует это положение исключительно в своих интересах, не считаясь с нормами права.

Постепенно мир приходит к осознанию того, что однополярный мир – неверный путь развития. Медленно и неторопливо происходит перестройка миропорядка в сторону многополюсности. На первый план выходят другие центры силы в мире, которые смогут составить конкуренцию США и вернуть мир снова «играть по правилам».

Хочется надеяться, что право все-таки останется на первом плане, и все проблемы можно будет решать мирным путем. А Россия займет свое особое место среди мирового сообщества и найдет свою «нишу» в строящемся новом международно-правовом пространстве.

Литература

1. Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_56626.htm (дата обращения 19.03.13)

Джурич Ж., Пейкович М.

*Институт политических исследований
Белград, Республика Сербия*

ЗНАЧИМОСТЬ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДЛЯ СЕРБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИТЕТА

Двести лет назад сербы начали освобождаться от власти турецкой империи. Хотя в этом восстании Сербия получила политическую и военную поддержку именно от России, самая большая часть элиты, получив образование на Западе, в Сербию привезла с собой и западные политические идеи. Это правда, что некоторые мыслители пытались адаптировать западные идеи к сербским обстоятельствам, но не было тех, которые увидели бы эти западные ценности как могучую проблему саму по себе.

Нас здесь интересует самобытная русская мысль, с которой Сербия еще не ознакомилась в достаточной степени. Особенно имея в виду

актуальный политический, экономический и социальный кризис, который длится несколько десятилетий, и кульминация которого только что прошла в 2008 году. Очевидно, что западные идеалы эпохи Просвещения не сумели выполнить вышеупомянутые цели, ради которых сербский народ предпринял борьбу за национальное освобождение. Конечно, здесь у нас нет намерений рассматривать особенности русской мысли. Мы здесь только бросим свет на некоторые оригинальные русские идеи, с помощью которых можно осуществить лучшее будущее Сербии.

Мы считаем, что славянофильское учение Ивана Сергеевича Аксакова о превосходстве общества над государством и бюрократией, критика демократии и монархическая мысль Константина Петровича Победоносцева, в этом смысле, занимают особое место. Вкратце обратим внимание на концепцию национального суверенитета Александра Сергеевича Панарина, без которой, по нашему мнению, нет ни индивидуальной, ни коллективной свободы. Принцип национального суверенитета Панарина, *органично* связан с учениями Аксакова и Победоносцева.

В сербском общественном мнении преобладает впечатление, что русская политическая мысль ориентируется на какое-то огромное, тоталитарное государство, имеющее полный приоритет над индивидуумом и обществом. И.С. Аксаков ясно опровергает этот предвзвешенный суждение. Его мысль – доказательство того, что Восток и православная Россия считали морально превосходным не государство, а общество.

Согласно русской мысли, самая лучшая политическая формула для свободного и традиционного общества – монархизм или царизм. Насколько нам известно, главным представителем монархической мысли в России является К.П. Победоносцев, советник императора Александра Третьего. Интересно, что этот мыслитель рассматривает монархию на фоне критики ее главного врага – демократии.

Мнение А.С. Панарина о важности национального суверенитета в современной эпохе глобализации является решающим для возвращения в жизнь идей Аксакова и Победоносцева. Формирование мирового правительства обозначало бы не только отрицание государственного суверенитета, но и полное рабство человечества в любой сфере.

РОЛЬ БРЕНДИНГА В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РОССИИ

Имиджевая политика в современном мире имеет значительное воздействие на целевую аудиторию. Возникновение стереотипов, норм и ценностей определенного государства способствуют образованию некоего бренд-поля, которое изначально вступает в контакт с интересующимися ей субъектами [1].

Можем обратиться, к примеру, брендового поля «Россия – великая держава». Данное поле выступает в качестве обобщенного, целостно-выводного определения, которое в свою очередь разделяется на локальные части: исторические, товарные и так далее. «Отдаленные примеры подобного конструирования можно обнаружить в искусстве – например, на картине «Мистерии XX века» И. Глазунова, где художник изобразил 100-летний период мирового существования в виде группы исторических персоналий-брендов » [2, 2].

Значимость бренда уникальна как для жителей самой страны, так и для субъектов с внешней стороны. Таким образом, это ставит перед ним уникальные задачи, которые вызваны особенностями развития рынка и состоянием массового сознания.

Если обратиться к архивам ВЦИОМ, можно проследить, что граждане России категорически не хотят отказываться от представления о великой державе. Россияне не хотят признавать Россию слабой и второстепенной страной. Каждое поколение требуют нового позитивного бренда, который позволил бы обеспечить гармоничное прочтение современного контекста. С учетом этих реалий новое креативное бренд-решение становится посильным и, разумеется, интересным.

Демократическое общество, определяется отсутствием информационной защиты. В таких условиях имидж страны за рубежом подает. Чтобы выйти из подобной ситуации используются технологии брендмаркетинга, политического брендинга для создания рабочего бренд-поля страны.

От того насколько будет хорошо работать имидж страны будет зависеть ее положение на международной арене, участие в межкультурных и экономических событиях. Следует подчеркнуть, что сегодня, в условиях стремительного роста информации и участия практически всех мировых государств в новых коммуникационных системах, необходимо уделять должное внимание всем составляющим

имиджеобразующей информации, связанной со страной. Из последних лет можно проследить, что Россия закрепило за собой имя энергетической державы, ведущей миролюбивую политику по отношению к другим странам. Попытки запятнать имидж страны со стороны Запада не увенчался успехом. Россия держит курс на формирование имиджа сильного государства с высоким научным потенциалом и культурным образованием [4].

Чтобы повысить конкурентоспособность страны в диалоге о создании бренд – имиджа должны участвовать как государство, так и бизнес-элиты, общественные организации, церковь, различные рекламные и PR-агентства. За счет этого диалога образуются проекты различных сфер деятельности: экономических, культурных, спортивных и так далее. Конкуренция после проведения такой работы будет отвечать за благоприятные позиции на рынке. В условиях глобализации это борьба переходит на более высокие уровни и влечет за собой более серьезные последствия. Поэтому в создаваемом бренд-имиджевом образе стране требуется сохранить свою идентичность и высокую репутацию у мирового сообщества [3].

Одним из главных факторов, на который указывают политические эксперты, послужит региональный имидж. Как показывает практика мирового брендинга, именно продвижение имиджа городов становится стержнем главного имиджа страны. Именно реклама городов может стать эффективным инструментом укрепления международных экономических связей страны. Есть возможность проследить то, что многие города, в том числе столицы, являются командными пунктами экономических отношений, к примеру, Лондон или Сингапур. Все это говорит о том, что страна становится более привлекательной, что вызывает прямой информационный интерес. Представление образа на основе социокультурных корней, который должны разделять все представители данной страны [1].

Создание бренда, как товарного знака страны, и имиджа – это не самоцель, они должны служить инструментом для повышения качества жизни жителей, способствовать росту производственных и экспортных способностей страны. Главной целью этих понятий послужит налаживание взаимопонимания и взаимодействия на мировой арене. Опираясь на современную научную базу, используя новейшие технологии брендинга, Россия способна выйти на новый уровень в своем экономическом и социально-политическом развитии и внести важный вклад в развитие имиджа страны в целом.

Литература

1. Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. – М.: Кулиц-Образ, 2004. – 270 с.

2. Бочаров М.П. Аксиология политического брендинга в России // Маркетинговые коммуникации. – 2006. – № 6. – С.2.
3. Имидж России в современном мире // Вестник аналитики. – 2010. – № 1.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. – 2008. – № 8. – С. 3–11.

Емельянова М.А.

*Курский государственный университет
Курск, Россия*

КЛЕМЕНТ ГРИНБЕРГ КАК ТЕОРЕТИК ПОСТМОДЕРНИЗМА

Клемент Гринберг (1909–2000) – один крупнейших критиков и теоретиков американского неоавангарда 30–60-х годов. Его статья «Авангард и китч» на долгие годы вперед определила политику культурных институтов США по отношению к современному искусству.

В статье Клемент Гринберг рассуждает о сосуществовании авангарда и китча в рамках одной культуры [5]. Причем проблематика рассматривается автором в широком социальном контексте.

Первый раздел работы открывается «панорамой картины кризиса современной культуры» [4]. Религия, авторитеты, традиция, стиль – все оказывается под вопросом. Клемент Гринберг анализирует проблемы разрыва между массовой и элитарной культурой, между авангардом и китчем. Его заслугой по праву можно считать интерпретацию авангарда в неоконсервативном духе. Согласно его теории, первые авангардисты испытывали симпатию к революционным идеям, далее наблюдается процесс отчуждения авангарда от общества. Эксперимент перестал быть целью авангарда, и главная его задача теперь – просто сохранить культуру «в движении» [5]. Гринберг говорит, что главные достижения современной культуры зачастую связаны с работой над пространством, поверхностями, формами и цветами, в общем, с формальной стороной искусства, и исключением всех иных его аспектов. «Отстранившись от проблем общества, художники-авангардисты стремились поднять свое искусство на небывалую высоту. Они сужали его (искусство), чтобы возвысить до выражения абсолюта, в котором все относительное и противоречивое нашло бы свое разрешение или утратило бы смысл. Это искусство для искусства, а содержание создаваемых произведений неважно. (...) Эти художники стремятся создать что-то изначально данное, нерукотворное, независимое от смыслов, подобию и оригиналов» [2]. Предвосхищая теорию искусства постмодерна, Гринберг указывает, что в современном искусстве само «выражение» важнее того, что оно «выражает» [2]. Эстетические и художественные ценности потеряли значимость, уступив место нарративу: «собственные качества искусства

стали настолько незначительны, что искусство было близко к тому, чтобы ассимилироваться с развлечением, подобно тому, как религия ассимилировалась с терапией» [3]. Таким образом, для Гринберга авангардный художник — это на самом деле профессиональный знаток: художник-авангардист обнажает технику, которой пользовались его предшественники, игнорируя их сюжеты. В результате чего, авангард в основном оперирует посредством абстракции: он изымает из произведения «что», чтобы обнажить «как».

Гринберг утверждает, что «массы» всегда оставались чуждыми искусству, а в связи с кризисом вообще наблюдается утрата художественного вкуса. Он связывает это с промышленной революцией и массовым переселением необразованного населения в города. Искусство, удовлетворяющее потребности этих людей, Гринберг называет китчем. При этом непременным условием его существования является зрелая художественная традиция: «Самоочевидно, китч насквозь академичен; и, наоборот, все академичное является китчем. Ибо то, что называют академичным, как таковое более не имеет независимого существования, превратившись в крахмальную манишку для китча. Индустриальные методы производства вытесняют ремесла» [2]. Сказать художнику-авангардисту — Маринетти или Малевичу, что он продолжает традицию, а не порывает с ней, значит его оскорбить, и Гринберг, конечно же, это знал. Так почему же он так упорно настаивает на том, что авангард — продолжение, а не разрыв с традиционным искусством? Как справедливо замечает Борис Гройс в статье «Авангард и китч сегодня», Гринбергу неинтересен авангард сам по себе, ему даже неинтересны художники-авангардисты как производители искусства — его скорее интересует потребитель искусства [1].

В целом Гринберг достаточно негативно отзываясь о китче, как «новом враге авангарда» [6], при этом воспринимая его как неизбежность. В силу своей «техничности» китч становится, согласно Гринбергу, неотъемлемой частью экономической системы. Именно этим объясняется то, что китч не знает культурных или национальных границ. Из-за относительности того, что считать высшими художественными достижениями эпох, китч может создавать иллюзию «высокого качества». Другими словами «ценности», которые образованный зритель «извлекает» из картин Пикассо присутствуют в них лишь в скрытом виде. «Огромные прибыли, что пожинаяются китчем, есть для авангарда источник соблазна, противостоять которому не всем удастся. Под давлением китча честолюбивые писатели и художники вносят коррективы в свою работу, подчас полностью подчиняясь китчу» [2]. Конечный результат всего этого для истинной культуры всегда ушербен. Гринберг неустанно опровергает мнение о революционном характере нового

искусства, называя его мифом, придуманным журналистами. «Вопреки устоявшемуся мнению, модернизм не порывал с прошлым ни в теории, ни на практике. Главным для Модернизма была ориентация на эстетические стандарты качества, заимствованные из искусства прошлого. Но вместе с тем Модернизм, настаивал на обновлении этих стандартов. Чтобы сделать их соответствующими современности, он действовал при помощи наиболее критического и наименее почтительного подхода к прошлому» [3]. Так же как и модернисты, старые мастера выше всего ставили художественные задачи. «Вплоть до 17 века художник находился в рамках определенного круга сюжетов, он был избавлен от необходимости проявлять оригинальность и изобретательность в тематике произведений и мог сконцентрироваться на решении формальных проблем. Выразительные средства стали для художника содержанием искусства. Это сближает его с художником-абстракционистом» [3].

Таким образом, «Авангард и китч» следует рассматривать в контексте социологически ориентированной теории искусства 20-30 гг. XX века. Идеи Клемента Гринберга оказали огромное влияние на формирование целого ряда направлений постмодернистского искусства. Его тезис о средствах выражения, определяющих содержание искусства, предвосхитил постмодернистские представления о господстве означающего над означаемым. Гринберг считает, что авангард – это размышление, и, следовательно, узнаваемость, китч же просто восприятие, получение эмоций без мыслей. Таким образом, можно сказать, что различие между авангардом и китчем, введенное Гринбергом, описывает не две различные области, или типа, или практики искусства, но скорее два различных взгляда на искусство. Наше восприятие искусства постоянно колеблется между авангардом и китчем. Любое произведение искусства – и любая вещь, коли на то пошло, – может рассматриваться и оцениваться из перспективы авангарда и китча. В первом случае мы интересуемся его техникой, во втором – его эффектами. Или, говоря иначе, в первом случае мы смотрим на искусство как производитель, во втором – как потребитель. Отсюда следует, что оппозиция авангард-китч на самом деле определяет эстетическую восприимчивость каждого отдельного члена современного общества.

Литература

1. Гройс Б. Авангард и китч сегодня. [Электронный ресурс] url: <http://discourse.kz> (дата обращения: 16.06.2013)
2. Гринберг К. Авангард и китч / Пер. с англ.: А. Калинин. [Электронный ресурс] url:<http://xz.gif.ru/numbers/60/avangard-i-kitch/> (дата обращения: 16.06.2013)
3. Гринберг К. Живопись модернизма. – Л. 1960.
4. Рыков А.В. Постмодернизм как радикальный консерватизм. – СПб.: Алетейя, 2007. – 376 с.
5. Greenberg C. Art and Culture. London. 1973.

6. Witkin R. W. Chewing on Clement Greenberg: abstractions and the two faces of Modernism // Myth, Meaning, and Performance: toward a new cultural sociology of the arts / ed. by R. Eyerman and L. McCormick. Boulder: Paradigm Publishers, 2006.

Ефремова Ж.Д.

*Ливенский филиал Государственного
университета – учебно-научно-
производственного комплекса г. Орел
Ливны, Россия*

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ ГЛАЗАМИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ: СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Исследование русского менталитета невозможно без обращения к философско-социологическому наследию дооктябрьской России и мыслителей русского зарубежья. Речь идет, прежде всего, о трудах русских философов конца XIX-XX вв., когда широкое развитие получило литературно-полемиическое направление в изучении русской национальной ментальности. Именно тогда появилось первое в истории отечественной мысли философско-социологическое, культурно-историческое и национально-психологическое осмысление феномена российской межэтнической общности. Возникло стремление к осознанию русского менталитета, к выделению и описанию психологических особенностей русского народа, или, по терминологии того времени, «национального характера» или «народной души». Особое внимание обращалось на национальную самобытность русских. При этом под национальной самобытностью понималась совокупность особенностей и свойств, образующих народную душу, и вытекающее из этого право народа на такое устройство и развитие жизни, которое гармонирует с этими особенностями и свойствами. Философско-исторические исследования русского менталитета велись в контексте размышления о судьбе страны, ее исторического пути, поиска цивилизационной идентичности. Наиболее плодотворными и представляющими интерес для современных исследователей, занимающихся проблемами русского менталитета, являются труды таких мыслителей, как В. Ключевский, Н. Данилевский, К. Кавелин, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, И. Ильин, Н. Лосский, Г. Федотов, С. Франк. Говоря об отражении русского национального характера в работах русских историков и философов, следует отметить, что поставленные проблемы получали зачастую сходное решение у разных авторов. Вся разница заключалась, как правило, не в содержании материала, а в его подаче. Русскими

философами был сделан ряд глубоких выводов о психологии русского народа, которые стали по существу общепринятыми.

Попытки найти какой-то один объяснительный принцип, который помог бы разобраться в сложной и противоречивой русской душе, были сделаны русскими мыслителями XIX – 1-й половины XX веков. Было предложено несколько способов объяснения структуры русской души, в основу которой К.Д. Кавелин положил молодость русского народа, В.О. Ключевский – географический фактор, Н.А. Бердяев – противоречивость русской души, а Н.О. Лосский – религиозность русского народа. Данные попытки, несмотря на некоторую односторонность, имеют, тем не менее, большое значение для понимания специфики русского менталитета и сохраняют свою актуальность и на сегодняшний день.

Прежде всего, возникает вопрос – существуют ли такие характеристики, которые определяли бы духовно-поведенческую специфичность русских людей и могли бы рассматриваться как сущностные черты русской ментальности. Иными словами, нам необходимо найти такие черты и характеристики, которые раскрыли бы содержание «русскости». Возьмем на себя смелость утверждать, что при всей трудноуловимости этого феномена, такие характеристики все же могут быть найдены. При этом необходимо не просто выделение положительных и отрицательных качеств, приписываемых русским. Основное внимание должно быть направлено на вычленение главных параметров русского менталитета. Для этого необходимо найти такие основные качества, которые могли бы объяснить основные свойства и особенности русского характера и представить его дальнейшее развитие. Эти качества можно отнести к базисным, сущностным. Анализ историко-философских исследований русского менталитета позволяет нам выделить следующие сущностные качества:

- антиномичность, сочетание противоположных, взаимоисключающих качеств;
- поляризованность, тяготение к одному из полюсов и постоянным переходом из крайности в крайность;
- слабость формы и организации;
- стремление к абсолютному, поиски абсолютного смысла во всем;
- преобладание чувственного восприятия над рациональным, сердца над разумом;
- морализм сознания, приоритет духовно-нравственных основ над материальными;
- неразвитость индивидуалистического начала.

Вычленение конкретных особенностей русского менталитета затрудняется тем, что он крайне противоречив. Антиномичность как

русская черта постоянно констатируется многими отечественными мыслителями прошлого и современности. Среди них можно назвать Н. Бердяева, Н. Лосского, Ю. Лотмана, Д. Лихачева, Г. Федотова и др. Так, Н.А. Бердяев считал внутреннюю антиномичность главным свойством русской души, открывая противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядованность и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт.

Особенность антиномичности состоит в соединении таких черт и качеств, которые не могут служить взаимодополнением друг другу и обеспечивать тем самым органическое единство. Русский народ можно характеризовать лишь в полярных противоположностях. Таким образом, антиномичность выступает как особенность русского мировосприятия и мироощущения, проявляясь как в бытовых, так и в социально-политических и даже нравственных установках. Подобная поляризованность как качество менталитета является фактором риска в развитии русского народа, так как всегда сохраняется возможность радикальной метаморфозы, в ходе которой знаки меняются на противоположные. Следует признать, что трудно найти другой народ, который так же легко переходил бы из крайности в крайность, как русские. Иными словами, русская ментальность включает в себя готовность производить «переоценку ценностей».

Антиномичность, как ментальная черта, сформировалась под влиянием как природных, так и социокультурных условий развития страны, ее цивилизационно-культурной специфики и всего хода русской истории. Генезис русского менталитета исторически закономерно складывался как сложный, дисгармоничный, неустойчивый баланс сил интеграции и дифференциации противоречивых тенденций национально-исторического бытия русского народа, в результате наложения друг на друга двух (или даже нескольких) культурно-исторических этапов, противоречивого сосуществования во времени и пространстве социальных и культурных явлений, генетически восходящих к различным историческим периодам и фазам развития культуры и общества. Особенностью России было наложение различных стадий развития друг на друга.

Наряду с антиномичностью, другой принципиально важной сущностной чертой русского менталитета является, по точному выражению Н.А. Бердяева, «огромная сила стихии и сравнительная слабость формы». На эту черту указывали и другие мыслители. Для

русского народа никогда не была характерна тщательно разработанная, твердая, предметно воплощенная форма и структура – от зданий и одежды до форм речи. В жизни русского человека отсутствует четкая оформленность, дифференцированность, распределенность по категориям и обособленность отдельных сфер и ценностей, свойственная, например, западным людям. Он не разграничивает, не отделяет друг от друга личные и деловые отношения, политические и моральные установки и т. д., что подтверждают современные социологические исследования в сфере труда и управления. При анализе поступка русский человек идет не от ситуации и состояния человека, а от его намерения, установки, от признаваемых им ценностей, т.е. от смысла совершенного им поступка. Сама по себе практическая рациональность вне ценностной и эмоциональной стороны бытия в русском сознании отсутствует. Отсюда – склонность к моральному абсолютизму, которая получила в русской душе особую силу. Над Россией тяготеет вековой раскол между высокой духовностью ее культуры и неустроенностью реальной жизни, между идеологическими конструкциями и повседневными жизненными ориентирами. Особенность российской действительности состоит в ее амбивалентности, где всегда налицо был «контраст духовной жизни и внешних форм общежития» (Милюков П.Н.).

Духовный максимализм и радикализм, устремленность к «прекрасному будущему миру» и пренебрежение реальным миром толкает русский народ к максимализму свершений: русские не постепенно, а вдруг станут райским народом. Стремление все до основания поменять и переиначить, вмиг порвать с былыми привязанностями и авторитетами, сломать свое прошлое во имя неизвестного будущего, забывая, что нельзя в одночасье прыжком преодолеть себя, составляет одну из глубочайших особенностей русского духа. Неизбежным следствием подобного самоотрицания становится социальная амнезия, которая порождает конфликт ценностей, разваливает нравственное единство общества, приводит к утрате исторической и социальной идентичности. Об этом с большой горечью писал в свое время В.В. Розанов: «...Духовная нация... Во плоти чуть-чуть... От этого – наш нигилизм: «до нас ничего важного не было». И нигилизм наш постоянно радикален: “мы построим все сначала”».

Напряженные и мучительные поиски «правды жизни», стремление следовать идеалу в соединении с максималистическим отношением к повседневной жизни привели к гипертрофии идейного начала в российской истории. В общественном сознании значение социальных отношений, их роль в развитии общества всегда рассматривались через призму определяющей идеи, которая играла аккумуляционную и регулирующую роль. Имманентная потребность русского общественного сознания в объединяющей идее привела к идеологизации общества,

которая началась задолго до победы марксизма и социализма. Особенностью России было то, что идеи, возникающие на российской почве, всегда были замешаны на вере и психологии, что приводило к мифологизации сознания.

Формирование русского менталитета определяется четырьмя основными факторами: а) экстремальными условиями выживания на просторах Евразии – климатическими, географическими и геополитическими, б) гипертрофированной ролью государства; в) православием как основой духовности; г) поисками цивилизационной идентичности, постоянными колебаниями между Западом, Востоком и самобытностью; Россия претерпела вызов природы, вызов Азии и вызов Запада, каждый из которых наложил отпечаток на формирование национальной культуры и менталитета, побудив страну развиваться экстенсивно, укрепив православие как основу русской духовности.

Жиров М.С.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ОТКРЫТЫЙ МИР: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ БЕЛГОРОДЧИНЫ

Никогда не имевшая отдельного статусного значения народная культура русских регионов, в том числе Белгородского, вопреки всем объективным и субъективным факторам, выжила, сохранив многие уникальные памятники духовной и материальной культуры в таких ее проявлениях как фольклор (песенный, инструментальный, хореографический, устно-поэтический, празднично-обрядовый), традиционное декоративно-прикладное, художественно-прикладное и изобразительное народное искусство, бытовое художественное любительское творчество, художественная самодеятельность. Более того, многие из этих структурных элементов имеют вполне конкретный мир явлений народной культуры: от архаичных и традиционных форм – до включения в себя множества новых, обладающих ярко выраженными свойствами и характеристиками.

Народная художественная культура Белгородчины – явление чрезвычайно сложное и многогранное, обладающее большим внутренним единством, и в то же время она глубоко индивидуальна и специфична в региональном аспекте ее рассмотрения. Места традиционного бытования народной художественной культуры края имеют особое своеобразие народных песен, инструментальной музыки, хореографической пластики, говора, обычаев, праздников, обрядов, одежды, декоративно-прикладного

творчества. Еще явственнее обнаруживается это своеобразие в отдаленных друг от друга районах области, что обусловлено «встречей» на одном географическом пространстве культуры славян, русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, степняков, образовавших неповторимый культурно-национальный комплекс, для которого характерна упорядоченность пространства, особый хозяйственно-бытовой уклад жизни, традиционные представления о мироздании: земле, небе, воде, человеку.

Временная и пространственная динамика волнообразной концентрации разного типа культур в крае охватывает исторический период последних пятисот лет. Общее дело отстаивания и освоения своих земель и славянских принципов жизни на территории бывшей Белгородской засечной черты способствовало синтезу «старых» (остатки культуры Киевской Руси, культура степняков и проживающих здесь народностей в X-XI веках) и «новых» культур: русской, украинской, белорусской, польской, литовской, завезенных вместе с переселенцами в XVI-XVII веках. Такое широкое представительство культур на территории края позволяет выявить ее связи со славянской, языческой культурой, доминировавшей вплоть до принятия христианства.

Так, музыкально-этнографическая работа в регионе в последнее десятилетие выявила бытование древнего жанра святочных подблюдных песен. Особый интерес представляют и мало сохранившиеся даже в северных регионах России образцы песен-колядок с припевом «виноградье – красно-зеленое», зафиксированные, в частности, в Грайворонском районе. Слово «виноградье» в народной поэзии имеет значение символа плодородия и обилия, любви и брачной жизни. Отголоски северянских «игрищ межю селые» ясно просматриваются в песнях, записанных в Ивнянском, Ракитянском, Прохоровском районах, где дается конкретное описание умыкания невесты: бояре, «город завоевавши, деревню разоривши, Татьянушку взявши». Рудименты древнего обряда брачных отношений древлян нашли отражение в традиции межсельских игр, плясок, вождения танков и карагодов на «грнях».

Важно отметить развитость социальной организации и практический смысл подобных игрищ, которые не могли появиться в одночасье, а значит, имели длительную предысторию. О глубинных мифологических истоках песенного фольклора края свидетельствует традиционное обращение к Ладу, Ладе, Леле – покровителям мира, благополучия, согласия, любви; судьбоносным силам природы, растениям, животным. К примеру, в селе Мальцевка Корочанского района нами зафиксирован образец святочной комедийной сценки «Коза», по ходу действия которой она «умирает» и «воскресает». Сейчас трудно восстановить глубинный смысл обряда. По всей вероятности, в этой

ритуально-игровой форме передавались древние представления о смерти как конце старого и «воскрешении» нового года, а потому – далеко не случайно наше представление о козе как символе плодородия: «Где коза ходит, там жито родит», «Где коза хвостом, там жито кустом», «Где коза рогом, там жито стогом».

Об архаике традиционных обрядовых песен календарно-земледельческого цикла свидетельствуют напевы простейшего склада, построенные на повторности двух-трех интонаций или мелодических оборотов. В традиции «кликать Коляду», «гукать и провожать Мороза», «сеять из рукава» семена зерновых в «Красный» угол избы под архаичные песни-пожелания: «А дай, Бог, тому, кто в этом доме, ему рожь густа, рожь ужимиста», – по окончании которых колядующие перевоплощаются в наседок; похлестывать для здоровья освященной вербной веточкой детей и домашнюю живность под ритмизованные приговоры; в выпечке обрядовых «птюшек», «лестничек», приготовлении ритуальной еды; в обилии мотивов, связанных с сельскохозяйственными работами – содержатся характеристичные свидетельства того, что в сознании наших предков святые христианского пантеона и языческие боги находились в довольно близком соседстве. Это свидетельствует о взаимодействии двух культур, их ассимиляции и в результате о формировании яркой этнокультурной художественной системы, нашедшей глубокое отражение, в частности в музыкально-обрядовом фольклоре края, декоративно-прикладном творчестве, в единой системе календарных и семейных праздников и обрядов, доминировании «алилешных» песен хороводного, плясового и свадебного жанров, в особой приверженности к исполнению различных ритмических украшений ногами во время «игры» скорых песен и, особенно в плясках. «Играть» песню по-белгородски – значит воспроизводить текст в соответствии с музыкальным ритмом, мелодикой, хореографической пластикой и драматическим действием.

Сохранившиеся в образцах местного песенного фольклора, устного поэтического творчества, упоминания о «севряках», «смердах», «горюнах», «щуканах», «мамонах», «саянах», холопах, казаках, крестьянах, боярах, военнотружителям люде подтверждают мысль о восприятии и переработке на русской почве различных этнических традиций, актуализируя тезис о формировании народной художественной культуры края в аспекте ее полистадиальности, полисоциальности, сословного фактора. В этой связи, применительно к песенному фольклору, для нас ценно заключение Н.М. Лопатина о том, что народная песня создавалась не исключительно простонародьем «в иных народных песнях видны следы образования их в среде боярской, в среде военнотружителей люде» [5, 66]. О сословном факторе формирования южнорусской песенной традиции, в частности, писала в своей статье «остатки боярских песен» Н.С. Кохановская, отмечая следы высокомерия,

пренебрежительного отношения к низшему сословию смердов в песне «Отдал меня батюшка за смердова сына».

По данным писцовых книг, в «Списках населенных мест» городов Белгородской засечной черты упоминаются «севрюки» и «горюны». Вполне вероятно, что именно эти этнические группы, некогда населявшие территорию края, и есть потомки древних северян, поселения которых находились в Путивльском уезде Белгородской (впоследствии Курской) губернии, а ныне – Сумской области. А.И. Соболевский считает их потомками старых северян, уцелевших от татарских набегов в северном Полесье [9].

Эти предположения обоснованы анализом говоров и народного костюма «горюнов», многие детали которого сохранили отзвук древнерусской традиции. Так, комплекс женской одежды включал в себя «чохву» (рубаша с длинными рукавами – ниже кистей рук), «понеуплахту» с «хвартушкой», «наметку» (белое полотенце, которым укрывали голову). Девушки носили венки или «тканки» (парчовые или вышитые серебром полосы) с лентами, опускающимися на спину, а поверх – платки, к которым накладывались узкие венчики из гусиных перьев. Несмотря на многие сходства с культурой других народов (украинцев и белорусов), эти гипотетические потомки древних северян смогли сохранить свою самобытность вплоть до XX века [13].

Пока нет единого мнения ученых о происхождении другой этнической группы великорусов – «саянов», поселения которых были разбросаны в основном в северной части курских земель. Однако исследование подтверждает, что существенным чертам говора «саянов» близок язык жителей Болховца и Карповки, которые весьма своеобразно произносят звуки «ц» и «щ», заменяя их звуком «с». Например, «улиса» – вместо «улица», «заяс» – вместо «заяц» и так далее. Такой диалект был характерен также для жителей слобод Жилой и Савино близ Белгорода. Отголоски этого говора сохранили старожилы ряда сел Грайворонского района (Пороз, Доброе, Почаево) и села Фошеватово Волоконовского района.

Комплекс традиционной женской одежды «саянов» также свидетельствует о древности этой этнической группы, так как включает сарафан, «саян», «чепец» и «повязку» (головные уборы женщины и девушки), «коты» (грубые кожаные башмаки) и «черевики» (кожаные легкие туфли с «махорчиками»). По всей вероятности, саянские поселения в крае образовались в результате миграционных потоков в XVI–XVII веках из ближайших южнорусских городов.

Вплоть до XX века на территории районов, примыкавших к Воронежской и Курской губерниям, проживали «щуканы», названные так за характерное «щоканье» говора, замены звука «ч» на «ц» и наоборот («черква» вместо «церква», «целовек» вместо «человек»). Традиционный

женский наряд цуканов также нес на себе печать глубокой старины – красная понева, рогатая кичка, длинный передник («запон»). Симпатиями у соседей великорусов цуканы не пользовались. Они презрительно называли их «хамами», «выворотными»: «...они мрачны, грубы и живут грязнее своих соседей. Их речь медлительна (как и походка), тон ее низкий: кажется, будто говорящие стараются прижать подбородок и нарочно говорить басом» [10].

И по сей день отголоски некоторых локальных этнических групп великорусского населения ощутимы в говоре местных жителей края. Например, в районах Белгородско-Курского региона – «евунов» с их характерным «ево», «каво», «чаво»: в Красненском и Губкинском районах – «щекунов», говорящих «шо» вместо «что»; в Старооскольском, Алексеевском, Новооскольском районах – «ягунов» («каго», «яго», «ион» вместо «он»). И хотя диалектные особенности говора «щекунов» и «ягунов» не были столь отличны друг от друга, они сильно различались «... в наружности и больше всего в покрое одежды... Разность между щекунами и ягунами так велика, что они никогда не вступают в родственные связи друг с другом, не имеют дружественных отношений между собой...» [7]. Не вызывает сомнения и факт проживания во второй половине XVII в. в бассейне реки Корени (левобережного притока Северского Донца) в селах Ломово, Заячье, Мазикино, Свиридово, Тюрино, Новая Слободка Корочанского района древней группы великорусов – «мамонов», упоминаемых в исследованиях Л.Н. Чижиковой [12].

Известно, что еще в середине XIX века этнические группы на территории края жили обособленно друг от друга и окружающего населения в силу этнических и социально-экономических факторов. Помимо различий в говоре, одежде, образе жизни, бытовом укладе они были выходцами из разных регионов России и принадлежали к разным слоям крестьянства. Так, упоминаемые нами «саяны», «горюны», «цуканы» и «мамоны» принадлежали к категории монастырских крестьян, то есть находились в крепостной зависимости у монастырей. Рядом жили помещичьи крестьяне и однодворцы со своим определенным социальным статусом, традициями, укладом жизни.

По утверждению историка М.А. Тихомирова, вольная колонизация в крае предшествовала правительственной, монастырской, помещичьей. Изучая содержание грамот о составе населения первых военных городов на Белгородской засечной черте, Д.К. Зеленин установил, что на степную окраину Московского государства чаще всего попадали «сведенцы» – служилые люди из ближайших населенных пунктов. Диалектологи обнаруживают в южнорусских говорах некоторые общие черты с украинским и белорусским языком, что объясняется украинской и белорусской колонизацией южных рубежей Московского государства.

«Памятники» этой культуры ярко прослеживаются и сегодня в народной одежде населения ряда районов области – Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, отчасти Чернянского и Красногвардейского, где встречается вышивка красно-черными нитями.

Как известно, в 1639 году в Короче, Белгороде, Валуйках, Коротояке, Урыве, Яблонове были поселены «черкасы» [2]. До сих пор в ряде регионов области их потомки составляют целые населенные пункты, которые говорят на ломаном украинско-русском языке. В 1652 году по приглашению царя Алексея Михайловича на Белгородскую черту прибыли Заднепровские казаки в количестве 1000 человек под руководством полковника Дзиньковского [3]. В связи с этим необходимо указать на массовый переход украинцев в пределы русских земель, который начался во второй половине XVI века, когда социально-религиозный гнет польско-литовской и украинской шляхты стал особенно жестоким.

Безусловно, это способствовало смешению и взаимопроникновению двух культур, проявившиеся особенно заметно в устройстве крестьянского дома, в традициях кухни, диалекте, фольклоре, обрядах и праздниках. Однако многие самобытные черты традиционной народной художественной культуры края сохраняются в ярко выраженной форме и в настоящее время. На это обратил внимание еще А.И. Соболевский. В работе «Русский народ как этнографическое целое» исследователь указывает на то, что точных границ между тремя славянскими народами, как правило, не наблюдается: есть районы (пояса) переходные, где сочетаются признаки и того, и другого народов. И тут же Соболевский вносит в свое заключение существенную поправку: «Точная граница может быть проведена только между великорусами и малорусами в тех местах, где и те, и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия. Здесь у этнографа обычно не бывает никаких затруднений: одну деревню по ее языку и быту он может смело и решительно назвать великорусскою, а ее соседку, также на основании ее языка и быта, он называет малорусскою» [9, 12]. Это утверждение обосновывают и материалы музыкально-этнографических экспедиций в села Белгородчины, свидетельствующие, что традиционная народная культура сохраняет свои индивидуальные особенности. Прямое украинское воздействие на нее ощущается только в более поздние исторические периоды. И, напротив, типичные признаки южнорусской традиции удалось зафиксировать участникам экспедиции Московской консерватории на территории Украины. Это еще одно из предположений о том, что только потомки славян-степняков могли принести с собой в южнорусские пограничные города традиции, корни которых уходят ко временам единства юго-восточных славян в эпоху образования Киевского государства. Существенным подтверждением этого предположения

является и народная одежда края в композиции, загадочном орнаменте, широкой цветовой гамме которой отложилось родство человека с богатейшей природой края, опытом предков-землепашцев. Достаточно сказать, что основным типом женской одежды в крае была понева, упоминание о которой встречается в древнерусских рукописях. Находим и одно из ранних изображений поневы на браслете из рязанского клада XII века. Понева восходит к одежде исконно славянского земледельческого населения, которое занимало правобережье Дона и его притоки. Она была распространена по всей южнорусской территории. Аналогична точка зрения В.М. Щурова: «Род женской одежды типа поневы встречается у всех трех восточнославянских народов (запaska у украинцев, плахта у белорусов)» [13, 45].

Порубежный характер края определял единый образ жизни «служилых людей южнорусского пограничья XVI-XVII веков, основными занятиями которых были ратный труд и земледелие». Следы пребывания в крае «служилых по прибору» (крестьяне, «нетяглые охочие люди», посадская беднота, свободные «казаки») сохранились в названиях сел, деревень, полей: Стрелецкое, Казацкое, Пушкарное, Драгунка, Солдатское по существу они и составляли низший разряд служилого сословия (стрельцы, солдаты, пехотинцы и артиллеристы, пушкари, затынщики, кузнецы, плотники, воротники). Соответственно разрядам за свою службу и на время службы «служилые люди» получали жалованье и земельные наделы. По своему хозяйственному и служебному положению «служилые люди» порубежных городов мало чем отличались друг от друга и по сути приравнивались к «детям боярским». Однако традиции «детей боярских», входивших в разряд «служилых по отечеству», моральный вес которых среди служилого люда был значительным, оказали заметное влияние на развитие народной художественной культуры края. Отголоски этого влияния заметно ощутимы сегодня в говоре жителей ряда сел Алексеевского, Красненского, Красногвардейского и Новооскольского районов (наличие мягкого «к» в конце слова, например «печкя», «внучкю»), в поэтике песенного фольклора.

Безусловно, определенное влияние на формирование народной художественной культуры края оказали и служилые люди «по прибору», обращенные в 1724 году указом Петра I в «однородцев», владевшие землей по частному «четверному праву». Это выгодно отличало их от простых «экономических» крестьян и ограничивало проникновение в среду «четвертников» представителей других сословий. Поэтому наряду с выявлением целостной этнографической зоны края, обозначенной этнографами, лингвистами, фольклористами термином «южнорусская», целесообразно выделить и ее основные территориальные локусы: Белгородско-Курский, Белгородско-Воронежский, Белгородско-Оскольский, обусловленные этнографическими, природно-

климатическими особенностями, социально-бытовым и хозяйственным укладом жизни коренного населения. Синтез этих факторов способствовал формированию стилевой общности и единства народной художественной культуры края в целом и особого своеобразия каждого из трех вышеназванных регионов области.

Традиционный народный костюм края – это также живая история, с совершенно определенными в каждом регионе области комплексами (поневный и с андаракон в Белгородско-Воронежском регионе, сарафанный – в Белгородско-Курском, «парочка» (юбка с кофтой) – в Белгородско-Оскольском), поэтическое предание, в котором оживает значительный и мудрый язык старинного орнамента, где отложилось родство человека с землей и небом, с чередой времен года, с их пестрой цветовой гаммой. Невольно вспоминаются и парящая птица, и Мать Берегиня, и «Древо Жизни», с древнейших времен воплощаемые в местном «узорокье», подтверждая слова В.В. Стасова о том, что у народа орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии, а потому – каждая черточка, каждый мотив имели свое значение и свои функции. Ввиду этого народную одежду можно рассматривать как вещь и как знак, характеризующий человека, этнос, эпоху в ракурсе историко-культурологических, этнографических, социально-бытовых процессов.

Для осмысления этого процесса обратимся к песне, записанной в селе Подсереднее Алексеевского района, воскрешающей в памяти образ традиционной женской одежды XVIII века:

У наших воротьев, у новых, у широких.

Стояла Хведора с позументом понева.

С нитком подпояска, с канителью завеска.

Строченная кичка, золотая сорочка.

Сама бела-румяна, еще личиком полна, а бровками черна.

Молодец хороший Хведору займая,

Да на ножку ступая, чулок белый марая.

Молодец хороший, не замай ты Хведору

При всем при народу, при честном хороводу.

Язык этой фольклорной песни представил нам не только детали женского костюма: понева (юбка), подпояска (пояс), завеска (фартук), сорока (головной убор), но и поведал о высочайшем художественном мастерстве и вкусе его владелицы, ее социально-общественном статусе, ибо «сороку» носили только замужние женщины, однодворки. А заключительные слова песни являют нам морально-этический образец женственности, целомудрия, внутренней красоты, достоинства.

Окружающая природная и социокультурная среда осуществили «практическую» философию народного костюма, то есть его **функциональность** – многообразие видов: сезонной, будничной, праздничной, приспособленной к климату, хозяйственному укладу,

семейному быту; **конструктивность** – предельная простота, доступность в изготовлении и экономичность в расходовании сырья. Непревзойденная **декоративность** народной одежды, то есть наличие вышивки, ткачества, кружевоплетения – еще одна характерная ее особенность, которая могла рассказать и о художественном вкусе владелицы, ее возрасте, имущественном положении семьи, материальном достатке, наличии земли, мужа, детей, особенностях характера, личностных качествах.

В этом аспекте орнамент белгородских узоров выявляет нам первосмыслы знаков-символов, знаков-оберегов, напрямую связанных с почитанием культа земли, воды, растительности, солнца, ввиду чего располагался на определенных местах: жерелке (воротнике), пазухе, рукавам и обшлагам, по подолу. Считалось, что орнамент в виде креста, круга, геометрического треугольника, ромба, квадрата символизирует силы добра, разума, мира, жизни, а, следовательно, вышивались в области жизненно важных участков тела: головы, сердца, рук, ног, в тех местах, где одежда кончалась, что вполне согласуется с их исконным назначением – магическое заклинание, стремление воздействовать на мир, дабы уберечься от злых сил, несчастья и бед.

Безусловно, не все знаки-символы, знаки-обереги сохранились на народной одежде ввиду особых геополитических, миграционных, социально-общественных процессов, влиянием массовой надэтнической культуры, глобализацией культуры, захлестнувшей современный мир. Однако, проведенные исследования, в том числе и авторские, изложенные в работе «Традиционный народный костюм Белгородчины: история и современность», дают достаточно полное представление «об изначальных орнаментальных формах, в соединении разрозненных единичных знаков в цельные художественные произведения орнаментального искусства» [8, 31], являя нам ценностно-полифункциональный феномен духовно-практической деятельности народа, выразитель его интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления, рациональных и эмоциональных форм в системе соотношения коллективного и индивидуального, родового и социального, национального и общечеловеческого.

Как показывает исследование, освоение фольклорных традиций происходило естественным путем в семье, которая выполняла все основные культурные функции: «она была производственной ячейкой; члены семьи сами производили для себя все, что необходимо для жизнеобеспечения; во многом она заменяла школу; в семье профессия и мировоззрение передавались по традиции; она была ядром социальной организации и контроля, ибо представляла собой общность, находящуюся под контролем общественного мнения окружающих; жизнедеятельность ее членов регулировалась обыденным правом (нравы, обычаи); наконец, именно она обеспечивала социально установленные формы досуга, являя

собой своеобразный аналог современного клуба по интересам, регламентируемым утвердившимися обычаями» [1, 244]. Такой уклад жизни способствовал передаче народной культуры из поколения в поколение традиционным путем «из уст в уста», от старшего к младшему, от Мастера к ученику, формируя определенную замкнутость – «консервацию» традиций внутри определенного локуса, благодаря чему мы имеем сегодня уникальное явление в русской народной исполнительской практике – фощеватовское двуххорное пение каноном свадебных песен. До сих пор в России: ни в прошлом, ни теперь подобного исполнения зафиксировано не было, равно как и самобытного хореографического движения «пересек» – особой формы полиритмии, основанной на наложении двух или более ритмов в одновременном исполнении, бытующем до сих пор в Белгородско-Воронежском регионе; ансамблевой игры на «пищиках» (жалейка), кугиклах, дудках, балалайках, бытованием «говеенских» танков, календарно-ориентированных хороводных песен с ярким плясовым началом и самобытной хореографией («хороводы с поясами» и «ширинки» – хороводы с рушниками); оригинальной спецификой календарных и свадебных обрядов, каждый из которых имеет свои местные особенности.

Таким образом, региональный подход в исследовании народной художественной культуры ведет нас в богатую область вариативности ее элементов, разветвленности традиций, множественности исторических типов их выражения, а вместе с этим – в сферу этнической истории в ее конкретике, сложности и загадочности. Безусловно, широкий спектр базовых вопросов этой проблематики сложен и многогранен, ввиду синкретичной, многофункциональной, ценностно-смысловой и сущностной природы всех ее составляющих. Однако именно это обстоятельство дает нам возможность междисциплинарного социогуманитарного подхода к этим явлениям в пространственно-временной онтологии их ретроспективного анализа.

Литература

1. Арнольд А.И. Введение в культурологию. – М., 1993.
2. Боголей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1987.
3. Веселовский Г.М. Острогжск и его уезд. – Воронеж, 1867.
4. Каргин А.С. Народная художественная культура. – М., 1997.
5. Лопатин Н.М., Прокунин В.П. Русские народные песни. – М., 1956.
6. Мошков В. Некоторые провинциальные особенности в русском народном пении // Баян. – 1890. – № 4, 5.
7. Покровский В. Некоторые дополнительные сведения о жителях Ясеновской волости Нижнедевицкого уезда, 1854.
8. Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии. – Воронеж, 1997. – С. 31.

9. Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. – Харьков, 1907.

10. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб., 1904. –Т. XXV.

11. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. – М., 1988.

12. Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области / Институт этнографии // Полевые исследования 1977 года. – М., 1979. – С. 9.

13. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – М.: Сов. композитор, 1987.

Журавлева Л.И.

*Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова
Белгород, Россия*

РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В период глубочайшего экономического кризиса 1929-1933 гг. пытались привычными мерами, поддержанием сбалансированного бюджета и устойчивого валютного курса, привести экономику своих стран в состояние равновесия. Но неоклассическая политика демонстрировала полную несостоятельность, требовались новые подходы. Именно в это время получили популярность идеи Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования.

Современная экономика также подвержена действию экономических кризисов, но не только это обстоятельство побуждает нас вновь и вновь обращаться к кейнсианским идеям государственного регулирования экономики, важное значение имеет исторический опыт. Так, в России в конце XIX века в отличие от Запада был большой государственный сектор хозяйства. В его состав входил Российский государственный банк, 2/3 железных дорог, огромный земельный фонд, в том числе 60 % лесов, много промышленных предприятий [3, 50]. Во главе банковской системы России стоял Российский государственный банк. Банк мог эффективно контролировать акционерные банки, нейтрализовать влияние иностранного капитала в них.

Русское общество всегда развивалось по иерархическому принципу, было основано на вертикали верховной власти, его органичными элементами были авторитет старейшин, соборность, общинность, стремление к социальной справедливости, принцип сопричастности к судьбе страны, приоритет общественных интересов. Обеспечение этих принципов возможно только государством.

Государство в российском обществе выступает как общественный союз, скрепляющий общество, обеспечивающий приоритет общего над частным. Безудержное стремление к деньгам, пренебрежение к другим сферам жизни привело к вырождению предпринимателей.

Нельзя сегодня забывать мнение русских ученых: невозможно использовать начала одной цивилизации в качестве образца для развития другой цивилизации, как это делается на протяжении более, чем двадцати лет в нашем обществе [2, 162,170].

Все сказанное позволяет сделать вывод: возвращение государства в экономику – неизбежно, если мы хотим иметь сильное государство, здоровое население, имеющее не богатство, а доходы, способные обеспечить достойную, нравственную, наполненную глубоким содержанием, жизнь.

Литература

1. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1184с.
2. Экономическая история. Учебно-практическое пособие / Под ред. Калтахчан Н.М. – М.: Издательство МЭСИ, 1997.

Закиров М.Б.

*Луганский национальный
университет им. Тараса Шевченко
Луганск, Украина*

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

В центре политической концепции Н.А. Бердяева стоит проблема ценности личности. Выдающийся русский мыслитель продолжал традиции древнегреческого антропоцентризма, сформулированного Протагором: «Человек – есть мера всех вещей». Причем Н.А. Бердяев не только определяет личность как наивысшую ценность, но и отводит человеку решающую роль в определении ценностей «Человек есть существо оценивающее, определяющее качество» [1, 74]. Однако это зачастую приводит к субъективно ошибочной оценке истинного значения явлений и к «опрокидыванию иерархии ценностей». В частности, основную проблему современного общества Н.А. Бердяев видел в переоцененности средств жизни, которые заслонили собою цель. Одним из проявлений такого преобладания средства есть гипертрофия экономики, которая, безусловно, является лишь средством, а не целью жизни [1, 75].

По мнению философа, в политической аксиологии признание экономики предпосылкой всей человеческой жизни сыграло фатальную

роль. Материалисты увидели в ней первореальность, которую они вывели из признания ее необходимости, и ошибочно приняли эту необходимость за высшую ценность [1, 79]. В результате в обществе воцарился индивидуализм, который, по убеждению философа, на самом деле не утверждает и не может утверждать ценности человеческой личности. Индивидуализм заинтересован не человеком как личностью, а «экономическим человеком» как частью экономической системы. Человек в этой системе — лишь инструмент достижения экономической мощи государства и нации. Высшей ценностью становится экономическое развитие, а не развитие человеческой личности [2, 50]. Целью такого общества становится потребление, воцаряется культ производства ради потребления, а не культ духовного развития. В результате изначально прогрессивная идея либерализма извращается, свобода личности подменяется свободой экономики. «В то время как», — подчеркивал Н.А. Бердяев, — «настоящая цель не свобода экономики, а свобода от экономики» [3, 51]. Материалистический социализм освятил факт классовой борьбы и окончательно подчинил человека классу. «Средства борьбы окончательно затмили высшие цели жизни» [4, 2]. Вследствие этого происходит отрицание общечеловеческой природы и утверждается верховенство классов и классовых интересов над общечеловеческими и личными интересами. Более того, в результате такой метаморфозы ценностей вместо конкретного человека видится отвлеченная коллективная субстанция буржуазии и пролетариата.

В мире, подчеркивал Н.А. Бердяев, в котором на смену качественных критериев личности приходят количественные критерии класса, человек «буржуазный» и человек «социалистический», разведенные по разным классам, перестают быть братьями, представителями единого рода человеческого [2, 3]. Человек как самостоятельная ценность растворяется в безликой массе и превращается из самостоятельной творческой личности в носителя и выразителя безличной классовой субстанции. Причем, отмечал философ, подмена высших духовных ценностей происходит не только в отношении иерархии субъектов. Извращаются и отношения внутри классов. Пролетарий пролетарию не брат по общности духа, а всего лишь товарищ, соединенный общностью сиюминутных, материальных или классовых интересов

Само же понятие «товарищ» — искусственное, не имеющее реальных оснований. Философ подчеркивал, что человек человеку либо брат в церкви, либо гражданин в государстве. «Гражданство связано с правом, братство связано с любовью» [2, 3]. Товарищество же признает лишь общность или различие интересов. «О человеке забыли в разъярении классовой ненависти. А между тем... Всякий класс есть

временное, преходящее явление, его не было и не будет. Человек конкретен. Класс же есть абстракция» [2, 4].

Механизм превращения средства в цель философ определяет как «идолотворение». В его представлении какая-нибудь сфера человеческой жизни и человеческой активности сначала делается автономной, отрывается от духовного центра, т. е. секуляризируется, а потом незаметно переходит в высшую святыню и идола. Таковы идолы государства, нации, хозяйственной мощи, технического совершенства и пр. Однако процесс секуляризации сам по себе не несет угрозы истинной иерархии ценностей. Так, Н.А. Бердяев считал в целом позитивным тот факт, что государство перестало быть священным и теократическим. «Но люди, потеряв веру в Бога, начинают обожествлять государство. Или же превращают в религию национализм» [2, 46].

А между тем, по мнению Н.А. Бердяева, в истинной иерархии политических ценностей личность не только надгосударственна, она и наднациональна: «...народ, национальность есть относительная, а не абсолютная ценность, и всякая попытка увидеть тут верховную и абсолютную ценность есть идолотворение. Нет эллина и нет иудея – это истина высшая и исповедание этой истины может привести к конфликту личностей с народом, с нацией, если потребуют отречения от этой истины. Бог и божья правда, Божье царство выше народов с их партикуляристическими интересами» [3, 328]. Перечень потенциальных идолов не исчерпывается классом, государством или нацией. «Этатизм, национализм, коммунизм, расизм, сиентизм, морализм, эстетизм – все это формы идолотворения, формы абсолютизации относительного» [3, 321].

Таким образом, можно сделать вывод, что, по мнению Н.А. Бердяева, человеческая личность является высшей ценностью, а ее духовное развитие – целью жизни. Основной проблемой современного общества является опрокидывание естественной иерархии ценностей вследствие превращения средств жизни в идолы, заслоняющие собой ее истинную цель.

Литература

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – Париж: YMCA-PRESS, 1951. – 165 с.
2. Бердяев Н.А. О социальном персонализме // Новый Град. – 1933. – №7. – С. 44–60.
3. Бердяев Н.А. Человеческая личность и сверхличные ценности // Современные записки. – 1937. – №43. – С. 293–332.
4. Бердяев Н.А. Класс и человек // Народоправство. – 1918. – № 20. – С. 2–4.

КУКЛА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Любой человек, независимо от возраста и социального статуса помнит игрушки своего детства. Они словно манят нас в свой уютный мир, возвращая туда где «живет» незабываемая, яркая эмоция. Большинство современных родителей, покупая своему ребенку «робота» или куклу Барби, игровую приставку, порой не задумываются о том, что этот подарок наряду с развлечением оказывает еще и сильное влияние на его обладателя.

Среди вещей, входящих в наше повседневное бытие, с колыбели и затем сопровождающих нас в течение всей жизни, нет, пожалуй, вещи более очевидной и известной и вместе с тем более таинственной, чем кукла. Она, являясь древним социокультурным феноменом – не только забава и развлечение, но и способ самовыражения ребенка, приобретение реальных жизненных навыков, самовоспитание. Ребенок в процессе общения с куклой-игрушкой познает и эстетически переживает окружающий мир, при этом «социальность входит в интимное содержание личности» [1, 196]. Игрушка становится показателем образа мыслей общества, его духовной составляющей. «Я считаю, – пишет в своей книге Горалик Линор, возможным воспринимать Барби как своего рода зеркало западной цивилизации, причем зеркало с неожиданной, но очень полезной кривинкой: цивилизация эта отражается в нем, как если бы она была кукольной» [3].

Куклы сопровождают человека с начала его культурной истории. В давнем спутнике детства, ее содержании, форме и отделке отражались представления о добре, красоте и мире в целом. Кукла – мост в сознании ребенка между реальной жизнью и его воображением. Это материал для игры, для самостоятельного творчества с помощью конкретных вещей и путь к познанию жизни. Уже сама ее «очеловеченность», близость к живому (ибо кукла по определению – это символическое изображение человека, или животного), способность в условно – игровых формах заменять человека, выступать в его функции, выделяет ее из множества окружающих нас предметов.

Тарас Вархотов, размышляя о феноменологии куклы, пишет о двойственности человеческих чувств к кукле – противоречивое сочетание нежности и привязанности со страхом и эскапизмом. Он отмечает, что секрет куклы заключается в ее почти «мистической способности

заставлять человека видеть в ней себя. Она появилась, как способ делегировать свои важные дела надежному и верному исполнителю...» [2, 13]. Кукла словно впитывает силу от своего хозяина и, в результате, заставляет его узнавать себя в ней. Поэтому дети привязываются к куклам, которые радуют, воздействуют на еще неосознанное эстетическое чувство и укореняются в их памяти на долгие годы.

Литература

1. Попкова Т.Д. Методология исследования детства: понятийный аппарат // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, изд-во БелГУ, 2011. – № 14 (109). – Выпуск 17. – С. 196.

2. Вархотов Т. К феноменологии куклы // Материалы II Международной конференции «Художественная кукла. Истоки и современность» // Кукла и социум. 2012. – С. 13.

3. Горалик Линор. Полая женщина: Мир Барби внутри и снаружи. – М.: НЛО, 2005. – С. 9–13.

Зинченко В.В.

*Институт высшего образования
Национальной академии
педагогических наук Украины
Киев, Украина*

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЛИЧНОСТНАЯ ДЕВИАНТНОСТЬ В ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Наше ощущение собственной субъективности (свободы воли) возникает из деятельности (практики), уже подготовленной и ожидающей лишь, когда мы начнем ее воплощать. Осуществляя действия в предложенной системой манере, исполняя роли, подготовленные до нас, мы приходим к уверенности в «авторстве» своих действий. Вопрос заключается в том, каким образом является возможным сохранить некоторые черты, неопределенные социальными структурами, чтобы отбросить априорное стремление любой общественной системы (в том числе репрессивной) предотвратить «Большой отказ» (Г. Маркузе) индивидов от жесткой социальной детерминации их поступков, сформировать более широкое пространство для «авторской» личностной практики.

Современное индустриальное общество и его политико-экономические, идеологические институты, невзирая на высокий уровень технологического развития является в скрытой форме достаточно несправедливым и антигуманным, поскольку, т.н. «позднее

капиталистическое» общество (а тем более, «раннекапиталистическое» и транзитивное), манипулируя общественным и индивидуальным сознанием, становится репрессивным орудием угнетения свободы человека. В значительной мере это касается обществ «раннего капиталистического» и «переходного» типов, где уровень репрессивности есть главным образом явно, а не скрыто насильственным и является основным методом социального управления [11, 34]. Модели взаимодействия и взаимоотношений процессов поведения личности, индивидуального выбора, бессознательных психических факторов, приобретения социальных ролевых статусов со структурами общества являются предметом обстоятельного анализа многих исследователей, прежде всего тех из них, которые стремятся к объективной и многогранной концептуализации социально-исторических идей современного западного марксизма (неомарксизма, постмарксизма) и социальных направлений современного психоанализа. Базовым для них является понятие «*практики*», которая рассматривается максимально широко, – как актуализация первичных аспектов психического и социального, лингвистического и производственного, политического поведения человека: стремления и выбора.

В современном неомарксизме в этом контексте личное бытие рассматривается как совокупность разных конкретных практик, которые поддаются аналитическому распределению, в результате чего из множественного числа их разновидностей является возможным выделить основные из них: *экономическую, политическую и идеологическую*, рассматривая их как основополагающие для всех типов обществ и индивидуального развития. Явления «политического» и «идеологического» общественного бытия приобретают более широкое значение и фактически включают в себя большинство аспектов социальной жизни. «Реальный субъект, индивид в его неповторимой сущности, не является автономным «Я», которое сконцентрировано на самом себе, на «сознании» или «существовании» – то ли существовании сознания, собственного тела или «поведения»; человек-субъект не имеет «центра», являя собой структуру, которая также, если и имеет «центр», то лишь в ошибочных представлениях самого «Я», то есть в тех идеологических образованиях, в которых оно себя “познает» [2, 70].

Во взаимоотношениях трех основных уровней общественной организации каждый из них владеет собственной своеобразной совокупностью экономико-социальных и психических специфик, собственной логикой отношений этих составных личностных частиц, их внутренней структурой. Поэтому каждый из этих общественно-индивидуальных уровней имеет определенное общественно-индивидуальное проявление, формируя специфические комплексные связи между собой. Это проявляется в определенной автономности

уровней и в своеобразной двусмысленности причинных их связей. Идеология и политика не являются простым следствием экономики, их отношения не имеют жестко детерминированный характер. К тому же они способны осуществлять обратное влияние на экономические отношения. Содержание социальной системы в целом возможно рассматривать как результат взаимоотношений противоречий разных уровней общественной жизни, в частности, социального и психического, экономического и политического, идеологического и духовного. Эти взаимоотношения могут быть двух разновидностей: или противоречия разных уровней усиливают друг друга, или они взаимно гасятся. Результатом первой разновидности взаимоотношений может быть революция в широком смысле (как тотальная трансформация социума и типов мировосприятия), а результатом второго – стагнация и упадок. Личностное поведение является, достаточно сильно детерминированным социальными структурами. Деятельность создает впечатление «свободного выбора», а основой создания двойного впечатления служит функциональное существование «государственного идеологического аппарата». Этот аппарат существует до появления отдельной личности, и большинство ролей, какие мы можем избрать в нашей социальной жизни, уже существуют в нем. Мы рождаемся для выполнения ролей, подготовленных предварительно.

По мнению М. Фуко, современный человек является существом, которое порождается в значительной мере карательными методами и аппаратом власти. Человеческая душа рождается из процедур наказания и присмотра, наказания и принуждения. Существующие в обществе карательные аппараты власти «являются основанными на трех больших схемах: политико-моральная схема индивидуальной изоляции и иерархии; экономическая модель силы, которая используется в принудительном труде; психико-медицинская модель лечения и нормализации. Тюремная камера, мастерская, лечебница» [6, 248]. М. Фуко специально обращается к анализу карательных механизмов государственной власти, которые подавляют и притесняют человеческую личность. В концепции «генеалогии власти» он выделяет три основных разновидности наказания, которые существовали и функционируют в ту или другую эпоху. В средневековье главной формой наказания была публичная казнь, которая осуществлялась как праздничный театрализованный ритуал. Потом, в эпоху Просвещения, публичное наказание было заменено на мгновенную нейтрализацию и ликвидацию нежелательных системе элементов. Главным же наказанием современной эпохи, которая начинается на грани XVIII-XIX вв., является тюремная изоляция.

Развитие общественно-государственной репрессивности тесно связано с формированием представлений о психической норме и патологии. Если в средневековье и эпоху Возрождения между умом и

неумным существовало органическое единство, то XVII в. разрушил это единство, резко противопоставив ум глупости, что выразилось в создании определенных госпиталей, куда направляли всех тех, кто не вписывался в жесткие рамки общепринятых критериев нормы. В большей части таких госпиталей больные содержались так же, как преступники в тюрьме. Психиатрия как отрасль медицины, согласно Фуко, возникла именно в результате социального заказа и подобного явления изоляции. То есть в тот период врачи заинтересовались разными формами психических заболеваний не в результате развития медицинских знаний, идей гуманизма, а прежде всего, благодаря изоляции, политической репрессивности и созданию общих тюремных госпиталей. Именно социально-политические факторы обусловили появление «медицинского восприятия безумия», то есть отделение от других форм нерационального поведения. Это, в свою очередь, связано с тем, что господствующий тип знания («взаимосвязь слов и вещей») является обусловленной той или иной «социальной механикой», «социальной технологией», совокупностью экономических, социально-политических условий жизни общества, государственно-правовыми институтами власти.

«Критическая психиатрия», которая основана на идеях и концептуальных схемах критической теории социальных исследований, отмечает, что «шизофрения достаточно часто является ярлыком, который цепляется на определенные личности агентами господствующей культуры и ее государственной структуры» [14, 123].

То, что рассматривается как психическая болезнь, в действительности во многих случаях государственной репрессивности и «репрессивной толерантности» необходимо рассматривать как выражение отчужденного социального уклада. Поскольку в этом случае шизофрения – это «ярлык», который используется в политических целях, то тем самым разрушается авторитет психиатра и медико-социального механизма, который он представляет. Психическая болезнь приобретает политическую окраску, «пациент» становится жертвой социального контроля, психиатрия – техникой такого контроля. Как отмечает Д. Купер, шизофрения в этом случае должна пониматься не как болезнь отдельного человека, а как некоторая «микросоциальная кризисная ситуация, в которой поступки и вся деятельность человека инвалидизируется другими в результате определенных культурных причин к такой ступени, на которой она признается «душевнобольной», что в дальнейшем утверждается юридически» [4, 16].

Представляется возможным отметить, что современное индустриальное общество, невзирая на высокий уровень технологического развития, является в скрытой форме достаточно несправедливым и антигуманным, поскольку это общество формирует так называемых «одномерных людей» (Г. Маркузе), людей-марионеток,

мыслями и поведением которых легко манипулировать. Современное «*позднекапиталистическое*» общество, манипулируя общественным и индивидуальным сознанием, становится репрессивным орудием угнетения свободы человека. Еще в большей мере это касается обществ «*раннекапиталистического*» и «*переходного*» («транзитивного») типов, где уровень репрессивности есть главным образом явно, а не скрыто насильственным и является основным методом социального управления.

В то же время, *психическое отчуждение* является непосредственно связанным с *отчуждением социальным*, с **экономическим фетишизмом**, который превращает человека в определенную товарную функцию. Современное общество надевает «смирительную рубашку» репрессии на каждого человека, начиная с его рождения. В условиях тотального отчуждения, угнетения человека внеличностными силами властвования; шизофреником может оказаться тот, кто просто не является способным осуществлять свои нормальные реакции, чтобы приспособиться к ненормальному обществу, в котором постоянно сталкивается с конфликтными анонимными отношениями иерархии, господства и подчинения на уровне и общества, и семьи. В контексте нашего сегодняшнего всеобъемлющего безумия, – отмечает Лейнг, – то, что мы называем нормой, здоровьем, свободой, все наши пункты отсчета являются сомнительными и двусмысленными. Человек, который стремится быть скорее мертвым, чем «красным», считается нормальным. Человек, который говорит, что потерял душу – сошел с ума. Человек, который утверждает, что кто-то является низшей расой, может быть достаточно уважаемым. «Государственные деятели мирового значения, которые щеголяют и угрожают тем, что у них есть оружие Страшного суда, являются гораздо более опасными и гораздо более отчужденными от реальности, чем значительное количество людей, на которых прицеплен ярлык “душевнобольного”» [13, 12].

Задание психоанализа, согласно Лакану, заключается в том, чтобы ввести в субъекта частицу реального. «Подслушивая» у анализируемого речь Другого, (то есть недореализованного в то время, когда мир субъекта был настолько же фрагментированным, как и он сам), аналитик превращает речь в «*полную речь*» Другого, интерпретируя субъекту старый, прошлый запрос, провозглашая просьбу Id («Оно» – бессознательное) к субъекту, в результате чего Другой превращается в место, где молвило Оно. На месте ожидаемого человеком бессознательно господствующего обладателя, который навязывает идеалы и ценности, находится «*объект а*» (от *autre* [фр.] – «*другой*») – то, что человек любил и недолюбил, ненавидел и недоненавидел в своем детстве. Целью лакановского психоанализа является реконструкция структуры бессознательного, сущности психо-невротических расстройств на основе реконструкции и трансформации потоков речи, в которых в скрытом или

явном виде проявляется глубинный социально-психический «язык» человека, – бессознательное.

С точки зрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари, картина бессознательного не может быть редуцируемой к абстрактным элементам лакановского *Символического треугольника* (реальное, воображаемое, символическое), она намного сложнее, ее необходимо рассматривать в аспекте не только семейных отношений, но, прежде всего, отношений социально-исторических и политико-экономических. Разнообразные формы психической патологии обусловлены преимущественно социальной структурой общества, системой общественно-экономических, государственно-юридических институтов. Делез и Гваттари в своем труде «*Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*» подчеркивают, что классический и лакановский психоанализ рассматривают «амбивалентный» характер семейных отношений в качестве главной причины психических аномалий человека, не выходя за узкие пределы матрицы «отец – мать – сын».

В центре внимания этих исследователей находится вопрос шизофрении, которая рассматривается в широком социальном контексте, как продукт деспотии и угнетения, существующих в обществе. Традиционная мифологема комплекса Эдипа рассматривается как «терапевтическая модальность капитализма» и должен быть поддан не просто изменению (наподобие лакановского), а радикальному преодолению. «Эдипов треугольник», его фокусное содержание связано не с межличностными отношениями в патриархальной семье, а с реальными социальными отношениями господства и угнетения в разных типах капитализированных обществ. Экономический, политический, эстетичный и мировоззренческий протест не является «Эдиповым бунтом» детей против родителей, а это как бы своего рода шизофренический (с точки зрения аппарата господства) протест против репрессивного влияния на человека деспотических порядков общества. Поэтому главной целью *шизоанализа* Делеза и Гваттари является определение того, каким образом социальная среда, капитализированное общество опутывают, блокируют, угнетают и трансформируют желание человека. Главной категорией избирается «*желающее производство*» (production desirante) – социально-психические «больные», социальные институты и в конечном итоге все живое рассматриваются как образующие желание машины. Шизофреники – это не только психические больные, но и все те, кому надоело экономически фетишизированное или репрессивное общество, кто отбрасывает его законы и живет согласно законам естественного «производства желания». По мнению Делеза и Гваттари, производящие желание «машины» могут быть как кодируемыми, так и декодированными, то есть такими, которые имеют определенную структурную упорядоченность или лишены ее. Если процесс кодировки превышает уровень переданной информации, то

декодирование, напротив, снижает ее упорядоченность и тем самым растет энтропия в социальных процессах, и, как ее следствие, общество теряет контроль над производящими желание «машинами». Абсолютным пределом декодирования является шизофрения; в некоторые моменты истории человечества уровень кодировки драматично уменьшался, против чего общества, государства и культура вели постоянную борьбу, стремясь снизить рост энтропии. Одной из форм этой борьбы было образование патриархальной формы семьи.

Если в предыдущих капитализму формациях, утверждают Делез и Гваттари, «производящие желание машины» осуществляли более или менее стойкую кодировку потоков желаний, то капиталистические общества являются единственной социальной системой, которая конституируется исключительно через декодирование этих потоков. Тем самым это общество разрушает «производящие желание машины», их коды, порождая разнообразные шизофренические заболевания. Изначально функционирование «производящих желания машин» было территориальным, привязанным к земле, к определенному пространству. Однако потом, в условиях капитализации общества, возник процесс «детерриторизации», отделение «производственно-желающих» машин от пространства общественной жизни. «Декодирование потоков и их детерриторизация в совокупности обнаруживают главную тенденцию капитализма, предел которого является сугубо шизофреническим» [5, 45]. То есть экономически товарная фетишизация отношений между людьми и обществом является главным виновником развития в обществе «шизофренического» отчуждения.

Шизофрения в этом случае – это не болезнь отдельного человека, а специфическое средство расширения социального поля в условиях индустриально-товарного общества. Наподобие того, как у психически больного существует свой специфический язык и форма поведения, так и у тех, кто принимает участие в процессах протеста, формируется своеобразный привилегированный язык, который может быть поддан психоаналитическому расшифровыванию. В пределах такого понимания некоторых психических патологий, психиатрическое исследование приобретает социальные черты, превращаясь определенным образом в политическую дисциплину. Болезнь рассматривается как своеобразная форма политического протеста, которое с помощью исследования оказывается стремлением устранить насилие, эксплуатацию и тиранию, как специфическое «политическое диссидентство». Как отмечает Р. Ликтмен: «Невозможно адекватно охватить жизнь человека без сосредоточенного учета взаимосвязей между пониманием Фрейдом репрессивного бессознательного и открытием Марксом фетишизма социально-экономических структур» [15, 10].

Общее, «конвергентное» в идеях этих мыслителей, которые могут быть применены для преодоления экономико-политических и социально-психологических кризисов современности, это, прежде всего, просвещение и рационализм, проблема отчуждения, фетишизма и ошибочного сознания. Однако для Фрейда объективная реальность, которая существует вне и независимо от сознания, является принципиально непознаваемой, познавательными являются лишь феномены, а бессознательное является настоящей психической реальностью, которая для нас является сущностно неизвестной, поскольку инстинкт никогда не сможет стать объектом сознания. Для марксизма, во всех его направлениях, ошибочные формы нашего сознания являются необходимым проявлением отчужденного общества. Иллюзии возникают тогда, когда субъект ощущает свою деятельность как отделение от своего собственного контроля, как проявление социального отчуждения. Фрейд подчеркивал неограниченное господство бессознательного над сознанием, непримиримый конфликт между ними, безгранично онтологизируя структуру психического, в результате чего само отчуждение, господство иррациональных сил в человеке превращаются в фатум. Он недооценил значение социально-экономических факторов. Необходимо учитывать тот факт, что сознательное и бессознательное является не только сферами индивидуально-естественного, но и социально-исторического бытия человека. Бессознательное является выражением сверхперсонального отчуждения людей и совмещается с марксистской концепцией фетишизма и овеществления. Р. Ликтмен обнаруживает в психоанализе раскрытие индивидуально-репрессивного, а в марксизме – социально-структурного бессознательного, которое является следствием репрессивного общественного угнетения [15, 205]. Социальная структура детерминирует индивидуальную репрессию; взаимосвязи между репрессивным бессознательным и структурным являются диалектическими. Каждое из них обуславливает и определяет другое.

Бессознательное не следует отождествлять только с определенной совокупностью психических процессов. Оно характеризует также некоторые формы социального сверхиндивидуального поведения людей, развития и функционирования культуры и социума (нормы и стереотипы, идентификация, наследование, социально-культурные мифы и тому подобное) [3, 184]. Поэтому, вместе с понятием «*психическое бессознательное*» представляется необходимым выделить и «*социальное бессознательное*». Оно является такими формами культуры, поведения и познания, влияние которых актуально не осознается и не контролируется людьми. Марксистская теория обращается к социальному бессознательному в анализе сущности явления *товарного фетишизма* [1]. Она связывает сознательное с видимостью предметных форм социального бытия, с тем, которое проявляется на поверхности вещей и явлений, а

бессознательное рассматривается как некоторая другая «реальность», как то, что характеризует сущность. «Видимость противоречит сущности. Видимостью здесь сознательно установлен закон государственного строя, а сущностью – его бессознательный закон, который находится в противоречии к первому. Сознательно установленный закон здесь не выражает того, что является заложенным в природе вещей; напротив, он составляет противоположность ей» [1, 282–283].

Бессознательное в своей основе детерминируется обществом, которое порождает иррациональные страсти и наделяет своих членов разнообразными выдумками, превращая, таким образом, истину в пленницу порочной рациональности. Репрессивное бессознательное в своей основе является социальным. Фундаментальные противоречия индивидуальной социальной жизни возникают в результате иррациональности социальных структур.

«Структурное бессознательное» является распадом отчужденной системы общественных отношений, которые были конституированы капитализированной реальностью и идеологией. «Репрессивное бессознательное» – это резервуар биологических влечений, которые возникают в результате непримиримых конфликтов между скрытой капитализированной реальностью и действительностью, видимостью. Структурное и репрессивное бессознательное находятся в неразрывном единстве, зеркально отображаясь друг в друге. Тем самым бессознательное проявляется не только в качестве биолого-психической, но и в качестве социальной реальности. В «демистификации» и реконструкции социальной жизни достижения марксизма состоят в выявлении идеологии и ошибочного сознания с помощью концепции товарного фетишизма, раскрывая то, как отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами, что, в свою очередь, порождает разнообразные иллюзии, деперсонифицированное представление о человеке. Психоанализ же, в свою очередь, устанавливает, что глубинные конфликтные социальные структуры маскируются с помощью феноменальных форм индивидуальной жизни, мистифицируя (отчуждая) глубинную изначальную сферу бессознательного. Критический, «негативный» социальный психоанализ исследует субъекта, субъективность которого угнетается обществом и государством; определяя, что эксплуатация парализует личность как активную историческую силу. «Негативный психоанализ знает лишь негативные взаимосвязи; он рассматривает психические формы, которые отклоняли и разрушали историческое и классовое сознание» [10, 98].

В любой социальной революции всегда есть момент контрреволюции, поражения, возобновления власти и господства, который связан с существованием в самом человеке бессознательных иррациональных сил, которые препятствуют возможности его

освобождения от пут социального, экономического и психического отчуждения. В значительной мере это является связанным с явлением так называемой «социальной амнезии» – процесса потери общественной памяти как некоторой социальной болезни. Это одна из разновидностей отчуждения, репрессии, которые общество осуществляет над своим собственным историческим, интеллектуальным прошлым, идеологией, духовной культурой.

Анализ данного отчуждения происходит из концепции «овеществления» («реификации») Маркса. Первичным моментом данной концепции является идея о том, что в процессе развития социально-экономических систем отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами. Возникает своеобразная иллюзия наделения вещей свойствами человеческого субъекта (персонификация). Одно из проявлений овеществления – фетишизм предметных форм (товаров, идеологических, религиозных, юридических символов, языка и т.п.). В наибольшей мере овеществление является присущим для индустриальных, капитализированных обществ, когда господство приобретает форму доминирования вещей над человеком, которое проявляется и в психологическом измерении как скрытая репрессия над человеческой и социальной активностью. Социальная потеря памяти является одной из главных форм овеществления. «Социальная амнезия» проявляется в том, что идеология при определенных исторических условиях проявляется как извращенное, порочное сознание, как совокупность абстрактных лозунгов и политических страстей. Такое использование идеологии является характерным не только для консервативных или репрессивных политических сил, но и для леворадикального сознания с его отбрасыванием значения теории и субъективистским толкованием революции. «Политики не избежали разрушительного действия социальной амнезии и субъективного редукционизма. Социальная амнезия в их среде приобретает две формы: создание новых мгновенных теорий реформы и революции, а также все большего обновления старых лозунгов и тактик» [10, 4].

Социальная амнезия возникает как процесс разрушения социальной памяти, которая существует в обществе в виде коллективного опыта человечества, замены его тотальностью господства идеологии. Социальная память является не просто хранилищем знаний и духовной культуры, а активным процессом отбора информации по уровню полезности ее для прогресса человечества, храня, в первую очередь, ценный опыт предыдущих поколений, их достижения в духовной и материальной жизни, в науке и технике, искусстве и мировоззрении. В условиях антагонистического общества усиливается и углубляется процесс разрушения социальной памяти, который оказывается в разных формах отчуждения личности в обществе и семье.

Причиной этого и яркой особенностью является «корпоративное государство» – продукт сочетания финансово-промышленных и торговых корпораций с политической властью государства. Она воплощает в себе специфическую форму рациональности, которая является индифферентной ко всем вопросам о смысле и ценностях человеческого существования. Данная особенность превращает корпоративное государство в антигуманную силу. Рациональная, однако, неподконтрольная человеку система государственной власти эксплуатирует и, в конечном счете, разрушает природу и сущность человека. «Организация и бюрократия, которые появились только как приложения к современной психологии и социальным институтам, неумолимо диктуют нам, как мы будем жить дальше, навязывая логику организационных структур, которые разрушают все другие ценности» [10, 6]. Демократические системы и индивидуальные свободы капитулируют перед гигантскими административными учреждениями и корпорациями – бюрократическое своеволие занимает место формального права. Труд теряет любой творческий и жизненный смысл кроме вопроса физиологичного выживания.

Индивид не в состоянии найти творческое воодушевление и в сфере культуры, поскольку она приобрела форму коммерческого предприятия, в понимании которого человеческая жизнь и потребности личности должны фабриковаться наподобие товаров для прибыльной распродажи. Отдавая свою энергию и большую часть в своего времени деятельности отчужденных от человека учреждений, современная личность утрачивает семью, из которой выхолощивается ее настоящее назначение, теряет реальность отношений общения и дружбы и, что является самым главным, – способность к творческому воображению и деятельности, модернизируя себя в качестве производственной силы массового технологическо-коммерциализированного общества. Основными ценностями данного типа общества, которые в то же время являются эффективными рычагами социального управления, есть рациональная иерархическая дисциплинированность и иррационализированное массовое потребление (как основная форма межличностных отношений). Человек осуществляет преступление против самого себя, если превращается в инструмент, предназначенный для достижения какой-то внешней, чужой для него цели. Этот индивид находится в состоянии самоотчуждения и превращается в «разлаженное», «общественношизоидное» существо, которое откладывает на неопределенный срок реализацию настоящего смысла своего бытия. «Необходимо жить со всей полнотой в каждый момент, но не так, как этого требует неограниченное «теперь» рекламного сюжета, а в соответствии с понятием абсолютной целостности, которую можно

выразить в заповеди: Будь верным самому себе и честным перед собой» [18, 242].

Принцип господства должен быть упраздненным не только на общественном, но и, прежде всего, на индивидуально-психическом уровне в социальных ориентациях поведения человека. Не существует преимущества одного человека над другим, а должно быть постоянное стремление к преобладанию над самим собой в своем развитии, которое конституирует уникальность и неповторимость каждого «Я». Противоположностью этого являются отношения безличной функциональности, которые опосредуются социальной ролью индивида, базируясь на принуждении и манипуляции другими людьми. Поскольку современный человек в значительной мере преобразован и вынужден исполнять социальную роль потребителя, постольку возможность возобновления своей власти над неконтролируемой производственно-товарной «Мегамашиной» зависит от изменения сознания потребительской массы, освобождения от принудительного включения рекламных идеологий всех сортов в свое мировоззрение. «Великим вопросом нашей эпохи является то, каким образом существовать в технологическом обществе: какое движение и какой образ жизни смогли бы сохранить духовность человека и даже именно его существование в условиях господства тех сил, творцом которых он сам же и был» [18, 16].

Литература

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госиздат, 1958. – Т.1. – С. 207–342.
2. Althusser L., Balibar E. Das Kapital lesen. – Hamburg: Rowohlt, 1972. – 313 s.
3. Benjamin I. The Oedipal Riddle: Authority, Autonomy and the New Narcissism // The Problem of Authority in America. Ed. by J. Diggins and M. Kann. – Philadelphia: Temple University Press, 1981. – 224 p. – P. 183-212.
4. Cooper D. Psychiatry and Anti-Psychiatry. – Boston: Paladin, 2002. – 192 p.
5. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe. – P.: Minuit, 1975. – 463 p.
6. Foucault M. Discipline and Punish: Birth of the Prison. – London: Vintage Books, 1977. – 523 p.
7. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. – 195 s.
8. Habermas J. Bedingungen für die Revolutionierung spätkapitalistischer Gesellschaftssysteme // in Marx und die Revolution. – Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag, 2009. – 244 s. – S. 24–44.
9. Jacoby R. Social Amnesia: A Critic of Conformist Psychology. – Boston: Campus Politics, 2005. – 219 p.
10. Jacoby R. The Politics of Narcissism // The Problem of Authority in America. – Boston: Norton Lasch, 1995. – P. 188–204.
11. Jappe A. Die Abenteuer der Ware. – Munster: UNRAST-Verlag, 2005. – 253 s.

12. Lacan J. Intervention sur le transfert // Lacan J. Ecrits. – Paris: A.L.I., 1996. – 408 p. – P.233–296.
13. Laing R. The Divided Self. – Harvard: Darton, Longman and Todd. 2001. – 341 p.
14. Leech K. Youthquake: The Growth of a Counter-Culture. – London: Sheldon Press, 1993. – 231 p.
15. Lichtman R. The Production of Desire: The Integration of Psychoanalysis into Marxist Theory. – New York, NY: The Free Press, 2002. – 482 p.
16. Marcuse H. Philosophie und kritische Theorie. – Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag, 2005. – 204 s.
17. Marcuse H. Vernunft und Revolution. – Darmstadt, Neuwied: Luchterhand, 1999. – 399 s.
18. Reich Ch. The Greening of Society. – New York: Bantam Books, 2007. – 306 p.
19. Schmidt A. Zur Idee der Kritische Theorie. – München.: Freiheit, 2004. – 370 s.

Зубарев В.А.,
научный руководитель Ольхов П.А.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ФИЛОСОФИЯ НАГУА: К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В МЕЗОАМЕРИКЕ

В американистике остро стоит вопрос о существовании философии древних американцев как таковой. До прихода европейцев народ на мезоамериканской территории развивался особым образом, – он не испытывал влияния других культур и цивилизаций. Он не перенимал опыт других народов, их жизнь, культура, письмо, архитектура, живопись уникальны и не имеют аналогов. Такая изолированность дает нам возможность воссоздать и проследить, какой путь эволюции прошло мышление. Многие исследователи ставят под сомнение не только наличие философии в культурной среде древних американцев, но и прямо говорят об их примитивности; оспаривается сам факт философского мышления: «... стране легенд и фантазий, стране, породившей столько новелл, отказывают во всем том, что может быть рассмотрено как признак духовной культуры доиспанского периода. Это алогично, ибо совершенно естественно признать, что люди, сумевшие высечь так называемый Камень Солнца, украшающий наш археологический музей, и построить такие сооружения, как пирамиды, действительно в состоянии высказать свои мысли и выразить свои эмоции» [2, 6].

Одна из самых сложных проблем при изучении ранней философской мысли – проблема персонификации, т.е. определение конкретных авторов тех или иных философских учений. Среди первых

известных науке мыслителей древней Америки стоит имя тольтекского мыслителя Кетцалькоатля («Codice Chimalpopoca», «Codice matritense de la Real Academia»). Кетцалькоатль создал религиозно-философское учение о мире и человеке, которое стало мировоззренческим ядром тольтекской цивилизации. В этом учении присутствуют четыре основополагающих элемента: гипотеза о развитии Вселенной; учение о божестве как едином двойственном начале; учение о человеке и его месте в мире; утверждение того, что смысл жизни и природу вещей нельзя познать в этом мире. Идеи этого учения легли в основу всех мировоззренческих концепций рассматриваемого региона.

Год от года нарастает интерес к древним американским цивилизациям, их культуре, религии, мифологии, мировоззрению, быту. Искусство и антропология древних американцев изучена относительно хорошо (К.В. Керам, Э. Томпсон, Т.А. Проскуракова, Э. Джилберт, М. Коттерел, Р. В. Кинжалова, Ф. Катервуд, Т. Малер, Ж. Сустель и мн.др.), а вот об их образе мышления и достижениях в области познания человека известно мало (М. Леон-Портилья, А.Р. Бургете). Один из наиболее компетентных ученых в области философии народов древней Мексики является Мигель Леон-Портилья. Его перу принадлежит, пожалуй, самый значительный труд по исследованию мысли древних индейцев – «Философия нагуа».

В своей работе М. Леон-Портилья провел глубокий анализ источников, среди которых: «Кодекс Чималпопока», «Тольтеко-чичимекская история», «Хроника Мехикайотл», «Ватиканский кодекс», «Телерано-Реймский кодекс», «Кодекс Борджиа», «Флорентийский кодекс», «Мендосский кодекс». Ядром научного труда выступает анализ и перевод текстов написанных на языке нагуатл, прежде всего поэтических. Вот слова автора на этот счет: «...эти содержательные документы представляют собой самый лучший путь для изучения не только философии, но и всей культуры нагуа вообще, ибо объективно содержат в себе мнения индейцев выраженные ими самими на их собственном языке...» [2, 44].

Стоит отметить, что «космологические идеи нагуа... первоначально выражались с помощью метафор и выступали в форме мифов» [2, 102]. Тем не менее, тламатиниме четко разграничивали науку, основанную на фактах и доказательствах подкрепленных опытом, от лженауки, которая базируется на магически-религиозных верованиях, колдовстве и заклинаниях. В качестве подтверждения, автор приводит текст, в котором характеризуется научное знание – персонифицируется как знание чье-то: «1. – Истинный врач – это ученый (тламатини), он дает жизнь. 2. – По опыту знающий вещи: кто из своего опыта знает травы, камни, деревья и коренья. 3. – Его средства испытаны, он исследует, экспериментирует, облегчает болезни. 4. – Делает массажи, правит кости.

5. – Дает людям лекарство, улучшает самочувствие, дает питье, спускает кровь, режет, сшивает, возвращает сознание, покрывает пеплом (раны). 6 – Мнимый врач: обманывает людей, совершает свой обман, убивает людей своими лекарствами, вызывает несварение, усиливает болезни, ухудшает состояние людей. 7. – У него свои секреты, он скрывает их, он колдун (нагуали), он владеет семенами и знает вредные травы, колдун, гадает на бечевках. 8. – Своими средствами он убивает, ухудшает состояние своими семенами и травами» [2, 104]. Это описание позволяет говорить о практико-ориентированном характере мышления нагуа, не совпадающем с мышлением художественным или религиозным, которое, однако, предстает в виде последовательной персонифицированной рефлексии.

Философское мышление нагуа, не будучи, разумеется, европоцентричным, открывает новые возможности для исследования или переоткрытия культурно-исторических контекстов современной истории философии и истории интеллектуальной культуры. Интеллектуальное наследие индейцев – важный и неотъемлемый сегмент мировой, общечеловеческой культуры, – нуждается в глубоком изучении.

Литература

1. Бургете А.Р. К вопросу о философской мысли мезоамериканских цивилизаций // Историко-философский ежегодник –92. – М: Наука, 1994. – С. 77 – 101.
2. Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства Инков. – Л.: Наука, 1974. – 752 с.
3. Кинжалов Р. В. Мифологические системы Месоамерики. – М.: «Искусство», 1970. – 240 с.
4. Леон–Портилья М. Мифология древней Мексики. – М.: Постум, 2010. – 480 с.
5. Леон-Портилья М. Философия нагуа. Исследование источников – М: Издательство иностранной литературы, 1961. – 384 с.

Иллензеер Д.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СТАНОВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Психологическое знание можно подразделить на психофизическую, психофизиологическую и психогностическую проблематику. Психофизическая проблематика соотносится с определением места психического в материальном мире и зависит от того,

как понимается характер причинных отношений между душой и телом, организмом и сознанием. Психофизиологическая проблематика ставит своей задачей определить, как соотносятся между собой физиологические и психические процессы.

Психология как наука оформляется в 60-х годах 19 века. Предпосылками формирования психологии как самостоятельной науки можно считать исследования М. Вебера, Г. Фехнера, Г. Эббенгауза. М. Вебер выявил закон, который позволяет определять минимальный прирост величины стимульного ощущения, который может быть прочувствован человеком. Г. Фехнер в своей «психофизике» с учетом закона Вебера получил соотношение интенсивности воздействующего на орган чувств стимула и величины вызываемого этим стимулом ощущения. Г. Эббенгауз стал активно использовать методы статистического анализа в психологии, что является одной из его наиболее важных заслуг.

Становление экспериментальной психологии в первую очередь связано с именем В. Вундта. Он открыл в Децпцингском университете первую психологическую лабораторию в 1879 г. Последователи Вундта, развивая его идеи, стали основателями современных направлений исследований в психологии: теория безобразного мышления (О. Кюльпе), структурализм (Э. Титченер), гештальт-психология М. Вертгеймера, функционализм (У. Джемс, Д. Дьюи, Д. Энджелл), которые часто выдвигались как альтернатива друг другу. Таким образом, уже на ранних стадиях развития психологии обозначились различные подходы к описанию психических процессов, которые к настоящему времени породили ряд альтернативных и взаимодополняющих парадигм психологической науки.

Современные психологические подходы весьма разнообразны. Как отмечает А.Г. Бермус, «к концу XX века тенденции дифференциации психологического знания настолько усилились, что сейчас общепринятым является представление о наличии нескольких принципиально различных психологий, каждая из которых существует вполне автономно» [1, 62-63]. Существующие подходы можно классифицировать (вслед за Ф. Зимбардо) следующим образом:

1. Биологический подход связывает поведение человека с функционированием его биологического организма: генетической структурой, работой головного мозга, нервной, эндокринной системы. Поведение определяется в этом случае биохимическими и физическими процессами. С философских позиций данный подход можно рассматривать как один из видов редукционизма.

2. Психодинамический подход предполагает, что поведение человека мотивируется и управляется внутренними резервами организма. Человеческие действия – это результат «унаследованных инстинктов, биологических побудительных сил и попыток разрешить конфликт между

внутренними потребностями и требованиями общества» [2]. Большой вклад в становление данного подхода внес З. Фрейд.

3. Бихевиористский подход поведение организма увязывает с различными стимулами, которые человек получает из окружающего мира. Суть данного подхода изучение поведенческих реакций (или их отсутствие) на внешние раздражители. Сознание человека, его психическая составляющая как бы теряется и вообще выходит за пределы исследования.

4. Гуманистический подход как противопоставление психодинамическому подходу и бихевиоризму появился в середине XX века. С точки зрения этого подхода людьми управляют не инстинктивные силы и не окружающая среда, а их активная воля, способная делать сознательный выбор (Г. Олпорт).

5. Когнитивный подход в качестве предмета исследований выделяет человеческую мысль и все познавательные процессы: внимание, мышление, запоминание и понимание. Человек реагирует на окружающее как объективно, так и субъективно, в зависимости от своего личного опыта, в соответствии со своими мыслями, окружающая действительность и прошлый опыт только частично определяют поведение человека.

6. Эволюционный подход рассматривает сознание человека как продукт длительной эволюции, длящейся миллионы лет, связывая появление сознания с естественным отбором. Главной внимание представители эволюционной психологии акцентируют на внешних условиях, в которых достаточно длительное время развивался человек как биологический вид.

7. Культурологический подход описывает психические процессы, увязывая их с изучением культуры, а также межкультурных отличий, которые оказывают влияние на поведение людей. В основе культурологического подхода лежит «принцип культуросообразности, утверждающий вхождение ребенка в культуру в качестве основной ценности обучения и образования» [1, 68].

Наличие такого множества подходов свидетельствует, прежде всего, о сложности самого предмета изучения, о существующих методологических проблемах, а также о том, что исследование сознания требует междисциплинарного подхода, осуществить который под силу только философии. Философия сознания, не ограниченная рамками строгих частнонаучных методологий, может рассматривать сознание наиболее широко. Но это оборачивается другой, отрицательной стороной: философские концепции не всегда находят конкретное воплощение на уровне частных наук, что не позволяет строить модели сознания, доступные математической обработке, снижает их предсказательную силу и не дает возможности ввести в ранг строгих научных теорий.

Литература

1. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 336 с.
2. Зимбардо Ф. Психология и жизнь [Электронный ресурс] url: – <http://www.iworld.ru/attachment.php?barcode=978594723186&at=exc&n=0> (дата обращения 02.03.2014).

Кобзарь Е.О.,

научный руководитель Лобанов К.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Белгород, Россия

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА НА УКРАИНЕ И В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Проблема национализма преследует человечество очень давно, но самый разгар ультранационалистических треволений пришелся на середину XX века, что подтверждает разнообразие форм национализма и количество государств, в которых к власти пришли националистические партии или движения. Самым известным примером проявления национализма в его истинной радикальной и жестокой форме была национал-социалистическая Германия в период Второй Мировой Войны. Но помимо Германии существовали и другие страны с такой же идеологией и националистическим настроем, которые в масштабах своей страны, но с не меньшей жестокостью приводили свои идеи в жизнь: Австрия, Румыния, Испания, Венгрия, Польша, Португалия, Словакия, Хорватия, Финляндия и другие европейские страны [2, 234-289].

Казалось бы, мы пережили это страшное время, и националистические идеи канули в прошлое, но в последнее время все чаще наблюдаются проявления радикального национализма, причем не только в странах третьего мира и Востока, но и в странах Европы. Ультранационалистические движения все больше приобретают массовость и Россия не исключение. Но особо ярко национализм проявляется на Украине. Недавние события доказывают тот факт, что национализм на Украине достиг огромных масштабов [1, 59-91]. Но если мы посмотрим на эту ситуацию с точки зрения идеологии и истории, то явно прослеживаются некие сходства и различия с националистическими проявлениями в других странах Европы, а именно пути, с помощью которых националисты пришли к власти, их методы и идеологическая подоплека. Целью данной статьи является стремление выявить и проанализировать сходства и различия в проявлении национализма в современной Украине и инфицированными националистическими идеями странами Западной Европы, в частности, нацистской Германией периода

Второй Мировой Войны. Национализм – (от фр. Nationalisme) идеология и направление политики, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в государствообразующем процессе [2, 301-303]. Но это лишь общее понятие. Нас интересует такой вид национализма как радикальный национализм или ультранационализм. Именно он является ключевой составляющей фашизма и нацизма. Многие этнические националисты разделяют идеи национального превосходства и исключительности, а также культурной и религиозной нетерпимости.

При рассмотрении сходства и различия нацизма и его элементов на примере современной Украины и нацистской Германии, то лучше всего начать с предпосылок формирования националистических настроений и, как результат, идеологических движений. Если рассматривать Германию в период 1920-30х годов XX столетия, то можно выделить целый ряд факторов и причин появления национализма, а впоследствии и национал-социализма. В первую очередь, огромную роль сыграли растущие по масштабам реваншистские настроения в германском народе после поражения в Первой Мировой Войне и унижения в лице всего мира вследствие Версальского мирного договора. Собственно, именно эти настроения и сыграли решающую роль в трансформировании особо недовольной частью населения послевоенной общественной реальности в политические учения и теории, одной из которых стал национал-социализм. Масла в огонь добавляли еще такие факторы, как хронический пессимизм немцев, разоренная экономика, свершившаяся революция, ставшая «стихийным выступлением уставших от войны масс» [2, 450-517]. Все это отложило негативный отпечаток на национальном самосознании. Если же взглянуть на ситуацию на Украине, то можно заметить, что такие причины появления националистических, а затем и нацистских настроений как разоренная экономика, глубокий политический кризис и всеобщее недовольство народных масс создавшимся положением в стране, практически полностью совпадают с причинами в Германии в межвоенные годы. Отличительной чертой украинского национализма является то, что ультранационалисты выступают за полную «независимость» и полное отречение своей страны от России и ее влияния. Безусловно, в основе нацизма в обеих этих странах лежит расизм как неотъемлемый компонент всех ультранационалистических течений. Но если в Германии расизм принимал мировой масштаб, то есть доминирование немецкой нации во всем мире, то в Украине расизм проявляется в виде противостояния конкретно одной нации – русской [1, 132-171].

Если рассматривать такой этап становления идеологии, как путь достижения власти, то тут наблюдаются значительные различия между Германской национал-социалистической партией и, так называемыми,

украинскими «бандеровцами». В то время, как нацистская партия пришла к власти вполне законными методами – путем политической и партийной борьбы (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия имела свою политическую программу, принимала активное участие в предвыборных кампаниях и стала легитимной властью 30 января 1933г, когда их лидер – Адольф Гитлер пришел к власти), [2, 333-384] то украинский националистический блок «Спільна справа» показывает яркий пример узурпации власти и ее насильственный захват без каких-либо оснований и заявлений. По сути, украинская ультранационалистическая власть не является легитимной по сей день. Этот факт демонстрирует, что в некоторых аспектах украинские националисты даже более радикально настроены, чем нацисты Германии в момент прихода их к власти [1, 252-261].

Вышесказанное позволяет предположить, что новая власть на Украине имеет националистическую направленность. Дальнейшие события, возможно, прояснят ситуацию полностью. Но уже становится понятным, что если новая украинская политическая элита в ближайшее время не очистится от своей ультранационалистической компоненты, ей будет сложно выстраивать партнерские отношения не только с ближайшим соседом – Российской Федерацией, но и с остальным миром, хорошо знающим и помнящим что такое нацизм и его последствия.

Литература

1. Аксененко С. Об украинском национализме и украинской национальной идее. – Киев: «Дарницкая правда». – 304 с.
2. Арент Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – 670 с.

Коваленко М.В.,
научный руководитель Лагоденко Д.В.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

РАДИКАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ЭРИХА ФРОММА: ПОПЫТКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ

В труде знаменитого немецко-американского социального философа, психоаналитика, антрополога и культуролога Э. Фромма “You Shall Be as Gods: A Radical Interpretation of the Old Testament and Its Tradition” («Вы будете как боги: Радикальная интерпретация Старого Завета и его традиции») находит отражение его радикальная герменевтика Библии – «герменевтика прогресса», по выражению израильского философа Й. Коэна [4, 5]. Эрих Фромм видит в библейской истории

описание трех стадий эволюции человечества, последняя из которых – стадия автономии – по его мнению, наиболее прогрессивна [5].

Для того чтобы заинтересовать читателей своим истолкованием Ветхого Завета, Эрих Фромм использует различные фигуры речи. Например, стилистическое использование нериторических вопросительных предложений создает иллюзию доверительной беседы философа с читателем и привлекает внимание читателя к мысли, следующей за вопросом [2, 213]: “Does God make it possible for man to become free by changing his heart? Does God intervene into historical process? No.” [1, 74]. В данном примере привлечению внимания читателей способствует также употребление предложений разного размера. Малоупотребительная в английской письменной речи форма краткого ответа “No” вместо “No, he doesn’t” может быть в данном случае связана с влиянием немецкого языка, носителем которого Эрих Фромм изначально является, и для которого такая форма ответа более характерна; однако, благодаря большей краткости, она обладает большей выразительностью, чем распространенная в англоязычных дискурсах форма “No, he doesn’t”. Философ прибегает также к инверсии, логически выделяя важные моменты в своем рассуждении: “Closely related to this is the universalic aspect of the messianic time” [1, 102]. “At this point the decisive turn occurs” [1, 165]. В английском, как и в немецком, языке порядок слов более фиксирован, чем в русском, и его нарушение привлекает пристальное внимание читателей к высказываемой мысли.

Итак, те лингвокультурные особенности, которые отражаются в синтаксисе английского языка, а также родного для философа и влияющего на его англоязычное изложение своих мыслей немецкого языка, сказываются на восприятии текста читателями и повышают интерес к герменевтическим идеям Эриха Фромма.

Литература

1. Fromm E. *You Shall Be as Gods: A Radical Interpretation of the Old Testament and Its Tradition* – NY: Fawcett World Library, 1966. – 191 p.
2. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике английского языка* – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1998. – 460 с.
3. Гуревич П.С. Фромм. / *Культурология XX в.: Энциклопедия в 2 т. // под ред. С.Я. Левита* – М.:РОССПЭН, 2007. – Т. 2. – С. 856-857.
4. Дименштейн Р. Фрейд, Фромм, Штраус и Бубер читают Библию: Репортаж-конспект Рахиль Дименштейн о лекции Й. Козна на ФМЧ // *Эшколот: Культурно-образовательный Проект* – 2012. [Электронный ресурс] url: <http://eshkolot.ru/library/text/37452>. (дата обращения 01.03.2014)
5. Козн Й. Фрейд, Фромм, Штраус и Бубер читают Библию: Лекция на фестивале медленного чтения // *Эшколот: Культурно-образовательный Проект* – 2012. [Электронный ресурс] url: <http://www.eshkolot.ru/event/37374>. (дата обращения 01.03.2014)

Коваленко М.В.,
научный руководитель Ольхов П.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия

**К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ РЕЦЕПЦИЯМ РЕЛИГИОЗНОСТИ
М.М. БАХТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА СТАТЕЙ
“BAKHTIN AND RELIGION: A FEELING FOR FAITH”)**

Творческое наследие русского мыслителя М.М. Бахтина является поистине мировым. Основные труды Бахтина переведены на многие европейские и восточные языки; проводятся регулярные международные конференции, посвященные Бахтину, выпускаются монографии о нем, издаются специальные периодические издания. Научные споры ведутся в широком предметном спектре; при этом одна из наиболее трудных предметных областей полемик – когнитивные аспекты веры Бахтина, «религиозность», «намек на которую проскальзывают в его трудах» [3, 159].

Подтверждением интереса исследователей к М.М. Бахтину и его неявной религиозности следует считать особую в своем роде книгу-разговор, собрание академических эссе “Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith”, изданную под редакцией американских ученых Сьюзен М. Фелч и Пола Дж. Континио. В книге – многочисленные эссе американских и английских исследователей творческого наследия М.М. Бахтина, работа датского специалиста в области русского православия и бахтинского наследия Чарльза Лока, русского филолога и культурфилософа С.С. Аверинцева, а также англоязычные переводы бахтинских лекций 1924-1925 гг., выполненные Н.И. Николаевым.

Не задаваясь предельными вопросами насчет опыта веры Бахтина, авторы-собеседники совместно исследуют проблему соотношения бахтинской теории смеха с христианским его пониманием; принимаются во внимание ближайшие биографические контексты (связь молодого М.М. Бахтина с различными религиозными группировками во второй половине 20-х гг.) [3, 159]. Рассматривается бахтинская диалогическая рецепция «карнавальности» Евангелия и очевидные и скрытые отсылки к Евангелию в творчестве М.М. Бахтина – приверженность бахтинской мысли православию или (по мнению Алана Джейкобса) более широкому христианскому контексту [1, 10-11, 79-96].

В целом, особое внимание обращается на первичный эстетико-онтологический контур бахтинской религиозности – его религиозную чуткость, или «чувство веры» (“a feeling for faith”), которое сам М.М. Бахтин понимал как «цельное (всем человеком) отношение к высшей и последней ценности» [2, 338] и упоминал при рассмотрении

исповеди в творчестве Ф.М. Достоевского. «Чувство веры» концептуализируется Полом Дж. Контино и Сьюзен М. Фелч и переносится ими на открытость самого М.М. Бахтина Богу и христианской традиции [1, 16-20].

Книга рекомендуется к прочтению каждому студенту (Дж. Франк); приходится сожалеть, что эти рекомендации вняты пока что только студенту англоязычному; на русский язык эта книга покамест не переведена. Еще большее сожаление вызывает отсутствие комментариев к этой книге – изнутри той православно-религиозной традиции, в которой жил и которую усваивал и осмысливал сам М.М. Бахтин. Христианская чуткость Бахтина имела особого рода жизненную конкретность, которую нельзя свести к формам под- или инсоветского бахтинского речевого мышления Бахтина («идея» карнавала и т. п.). Эта чуткость имеет свою онтологическую основательность, несводимую к религиозности как абстрактно-историческому стилю мышления, безличному эпистемологическому конструкту. Мышление Бахтина скреплено «чувством веры», повсеместно прожито им; однако полнота этого чувства, его надежность остается пока что под вопросом.

Литература

1. Felch S., Contino P. Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2001. – 252 p.
2. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском / Эстетика словесного творчества // сост: С.Г. Бочаров – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 326-346.

Кофанов П.И.,

научный руководитель Ефремова Ж.Д.
*Ливенский филиал Государственный
университет — учебно-научно-
производственный комплекс г. Орел
Ливны, Россия*

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Трудовая миграция представляет собой территориальное перемещение людей, связанное с целью трудоустройства. Заметное влияние на перераспределение численности населения субъектов РФ оказывает внутрirosсийская миграция. Так, передвижения внутри страны, связанные со сменой места жительства, в общем миграционном обороте в 2011 г. составляли 89,5 %, в том числе межрегиональные – 44 % [1, 57]. Особую остроту и актуальность проблема трудовой миграции приобрела в малых и средних городах России.

Город Ливны относится к малым провинциальным городам с населением 50 тысяч человек. По данным городской службы занятости, численность экономически активного населения в нашем городе составила в 2013 г. 30330 человек, из них 7648 человек трудятся за пределами города. Это почти четверть экономически активного населения.

В недалеком прошлом малые города и сельские поселения были не только местом проживания, заработка, приобщения к социокультурным традициям, но и сосредоточением возможностей самореализации людей. К сожалению, с реформированием российского общества эти возможности значительно сократились, что привело к оттоку экономически активного населения, в первую очередь, молодежи.

Целью проведенного автором исследования был анализ факторов, влияющих на отток молодежи из малых городов в крупные города и мегаполисы. Эмпирическую базу исследования составили: опрос выпускников школ г. Ливны в октябре 2013 г. (N=239); опрос выпускников Ливенского филиала Госуниверситета – УНПК в феврале 2014 г. (N=100); опрос учащейся молодежи г. Ливны в феврале-апреле 2007 г. (N=354).

Можно выделить две основные волны миграции молодежи из малых городов. Первая – это выпускники школ, которые уезжают получать образование в другие города. Только половина студентов всех профессиональных образовательных учреждений г. Ливны являются жителями города. Преимущественно это студенты среднего профессионального образования. Так, из 323-х выпускников школ 2013 года в Ливнах осталось 35 человек. Нынешние выпускники также связывают свои планы с крупными городами, в первую очередь это – Москва, Воронеж, Орел.

Выбор вуза продиктован следующими основными факторами: наличие необходимой специальности – 31%, наличие бюджетных мест – 29 %, качество преподавания – 28 %, престиж вуза – 26 %, перспективы трудоустройства – 23 %. Очевидно, что филиалы вузов, расположенных в малых городах, находятся в уязвимом положении и менее конкурентоспособны по сравнению с вузами крупных городов. При этом выпускники школ полагают, что получение диплома более престижного вуза повысит их шансы при трудоустройстве. Стремление выпускников школ уехать учиться в крупный город также связывается с желанием в дальнейшем там трудоустроиться. Как показывает практика, возвращается обратно после получения образования в других городах не более четверти уехавших молодых людей. При отсутствии государственного распределения предприятия и организации малых городов испытывают устойчивый дефицит кадров.

Вторую волну молодежной трудовой миграции составляют студенты, прошедшие обучение в родном городе, но не нашедшие достойной работы. По данным опросов выпускников профессиональных учреждений, намерение остаться жить и работать в родном городе высказывает меньшинство респондентов (таблица 1).

Таблица 1

Хотели бы вы прожить всю жизнь в Ливнах? (в %)

Варианты ответов	2007 г.	2014 г.
Да, я не хочу покидать свой родной город	17	19
Нет, я хочу жить в большом городе	50	32
Нет, я хочу жить в деревне	2	11
Для меня не имеет значение, где жить	31	16
Как получится	-	22

Профессионально-трудовые ориентации молодых специалистов связаны с крупными городами. Наиболее привлекательным для молодежи является московский рынок труда, который предоставляет молодым специалистам лучшие шансы для самореализации и карьерных притязаний. Так, 48 % выпускников Ливенского филиала Госуниверситета – УННП хотели бы работать в Москве, 28 % предпочли бы работу в Орле, 15 % – в Ливнах.

Одним из основных факторов, определяющим трудовую миграцию молодежи, является уровень заработной платы, на который могут рассчитывать молодые специалисты. Установленный минимум заработной платы, которым руководствуются работодатели при приеме на работу, установлен от 5270 руб. для бюджетной сферы и от 6700 руб. для внебюджетной. Данная заработная плата не способна обеспечить среднестатистического россиянина, и молодежь рассчитывает на большее: не менее 15 тысяч рублей (49 %), более 25 тысяч – 41%. При этом основная масса респондентов (43 %) совершенно справедливо полагают, что в Ливнах на высокие заработки молодежь рассчитывать не может. Из-за чего создается ситуация, что рабочие места вроде бы есть, но работать молодежь не идет. Немаловажным фактором трудовой миграции молодежи является отсутствие перспектив для профессионального роста, создания карьеры. Так полагают 95 % выпускников филиала.

Молодые респонденты выделяют следующие основные причины оттока людей из провинций: низкая заработная плата (98 %), отсутствие рабочих мест (80 %), отсутствие перспектив на будущее (68 %), отсутствие возможностей для саморазвития (41 %). Как видим, причины, связанные с трудовой деятельностью, доминируют. На недостаточность культурных и развлекательных центров указали только 18% респондентов.

Реализация жизненных планов, целей во многом зависит от социального самочувствия, настроения молодежи. В группу главных проблем нашего города, которые волнуют ливенскую молодежь,

устойчиво входят безработица, низкий уровень жизни населения, отсутствие возможностей для самореализации (таблица 2).

Таблица 2

Какие их проблем города Ливны вас беспокоят больше всего? (в %)

Варианты ответов	2007 г.	2014 г.
Нехватка рабочих мест, безработица	62	80
Низкий уровень жизни населения	56	54
Рост цен на товары, услуги	29	71
Рост цен на услуги ЖКХ	30	65
Проблемы с трудоустройством	47	48
Культура, спорт, досуг	34	32

Таким образом, отток рабочей силы, по мнению молодежи, связан с местным рынком труда. Подавляющее большинство респондентов (80 %) считает, что если повысить заработную плату, то ситуация кардинально изменится; 89 % респондентов полагают, что необходимо создавать новые рабочие места.

Наше исследование подтвердило наличие тенденции, связанной с тем, что наиболее благополучные в экономическом отношении города (регионы) интенсивно притягивают к себе миграционные потоки, основу которых составляет молодежь. Все это обостряет межрегиональные различия, изменяет профессионально-квалификационную структуру регионов, их социально-экономический, этнокультурный, демографический облик.

Литература

1. Полевой И. Демография и миграция – важнейшие факторы формирования трудовых ресурсов современной России // Человек и труд. – 2012. – № 11. – С. 55-60.

Кривец А.П.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГЕМА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁵**

Слово «модернизация» означает улучшение, усовершенствование чего-то, но не ради самой модернизации, а ради последующего успешного решения заранее поставленных задач. Однако это понятие модернизации в нашей стране на нынешнем этапе связывается почти исключительно с успехами в экономике, с планированием и осуществлением разработок и

⁵ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 14-03-00068а).

внедрений только высокотехнологичных, наукоемких нововведений. В стороне остается сущность понятия «модернизация», смысл которой заключается в прогрессивных изменениях всего общества, включающего комплекс социальных, политических, экономических, культурных, интеллектуальных трансформаций.

Значительный вклад в развитие теории политической модернизации внесли Г. Алмонд и Д. Пауэлл, Д. Аптер, С. Липсет, Д. Растоу, С. Ханттингтон, Ш. Эйзенштадт.

В соответствии с теорией Ш. Эйзенштадта под модернизацией понимается «... процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты» [Цит. по: 8, 173].

По Р. Инглхарту основная идея модернизации состоит в радикальных переменах ценностей и мотиваций, связанных с массовым спросом на демократические институты и ужесточением требований к элитам. Причем требования эти порождены комплексом социально-политических трансформаций. Причем, по мнению Р. Инглхарта, модернизация не обязательно автоматически ведет к демократии. Но становление постиндустриального общества повышает потребность людей в образовании, в расширении самостоятельности действий во всех областях жизни, что, в свою очередь, неизбежно подразумевает свободу выбора как основной приоритет и мотивирует политическое участие гражданина в жизни общества [5, 165-167].

Современное общество включает в себя четыре базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благоденствия и массовую коммуникацию. С этой точки зрения универсальный пакет модернизационных трансформаций, характерных для XX в., рассмотрен российским культурным антропологом Э.А. Орловой. На уровне социокультурной организации общества модернизация проявляется в форме движения от индустриализма к постиндустриализму в экономической сфере, в политической как движение от авторитарных к демократическим режимам, в правовой как переход от обычного к юридическому праву. «Им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих социокультурных тенденций принято называть модернизацией» [6, 7].

Иной подход к трактовке модернизации находим в концепции социолога В.А. Ядова, представляющую собой активистскую парадигму модернизации в рамках культурологического подхода. Он выделяет три составляющих модернизации современной России: национальные особенности России и российского общества и, как результат – особый путь России через конкретизацию национального интереса; взаимодействия с мировой системой должны регулироваться международным правом; трансформация в рамках страны должна осуществляться присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан [10].

В конце 1990-х – начале нулевых годов XXI в. был сформулирован культурологический подход к трактовке возможных путей модернизации современной России. Базисные принципы данного подхода изложены в работах Л. Гудкова [2; 3] и специалистов АНО Левада-центра. В частности, он утверждает, что пределы возможностей модернизации в России обусловлены российской ментальностью. «В условиях усиливающегося в последние годы административного произвола в образованной части российского населения почти автоматически восстанавливается старая вера в силу просвещенных людей, способных нравственно и интеллектуально влиять на народ и власть, а тем самым воздействовать и на политическое либо социальное поведение» [3, 73]. Опираясь на результаты серии социологических исследований, посвященных проблеме «Является ли российская элита реальным носителем ценностей модернизации, движущим началом процессов модернизации страны», делаются выводы, что наиболее вероятный вариант ближайшего будущего современной России заключается в сохранении иерархического социального порядка, принимаемого большинством граждан. А это значит, Россия не способна изменить политическую парадигму своего устройства и ей предстоят застой и последующая медленная деградация, а не модернизация [3, 96].

Элитарную модель российской модернизации отстаивает советский и американский ученый-социолог Владимир Шляпентох [9]. Он критикует культурологический подход в обосновании российской модернизации, утверждая, что он искажает реальный процесс регулирования общества и не объясняет полностью, как в обществе поддерживается порядок и сохраняются существующие политические и социальные структуры. По его мнению «главная причина нынешних проблем России и слабые перспективы для модернизации общества лежат в характере политической элиты страны. Глубока ошибка тех, кто объясняет нынешнее положение страны главным образом ментальностью россиян и русскими традициями.

Только если России удастся сформировать новую демократическую правящую элиту, страна может вернуться на стезю прогресса» [9].

Ряд российских ученых (Т.И. Заславская, В.А. Ачкасов) полагают, что современное российское общество является разрушающимся традиционным обществом с догоняющей модернизацией [1; 4].

Основные индикаторы и задачи российской модернизации содержатся в статье Д.А. Медведева «Вперед Россия» (10.09.09), в Послании Президента РФ 2010 г., где было заявлено о модернизации политической системы и предложены меры для усовершенствования системы народного представительства в России, а также продекларирована необходимость проводить всестороннюю модернизацию, основанную на ценностях и институтах демократии [7].

Литература

1. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. – 2001. – № 3. – С. 84
2. Гудков Л. Перерождение коммунистической номенклатуры [Электронный ресурс]: url: <http://msps.su/article/7802/> (дата обращения 01.03.2014)
3. Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» – С. 73-97. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Pro_et_Contra/Vol11num3-06.pdf. (дата обращения 01.03.2014)
4. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
5. Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Изд-во «Европа», 2010. – С. 165-167.
6. Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России: Библиотека в эпоху перемен: Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2(10). – М.: МГУКИ, 2001. – С. 7.
7. Иослания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. url: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 01.03.2014)
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект – Пресс, 1996. – С.173.
9. Шляпентох В. Элиты, а не массы – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных изменений в России // Вестник Института социологии [Электронный ресурс]. url: http://www.isras.ru/blog_modern_1.html?&printmode (дата обращения 01.03.2014)
10. Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Вестник Института социологии [Электронный ресурс]. url: [http://www.isras.ru/blog_modern_1.html? &printmode](http://www.isras.ru/blog_modern_1.html?&printmode) (дата обращения 01.03.2014)

Крупкин П.Л.
Центр изучения Современности
Москва, Россия

Истомин А.Г., Лебедев С.Д.,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия

РОССИЙСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-САКРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В институциональном обществоведении существует теория, рассматривающая зависимость качества социальных институтов от того, как соотносятся друг с другом активности сообществ двух типов: «замкнутых» (bonding), то есть организованных по типу «мафий / кланов», с высоким порогом включения в сети доверия людей «со стороны», и «открытых» (bridging) — таких, которые обеспечивают априорное доверие к незнакомцам [1, С. 53].

В своей работе П.Л. Крупкин [2, С. 303–311] предложил общую концепцию структуры коллективных идентичностей (далее КИ). Согласно этой концепции практически каждая КИ содержит четыре базовых элемента: 1 «центральное место», географическое или сугубо символическое; 2 ценности / святыни («боги» локального сообщества); 3 ритуалы поддержания и укрепления идентичности / солидарности участников; 4 вклад участников в сообщество — материальный или символический. Помимо этого, группа с КИ обычно включает 5 ядро и периферию, зачастую структурированную по статусным уровням.

Белгородская локальная идентичность (в первом приближении) описывается следующим образом:

Центральное место: Соборная Площадь (бывшая Площадь Революции) в центре города. Представление о локальной географии: Белгород — центр региона, шире — Слобожанщины (второй центр последней и «центр притяжения» — Харьков). Харгора (Харьковская гора) — второй, «домашний полюс» Белгорода, в противовес (и дополнение) официальному центру — Соборной Площади.

Сакральные символы, ценности локальной идентичности: прежде всего могилы павших в Великой Отечественной войне. К данной категории, на наш взгляд, близко и более размытое, но устойчивое представление о том, что Белгородчина — «древняя земля» (символические места — дуб Петра Первого в пос. Дубовое Белгородского района, монастырь Святой Троицы XIV века в Холках Чернянского района и некоторые другие древности). В связи с этим

характерно также представление белгородцев о себе как о людях «рубежа»: сейчас это — граница с Украиной, но высокая степень близости и интегрированности населения приграничных российских и украинских регионов «оттеняет» архетипический характер данного представления, в котором особенно чувствуется историческая память о «засечной черте» XVI–XVII веков. Потому глубинное самоощущение белгородца, поддерживающее его престижную самооценку как представителя локального сообщества, — «мы на рубеже, и потому в некотором роде особые люди», ибо «все идет через нас».

Ритуалы воспроизводства белгородской КИ (по степени общности / значимости): (1) празднование 5-го Августа — Дня освобождения Белгорода от немцев в 1943 году, с кульминацией в виде праздничного фейерверка; (2) семейное посещение мест культурного отдыха, в последние годы — торговых центров «Сити-Молл» и «Рио», расположенных на выездах из города и выполняющих функцию комплексных культурно-развлекательных пространств; (3) частные выезды на дачи / охоту / рыбалку (мелкогрупповой ритуал, который, тем не менее, можно и следует широко обсуждать в местной неформальной коммуникации).

Пантеон героев: первый освободитель города танкист Попов; уроженец Белгородчины генерал Н.Ф. Ватугин; другие павшие герои войны, в значительной части безымянные (примеры — «Неизвестный летчик», чья могила находится в лесном массиве Пушкарное в черте города; воины, павшие в танковом сражении на Прохоровском поле и при освобождении Белгорода в 1943 г.). Следующий ряд почитаемых деятелей составляют епископ Святитель Иоасаф (Горленко), Петр I, Екатерина II.

Структура сообщества: ядро — губернатор (Е. Савченко) и его команда, плюс другие отдельные знаковые фигуры «по направлениям»: сельское хозяйство (В. Горин), искусство (Ст. Косенков), спорт (Г. Шипулин, С. Тетюхин, Ф. Емельяненко, С. Хоркина). Ядро сообщества играет важную роль в признании социального успеха белгородца — практически легитимирует успех своей реакцией на него. И «успешные» образуют еще одну подгруппу в сообществе, некое «гало» вокруг ядра. Граница же между «белгородскими» и «понаехавшими» выражена довольно слабо; зачастую, при наличии у последних достаточного социального капитала, она стирается «автоматически» по прошествии нескольких лет.

Как можно видеть из сопоставления результатов предварительного экспертного опроса, проведенного авторами в ряде российских регионов (помимо Белгорода, исследованием на данный момент охвачены Владимир, Нижний Новгород, Иркутск и Хабаровск) [3, 222-226], предложенное структурирование описания / представления коллективных идентичностей позволяет репрезентировать их достаточно единообразно

вне зависимости от конкретных типов. Мы предполагаем, что особо важную роль при формировании КИ играют ценности и святыни – те символы и артефакты, устойчиво наделяемые группой определенными чувствами и эмоциями, которые можно назвать сакральными.

Продуктом сакральных переживаний в рассматриваемом случае оказывается та самая любовь к городу / месту, которая отмечалась всеми экспертами при описании своих земляков. Сакральность переживается как чувство гордости за почитание окружающими людьми признанных святынь, стереотипов повседневности и как чувство негодования за их «поругание». Ею оказываются пропитаны и образ города в презентационных его частях, и избранные жителями артефакты/символы, и пантеон героев, и жизненный уклад (ритуалы повседневности) и, как следствие, стереотип характера среднего обывателя. Здесь можно также отметить, что в рамках предлагаемой нами концепции сакральная сфера структурно аналогична тем феноменам, которые могут быть определены как архетипы — социальные феномены на основе врожденных форм [4, 272–275.]. Для таких феноменов оказывается, что у каждого индивида есть некая врожденная форма / способность, которая «заливается» конкретным содержанием при его социализации, зачастую еще в детском возрасте. При этом, как считает С.В. Рязанова, «содержательное заполнение формальных рамок того или иного архетипического образа необходимо подчиняется логике повсеместного присутствия социального начала» [5, 68.]. Данное содержание как-то эволюционирует в течение всей жизни индивида, согласуясь с таковым у других носителей. Наряду с сакральной сферой наличие такой врожденной формы обнаруживается для родного языка, чувства справедливости и других социальных феноменов.

Таким образом, социальность в ее фило- и онтогенезе коренится в сакральных основаниях человеческой жизни, синкретически интегрирующих чувственно-эмоциональные переживания священного (на уровне индивидуальной психики), коллективные ценностные представления об идентичности (на уровне культуры) и социальные нормы солидарности с санкциями за их соблюдение/нарушение (на уровне общества). Любые сложные социальные структуры конструируются на этой основе и питаются энергией соответствующих мотиваций. Игнорирование последних, напротив, неизбежно ведет к фиаско социальных групп и общностей. Данное обстоятельство следует, в первую очередь, учитывать при подготовке и реализации крупных социоинженерных проектов, например, связанных с ресоциализацией традиционных религиозных институций в «постсекулярных» обществах, или направленных на укрепление гражданской солидарности через конструирование различных вариантов «гражданских религий».

Литература

1. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 46-65.
2. Крупкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // ПУ (Публичное управление: теория и практика: Сборник научных работ Ассоциации докторов наук государственного управления). № 3–4. Харьков: Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2010. [Электронный ресурс] url: <<http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115/>>.] (дата обращения 01.03.2014)
3. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. – 2013. – № 4. С. 35-48.5. Крупкин П.Л. (2013) Архетип сакральности // Публичное управление: теория и практика: сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления: Специальный выпуск. – Х.: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2013. – 280 с. [Электронный ресурс] url:<http://modernity-centre.org/2013/05/17/kroopkin-137/> (дата обращения 01.03.2014).
4. Крупкин П.Л. Архетипы социальности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2012. [Электронный ресурс] url:<http://modernity-centre.org/2012/06/23/kroopkin-131/>>.(дата обращения 01.03.2014); Крупкин П.Л. Архетип сакральности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2013. [Электронный ресурс] url:<<http://modernity-centre.org/2013/05/17/kroopkin-137/>>(дата обращения 01.03.2014).
5. Рязанова С.В. Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – Вып. 11. – С. 64–79.

Крупская О.Л.,

научный руководитель Бросова Н.З.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ДИСТАНЦИОННО-ВИРТУАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В РАМКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Традиционное (классическое) университетское образование в условиях информатизации общества приобретает новые черты. Если до конца XX века его основным форматом был непосредственный контакт преподавателя и студентов в университетских аудиториях, то в XXI веке уже повсеместно наблюдается тенденция к дистанционно-виртуальному

обучению. Дистанционное образование в вузах практиковалось и ранее, однако сегодня университеты наряду с формированием своих собственных систем электронного обучения стремятся расширить и дополнить методологические основания образовательного процесса инновационными техническими средствами. Достигается это за счет применения сети Интернет, обеспечивающей так называемое виртуальное образование.

Для обозначения технологии обучения в режиме удаленного доступа в современной западной лексике обычно используют два этимологически нетождественных друг другу термина – distance learning и distance education (дистанционное обучение и дистанционное образование). В толковом словаре Д.Ушакова за словом «обучение» закреплено значение: передавать знания, умения или навыки кому-либо в определенной предметной области. «Образование», напротив, трактуется как совокупность знаний, полученных результате систематических занятий. В западной традиции термин «дистанционное обучение» используется гораздо чаще, поскольку принято говорить именно об обучении как таковом, в том значении, которое представлено словарем Ушакова.

Возможности виртуализации образования меняют учебный процесс количественно (рост контактов преподавателя со студентами) и качественно (специфика контактов, доступ к литературе, источникам), формируют новые формы коллективных отношений (on-line конференции, тесты и др.), а тем самым конституируют особую сферу существования. Поэтому исследователи говорят о виртуально-образовательной среде как о пространстве, формируемом только субъектами и объектами образовательного процесса. Сегодня вопрос об эффективности дистанционно-виртуального преподавания, накопления и усвоения информации студентами является предметом споров среди политиков, чиновников, философов на региональном и федеральном уровнях. На первый взгляд опосредованное обучение представляется аналогичным реальному контакту с преподавателем, а в отдельных аспектах выглядит достаточно простым занятием.

Казалось бы, благодаря современным технологиям, получить высшее образование стало возможным, не выходя из дома. Более того, возможно совмещать обучение сразу в нескольких вузах даже за рубежом. Студентам достаточно лишь обладать простейшими навыками пользования ПК, поскольку система дистанционного обучения функциональна, проста и удобна. Стоимость такого обучения гораздо меньше классического очно/заочного. Студент может самостоятельно планировать, когда ему лучше изучить материал, самостоятельно (при помощи тестирования) проверить насколько качественно он был усвоен и т.д. Преимущество видится еще и в том, что экзамены проводятся также дистанционно, а это может способствовать снижению уровня коррупции в

университете. Но, с другой стороны, возникает вероятность того, что обучаемый либо попросит кого-то выполнить задание за себя, либо просто купит готовые ответы.

На практике ситуация оказывается совершенно иной: при внешней простоте дистанционного обучения говорить о качестве выпускников становится все сложнее, и тому есть масса причин. Во-первых, быстрый доступ к информации, ее накопление, хранение и обмен, безусловно, упрощают образовательный процесс, но такая оперативность не позволяет в полной мере переосмыслить данные. Во-вторых, дистанционный преподаватель, имея возможность контролировать все этапы учебного процесса, ограничен во влиянии на развитие креативности студента, ведь только при непосредственном, личном контакте с преподавателем образовательная ситуация может приумножаться и обогащаться. В условиях университета общество формирует обучающегося как личность, выполняя, к тому же, воспитательную функцию, основополагающую в общем аспекте традиционного университетского образования.

В-третьих, тесты как система контроля не всегда объективно выявляют реальные знания. Компьютер, в отличие от преподавателя, не имеет дополнительной информации о тестируемом, не обладает обратной связью, только лишь полученными вариантами ответов, а это, в свою очередь, влияет на качество оценки. В отдельных вузах даже при онлайн-тестировании существует возможность списывания, поскольку тесты составлены напрямую, «слово-в-слово» прямо из тех книг и лекций, по которым учатся студенты. При составлении материалов для тестирования следует внимательно следить за правильностью формулировки вопроса, контролировать методику подсчета ответов – ведь очень часто именно здесь уже кроется ошибка. Количество и качество требуемых к выполнению заданий должны иметь соответственное время к их решению, нужно разумно ограничивать время тестирования, чтобы студент не бездумно отвечал впопыхах, но и не расслаблялся.

Высшее профессиональное образование в современном образовательном пространстве находится в состоянии тотальной технизации, при которой вытесняются его традиционные (классические) основы. Однако это не означает того, что университеты должны полностью отказаться от новейших технологий в учебном процессе. Напротив, использование компьютерных и информационных устройств значительно упрощает обучение в целом. Вместе с тем, вряд ли стоит полностью отказываться и от классической модели университета, нацеленной на образование и самообразование гармоничной личности, духовной почвой которой выступает гуманитарное знание. Но, к сожалению, многие исследователи отмечают, что причиной кризиса современного образования является девальвация гуманитаристики, в т.ч. в высшей школе, именно в университете.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГГ.

Из внешнеполитических проблем в системе нацистской пропаганды середины – конца 1930-х гг. преобладали такие, как: необходимость ревизии Версальской системы, строительство «нового порядка» в Европе на основе воссоединения этнических немцев, преодоление международной изоляции Германии, подготовка продвижения в Западную и Центральную Европу, поиски потенциальных союзников, завоевание симпатий не только этнических немцев, но и мирового сообщества и пр.

Как известно, к середине 1930-х гг. для решения своих внешнеполитических задач Третий Рейх предпринял ряд мер. В частности, выход из Лиги Наций, уход с Женевской конференции по разоружению, организацию путча в Австрии (1934), присоединение Саарской области, превышение предела численности германских военных сил, введение всеобщей воинской повинности и создание вермахта в составе 36 дивизий. Для объяснения этих акций мировой общественности и самооправдания, начиная с 1933 г., нацистская пропаганда использовала весь арсенал средства. При этом до 1936 г. германские национал-социалисты еще вели так называемую «мирную» внешнеполитическую пропаганду, сосредоточенную на тщательном выборе аргументации своих действий, осторожном давлении на европейскую общественность с целью формирования положительного образа Германии. Задачей такой информационной поддержки внешней политики было спутать карты противника и усыпить бдительность других держав.

Важнейшим направлением тематики внешнеполитической пропаганды Германии стала эксплуатация идеи этнотравмы немцев в итоге I Мировой войны и игра на чувстве ущемленного национального достоинства, что давало нацистам прекрасную возможность максимально консолидировать народ вокруг своей идеологии и программы. Саарскую область, Австрию и Чешскую республику Гитлер рассматривал как составляющие части Рейха, соответственно, их консолидация и включение в свой состав считались вопросом времени. При этом пропагандистский аппарат неоднократно позиционировал Германию как страну, стремящуюся к созданию безопасной обстановки в Европе, но встречающую на этом пути серьезное сопротивление. Таким образом подводилось теоретическое обоснование под планируемые

внешнеполитические акции (этнического, территориального, морального плана).

К 1939 г., как известно, гитлеровская Германия под лозунгом «самоопределения» нации и общегерманского объединения уже произвела такие внешнеполитические акции, как ремилитаризацию Рейнской зоны (1936), аншлюс Австрии (1938), присоединение судетских земель (1938). При этом во всех этих случаях нацистская риторика удачно обыгрывала удобную и доходчивую идею «народного единства», определяемого принадлежностью людей к «северогерманской» расе, вне зависимости от их территории проживания.

Помимо этого, германскому и европейскому обществам целенаправленно навязывалась идея «внешней опасности». Для этого активно эксплуатировались как фоновые угрозы идеи коммунизма и советизма. Они получили широкое распространение и негативное освещение в печати, радио и телепередачах, в пропагандистских выступлениях нацистских лидеров и др. Такая манипуляция общественным мнением с целью обеспечения реализации немецких экспансионистских планов через создание ложных образов, стереотипов, призывы к освобождению «природных немцев» и всеобщей борьбе с коммунизмом оказалась достаточно продуктивной.

Соответственно, именно пропаганда стала в нацистском движении одним из ключевых и самых результативных способов воздействия на общество. Нельзя не отметить и тот факт, что при решении большинства внешнеполитических задач МИД Германии и министерство просвещения и пропаганды действовали весьма согласованно. Систематические пропагандистские акции предвворяли, сопровождали и трактовали важнейшие внешнеполитические акции накануне второй мировой войны, создавая «эффект вездесущности» а значительная корреляция внешней политики и пропаганды заставляла нацистское руководство корректировать не только содержательную сторону пропаганды, но и ее формы в зависимости от выдвигаемых политических целей и задач.

Литература

1. Ringler H. The Work of Propagandists in the National Socialist State // Unser Wille und Weg. 1934. №4. S. 293-301.
2. Schulze-Wechsungen W. Politische Propaganda // Unser Wille und Weg. 1934. № 4. S. 323.
3. Wells J. Politische Propaganda als sittliche Pflicht // Unser Wille und Weg. 1936. №6. S. 238-241.
4. Die Zeit ohne Beispiel (Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941). A Collection of Goebbels' Speeches and Writings from January 1939 to September 1941 [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/goeb16.htm>.

5. Hitler A. Speeches and Proclamations 1932–1945. Volume II .1935–1938. Würzburg, 1992. P.868.
6. The Essential Hitler: Speeches and Commentary / Hitler: [ed. with commentary by] Max Domarus. 1st ed. Wauconda, Illinois USA, 2007. P. 524, 553, 555 – 556.
7. Heinz A. Heinz. Germany's Hitler. London, 1938. P. 259.
8. Раушнинг Г. Говорит Гитлер / Г. Раушнинг. М.: «Миф», 1993. С. 166-167.
9. Albrecht, G. Nationalsozialistische Filmpolitik: Eine soziologische Untersuchung über Spielfilme des dritten Reiches. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1969. S. 468.

Лагутина В.В.
*Средняя общеобразовательная
 школа № 47 г. Белгорода
 Белгород, Россия*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА. Ф.И. ТЮТЧЕВ «Я ВСТРЕТИЛ ВАС...»

Мы решительно относим талант Тютчева
 к русским первостепенным талантам.

Н.А. Некрасов

Он не шутит с музыкой, и все у него строго:
 и содержание, и форма.

Л.Н. Толстой

*Я помню время золотое,
 Я помню сердцу милый край.
 День вечерел: мы были двое.
 Внизу, в тени, шумел Дунай,-*

Так писал в 1834 году в Германии русский дипломат Федор Иванович Тютчев. Именно здесь он познакомился с пятнадцатилетней графиней Амалией Лерхенфельд, двоюродной сестрой русской императрицы Марии Федоровны. Любовь к золотоволосой красавице привнесла в творчество поэта новое мироощущение, в его лирику вошел конкретный человек. По замечанию З. Гиппиус, Ф. Тютчев одним из первых при изображении этого чувства главное внимание переключил на женщину. Свидетельство тому и широко известный «денисьевский» цикл, и стихи, посвященные Элеоноре Петерсон.

Стихотворение «Я встретил вас...» было написано в 1870 году в Карлсбаде, именно там великий русский поэт вновь встретился со своей юношеской любовью.

В начале широко известных строк, положенных на музыку композитором Л. Малашкиным и возрожденных Иваном Семеновичем Козловским, он поставил инициалы «К.Б.», т.е. баронесса Крюденер, та

самая Амалия, ставшая женой друга Ф. Тютчева – барона Крюденера. Нахлынувшие воспоминания вылились в строки, которые называют жемчужиной русской любовной лирики: *«Я встретил вас – и все былое...»*

«Как строгий художник, богатый чувством и мыслью, – писал А.Л. Фет, – Ф. Тютчев никогда не позволяет стихотворению падать под избытком содержания».

Лирический герой уже в «почтенном» возрасте встречает свою юношескую любовь. И «отжившее сердце» оживает, воспоминания возвращают его в былое, давно забытое, невозвратное. Свое душевное состояние он сравнивает с теплыми днями осени, «когда повеет вдруг весною».

Содержание этого лирического текста внешне достаточно простое, но форма стиха сообщает ему глубину, объемность, образную и эмоциональную выразительность.

Обратимся к первой строфе стихотворения. «Я встретил вас...». Что-то возвышенное, обожаемое, но в то же время недостижимое в этом местоимении – «вас». Вспомним пушкинское: «Я вас любил...» или есенинское: «Вы помните, вы все. конечно, помните...». Это большое, но все же отвергнутое чувство, платоническая любовь: «Гляжу на вас, как бы во сне» и «то же в вас очарованье...»

Лексическая анафора акцентирует наше внимание на внутреннем состоянии героя. Неожиданность встречи, нахлынувшие чувства, его волнение подчеркивает и восходящая градация (встретил – ожило, вспомнил – тепло), и любимая тютчевская инверсия (время золотое), и оксюморон (в отжившем, т.е. мертвом, ожило), и синекдоха (сердцу тепло), и, наконец, дважды употребленное тире.

Вторая и третья строфы представляют собой единое композиционное целое, развернутое сравнение: поздней осенью бывают дни, когда «повеет вдруг весною», и далее – «так весь обвеян дуновеньем...». Состояние легкости, душевной чистоты подчеркивается словами «повеяло», «обвеян». «Поздняя осень», на наш взгляд, – это скрытая метафора (в 1870 году Тютчеву исполнилось 67 лет). Но даже в этом возрасте «бывают дни», «бывает час». Анафора подчеркивает возможность, реальность хотя бы на мгновение «вдруг» вернуться в «весну», в юность. Герой смотрит на «милые черты» (синекдоха) «с упоением», причем «давно забытым». Так возникает тема долгой разлуки. Она звучит и в четвертой строфе, подчеркивается словом «вековой» и сравнительным оборотом «как бы во сне».

Вероятно, светлое, нежное чувство любви не покидало лирического героя никогда («звучи, не умолкавшие во мне»), любимая являлась ему во сне, поэтому нелегко поверить в реальность встречи, а еще труднее что-либо говорить: в стихотворении трижды употребляется умолчание, т.е.

недосказанность. Читателю необходимо самому домыслить, осознать, понять, почувствовать, вспомнить.

Но для самого героя это не просто воспоминание, «тут жизнь заговорила вновь». Олицетворение употреблено не случайно: встреча возрождает любовь, любовь возрождает надежду.

Каждое слово в этом стихотворении содержательно и эмоционально мотивировано. Н.А. Некрасов отмечал необыкновенную способность Ф. Тютчева улавливать «именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собой данная картина». Например, поэт не посвящает читателя в подробности встречи лирического героя с любимой им женщиной. Но одного точно найденного слова («смотрю», «гляжу») и зорко подмеченной детали («милые черты») ему было достаточно, чтобы вызвать в нашем зрительном восприятии картину встречи во всей ее конкретности.

Именно в этом, по мнению Л.Н. Толстого, и заключается умение Тютчева писать стихи.

Лазарев А.А.,
научный руководитель Лобанов К.Н.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ПОПЫТКИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ. КРЫМСКИЙ ФАКТОР

Ни для кого не секрет, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует единая официальная идеология, которая смогла бы сплотить многонациональный и многоконфессиональный народ, проживающий на ее территории. Почва этого была заложена после распада СССР и подкреплена в первые 10 лет. В бывших республиках стали активизироваться националистически настроенные группировки. На протяжении новейшей истории России были попытки установить единую идеологию, ибо государство, включающее в свой состав столько земель, имеющее богатейшую историю, не может существовать и претендовать на звание великой державы без единой идеологии. Хотя это и противоречит статье 13 конституции Российской Федерации, устанавливающей, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1], проводились попытки создания таковой. А именно, первые попытки были предприняты в 1994-1995 гг. и связаны с доктриной «демократического патриотизма». Были выдвинуты лозунги о «единой и неделимой России», навязывание которых привело к Чеченскому конфликту и поставило под сомнение саму

государственность РФ. В период с 1996 по 1998 гг. президентом Б.Н. Ельциным была инициирована программа, которая должна была выяснить «какая национальная идея, национальная идеология – самая главная для России» [2, 1], но ослабление авторитета президента и общее разложение политического режима поспособствовали тому, что данная инициатива не увенчалась успехом. С приходом к власти президента В.В. Путина был взят путь на консервативное развитие России и на так называемый «консервативный либерализм», подразумевающий под собой стабильность во всех сферах жизнедеятельности, а также продолжение курса реформ, но медленным путем.

Стоит отметить, что большое влияние на формирование идеологии оказывают сами люди, ибо они принимают или же нет, то, что им предлагают. Если власть теряет свой авторитет, то естественно, что народ может не принять никакую идеологию. В этой ситуации очень большое значение имеют события, происходящие в современной Украине. Грамотная политика верховной власти РФ поспособствовала присоединению Крыма и Севастополя к РФ, что на фоне всех событий так называемой «Украинской зимы» вызвало огромный подъем национального сознания у населения и небывалый рост патриотических настроений, а также рост рейтинга президента РФ. Это подтверждают данные Левада-центра от 10 марта 2014 г. За последние 3 месяца количество людей, считающих, что наша страна идет в правильном направлении увеличилось на 18%. Две трети жителей России считают, что в состав России вслед за Крымом можно принять и другие регионы Украины, если их население, как и крымчане, выскажется за отделение от Украины и присоединение к России [3]. Стоит отметить, что идеологический подъем отразился не только на русском населении, но и также на некоторых народах, проживающих на территории РФ, а именно – поволжских татар и даже некоторых народов Кавказа. Связано это с тем, что в данный момент основной силой новой украинской власти являются участники так называемого «правого сектора», многие из которых являются подозреваемыми в сотрудничестве с террористическими организациями, базирующимися на Кавказе, а также в прямом участии в кавказских конфликтах в качестве наемников. Нами были названы лишь 3 основных представителя населения, проживающих на территории РФ, а следовательно, их объединение и сплочение перед лицом событий за пределами России является очень важным и умным шагом к формированию единой идеологии. История показывала, что подобное объединение было зачастую лишь перед лицом общего врага и имело успех в геополитическом плане. То есть, в сознании народа было очевидным, что если Крым останется без опеки России, то он будет поглощен западно-настроенными настроениями, что будет нести прямую угрозу для РФ.

Таким образом, события «Украинской зимы» очень сильно повлияли на объединение различных слоев населения российского общества по данному вопросу, что является хорошей платформой для формирования единой идеологии, которая сможет преодолеть проблемы многонациональности и многоконфессиональности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Известия, 1993. – 26 с.
2. Ельцин о «национальной идее» // Независимая газета. 1996. 13 июля. С. 1.
3. Россияне не возражают против принятия в состав России и других регионов Украины / Левада-Центр [Электронный ресурс]. url: <http://www.levada.ru/13-03-2014/martovskie-reitingi-odobreniya> (дата обращения 02.03.2014)

Липич Т.И., Липич Д.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ДИАЛОГ СУВЕРЕНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

В современном российском обществе проблема духовно-нравственного развития и воспитания новых поколений на основе традиционных ценностей становится предметом озабоченности общества, что находит отражение в публицистике, горячих общественных дискуссиях, общественных инициативных движениях, актуальном педагогическом опыте, научно-педагогических исследованиях. На основе тех дискуссий, которые проходят в обществе, все более понятной становится мысль о том, что общество связывает с традиционными ценностями ожидания в области противодействия негативным явлениям современности, таким как различные зависимости, равнодушие, криминализация и прочие. В государственной образовательной политике проблема духовно-нравственного воспитания поставлена на высокое место. Это происходит в связи с ростом социальных потребностей в обществе. В православной педагогике все более актуальным становится исследование понятия «духовно-нравственное воспитание», «духовно-нравственное развитие», анализируется их связь, осмысливается православная педагогическая практика, ориентированная на решение задач духовно-нравственного развития и воспитания посредством интеграции традиционных ценностей в образовательное пространство. Для решения важнейших социальных вопросов взаимодействие суверенитетов государства и Русской Православной Церкви представляет собой уникальный феномен. Известно, что Россия испокон веков жила в

лоне Восточной Православной Византийской цивилизации. Для того, чтобы современное общество могло выжить и сохранить свою уникальную культуру, необходимо передавать те духовные, ценностные ориентиры, на которых держалось общество на протяжении более чем тысячи лет.

За 20 с лишним лет исторического существования постсоветской России в рамках законодательства светского государства постепенно сложился богатый опыт использования потенциала Русской Православной Церкви и других традиционных религиозных организаций в духовно-нравственном воспитании, который показывает положительные результаты в современных условиях. В связи с этим взаимодействие Русской Православной Церкви различных государственных социальных структур получает широкое распространение. Особенно интенсивно данное взаимодействие развивается в сфере образования. Практика показывает, что принципам законодательства светского государства в условиях современного поликультурного, демократического общества наиболее отвечает процесс построения взаимоотношений, основанный на договорах, соглашениях, с использованием разработок целевых проектов и программ. Необходимо отметить, что для поступательного развития России, ее духовного возрождения и успешной модернизации главной задачей является развитие цивилизованных форм и механизмов взаимодействия между государством, конфессиями и гражданским обществом. Это, в свою очередь, даст новый импульс для духовного воспитания граждан России, утверждения духа общественного согласия, противодействия экстремизму, развития отечественной культуры и патриотизма.

Ряд российских философов, священнослужителей (М.В. Захарченко, А.С. Панарин, В.Н. Расторгуев, архимандрит Георгий (Шестун) и др.) рассматривают православие как цивилизационную традицию. Это означает, что значительная часть граждан России, не будучи включенными в вероисповедальную практику Православной Церкви, являются «православными по идентичности» (термин И.П. Рязанцева), т. е. благодаря родовому и семейному преданию, их нравственные выборы ориентированы на мировоззренческие доминанты и ценностную систему православной традиции. Традиция, по словам М.В. Захарченко, никогда не «дана» – традиция всегда «создается». В обществе традиция возрождается тогда, когда ряд ее элементов наделяется ценностным звучанием. К сожалению, развитие конструктивного взаимодействия государственной системы образования и Русской Православной Церкви в сфере духовно-нравственного воспитания затруднено рядом противоречий:

– во-первых, это противоречие между запросом современного российского общества в духовно-нравственном самоопределении

личности и размытостью мировоззренческих основ отечественного образования;

– во-вторых, между теоретическим обоснованием культуuroобразующей роли Православной традиции и теоретическим осмыслением понятия светскости образования в логике атеистической идеологии;

– в-третьих, между сформулированными в государственной образовательной политике задачами восстановления исторической преемственности поколений и сохраняющейся в теории и практике образования недооценкой Русской Православной Церкви как источника и носителя культуuroобразующих традиций;

– в-четвертых, противоречие между представлениями о вселенском статусе опыта Русской Православной Церкви и узко конфессиональной реализацией в сфере духовно-нравственного становления человека;

– в-пятых, между недостаточным теоретическим осмыслением педагогических и управленческих средств использования накопленного опыта и востребованностью сегодняшней системой образования опыта Русской Православной Церкви по духовно-нравственному становлению человека.

Кроме этого, можно выделить противоречие и между многообразием эмпирического опыта взаимодействия государственной системы образования и Русской Православной Церкви в субъектах Российской Федерации и отсутствием теоретических моделей его описания и распространения.

Вместе с тем, выделение и осмысление этих противоречий, проблем говорит о том, что российское общество переживает в настоящее время духовно-нравственный кризис. Такое положение дел является отражением перемен, произошедших в общественном сознании и государственной политике. Уже более 20 лет российское государство живет без официальной идеологии, а общество – без духовных и нравственных идеалов. Думается, что духовно-нравственные обучающие и воспитательные функции действующей системы образования оказались сведенными к минимуму. В результате этого совокупность ценностных установок, присущих массовому сознанию во многом приобрела характер деструктивный и разрушительный с точки зрения развития личности, семьи и государства. Поэтому задача духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения имеет чрезвычайную значимость, становится одной из приоритетных в деле обеспечения национальной безопасности страны. Необходимо констатировать, что в последние десятилетия (особенно в последнее время) всему мировому сообществу, включая Россию, в качестве универсального образца устройства государства и человека предлагается деидеологизированный либеральный стандарт, сущность которого заключается в приоритете земных интересов над

нравственными и религиозными ценностями, а также над суверенитетом государств и патриотическими чувствами. Этот стандарт во многом определяет сегодня российскую образовательную политику. Традиционные основы воспитания и образования подменяются по мнению некоторых политиков и идеологов "более современными", западными: христианские добродетели подменяются общечеловеческими ценностями гуманизма; педагогика уважения старших и совместного труда – развитием творческой эгоистической личности; целомудрие, воздержание, самоограничение – вседозволенностью и удовлетворением своих потребностей.

Последние события в Европе являются тому подтверждением. Любовь и самопожертвование заменяются своими эрзац-ценностями – личностным самоутверждением и крайним индивидуализмом. В свою очередь, интерес к отечественной культуре – исключительным интересом к иностранным языкам и иностранным традициям. Известно, что на Западе большое распространение получила идеология толерантности ко всем и всему. Для нашей культуры, основанной на традиционных ценностях, этот принцип был не характерен, хотя в последнее время он все больше и больше отвоевывает себе приверженцев, к тому же интеллектуальное развитие доминирует над духовным. В результате меняется традиционный смысл понятий "духовность", "нравственность", "добродетель"; это формирует мысль о том, что вполне возможно существование образования отдельно от воспитания. В этом случае место воспитания на основе традиций отечественной культуры занимает проведение образовательно-развлекательных кампаний в контексте либерально-демократических ценностей. Эти ценности оказывают определяющее воздействие на систему нравственных эталонов детей, молодежи, общества в целом.

Либерально-демократические ценности, вне четкой системы нравственных координат в эпоху технологического прогресса создают опасность разного масштаба катастроф, направляющих результаты прогресса против человечества. В свою очередь этот духовно-нравственный тупик порождает кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере нашей страны. Без изменения духовно-нравственного состояния общества невозможно продуктивное осуществление никаких реформ. Что же следует сделать в сфере взаимодействия государства и церкви по преодолению этого кризиса в сфере образования? В этих условиях, необходимо соблюдение следующих принципов: во-первых, объединения смыслов и целей духовно-нравственного образования; во-вторых, понимания методологических основ духовно-нравственного воспитания; в-третьих, внимательного и уважительного отношения к накопленному сторонами опыту в данной

области и к культурно-историческим традициям взаимодействия Русской Православной Церкви и системы образования в России; в-четвертых, соблюдения принципа суверенности в деятельности государственной системы образования и Русской Православной Церкви. При соблюдении этих условий необходим переход на уровень конструктивных взаимоотношений, предполагающий научно организованное социальное партнерство, диалог и сотрудничество.

Спасением в преодолении кризиса для России может стать восстановление и распространение традиционной духовно-нравственной культуры. Только традиционный жизненный уклад может быть противопоставлен агрессивному влиянию современной культуры и экспортированной с Запада цивилизационной модели. Для России нет другого пути выхода из кризиса в духовно-нравственной сфере кроме возрождения самобытной российской цивилизации на традиционных ценностях отечественной культуры. А это возможно при условии восстановления духовного, нравственного и интеллектуального потенциала носителя русской культуры – русского народа. Неоценимыми образовательными и воспитательными возможностями обладают православно-христианские принципы любви, гармонии и красоты в устройении мира, человека и общества. Именно на их основе возможно преодоление современного кризиса культуры, науки, образования, кризиса внутреннего мира человека. Святейший Патриарх Кирилл предпринимает попытку создать новую модель отношений между церковью и обществом, где церковь должна восприниматься не как закрытый далекий от общества институт, а, наоборот, Православие должно стать духовно-нравственным базисом общества, а сама церковь институтом, помогающим обществу в поиске смысла жизни, нравственного ориентира и осуществляющим социальное служение.

Таким образом, в настоящее время отношения между церковью и государством приобретают иное измерение, где государство заинтересовано в активном участии РПЦ как института гражданского общества в процессе формирования духовно-нравственного и патриотического воспитания, противодействия наркомании, алкогольной угрозы, криминализации общества и проявления экстремизма различного толка. Церковь переосмысливает свою роль в обществе и государстве. Православие должно стать духовно-нравственным базисом общества, а сама церковь открытым общественным институтом. Можно предположить, что церковно-государственные отношения в России стремятся к модели «симфонии» суверенитетов государства и церкви, озвученной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

ЗВУКОСФЕРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*1 245 монастырей, 80 000 церквей
создавали благотворный колокольный
звон, симфонию звукоферы. То было
поистине космическим явлением, и не было
страны, по красоте равной нашей России...*
Ф.Я. Шипунов

При рассмотрении истории русской цивилизации решающую роль в понимании ее культуры имеет ее духовно-онтологическая связь с историей христианства. В ней высшие образцы художественного творчества включаются в процесс формирования собственной культурно-цивилизационной конфигурации и ее звукоферы, которые отражают духовное развитие сознания народа, являясь образным воплощением его идеалов, мировоззрения, самосознания.

Так для русского человека колокольный звон – это голос Родины, символ духовного единства русского народа, истории русского государства, отражающий в своем звучании переживания человеком чувств от праздничного восторга и священного трепета до скорби и тревоги, естественно присущих его сознанию, как представителю культуры, нашедшей в колокольном звоне свое выражение, выражение ритма своей жизни.

Появление первых колоколов на Руси непосредственно связано с началом формирования ее культурно-цивилизационных особенностей в период становления древнерусской государственности. По-видимому, оно произошло немного позднее, чем распространение колоколов в восточнохристианском мире (IX век) и напрямую связано с принятием христианства Русью. В то же время колокольный звон как культурный феномен получил очень быстрое развитие именно в русской традиции, отчасти превратившись в «народное искусство», «своеобразный музыкальный эпос» русского народа [4, 5].

Своим появлением и развитием в русском культурном пространстве колокол, как отдельный вид музыкального инструментария, оказал основополагающее влияние не только на звукоферу русской цивилизации, но и на ее материально реализуемый визуальный образ через создание приспособленных для колоколов конструкций разнообразных колоколен, архитектурные решения в области храмового зодчества, постройку отдельных церквей «иже под колоколы».

Наиболее ярким произведением русского храмового зодчества – «иже под колоколы» – по праву можно назвать один из шедевров Московского Кремля – церковь прп. Иоанна Лествичника, прозванную благодаря ее высокой колокольне, видной «со всех сторон» [2, 264], «Иваном Великим» (построенной в начале XVI в. на месте первого храма такого типа – церкви Иоанна Лествичника 1329 г.). Будучи интересным для разных направлений научного знания, данное сооружение любопытно и высокотехнологичным решением ярусного размещения колоколов – «вознесения звона» [3, 128], их внутренней компоновкой и расположением тяг для управления ими в зависимости от конструкции (квадрат или восьмигранник) колокольни [1]. В данном случае необходимо отметить о существовании в традиции зодчих четких функциональных принципов развески колоколов: акустического, музыкально-гармонического, конструктивного, архитектурного, ландшафтного [1], в своей совокупности создающих симфонию звучащего колокола и окружающего его мира, проникновения в этот мир через звуки преображенного духа человека, преображающего саму природу.

Развитие колокольного дела в истории России нашло свое выражение не только в производственном росте изготовления колоколов, их количественном присутствии в пространстве русской культуры (за исключением отдельных исторических периодов), но и в росте качества, технологичности их производства, художественного выполнения их внешнего вида, в росте их веса и размеров. Развитие литейного искусства и храмового зодчества позволили иметь России «не в диковинку» колокола в 600, 700, 800, 1000 пудов и более. Это не просто гигантомания мастеров литейного дела или заказчиков колоколов, а общее, свойственное русским зодчим, стремление к достижению более гармоничного звучания колокольного звона в бескрайних просторах России. Самым величественным колоколом, отражающим уровень развития литейного искусства, по праву считается легендарный Царь-Колокол (свыше 12 000 пудов или около 200 т.), к сожалению, так и не осуществивший своего предназначения.

Совершенствование колокольного звона, как развитие звонарского искусства, передаваемого из поколения в поколение на протяжении столетий, охарактеризовало себя поиском новых музыкально-выразительных средств, совершенствованием техники звонарского исполнения, созданием новых видов и форм звонов (так существуют звоны архиерейские, будничные; звон великий, встречный, всполошный, красный; звон к Евангелию, звон к заутрене и др.). Особую роль в этом играли русские монастыри [5].

Подобное присутствие звукоферы в культуре не могло не повлиять и на дальнейшее развитие музыкального искусства в России в виде колокольного звучания в инструментальной музыке. К колокольному звону обращались многие русские композиторы: М.И. Глинка,

М.П. Мусоргский, П.И. Чайковский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков, А.Н. Скрябин, А.К. Глазунов, И.Ф. Стравинский и др., – по сути, используя в своих произведениях все виды звона.

Тотальное уничтожение «звукосферы» России началось сразу после прихода к власти большевиков в 1917 г. и связано с активной борьбой космополитического интернационала с духовным наследием русской культуры. Колокольный звон стал чужд новой идеологии, формирующей собственную звукосферу через радиотрансляцию посредством громкоговорителей.

Этому способствовали следующие правовые положения большевицкой власти:

– Декрет СНК «О свободе совести...» (январь 1918 г.), согласно которому «церковное имущество» объявлялось народным достоянием. Право им распоряжаться получили местные органы власти.

– Курс на индустриализацию страны (XV съезд ВКП(б) 1927 г.). В нем особое внимание уделялось развитию металлургии, одним из источников которого было уничтожение и переплавка колоколов на «цвет-мет» под лозунгом – «Колокола – в фонд индустриализации страны!».

– В конечном итоге к физическому уничтожению колоколов добавились положения о запрете колокольного звона как такового. Это происходило на фоне Второй Советской пятилетки – «Пятилетки безбожия». К ее окончанию, к первому 1937 г., должны были быть ликвидированы в Советской России все действующие храмы. Однако, нужно заметить, что эта безумная идея осталась несбыточной мечтой безбожной власти всего атеистического периода отечественной истории. Возрождение интереса к звуковому феномену отечественной культуры датируется последними десятилетиями XX столетия и характеризуется интересом российских ученых к теме колоколов и колокольного звона искусства в истории России. В том числе можно отметить тот факт, что по этой теме в последнее время появились новые научные направления в области культурологических, исторических и др. научных дисциплин, проводятся научные конференции, фестивали колокольного искусства, создана Ассоциация колокольного искусства (1989 г.), возрождается колоколотейное дело. Фактически начато дело возвращения традиций русского колокольного звона, который выстоял в исторических метаморфозах, сохранив в себе неповторимую духовность и красоту; дело возрождения звукосферы русской культуры, цивилизации.

Литература

1. Анохин Д. Путь на верх: от цеха до балок. Как правильно перевозить, поднимать, размещать и крепить колокола. // Журнал Московской Патриархии. 2013. – № 3 – С. 94-100.

2. Гнедич П.П. Всемирная история искусств. – М.: Современник, 1996. – 494 с.

3. Горохов В.А. Колокола земли Русской. Из глубины веков до наших дней. – М.: Вече, 2009. – 320 с.

4. Колокола. История и современность. / Сост. Ю.В. Пухначев. – М.: Изд. «Наука», 1985. – 304 с.

5. Никаноров А.Б. Звонарский устав Оптиной пустыни // Наследие монастырской культуры: ремесло, художество, искусство. Статьи, рефераты, публикации. Вып. 1. – СПб., 1997. – С. 48-64.

Лопина М.Р.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ В ЖИЗНИ ТВОРЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА (ПРИМЕР М.С. ЩЕПКИНА)

Девятнадцатый век известен как «золотой век» русской культуры. В этот период завершилось создание русского литературного языка, реалистической литературы, классической национальной музыки [4, 401], создаются прекрасные коллекции произведений изобразительного искусства, не остается в стороне и русский театр. Одним из величайших актеров того времени был Михаил Семенович Щепкин, прославившийся не только своим мастерством играть самые разнообразные роли, а иногда и несколько ролей в одном спектакле, но и своей необычной судьбой. Его рвение к театральному искусству, появившееся еще в детстве, стало движущей силой всех его стремлений. Он завершил существовавшие до него сценические традиции и вывел театр на более высокую ступень, открыв бесконечные перспективы его развития [5, 149].

Александра Владимировна Щепкина, жена Николая Михайловича Щепкина (сына великого актера) в своих воспоминаниях отмечала, что публика видела Михаила Семеновича энергичным, эмоциональным, сильным, отличающимся живостью человеком, но совсем другим он бывал дома. В минуты отдыха он становился молчаливым и задумчивым [6, 268-269]. Теплая, душевная обстановка, созданная заботливой женой Еленой Дмитриевной, помогала уставшему актеру отдохнуть от тяжелого дня.

Можно отметить, что супруга его была удивительным человеком не только по складу характера. История ее появления в России почти сказочная. По ее словам известно, что она была потерявшейся во время войны дочерью турецкого паши. Подобранная русскими солдатами в возрасте примерно двух лет, она воспитывалась в доме генерала Чаликова, а затем под присмотром княгини Салаговой.

Впервые Михаил Семенович увидел свою будущую избранницу у своих родных в Курской губернии. Вспыхнувшее в нем желание все знать о смуглой черноглазой красавице не осталось без ответа. Елена Дмитриевна, будучи уже его женой, рассказывала, что с первой встречи Михаил Семенович произвел на нее приятное впечатление и понравился ей [6, 284-285]. Это было в 1810 году. Через два года, 12 июля в Курской губернии Судженского уезда в имении графа Волькенштейна состоялось их бракосочетание, о чем сохранилось свидетельство [2, 40]. Так как на то время Михаил Семенович Щепкин был крепостным, Елена Дмитриевна разделила со своим мужем его положение. Обращаясь к княгине Салаговой за разрешением вступить в брак, Елена Дмитриевна произнесла трогательные слова: «Я себя на все приготовила. Только бы жить с любимым человеком, я все буду выносить с терпением, ибо сколько я его люблю и жить без него не могу. Все равно я не переживу, когда за него не выйду» [3, 35]. Можно сказать, что эти слова выразили весь счастливый, конечно не без трудностей, путь сложившейся семьи. Всю жизнь Елена Дмитриевна была верным другом и помощником своему мужу. Все трудности, выпадавшие на их долю, она переносила стойко и с терпением. Сразу после знакомства с Михаилом Семеновичем она приобщилась к театру. Она полностью разделяла интересы мужа, с вниманием относилась к каждому его слову и бережно хранила, как могла, его спокойствие. Щепкин же, в свою очередь, делал все возможное, чтобы обеспечить быстро растущую семью. Он никогда не отказывался от предлагаемых ему ролей, соглашался играть в нескольких спектаклях, проходящих в один день, и трудился даже на последнем году своей жизни.

Супруги имели семеро детей: Феклу (Фанни), Александру, Дмитрия, Николая, Петра, Александра и Веру (после рождения второго ребенка Михаилу Семеновичу удалось избавиться от крепостного положения) [1]. А.В. Щепкина в своих воспоминаниях отмечала, что Михаил Семенович с детьми был ровен и терпелив. Его появление в доме отзывалось радостью всех родных [6, 286]. Сыновья видели в отце образец честного и доброго труда, относились к нему с уважением и перенимали его душевные качества с присущим молодости рвением.

Отличаясь доброжелательностью и гостеприимством, супруги принимали в свой дом всех, кто нуждался в обществе и жилье, а также друзей, знакомых и приятелей. М.В. Лентовский (актер и друг М.С. Щепкина) в своих воспоминаниях описывал прием его Михаилом Семеновичем в свой дом. То радушие, которым его встретили постояльцы, запомнилось ему словами М.С. Щепкина: «Не стесняйся, как дома, да ты и действительно дома. Мой дом – твой дом» [6, 400]. Эти слова полностью передают атмосферу и стиль жизни семейства великого актера. Дом, наполненный жизнью, собирал внутри себя представителей

совершенно разных поколений: начиная от хозяев дома и их детей с товарищами, заканчивая «старушками» (по выражению А.В. Щепкиной [6, 268]) – пожилыми женщинами, которые за неимением родственников, желавших взять их на содержание, находили приют и заботу в лице Елены Дмитриевны и ее помощницы-воспитанницы Татьяны Михайловны Араловой.

Характерной чертой семейства М.С. Щепкиных была потребность ее членов помогать окружающим людям, отдавать им частичку себя и терпеливо относиться друг к другу. Необычная черта характера Елены Дмитриевны, а именно, умение окружать себя большим количеством людей и получать от этого только положительные эмоции, была присуща ей и в старости. Ее никогда не раздражали шумные игры детей и беседы старушек, а ее комната была уютной гостиной для всех жителей дома. Хотя семейство и переезжало с места на место, уклад жизни оставался одним и тем же.

Михаил Семенович и Елена Дмитриевна создавали благоприятную обстановку в доме, которая способствовала творчеству и постоянному действию его обитателей. Дети Щепкиных с первых лет своей жизни впитывали в себя любовь, доброту, заботу, внимание, душевное тепло своих родителей. Это не могло не отразиться на их дальнейшей судьбе. Каждый из них, получив образование, нашел себе занятие по душе и благополучно устроился.

Михаил Семенович Щепкин умело сочетал в своей жизни семью и творческое призвание. Можно сказать, что семья для него была пристанью, в которой он находил поддержку и силы для творчества, а театральное искусство – бурным, полным испытаний морем, глубины которого он старался постичь.

Литература

1. Грива Т. Наследники в семи поколениях [Электронный ресурс] url:<http://www.kpravda.ru/article/culture/009190> (дата обращения 01.02.2014)
2. Ивашнев В.И. «Артист по призванию». – М.: Сов. Россия, 1988. – 192 с.
3. Ивашнев В.И. Щепкин. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 243 с.
4. Кефели И.Ф. «Золотой век» русской культуры // Культурология. Основы теории и истории культуры: учебное пособие. – СПб.: «Специальная Литература», 1996. – С. 480-485.
5. Кузьмин А.И. У истоков русского театра: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1984. – С. 149-158.
6. Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2-х т. Т. 2. Современники о М.С. Щепкине. Критика. Из дневников и переписки. Воспоминания. – М.: Искусство, 1984. – 479 с.

ДИАЛЕКТИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА: ЛОГИКА ДЕЛА ПРОТИВ ЛОГИКИ СЛОВА

В начале было Слово, – сказано в Книге книг. Пятью столетиями раньше ту же самую мысль отстаивал Гераклит Эфесский. Миром правит Слово, и сам этот мир есть своего рода текст, – вторит ему философская герменевтика. Ну а всякий текст, разумеется, подлежит толкованию, интерпретации. Для чего прежде всего надо понять язык, на котором текст высказан или написан. Тезис о примате Слова роднит герменевтику и с ее идейными противниками – неопозитивизмом, структурализмом и постмодернизмом. Герменевтики старательно «вслушиваются» в язык, неопозитивисты погружаются в логический анализ языка и «языковые игры», структуралисты и постмодернисты пристально и пристрастно следят за самодвижением языковых форм в человеческой культуре.

Крестный отец герменевтики Мартин Хайдеггер воспевае язык как «дом бытия» и «жилище человеческого существа». Ну а человек тем самым превращается в «словесное животное» (определение Аристотеля: *zōon logikon*). Лучше всего эта дефиниция человека подходит писателям и поэтам, но не только им – всем, кому приходится большую часть своей жизни стоять «дома» из слов. Такова *их собственная* корпоративная «алетейа», несокрытая истина бытия. Не случайно герменевтика рождается в лоне филологии. Хайдеггер целыми пригоршнями черпает свои философемы у поэтов Рильке и Гельдерлина. В руках Гадамера и сама диалектика превращается из метода познания объективной реальности в искусство понимания текстов. Конкурирует с этой философской традицией, прежде всего, традиция *трудовая*. Предтечей ее стал Бенедикт Спиноза, едва ли не единственный в компании великих философов, кто зарабатывал хлеб свой не языком – руками, шлифуя оптические стекла. Язык является низшей, наименее адекватной формой познания, утверждает Спиноза, – всего лишь смутной тенью бытия. Определение «словесного животного» подходит лишь человеку толпы, живущему в рабстве у своих чувств и страстей: «Слова, так же как и воображение, могут быть причиной многих больших заблуждений, если мы не будем их тщательно остерегаться. К тому же они установлены по произволу и пониманию толпы; так что они – только знаки вещей, как последние существуют в воображении, а не в разуме» [1, 350]. Адекватным выражением идей разума являются не слова, но практические действия, поступки. Спиноза любил повторять старую

житейскую истину, что «мы можем узнать всякого только по делам его» («Богословско-политический трактат»), и предлагал руководствоваться ею в вопросах веры и нравственности, правосудия и науки.

Историческое дело человека есть *труд*, подхватывает и развивает мысль Спинозы молодой Маркс. Человек является одновременно субъектом и продуктом собственного труда: «*всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [2, 126].

Как соотносятся слово и дело, язык и труд? Ответ на этот вопрос решает спор между двумя философскими традициями вообще, и спор между герменевтикой Хайдеггера–Гадамера и практически-материалистической диалектикой Маркса, в частности. А ответ, в общем-то, нехитер и очевиден для любого *дельного* человека.

Слова напоминают деньги. Это своего рода «банкноты» разума: у них нет собственной стоимости, зато они позволяют выразить мысленную стоимость любого человеческого действия. Слова уместны там, где они служат средством обмена *делами* (то же самое можно сказать о деньгах и товарах). «Дело – Слово – Дело», – вот формула, описывающая реальный генезис языка. Это прекрасно показал в своей «Диалектической логике» Э.В. Ильенков. С течением истории, однако, эта формула диалектически оборачивается, превращаясь в «Слово – Дело – Слово», в точности так же, как это происходит с отношениями товарно-денежного обмена в капиталистическом обществе.

Ильенков написал в свое время доклад «Диалектика и герменевтика», в котором исследовал природу философского культа Слова, который в XX столетии пришел на смену многовековому философскому культу Разума. Своими корнями этот культ – как, впрочем, и все остальные мистерии, небесные или земные, – уходит в общественно-историческую практику. В прошлом веке общественное разделение труда так углубилось, что число работников языка выросло сразу на порядок. Эти люди, пишет Ильенков, «живут исключительно в мире слов, в мире знаков, в мире символов, не имеющих почти никакого зацепления с действительностью... Для этих и им подобных профессионалов *язык* действительно превратился из *средства* выражения действительности в единственный *предмет* их работы» (3, 160-161). Противостояние логики дела и логики слова представляет собой не что иное, как идеальное отражение и выражение раскола между физическим и духовным трудом, и потому исчезнет не раньше, чем будет преодолен этот раскол.

Литература

1. Спиноза Б. Избранные произведения, в 2 т. М., 1957. Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42.
3. Диалектика и герменевтика // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки. М., 1987. С. 133-163.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИСПАНИЯ, 1936-1939 И ГРЕЦИЯ, 1946-1949) И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

На примере международных аспектов гражданских войн: в Испании (1936-1939) и в Греции (1946-1949) проанализируем роль европейских региональных конфликтов в международных отношениях.

Испанская война была последним региональным конфликтом на континенте перед, а Греческая – первым после Второй мировой войной. В Испании ощущалось дыхание разраставшегося мирового конфликта, в Греции – его последствия. Испанский конфликт вспыхнул в начале европейской борьбы с фашизмом, греческий – на ее исходе, став частью нового мирового противостояние – войны «холодной».

Обе гражданские войны подверглись очень быстрой и глубокой интернационализации (прямому или косвенному вмешательству зарубежных стран в пользу одной из воюющих сторон), фактически сразу потеряв внутреннее наполнение и превратившись в общеевропейские региональные конфликты. Насыщенное десятилетие между их началом более чем принципиально изменило облик миросистемы, соответственно, и содержание международных аспектов рассматриваемых войн, а также роль великих держав в их возникновении, эскалации и погашении.

В подготовке и начале испанской гражданской войны иностранный фактор роли не сыграл. Обращение лидеров законной Республики и мятежников за помощью к европейским странам положило начало интернационализации событий и превращению внутреннего конфликта в европейский. Разделение сил в Испании разделило и без того поляризованную Европу и сделало страну заложницей международных отношений кануна II мировой войны. Роль США в той коллизии можно оценивать как минимальную.

Гражданскую войну в Греции развяжут левые силы против правительства, сформированного освободившими страну англичанами. Усиления роли греческих коммунистов не могли допустить Великобритания и США, тем более, при уже сформировавшейся советской сфере влияния в Восточной Европе. То есть, иностранный фактор оказал более существенную роль на начало греческой гражданской войны.

Формы и проявления интернационализации конфликтов отличались. Фашистская Италия и нацистская Германия, помогая испанским мятежникам, сыграли существенную роль в окончательном исходе войны. Советский Союз, оказав морально-дипломатическую и военную поддержку испанской Республике, продлил ее сопротивление, но на финал драмы решительно повлиять не смог.

Во время греческих событий отсутствовал такой международный актер, как фашистские державы, но более чем активно участвовали США. Они заменили Великобританию в Средиземноморском регионе. Вмешательство США в гражданскую войну в Греции было составной частью и «доктрины сдерживания» (1947), и доктрины Трумэна (1947), демонстрируя новые общемировые геополитические реалии.

СССР нужно было избежать конфронтации с другой сверхдержавой, тем более, в самом начале «холодной войны», правила которой только формировались. Роль СССР в рассматриваемых гражданских войнах своеобразна. В обоих случаях, Сталин, единственный из европейских политиков участник обоих конфликтов, не торопился вмешиваться. Прямая военная поддержка испанской Республики стоило СССР и изоляции в решении многих важных европейских проблем. В греческую коллизию Сталин не хотел и не мог включиться прямым военным путем, поддерживая греческих левых материально-технически через Югославию и Албанию. Одновременно Москва осуществляла им дипломатическую поддержку через ООН. В случае с Испанией для этого использовался Комитет по невмешательству в дела Испании (Лондон).

Как испанская, так и греческая гражданские войны существенно нарушили геополитический баланс на европейском континенте. Предвоенное разделение Европы сменилось новой парадигмой. Испанская война была частью и одним из финальных аккордов кризиса Версальской международной системы (псевдоколлективность решения вопросов, игнорирование Лиги наций и пр.), греческая оказалась в эпицентре становления новой, биполярной.

Отношение к конфликтам, формы прямого или косвенного участия в них ведущих европейских стран, а в Греции и нового "игрока" – США, значительно повлияло как на их исход, так и на двусторонние межгосударственные и международные отношения в целом. Идеологическая составляющая испанского и греческого внутривнутриполитических конфликтов незримо присутствовала во всех других их международных аспектах.

В обоих случаях итогом гражданских войн в странах станет установление правых диктатур при безусловном факторе иностранной поддержки. Но какой будет дальнейшая степень национально-политической независимости этих диктатур? И степень международного признания?

Таким образом, обе европейские гражданские войны – испанская (1936-1939) и греческая (1946-1949) – продемонстрировали как совпадение, так и неоднозначные роли и наполнение акторов и факторов региональных конфликтов новейшего времени и международных отношений в целом.

Литература

1. Улунян, Ар.А. Греция и Турция между Западом и Востоком. // Холодная война. 1945-1963. Историческая ретроспектива. Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 427-450.
2. Howard, J. A New Kind of War. America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. Oxford, N.Y., 1997.
3. Iatrides, J. O. Civil War, 1945-1949. National and International Aspects Greece in the 1940s. /A Nation in Crisis. Ed. by John O. Iatrides. – Hanover, L., 1981. P.194-219.
4. Karvounarakis, T. In Defense of "Free Peoples": The Truman Doctrine and its Impact on Greece During the Civil War Years, 1947-1949, Athens, 2001.
5. Nachmani, A. Civil War and Foreign Intervention in Greece: 1946-49 // Journal of Contemporary History, Vol. 25, No. 4 (Oct., 1990). Pp. 489-522.
6. Olkhovsky, P. The Greek Civil War: An examination of America's first cold war victory // Comparative Strategy, Vol. 10, 3 July 1991. Pp. 287-296.
7. President H. Truman's Address before a Joint Session of Congress, March 12, 1947. [Электронный ресурс]url: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/trudoc.htm> (дата обращения 28.02.2014)

Мальцева Н.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

РАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ

В современной науке наблюдается переход к постнеклассическому этапу, который характеризуется стремлением «построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» [6]. Все это ведет к изменению установившегося стиля мышления, который формировался в условиях рационального понимания научного знания. Начиная со времен И. Ньютона, наука понималась как нечто объективное, строго установленное, раз и навсегда заданное. Согласно Г.И. Рузавину, научная теория должна включать в себя следующие компоненты: 1) эмпирический базис теории, содержащий основные факты и данные; 2) исходный теоретический базис, включающий в себя основные постулаты, фундаментальные законы и

принципы; 3) логический аппарат, включающий в себя правила определения производных понятий; 4) потенциально допустимые следствия и утверждения теории [5]. По мнению К.В. Овчинникова, методология определяет следующие правила формулировки принципов теорий: во-первых, дать представление об основных понятиях, которые входят в формулировку основных принципов теории; во-вторых, используя эти понятия сформулировать основные принципы теории; в-третьих, доказать его истинность на основе опоры на эмпирические данные, и, наконец, показать его применимость для решения теоретических и научно-практических задач [2, 3]. На основе таких критериев научности в культуре сложилось разделение научного и ненаучного, рационального и иррационального.

Однако в XX веке наука стала изучать такие объекты и процессы, которые не укладываются в рациональный стиль мышления. Причин тому несколько. Во-первых, наука перешла на такой уровень абстракций, что проверить их напрямую практически невозможно. Во-вторых, научное объяснение прошлого, в которое все дальше и дальше проникает современная наука, в большей степени определяется не теориями, а правдоподобными реконструкциями, которые обладают некоторой субъективностью. Как отмечает С.Ю. Пискорская, «стиль научного мышления, как отдельной эпохи, так и отдельной научной школы или тем более отдельного ученого, подчеркивает различные стороны субъективности научного мышления» [4, 13]. В-третьих, последние открытия в области космологии устанавливают определенные границы научного познания. Как замечает В.Е. Пеньков, «при рассмотрении происхождения Вселенной необходимо признать, что она является только частью мироздания, и космология изучает именно эту часть» [3, 311-312]. Для адекватного отражения указанных особенностей современной науки необходимо изменить и стиль научного мышления.

Не случайно в середине XX века в философии науки появилась «историко-методологическая модель науки, которая опиралась на динамическую структуру научного знания. В ней не принималось жесткое разделение на независимые друг от друга уровень наблюдения и уровень теории, все элементы первого уровня рассматривались как «теоретически нагруженные». В этой модели философские (метафизические) концепции тесно связаны с конкретно-научным знанием, а онтологические и эпистемологические принципы и предпосылки входят в него органически» [1]. В основе такой модели лежат не теории, а парадигмы или исследовательские программы, которые смягчают критерии научности, позволяют более адекватно понять самим ученым, что именно они изучают. Надо понимать, что наука изучает не объективную реальность, а ее модели, построенные на определенных принципах. Сами

эти принципы, в свою очередь, зависят как от объекта исследования, так и от подходов к построению научного знания, которые, в конечном итоге формируют определенный стиль мышления.

Литература

1. Микешина Л.А. Философия науки: эпистемология, методология, культура. Москва «Издательский дом Международного университета в Москве» 2006. [Электронный ресурс] <http://ideashistory.org.ru/sciphil.html> (дата последнего обращения 02.03.2014).
2. Овчинников К.В. Научная исследовательская программа: философский анализ ее системности и генезиса: Автореф. дисс. ...канд. философских наук. – Саратов, 2007. – С.3.
3. Пеньков В.Е. Философский смысл «досингулярного» описания материи // В мире научных открытий. – № 1.5 (47). – 2013. – С.309-313.
4. Пискорская, С.Ю. Стили научного познания и их стандарты: Автореф. дисс. ...докт. философских наук / С.Ю. Пискорская. – Красноярск, 2007. – С.13.
5. Рузавин, Г.И. Методы анализа и построения научных теорий [Электронный ресурс] / Г.И. Рузавин. – <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/9577.php> (27 апреля 2011).
6. Степин, В.С. Теоретическое знание. [Электронный ресурс] <http://www.twirpx.com/file/241357/> (дата обращения 02.03.2014).

Маслеников А.О.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

УМБЕРТО ЭКО: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН НЕО-ВОЙНЫ

Война как культурно-антропологический феномен становится одной из наиболее обсуждаемых тем в научном сообществе. Внимание исследователей привлекают как видимые изменения, которые происходят при ведении современных боевых действий, так и их культурное и общественное восприятие массовым сознанием. Наибольшие затруднения, пожалуй, вызывают исследования перемен, которые происходят в военном образе мышления, его предпосылочных структурах. Для анализа сложившейся ситуации не так много предложений; самые крупные из них принадлежат, на мой взгляд, итальянскому мыслителю, семиологу и семиотику культуры Умберто Эко. Инициативы Эко сформулированы в незавершенном, эссеистическом виде; они интересны не как новая систематическая философия войны, а именно как возможный взгляд на исторически давнее и никак не завершающееся явление. Эко предлагает рассматривать феномен войны в

таких квазитерминах как «нео-война» и «пра-пра-война». В этих нарочито вторичных, «послесовременных» терминах, фиксируются определенные концептуальные смыслы, не противоречащие традиции военно-исторического мышления, а, скорее, уточняющие ее.

Со времен старейших трактатов, посвященных войне, военная мысль сохраняла некое семиотико-эпистемологическое ядро: война должна была приводить к победе над противником так, чтобы его поражение давало выгоду победителю. Противоборствующие стороны составляли план действий, выбирая в качестве приоритета некую вполне конкретную цель, имеющую свой временной рубеж. Они совершали некоторые действия, стараясь захватить врасплох противника, а также помешать ему предпринять контрмеры. При этом каждая сторона соглашалась нести урон, то есть иметь погибших солдат в ходе свершающихся боевых операций, при условии, что противник будет нести еще больший урон. Ради этого прилагались все возможные усилия. В этой игре принимали участие, как правило, две стороны, даже если действующих государств было больше чем два. «Нейтралитет прочих сторон, плюс условие, что нейтральные стороны не понесут от войны урона, а напротив, даже получают частичную выгоду, были обязательны для свободы маневра воюющих» [4, 18]. А также, что еще более важно – полагалось понимать, кто твой враг и где он находится. «Поэтому, как правило, конфликты выстраивались по принципу фронтальности и охватывали две (или более) опознаваемые территории» [4, 19].

К концу XX века, века оружия массового поражения, война способна затрагивать «даже общества без истории – такие, как племена Полинезии» [4, 19]. Это прежде всего означает, что нейтральных стран в ходе конфликта атомно-вооруженных стран быть не может. Способствует этому и экономическая причина: торговые отношения современных стран настолько плотно интегрированы друг в друга, что любой конфликт немедленно втянет третьи лица, что приводит к невозможности отличить нейтральные стороны от воюющих. Таким образом, дело может быть даже не в том, что то или иное государство, та или иная страна может быть задета примененным оружием, но, в ее экономической и политической вовлеченности прямым или косвенным образом. Например, военные действия на ближнем востоке осложняют туризм в Египте, не втянутом в прямую конфронтацию Евросоюз – Ливия.

Эко пишет о том что, Пра-пра-война, пройдя через стадию «холодной войны», переродилась в Нео-войну: феномен войны приобрел новый исторический статус и новые эпистемологические отличия. «Холодная война создавала напряжение мирной воинственности (воинственного мира). Это равновесие, опирающееся на страх, гарантировало определенную стабильность в центре системы. Система позволяла и даже поощряла маргинальные Пра-пра-войны (Вьетнам,

Ближний Восток, Африка и пр.). Холодная война в сущности обеспечивала мир Первому и Второму миру ценой некоторых сезонных или эндемических войн в Третьем мире» [4, 18]. Однако основное изменение претерпела все-таки не военная техника и не способы ее применения. Важнее, что претерпели изменения глубинные принципы, которыми руководствуются воюющие стороны, коль скоро удастся их обнаружить.

Осмысливая эпистемологически проникновенное эссе У. Эко, уместно обратиться и к самой традиции. Легендарный китайский полководец в своем трактате «искусство войны», старейшем памятнике военной теории, пишет: «Война – это место, где встречаются жизнь и смерть; она – путь к уничтожению или выживанию» [3, 7], и дальше: «В войне главное – победа, а не продолжительная компания» [3, 15]. Из этих цитат мы ясно видим, насколько сама мысль о затянувшейся войне претила логике полководцев древности. Р. Габриэль в своем труде, посвященном военной биографии карфагенского полководца Ганнибала, таким образом описывает происходящие в то время военные действия: «Правильно будет сразу отметить, что ошибочно бытующее представление, будто сражения в древности были продолжительными боями равных по силам соперников, которые толкали друг друга, или схватками, в которых стороны сходились в рукопашном бою. Если бы это было так, то были бы невероятные жертвы с обеих сторон и, кроме того, требовался такой уровень физической психической подготовки, которого нет у большинства людей» [1, 76]. «Бой длился до тех пор, пока одна из сторон от изнеможения, страха или, как это часто встречалось во время Пунической войны, после тактического маневра противника утрачивала всякое желание сражаться, прекращала сопротивляться и обращалась в бегство» [1, 77]. Этот принцип, работавший в непосредственных вооруженных столкновениях, распространялся и на логику ведения войны в целом.

Сражения, которые вел в свое время Ганнибал, военная теория, изложенная Сунь-цзы, а также логика многих других полководцев древности содержит ряд непреложных правил, которые в наше время нарушены. И Сунь-цзы, и Ганнибал прекрасно знают, с кем воюют; это же понимают и сторонние наблюдатели. Именно это не всегда возможно сейчас.

Эко в своих размышлениях о Нео-войне выделяет такие важные ее качества как нефронтальность и моральная и экономическая неопределенность. «Нео-война уже не могла структурироваться фронтально в силу самой природы надгосударственного капитализма. Ираку поставляли оружие западные заводы – вовсе не по оплошности; и не по оплошности через десять лет после Ирака западная промышленность снабжала оружием талибов. К тому подводила логика

развитого капитализма: ситуация уже не поддавалась контролю отдельных государств» [4, 21]. Перечитывая высказывания Эко о моральной и экономической неопределенности, уместно припомнить Миямото Мусаси – самурая, жившего в 1584-1645 годах в Японии и считавшегося священным воином Японии. В своем труде «Книга пяти колец», посвященном искусству стратегии в битве, он пишет: «Вы должны идти в бой с желанием полностью сокрушить противника. Если вы его не развиваете, то что вообще вы здесь делаете? Сражения в битвах – не для веселья. Даже на тренировках у вас должен быть настрой убивать» [2, 50]. Жесткость и однозначность – признаки мышления полководцев «Пра-пра-войн». Возможно, если бы они могли, они поинтересовались у нас относительно фактически истребительной доктрины, направленной в последние несколько десятков лет против небольших государств, таких как Албания, Косово, Чехословакия, Ирак, Ливия, Сирия, Вьетнам и т.д. Эта бессмысленная, с точки зрения военной традиции, доктрина парадоксальным образом развивается в контексте все усиливающихся антивоенных настроений. «Что же вы здесь делаете?» – возможно, этот вопрос стоит задать американской армии, присутствующей на Ближнем Востоке, которая как будто бы и не занимается уничтожением. Таким образом изнутри традиции, в согласии с которой мыслит Эко, становится непонятным или странным присутствие военного контингента и само его существование на чужеземной территории.

Из-за того, что в Пра-пра-войнах победу одерживали часто благодаря способности самого общества длительное время поддерживать собственный боевой настрой, важным элементом становилась пропаганда и идеологическая картина мира. Сегодня же приоритетными оказались потребности массовой информации с ее специфической новой логикой, что подчас идет вразрез с интересами государства. У. Эко пишет: «Во всех былых войнах население, веря в цель войны, мечтало уничтожить противника. Ныне же, напротив, информация не только подрывает веру населения в цель войны, но и вызывает сострадание к гибнущему неприятелю» [4, 23]. Сегодня, благодаря деятельности средств массовой информации, смерть врагов «из далекого неясного события превращается в непереносимо наглядное зрелище» [4, 20]. И далее: «Война в Персидском заливе стала первой в истории человечества войной, в ходе которой население воюющей страны жалело своих врагов» [4;23]. Исходя из сказанного итальянским философом, мы можем сделать вывод, что Нео-война в Заливе вывела на передний план вопрос абсолютно новый, не свойственный не только логике, не только динамике, но и самой психологии Пра-пра-войн. Нормальной целью Пра-пра-войн являлось уничтожение как можно большего числа врагов, при полном принятии того факта, с жизнью расстанется также довольно много и из своих.

У. Эко отмечает, что во время так называемой «войны в Заливе» оформились два новых принципа: недопустима смерть ни из нашего лагеря, но также желательно уничтожить как можно меньше врагов. Насчет уничтожения врагов, конечно, имело место порядочное лицемерие, но никакого торжества и радости не было. «Так или иначе, для Нео-войн стало характерно стараться не убивать население, если только не по случайности, ибо если наубивать чересчур много штатских, нарвешься на неодобрение международных СМИ» [4, 27]. Война в Персидском заливе стала первым конфликтом, в котором потеря даже одного военнослужащего оказалась просто неприемлемой.

Нео-война, если закрепиться в терминологии Эко, выявляет еще очевидную особенность экономических эволюций XX столетия. На Пра-пра-войнах наживались военные заводы участвующих в конфронтации стран. А на Нео-войнах наживаются межнациональные корпорации, у которых интересы и по ту, и по другую сторону баррикад. На Пра-пра-войнах «жирели» производители пушек, и их сверхприбыли перекрывали ущерб от временного прекращения торговых обменов. А Нео-война, хотя производители пушек в ней получают свою выгоду, доводит до кризиса (в размерах всей планеты!) индустрию авиатранспорта, развлечений, туризма и средств массовой информации: они теряют коммерческую рекламу, – и вообще подрывает индустрию излишеств, двигатель прогресса, от недвижимости до автомобилей.

Таким образом, перед нами вырисовывается ряд ключевых особенностей, по которым Нео-война отличается от Пра-пра-войн, что, безусловно, является определенными сигналом о происходящих в обществе изменениях и его тяге к самообману. Нефронтальность, моральное «двуязычие», экономический эгоизм, и, как следствие, действия, направленные против самого человека в нашем «индивидуализированном» (З. Бауман) обществе. Налицо рассоединение, разрыв в мыслительных практиках, принципах ведения военных действий и прагматики государственного управления. Война стала не чем-то экстраординарным, а обыденным. Война – это мир. Впрочем, об это написано, и, как известно, вполне радикально, за годы до нынешних перемен и до искреннего эссе Умберто Эко, одного из самых значительных мыслителей современности. Так ли нова эта Нео-война, ее собственно *эпистемологические ценности*?

Литература

1. Габриэль Р.А. Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – 318 с.
2. Мусаси М. Книга пяти колец: Точное истолкование классической книги Миямото Мусаси о стратегии. – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2010. – 112 с.
3. Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Астрель, 2012. – 96 с.

**Машнова В.В.,
Гребенникова Ю.А.**
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ

Изменения, происходящие в современном обществе, не могут не влиять на формирование ценностных ориентаций людей, в том числе особое влияние оказывается на подростков, поскольку ценностные ориентации данной социально-демографической группы находятся в стадии становления. С каждым годом отмечается рост детской преступности, алкоголизма, прослеживается тенденция к увеличению числа подростков с различными формами девиаций. Причины данной тенденции могут заключаться в результатах экономической, политической, социальной нестабильности общества, неблагополучных семейных отношениях. В данной ситуации именно культура и культурные ценности способны выступить в качестве механизма формирования позитивных социальных установок и социально одобряемого поведения подростков с девиантным поведением.

Культура включает в себя все те материальные и духовные ценности, которые созданы человеком в процессе творчества, деятельности, то чего нельзя сотворить в обычной деятельности, но что создается поколениями в ходе исторического процесса развития общества [4, 174]. Развитие личности подростка происходит под влиянием культуры, принятой в данном социуме, и общества в целом. В течение жизни происходит расширение социальных ролей: ученика, члена какой-либо спортивной команды и т. д. Однако их освоение происходит с трудом, что может привести к большому эмоциональному перенапряжению или нарушению поведения. Подростки с девиантным поведением характеризуются трудностями во взаимоотношениях с окружающими людьми, поверхностью чувств, социальным иждивенчеством.

Подростки с отклоняющимся поведением имеют свои особенности, к которым следует отнести отсутствие ценностей, принятых в обществе (творчество, познание, активная деятельность в жизни). Они уверены в

своей ненадобности, невозможности добиться в жизни, своим умом и умения, занять достойное положение среди своих сверстников, добиться материального благополучия. Поэтому для преодоления данных трудностей необходимо культурное развитие и культурная поддержка подростка.

Сегодня возлагать надежды на особую систему воспитания или на обновление внешних условий жизнедеятельности подростков с девиантным поведением практически невозможно. Правильным и нужным является обращение к душевным переживаниям подростка, помощь ему в осознании смысла жизни как основы. В нынешнее время должна выступать институтом воспитания духовности, передачи культурных норм и ценностей, формирование идеалов. Как писала философ Л.П. Буева: « -это мост, ведущий к новому устройству нашей духовности, нашего культурного мира, так как, переводя каждого по этому мосту, можно что-то изменить в человеке» [1, 69].

Основными направлениями в этом изменении могут быть: важность эмоционального воспитания над рациональным, которое обеспечивает спасение подростка от социального зла через сердце, а не только через голову; освоение детьми новых нравственно -гуманистических ценностей. Девиантный подросток нуждается в конкретной помощи, чтобы выйти из неблагоприятной ситуации или проблемы, и здесь играет важную роль культурологический фактор. Ведь негативное воздействие окружающих условий жизни, при отсутствии позитивного влияния культуры, может стать разрушительным в развитии подростка с отклоняющимся поведением. Культура формирует у подростка с поведенческими отклонениями способность к деятельности, нравственное сознание и свободу выбора поведения и способность нести ответственность за данный выбор.

Средства массовой информации, как один из наиболее доступных и востребованных среди подростков источников культурных ценностей и норм оказывает существенное влияние на мировоззрение подростков. Исследования отечественных и зарубежных специалистов свидетельствуют о пагубном влиянии на молодежь информационной и видеопродукции, пропагандирующей насилие. Следует, однако, подчеркнуть, что по телевидению предлагается и много полезной информации для развития подростков, безусловно имеются интересные, поучительные видеозаписи. Издаётся сегодня и множество полезной печатной продукции, которая также может активно использоваться в воспитательном процессе, способствовать формированию духовных взглядов и интересов детей, уводить их от разлагающей, низкопробной

бульварной литературы и периодики. Происходит также и приобщение подростков к участию в позитивных общественных центрах, организациях (спортивных, культурно-досуговых, туристских, театральных и др.). Они привлекают молодежь во внеучебное время и своей деятельностью активно способствуют развитию у них здоровых интересов. Деятельность их охватывает различные категории молодежи, в том числе и отклоняющегося поведения. Однако, имеют место и такие организации, центры, которые предусматривают чисто коммерческие цели, далеко не всегда учитывающие особенности подростков, пренебрегают нравственным аспектом их воспитания. В этом случае последствия деятельности могут быть негативными, а неуправляемое воздействие окружающих условий, тем более при отсутствии позитивного влияния культуры может стать сразу разрушительным фактором в развитии подростка с девиантным отклонением.

Таким образом, культура, культурные нормы и ценности обладают огромным потенциалом в сфере социальной коррекции девиантного поведения подростков. Культура позволяет подростку стать интеллектуально-духовной, нравственной, творческой личностью. Она формирует его внутренний мир, обращаясь к культурным ценностям он обогащает свои духовные потребности. Система ценностей, оказывающая влияние на формирование личности, регулирует желания и стремления подростка с отклоняющимся поведением, его поступки и действия, определяют принципы его социального выбора, и здесь главная задача родителей, педагогов состоит в том чтобы обеспечить подростку доступ к истинно культурным ценностям и оградить от деструктивного влияния псевдокультуры.

Литература

1. Буюева Л.П. Гуманизация воспитания в кризисном социуме // Современная школа: проблемы гуманизации отношений учителей, учащихся и родителей. Международная научно-практическая конференция. – М., 1993. – Ч.2. – С. 28.
2. Девиантное поведение детей и подростков (сборник методических материалов). – Биробиджан, 2010. – 40 с. [Электронный ресурс] url: <http://www.molodezh79.ru/novosti/item/download/40> (дата обращения 27.02.2014)
3. Дивицина Н.Ф. Социальная работа с неблагополучными детьми и подростками. – Ростов-на-Дону, 2005.
4. Кикель П.В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов. – Минск : БГПУ, 2008. – 266 с.
5. Петрынин А.Г. Профилактика и преодоление девиантного поведения подростков в процессе коллективной творческой деятельности. – М.: АПКИПРО, 2004. – 236 с.

ПРОБЛЕМА ВОСТРЕБОВАННОСТИ ТЕКСТА В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОЙГЕНА РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ

Из многих проблем в философии и гуманитарных науках, связанных с проблемой понимания следует выделить проблему интерпретации, которую возможно трактовать как взаимосвязь человека с текстом. По М. Бахтину, в процессе восприятия чужого текста человек создает свой текст, интерпретируя первоначальный [1]. Проблема интерпретации может быть рассмотрена как востребованность текста в процессе его освоения, когда читатель (введенный М.Бахтиным в структуру текста) также активен, как и автор [2, 82]. Таким образом, текст становится текстом только в случае его востребованности читателем. Вместе с тем, слушающему у Бахтина также отводится важная роль в ситуации повседневного общения, он – активный участник речевого действия. [2, 71]. «Слушающий должен засвидетельствовать истину говорящего, говорящий – слушающего» [3, 92]. Таким образом, проблема востребованности текста связана с ситуацией общения и выходит из лингвистического анализа в социокультурный.

У Ойгена Розенштока-Хюсси, немецко-американского мыслителя, язык – это не только говорение, но и слушание, ожидание: «прежде чем слушающий станет слушающим, с ним должно нечто произойти, а именно: он должен ждать» [4, 153]. Ожидание является, по сути, осознанием потребности. Особая роль слушающего, в процессе понимания текста, сама текстовая деятельность слушающего, интерес к позиции слушающего в ситуации общения – все это актуализировано не только проблемами методологического характера, но и практического, а именно дидактическими проблемами. «Мы говорим и слушаем именно для того, чтобы узнать, куда приведет наше путешествие, а не для того, чтобы сдать экзамены...» [3, 104]. И далее читаем у Розенштока-Хюсси: «Мы говорим для того, чтобы сказать другу другу, куда ведет путь. Язык – это отнюдь не средство для выражения. Это вообще не средство. Он приводит нас к нашему предназначению...» [3, 105]. Как писал сам о себе Розеншток-Хюсси: «Я не чистый мыслитель», поэтому обратился к рассмотрению «слушательского тракта», исходя из педагогической задачи, а именно: как вызвать интерес в ученике. Поэтому главная проблема в процессе обучения, с точки зрения немецкого мыслителя, – как пробудить в ученике ожидание, как сделать, чтобы студенты

испытали настоящий духовный голод еще до того, как их начнут учить серьезным вещам. Это ожидание относится одновременно и к миру чужой речи и к своему внутреннему миру. Ученик должен ждать не только авторитетного слова, но, что, пожалуй, важнее всего, быть готов совершить духовное усилие. «Бесполезно учить тех, кто не ожидает изменений в себе», – писал О. Розеншток-Хюсси в работе «Речь и действительность» [4, 154], ибо слушающий должен оказаться равным говорящему не по объему знаний, а по силе намерения.

Исходной точкой создания «своего» текста является «центр внимания» к «чужому». Без этого интереса, без готовности искать новое в чужом тексте, в то же время без уверенности в возможности понимания этого текста, ни один читатель не обратится к источнику. Между тем в ситуации обучения (в школе или в вузе) мы неоднократно заставляем ученика брать в руки текст, интерес к которому зачастую определяется лишь прагматическими целями: пересказать, сдать экзамен на оценку и т.п. Современный ученик нуждается в системе развивающего обучения, предполагающей, что каждый новый этап в обучении, значит и обращение к новым текстам, подготовлены предшествующим развитием ученика (студента). При этом ученик сам формулирует вопрос, на который пытается ответить, чтобы двигаться дальше. Готовность к новому, потребность в этом новом представляет собой проблему для многих современных учащихся. На что же может опереться и вуз в этой борьбе за право быть носителем нового знания? "На авторитеты", – считает О. Розеншток-Хюсси и сам же ссылается на авторитет Святого Августина, который в своей работе «De magistro» ставит вопрос: «Могут ли родители учить своих детей?» [5, 43]. «В силу какого авторитета мы учим своих детей..?» [Там же]. Смысл сочинения Августина состоит в утверждении, что «всякое подлинное социальное образование возникает из борьбы за спасение действительного человека» [5, 45]. Сочинение Августина – это диалог не только между учителем-учеником, отцом-сыном, но намного глубже, – это диалог между человеком и человеком: «Человек – а не учитель – связан с тем, кто находится напротив него» [5, 71]. «Ни ребенок, ни взрослый не несут ответственности за процесс обучения и воспитания. Они могут только пережить его во взаимодействии и взаимозависимости» [5, 70]. Ибо диалог совершается не только как речевой акт, но и как текстопонимание: «Язык – это не речь, это полный кругооборот от слова к звуку, от звука к восприятию, от восприятия к пониманию, от понимания к чувству, памяти, поступку и обратно к слову о поступке, который мы таким образом осознали как совершившийся в действительности» [4, 153]. И далее в другой работе Розенштока-Хюсси «Идет дождь», или язык стоит на голове» можно видеть подтверждение тезиса Августина – «Я должен учить»: «...любые языковые полномочия могут быть даны только

через посредство чуда совместного ожидания. Язык возникает только из молчаливого ожидания призыва» [3, 96].

Таким образом, важной задачей образования Ойген Розеншток-Хюсси – мыслитель и педагог, считает воспитание человека-слушающего: «Назначение речи, воодушевить слушающего в той же мере, в какой воодушевлен сам говорящий» [3, 151]. Ожидание слушающего зависит от авторитета говорящего в окружающем мире, в среде других учеников, в обществе, в культуре. А это значит, что с помощью авторитетов мы можем сделать так, чтобы ученики «почувствовали настоящий духовный голод». И тогда мы сможем понимать друг друга, входить в «большой диалог» целостного текста культуры, так как говорим на одном языке, будучи современниками, хотя по возрасту, а значит и по жизненному опыту учитель и ученик не равны.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Примеч. С.С. Аверинцева. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бахтин под маской. Вып. 5 (1): Статьи круга Бахтина / Вступит. ст. и коммент. В. Л. Махлина; Под общ. ред. И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 1996. – 176 с.
3. Розеншток-Хюсси О. «Идет дождь», или язык стоит на голове // Философские науки. – 1994. – № 4-6. – С. 92-104.
4. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – 213 с.
5. Розеншток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // О. Розеншток-Хюсси. Язык рода человеческого. – М.-СПб: Университетская книга, 2000. – С. 36-76.

Мотовникова Е.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ОБ УСЛОВИЯХ УСПЕШНОГО ДИАЛОГА: Г.-Г. ГАДАМЕР – О. РОЗЕНШТОК-ХЮССИ⁶

В 1971 г. Г.-Г. Гадамер опубликовал статью, получившую в русском переводе название «Неспособность к разговору» (см. комментарий [1, 347]), а двумя годами ранее вышла впервые «Речь и действительность» О. Розенштока-Хюсси. В обеих работах ставится вопрос о причинах «мертвых» речей [ср., напр.: 1, 87; 2, 174] и условиях «подлинности» разговора [ср., напр.: 1, 83; 2, 190]. Авторы близки по

⁶ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 13-03-00336).

тематике и социальной направленности, по языку и философским предпосылкам, и тем ярче проявляется своеобразие позиции каждого, дающее нам возможность увидеть их взаимную диалогичность и уточнить собственное отношение к поднятой проблеме.

Прежде всего, следует отметить наиболее общее и основополагающее для остальных расхождений различие в трактовке разговора как события преимущественно экзистенциального (Гадамер) либо социального (Розеншток-Хюсси) порядка. Различие это проявляется и на содержательном, и на стилистическом уровне. Для Гадамера эталоном и идеалом выступает «опыт, позволявший людям шаг за шагом погружаться в разговор, ввязываться в него настолько, чтобы в итоге между собеседниками возникала такая общность, какую уже не разорвать» [1, 82-83]. Затрагивая проблематичность диалога в лекционной аудитории, со ссылкой на Платона, Гадамер утверждает: «нельзя вести разговор со многими одновременно, нельзя вести разговор даже в присутствии многих. <...> Однако бывают иные, подлинные, то есть индивидуализированные ситуации разговора, когда разговор сохраняет свою функцию» [1, 87]. Так, он видит смысл рассмотреть в качестве примера эффективного диалога успешные деловые или политические переговоры, которые, конечно, как «одна из форм социальной практики... не отличаются тем характером, что обмен мыслями между отдельными лицами» [1, 87-88], но все же заслуживают внимания, поскольку и в этой форме проявляется индивидуальное начало: «способность воспринимать другого именно как другого» [1, 88]. Для Розенштока-Хюсси, напротив, диалог всегда и прежде всего выражает социальную природу человека, как и вообще «язык – это коллективная воля, воплотившаяся в голосах. Говорящий ни в коем случае не может, стало быть, рассматриваться отдельно от других, от группы, он – один из голосов самой группы» [2, 175]. Все жизненно важное, что происходит в обществе (общественной группе), происходит в языке, и наоборот, состояние «социальной грамматики» позволяет ставить точный диагноз обществу.

С этим основанием связаны и различия в понимании причин диалогических неудач, которые Гадамер подразделяет в своей статье на субъективные и объективные. К первому роду он относит неспособность слушать. «...И неслышание, и ложное слышание, восходят к одной и той же причине, заключенной в самом человеке. Пропускает мимо ушей и неверно слышит тот, у кого уши, так сказать, постоянно забиты теми речами, с которыми он непрестанно обращается к самому себе, следуя своим влечениям, преследуя свои интересы, – до такой степени, что он и не способен слышать другого» [1, 90]. Одержимость собой, замкнутость, закрытость... – хорошо известный набор экзистенциально-психологических характеристик «монологической» личности, на фоне которого реплика Розенштока-Хюсси о субъективном «провале»

высказывания привлекает внимание небанальной очевидностью. «Обладая свободой речи, но не имея что сказать – разве мы «говорим»? <...> Человек произносит речь, когда он может действовать своим словом. <...> Можно быть оратором без всякого красноречия. Все, что для этого необходимо – позиция, с которой есть смысл произносить речи. А где имеет смысл говорить? В таком месте и в такое время, где и когда то, что я имею сказать, приведет к определенным последствиям». [2, 189]. Речи без последствий – сотрясение воздуха, пустая болтовня и потеря времени, даже если бы и нашлись (ненадолго – уверен Розеншток-Хюсси) желающие или вынужденные внимательно слушать. «Вот почему столь многие люди не могут отличить подлинную речь от псевдоречи. Псевдоречь – это речь, в которой вроде бы говорится то же, что и в подлинной речи. Только сказано это не тем человеком, не в том месте и не в то время. <...> Мир полон речей, произносимых не там и не тогда. Мир жив немногим числом речей, которые произнесены в нужное время в нужном месте» [2, 190].

Объективную причину ослабления потребности и потери навыков искусного диалога Гадамер видит в развитии технических средств коммуникации: «общий язык межчеловеческого общения все более распадается по мере того, как мы вживаемся в монологическую ситуацию научной цивилизации, привыкая к анонимной технике информации, во власть которой мы все отданы» [1, 90]. И снова Гадамер особенно грустит об эстетике подлинного диалога: «искусственное сближение людей, обеспечиваемое проволокой, грубо разрывает как раз ту тонкую оболочку, благодаря которой люди, прикасаясь друг к другу и вслушиваясь друг в друга, сближаются постепенно, но верно. Любой телефонный звонок отмечен жестокостью вмешательства в чужую жизнь, даже если твой собеседник заверяет тебя в том, что рад звонку» [1, 83]. Розеншток-Хюсси предлагает свое видение феномена и причин объективации общения, причем косвенно тоже соотносимое с технико-технологическим миром современности. «Сознание современного человека настолько ужасающе зависит от внешнего мира, что объективность стала его языковым стилем. <...> Когда мы не усматриваем в своих отношениях с визави и намек на партнерство, а напротив, находим у него другие интересы, он становится для нас как бы частью объективной природы. А часть природы – крепкий орешек, твердый и непроницаемый. В отношении объекта нам доступен только один языковой стиль. Мы можем измерить его и исчислить, взвесить и установить качественные данные; можно «принять в расчет», как мы любим многозначительно повторять, его тенденции и предпосылки, а вслед за этими расчетами его можно интерпретировать, оценивать и изменять, или купить его, или распорядиться, чтобы его произвели на свет научно обоснованным методом. По отношению к объективному миру мера и цифра, вычисление и расчет, пропорция и

математика суть точные термины, которые применяются к объектам нашей деятельности для того, чтобы преодолеть их сопротивление» [2, 177]. В зависимости от нашей собственной социальной позиции нам могут быть ближе и понятнее опасения технического или социального отчуждения, и в этом смысле Гадамер и Розеншток-Хюсси серьезно дополняют подлинные высказывания друг друга, имеющие последствия в современных дискуссиях.

Именно в этом взаимном обогащении идей, перекличке высказываний, пересечении контекстов – непреходящая актуальность классиков философии диалога. «...Говорить значит, участвуя в жизни общества, вносить в это движение нечто свое. <...> Посредством речи мы, стало быть, питаем жизнь общества подлинной энергией» [2, 188]. «Даже в тех случаях, когда, казалось бы, нет общего языка, благодаря выдержке, тактичности, взаимному расположению и терпимости, можно, безусловно, полагаясь на разум, нашу общую долю, добиться многого» [1, 91].

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Неспособность к разговору // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 81-91.
2. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – 216 с.

Мусиенко А. В.,

научный руководитель Климова С.М.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Белгород, Россия

К ВОПРОСУ О ВИДЕНИИ РОЛИ РЕЛИГИИ Л.Н.ТОЛСТЫМ

Знания человека о мире растут ежечасно, и если во времена античности и средневековья время между единичным ответом на вопрос о жизни природы и человека и применением такого знания растягивалось на десятилетия или даже столетие, то с ростом технического прогресса между научным открытием и внедрением его в жизнь проходят считанные дни.

И если ранее роль религии в жизни человека определялся однозначно – согласно месту его проживания и принятым там традициям, то сейчас плюрализм мнений и мультикультурализм ставят перед мыслящим человеком порой неразрешимые задачи: осталась ли необходимость в религии? Как она влияет на мировоззрение? Отсюда вытекает следующий вопрос: каким образом современный человек может получить знание о религии и вере? Для богословов ключи к пониманию веры находятся в священных текстах, философы же часто пытаются найти собственные пути постижения религии и веры. В этой связи интересной и

актуальной по-прежнему остается позиция Л.Н. Толстого. Не смотря на то, что минуло полтора столетия с момента издания его сочинений «В чем моя вера», «Исповедь», его идеи побуждают к дискуссии как религиозных деятелей, так и ученых.

С юности получивший образование и статус в обществе, принимаемый и почитаемый своим кругом, владеющий всем тем, что могло обеспечить для него комфортную жизнь, Толстой в определенный момент своей жизни замечает признаки «смертельной болезни», проявлявшейся в то и дело возникавших вопросах: "Зачем?", "А мне что за дело?", слившихся в итоге в «одно нераздельное по времени страдание» [1, 255]. Задумываясь о смысле своей жизни, Толстой входит в, так называемое, «пограничное состояние», состояние в котором открывается новый взгляд на привычный уклад жизни, мировосприятие, окружение. Этот момент Толстой иллюстрирует рассказом о путнике, находящемся между двух неминуемых смертельных опасностей, но пользующемся последними медовыми каплями, дарованными ему жизнью. Неразрешимые вопросы о смысле жизни, месте веры и религии в ней, поиски пути, раскрытие тайны своего предназначения – это и есть дракон и разъяренный зверь, поджидающие его с каждой стороны. Но и вера в свое спасение от разъяренных зверей не покидает его: «Для того чтобы все человечество могло жить, для того чтоб оно продолжало жизнь, придавая ей смысл, у них, у этих миллиардов, должно быть другое, настоящее знание веры. Ведь не то, что мы с Соломоном и Шопенгауэром не убили себя, не это убедило меня в существовании веры, а то, что жили эти миллиарды и живут и нас с Соломонами вынесли на своих волнах жизни» [1, 257].

Простые люди в вопросе о смысле жизни не видят никакой трудности или загадки. Им известно, что надо жить по закону божьему и жить так, чтобы не погубить свою душу. Непросвещенность этих людей, отсутствие у них философских и научных познаний не препятствует пониманию истины жизни, скорее наоборот, помогает. Вслушиваясь в слова простых людей, вглядываясь в их жизнь, Толстой пришел к заключению, что их устами глаголет истина. Они поняли вопрос о смысле жизни глубже, точнее, чем все величайшие мыслители и философы. Так Толстой в «Исповеди» описывает свой выход из лабиринта сомнений – он обращается к народу и его вере: «И я стал вглядываться в жизнь и верования этих людей, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что у них есть настоящая вера, что вера их необходима для них и одна дает им смысл и возможность жизни. И я полюбил этих людей... Я жил так года два, и со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне» [1, 259]. Таким образом происходит отречение от всего того, что связывало Толстого с прошлой его жизнью, где главной целью его было желание

быть «сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других» [1, 256].

Рефлексия Л.Н. Толстого перетекает и на учение церкви: Он пишет: «Мне была нужна и дорога жизнь, основанная на христианских истинах; а церковь мне давала правила жизни, вовсе чуждые дорогим мне истинам. Правила, даваемые церковью о вере в догматы, о соблюдении таинств, постов, молитв, мне были не нужны; а правил, основанных на христианских истинах, не было» [2, 404].

Церковь не могла ни простить, ни проигнорировать попытки Толстого найти свой личный путь к вере. Церковный Синод отлучил его от церкви. В ответном письме писателя к Синоду звучит уверенность Толстого в правоте своего поиска: «Я не говорю, чтобы моя вера была одна на все времена истинна, но я не вижу другой, более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца; если я узнаю такую, я сейчас же приму ее, потому что богу ничего, кроме истины, не нужно» [3, 251]. Этот аспект религиозности сохраняет свою актуальность и для нынешнего времени: ускоренные темпы жизни порой не оставляют возможности для соблюдения внешней, обрядовой стороны религии, вместе с тем для многих людей оказывается нестерпим вакуум, оставленный в сознании религиозностью. Путь Л.Н. Толстого далеко не единственный в сложном движении человека к богу, но этот пример наглядно иллюстрирует то, что каждый вправе сам решать, что для него будет истинным знанием о вере.

Литература

1. Толстой Л.Н. Исповедь. – СПб.: Азбука, 2009. – 320 с.
2. Толстой Л.Н. ПСС: В 90 тт. – Т. 23. – М.: Государственное Издательство Художественной Литературы 1957. С. 304-465.
3. Толстой Л.Н. ПСС: В 90 тт. – Т. 34. – М.: Государственное Издательство Художественной Литературы 1952. С. 245-254.

Нехаева М.А., Лопина М.Р.,
научный руководитель Ольхов П.А.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

УСАДЬБА Н.В. СТАНКЕВИЧА КАК ДОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Русскую усадьбу в истории отечественной культуры по праву можно назвать ярким явлением, воплотившим в себе национальные культурные традиции, в своем развитии ставшим частью культурного достояния всего человечества [4, 9]. По определению В.И. Даля, усадьба –

это «господский дом на селе, со всеми ужожами, садом, огородом». Здесь же В.И. Даль приводит несколько синонимов к слову усадьба: «усада, усадебка, усадище, усадбище». Все эти слова имеют общий корень «усад», обозначающий отведенное место, выделенный участок, место, куда усадили, но в большей степени обладает значением обжитого и освоенного [2, 510]. В некоем смысловом центре усадьбы был человек, находящийся в близости с природой и организующий свою жизнь в соответствии со своими идеалами, интересами и потребностями. Каждая из усадеб имела свою специфику и представляла собой относительно замкнутую зону, в которой человек мог позволить себе уединенность и жизнь по своим принципам, которая могла быть продолжением городской жизни или ее альтернативой.

Е.Н. Марасинова отмечает, что лишь малая часть (3 %) стотысячного российского дворянства могла себе позволить загородные усадьбы, но именно они создали феномен русской усадебной культуры [3, 271]. Дворянские усадьбы были не только «гнездами» дворянских семейств, они были «опорой», «корневой системой» всей культуры. Представляя собой социально-психологическое и культурное пространство, усадьба формировала духовный мир многих творцов отечественной культуры. Усадебные постройки и сегодня являются одной из составляющих разнообразного и богатого отечественного культурного наследия.

В центральном районе России сохранилось несколько десятков построек усадебного типа. Одной из них является усадьба Станкевичей в селе Мухоудеровка Белгородской области. Н.В. Станкевич как видный писатель, поэт, публицист, мыслитель первой половины XIX столетия оказал огромное влияние на формирование культурной среды этого края. Он был человеком, который мог объединить людей совершенно противоположных взглядов – идеолога русского анархизма М.А. Бакунина, критика В.Г. Белинского, философа-славянофила К.С. Аксакова, а также других видных деятелей того времени. И после смерти Н.В. Станкевича в его имении продолжала кипеть жизнь высокого духовного содержания. В усадьбе гостили поэт А.В. Кольцов, профессор Т.Н. Грановский, сюда шли письма В.Г. Белинского, М.А. Бакунина, М.С. Щепкина. На средства друга Н.В. Станкевича Я.М. Неверова здесь была построена школа [1, 11].

В настоящее время от современной Н.В. Станкевичу усадьбы остались природные ландшафты и археологические, по преимуществу, контуры: течет, пусть и замедлившись, река Тихая Сосна, на крутом берегу которой высился некогда господский дом; сохранилась 200-метровая липовая аллея; сохранилась школа, построенная

Я.М. Неверовым... Контуры усадьбы проявляет музей Н.В. Станкевича, в котором воссоздается и диалогически оживает образ жизни Н.В. Станкевича, ее семейное состояние. Музей расположен в школе Неверова; в нем отдельно устроены залы с экспозициями живших некогда в Мухомудеровке славных и необычных людей XIX столетия – К. Баронса, домашнего учителя семьи Станкевичей, которого не суждено было увидеть Н.В. Станкевичу, и А.В. Никитенко, цензора, читавшего пристрасно, среди многих, и тексты А.С. Пушкина; Н.В. Станкевич – младший земляк Никитенко. Местоположение родового кладбища семьи Н.В. Станкевича по сегодняшний день остается неизвестным, но на предполагаемом месте его существования сооружен памятник с портретом Н.В. Станкевича и уцелевший фрагмент надгробия В.И. Станкевичу (отцу Николая Владимировича); построена часовня в честь Покрова Пресвятой Богородицы в память о существовавшей ранее Покровской церкви. На реке восстановлена купальня, которая существовала во времена дворянской семьи. Обновляются исторические руины и мало-помалу дает себя знать «любовь к отческим гробам», осмысленное отношение к прошлому, которое не прошло, которое придает особую полноту и определенность нашему живому и часто беспокойному настоящему.

Вопрос о сохранении усадебного наследия России является одной из актуальных проблем современности. Несмотря на то, что сегодня многие усадьбы изменили свой облик или вообще разрушены, все они имеют особую историческую, познавательную и научную ценность, соединяют прошлое и настоящее, позволяют почувствовать, ощутить ход времени и неизменные в нем простые и жизненно нерушимые вечные истины.

Литература

1. Был душой студенческого братства. К 175-летию со дня рождения Н.В. Станкевича (1813-1840). Сост. А. Кряженков. – Белгород, 1989. – 11 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 4. – М.: Рус. яз., 1989 – 1991. – С. 510.
3. Марасинова, Е. Н. Культура русской усадьбы / Е. Н. Марасинова, Т. П. Каждан // Очерки русской культуры XIX в. В 6 т. Т. 1. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – С. 265–368.
4. Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века / Автор предисл. А.И. Фролов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 1–9 .

О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ⁷

1. Парадигмальный поворот, который происходит в эпистемологии исторического знания «после постмодернизма», в первых десятилетиях XXI в., предполагает нелегкий выбор – между ностальгией по автономному субъекту исторической репрезентации и признанием познавательной подлинности истории как речевой, ответно-герменевтической данности. Эмпирическая реальность восполняющих и верифицирующих друг друга исторических документов не может быть обобщена в рамках некоторого множества исторических универсалий или моделей исторической репрезентации. Такое обобщение предполагает, что исследователь «вынес свое я за скобки», вышел в гарантированную позицию абсолютного, внешнего наблюдателя. Однако *история – особого рода незавершимое гуманитарное знание*, которое «ничего не может нам подарить или гарантировать» [1, 8]. Истории нельзя доверять как некой субстанциальной данности, в ее теоретико-смысловом или текстологическом статусе. История никогда не могла познавательно восстановить, упрочить или заместить собою некое истекшее бывшее, но всегда обновляла это бывшее, познавательно или событийно реорганизовывала его. В практике исторического исследования доминанта всегда, даже в позитивистской теоретико-познавательной парадигме, оставалась и остается доминантой на лицо, пусть и воображаемое, на документируемый здравый смысл исторического познания, которое всегда олицетворено – удостоверено в историчном, целостном речевом поступке.

2. Современное понимание исторического знания с необходимостью предполагает его *экзистенциальное расширение*, положительное изживание абстрактно-теоретической доверчивости к истории как некоей «идее» (понимании истории как субстанциальной временности, законосообразности), «повествованию» и т.п. Перелицовывающее исторические документы «бессубъектное» или «полисубъектное» повествование всегда было только иллюзорно безлично. «Историзм», если воспринять его в меру собственной его историчности, явился переобобщением личностного познавательного

⁷ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 14-03-00068а).

начала, своего рода стилистической или «идейной» формулой достигаемой таким образом победы над прежде будто бы опознанной, субстанциально квалифицированной временностью или законосообразностью. За «историзмом», между тем, с самого начала стояло здоровое «доверие к себе», уверенность идеализирующего свое и познающего-таки «субъекта». Этот субъект может менять стилистико-эпистемологический облик, выступать как «субъект интерпретации», некоего познавательного перевоплощения – перехода из состояния оппозиции иному, «объективному» (или объектно понимаемой иной субъективности), в примирительное состояние фигуры речи, будучи при этом «фигурой мысли», решившейся отдать себе отчет в собственных речевых предпосылках.

3. «Иногда несколько смущаются тем, что слово «история» означает как «саму» историю, так и знание (науку) о ней. Между тем, история, ставшая историей для самой себя, уже не должна смущаться этим – «сама» история и знание о ней едины, если они вообще когда-нибудь по-настоящему расходились. История есть тогда знание о себе, положенное, как знание, в слово. Что такое «история»? Скажем так: это выведывание неизведанного через слово и в слове» [3, 461]. *Возвратное доверие к историческому познанию как словесно-речевой реальности* является тем проблематическим условием, без признания которого трудно представить себе ближайшее будущее исторических наук. Это признание нельзя назвать легким делом: для него требуются пересмотры тех основополагающих теоретических ценностей, гуманитарных предпосылок, которые ограничивали исторические исследования и обеспечивали истории познавательную респектабельность на протяжении нескольких последних столетий. Возвращение к словесно-речевой подлинности истории исключает мистификацию познавательной фактичности речевого другого в философии гуманитарных наук: он направлен не вовнутрь «субъекта», «времени» или «повествования» как эпистемологических образов другого и раскрывается в герменевтическом опыте речевого мышления – «опыте смерти и воскресения так называемых традиций» – в мышлении на покаяние» [2, 56]. Аналитическая сосредоточенность на «другом» как на новой эпистемологической инстанции ничем не выгоднее сосредоточенности на «своем», субъекте автономной исторической репрезентации; в этой сосредоточенности дает себя знать избегание «встречного момента» исторического познания, его не подлежащей субстантивации проблематичности.

4. Самый сильный пример экзистенциального фундирования познавательных процессов – историчная методология гуманитарного знания М.М. Бахтина, у которого, вместо одного понятия субъекта, – «живая единственная историчность», «ответственно поступающий

мыслью», «участное сознание» – три понятия, транскрибирующие термины традиционной гносеологии. В экзистенциальных ситуациях субъект изламывается, перерождается; он может быть контекстуально описан, ответно «схвачен»; он свободен в выборе, но готов осознавать необходимость иного самопостроения, ввиду этой свободы. Методологические установки М.М. Бахтина позволяют распознать «субъект» исторического знания как последовательно «поступающий» – его конкретная, жизненная полнота проступает на границах словесно-речевой ответственности и неповторимой онтологической чуткости.

5. Проблематически очевидна необходимость разработки нелинейных стратегий локализации эпистемологических состояний исторического знания, по мере ситуационного или конкретно-тематического выявления этих состояний в истории интеллектуальной культуры. Удаленность современных исторических исследований от своих прежних универсалий, недоверие к их реальности, как, впрочем, и развеявшиеся чары методологического скептицизма, предполагают возвратное понимание исторического познания как словесно-речевой реальности. Невозможна, при этом, ни еще одна последняя точка зрения на теоретические ценности, ни осмысление словесно-речевой реальности как новой исторической универсалии. *Историческое знание переосмысливается герменевтико-эпистемологически, именно диалогически.*

Литература

1. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Русские словари, 1996. С. 7-10.
2. Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. – М: Знак, 2009. – 632 с.
3. Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2006. – 278 с.

Пеньков В.Е.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ НАУЧНОГО ПОСТИЖЕНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО

Взаимосвязь человека с Космосом можно рассматривать через понятие трансцендентного, которое представляет собой то, что находится за границами сознания и познания и может быть представлена в нескольких аспектах.

Во-первых, на уровне экзистенциального бытия, поскольку каждый человек в своей жизни опирается на некие априорные установки, достаточно часто в жизни сталкивается с интуицией, когда нет необходимости логически анализировать ту или иную жизненную ситуацию. Наиболее ярко это проявляется в творческой деятельности, когда человек создает что-либо принципиально новое. При этом достаточно часто люди, находящиеся в состоянии вдохновения, говорят, что как бы «подключаются» к какому-то источнику, из которого черпают материал для творчества, или же погружаются в свой особый виртуальный мир.

Во-вторых, в вопросах постижения природы человеческого сознания, происхождение которого по сей день остается нерешенным вопросом, и в философии существует множество различных концепций, в которых сознанию приписывается нечто запредельное, нематериальное, божественное. Еще И. Кант указывал на то, что человек – это существо принципиально самотрансцендентное. Пытаясь найти отличие себя как сущего от других сущих, человек неизбежно будет подниматься над своим бытием. Сознанию вообще присуща эта способность трансцендировать себя за любые границы, а разуму – стремление представить то, что лежит за пределами наличного опыта. Самотрансцендирование в логически завершенной форме как раз и порождает проблему запредельной сферы. Существует множество концепций, рассматривающих сознание человека как часть чего-то более общего, начиная от коллективного бессознательного Юнга, и заканчивая информационным полем Земли.

В-третьих, идея трансцендентального связана с научным познанием человека, как одного из видов творческой деятельности, при котором ученый, выдвигая какую-либо новую гипотезу, отнюдь, не руководствуется логикой и старыми данными. Достаточно часто революционные научные идеи, как раз противоречат установившимся научным догмам. Принципиально новые открытия в науке делаются благодаря «выходу за наличный опыт», ученый должен мысленно выйти за пределы той научной реальности, в которой он находится, осознать что-то новое, а уж потом искать научные доказательства. Опять же прослеживается идея поиска чего-то более общего, в котором развивается человек.

В научном постижении трансцендентного можно выделить следующие аспекты:

- разработку данной проблемы следует вести как в религиозно-философских, так и феноменологических аспектах;
- сознание человека, способного выходить на уровень трансцендентного на сегодняшний день не может изучаться на строго

научных основаниях, поскольку не решены проблемы его происхождения и возможностей дальнейшего развития;

- попытки включить сознание человека в современную физическую картину мира к настоящему времени не увенчались успехом;

- в связи с этим идет формирование нового идеала научности, а с ним и критериев научной рациональности, которые должны быть направлены на решение проблем, стоящих перед человечеством.

В контексте исследовательской программы эволюционизма сознание может рассматриваться как закономерный этап эволюции материи и рассматривать его на стыке науки и философии, поскольку именно философско-методологический анализ механизмов порождения нового научного знания, выработка новых методологий изучения, которые сначала разрабатываются на философском уровне, а потом «спускаются» на конкретно-научный, позволяет выработать новые методы в теории познания окружающего мира.

Пеньков С. В.

Средняя общеобразовательная
школа № 42 г Белгорода
Белгород, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛАБИРИНТЫ РОССИИ И АМЕРИКИ ВОКРУГ УКРАИНЫ

Политика – это лабиринт, из которого
выбраться труднее, чем войти.
У. Гладстон

События на Украине, безусловно, очень острая тема обсуждений во всем мире. Америка обвиняет Россию в оккупации Крыма, хотя на самом деле ни одного российского солдата там нет, (кроме морской пехоты, разумеется), грозит жесткими санкциями и экономической изоляцией, подстрекает всю Европу повторить действия вслед за собой. Итак, чем грозит Вашингтон? «Мы готовы полностью изолировать Россию, это будут очень серьезные последствия со стороны США и Запада, включая санкции, которые изолируют Россию экономически», - заявил Д. Керри. Америка предлагает «в случае ввода войск» выгнать Россию из G8, заморозить активы всего российского бизнеса, вывести свой бизнес из РФ и обрушить рубль. Еще Д. Керри пригрозил, что "россияне, которые захотят посещать США и Европу – не получают визы, а страна окажется в «торговой изоляции».

В ответ на угрозы со стороны антироссийских сил, можно противопоставить многие неоспоримые факты. Россия не испугалась таких «страшилок» от Америки и ее «коалиции друзей». Достаточно перекрыть подачу газа и нефти – и весь Запад будет «стоять на задних лапках». Еще один аргумент в пользу России – зависимость американского доллара от РФ и Китая. Так что заявления от Д. Керри не имеют под собой дальнейших решительных действий.

Теперь о демократичности американцев. Д. Керри: «В XXI веке нельзя так просто взять и под предлогом абсолютно сфабрикованных причин вторгнуться на территорию другой страны». Он заявляет о не демократичных методах, проводимой Россией, как бы возвышая свою либеральную нацию над русской. Здесь уже пахнет нацизмом, который активно финансируется на Украине. Если Россия только предупреждает о введении войск в Крым, то это не демократично и является актом агрессии, а кровавые кампании, в ходе которых погибают тысячи мирных жителей, проводимые Америкой по всему Ближнему Востоку – крайне демократичны и гуманны.

Давайте пройдемся немного по основным горячим точкам мира. Если Америка страна, которая имеет некую «особую миссию по спасению человечества», то она эту роль выполняет неудовлетворительно. Афганистан, Грузия, Чечня, Египет, Ливия, Иран – там, где побывала Америка, царит анархия и разруха. И только Сирия во главе с Башаром Асадом не испугалась жалких запугиваний со стороны США, и продолжает военные действия против боевиков, причем весьма успешно, заручившись поддержкой России. Наглядный пример того, что Америка не имеет рычагов управления всем миром, а их попытки изменить отношения на дипломатическом уровне просто ничтожны. Не получилось с Сирией, надо на чем-то отыгаться, повисить авторитет в глазах своего народа. Новую кампанию решили открыть на Украине, заодно отомстив России. Тут как нельзя кстати народные волнения против В. Януковича. Все шло по американскому сценарию, и тут вмешалась Россия. Естественно, США выразили недовольство: дескать, мы готовили Майдан, получили его, поддержали во время боев, признали новую власть, а теперь если Россия попытается нам помешать, объявим экономическую изоляцию. В. Путин скептически отнесся к громким заявлениям и продолжил свою политику. Америка пытается захватить Крым. Но правительство автономной республики объявило независимость от Киева, и 16 марта был проведен референдум, в котором более 95 % опрошенных проголосовали за вступление республики Крым в состав Российской Федерации. А уже 18 марта президент РФ В.В. Путин подписал с представителями республики Крым документ о вступлении

Крыма в состав России. Поэтому Америка и негодует, хотя сделать ничего не может.

И напоследок об экономической изоляции. ЕС не будет идти на поводу США, если его интересам будут противоречить. Здесь Америка не учла некоторые факты.

Лоран Фабиус (МИД Франции) сказал, что возможность прекращения поставок военной техники в Россию пока не рассматривается, Москва остается «историческим партнером» Парижа.

В Германии тоже не готовы принять сторону США по России. РФ и ФРГ тесно связаны экономическими соглашениями. Россия экспортирует газ, сырье, а Германия – крупнейший поставщик автомобилей в Россию.

И все же не надо думать, что Запад не способен на такие радикальные методы. Если экономическая изоляция стран большой семерки все же произойдет, то Россия и от этого выиграет. Это будет стимулом для подъема нашей былой экономической мощи. Вновь на первое место выйдет тяжелая промышленность, снова возродится аграрный сектор, появится масса новых рабочих мест, а значит, в корне поменяется система образования. Российские фармакология и медицина вновь выйдут на ведущие роли в мире. Все отрасли социальных и экономических институтов будут работать на максимуме. И тогда можно говорить о формировании государственной идеологии. И тогда вернется былое могущество Российской империи и СССР. Россия вновь станет одним из мощнейших государств мира.

Организовать международную изоляцию РФ в полной мере будет очень трудно, я бы даже сказал, невозможно. Впрочем, в состоянии блокады и даже войны с Европой наша страна уже была. В сороковых. Чем это закончилось для инициаторов агрессии в адрес России – помнят все. Сейчас идет некое продолжение Великой Отечественной войны, некое противостояние Запада и стран, входящих в состав бывшего СССР. Нацизм – зараза, которую нужно уничтожить в корне. Значит, надо объединиться всем народом, для окончательного логического завершения Великой Отечественной войны. В любом случае, как бы ни развернулись дальнейшие события, Россия имеет в своем распоряжении преимущества, которыми нельзя не воспользоваться.

Литература

1. Информационное агентство 112.UA [Электронный ресурс] http://112.ua/gl_avnye-novosti/reshenie-rossii-o-vvedenii-voysk-v-ukrainu-yavlyaetsya-neveroyatnym-aktom-agressii-kerri-28760.html (дата последнего обращения 10.03.2014).

РАХ CHRISTIANA – К ОНТОЛОГИЧЕСКОМУ ГОРИЗОНТУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди проблем, связанных с взаимоотношениями Церкви и государства в современных условиях, важное место занимает вопрос о практике реализации церковно-государственного диалога, а сам этот вопрос имеет богатую историографию. Стремление понять сущность зарождающейся политической культуры, отрефлексировать христианский идеал применительно к конкретным русским условиям прослеживается уже в первых русских летописях, в условиях, когда многие вопросы взаимоотношения церкви и государства были чрезвычайно острыми и животрепещущими. В последующие столетия русские церковные и светские мыслители неоднократно обращались к этой проблеме, пытаясь найти взаимоприемлемое сочетание интересов Церкви и государства, совместить восточно-христианский идеал государственно-церковных отношений и русские реалии. Основами для представления идеала и оценки приближения к нему в практической политике были учения восточных отцов и учителей, в которых заданы смысловые горизонты понимания государственных задач перед лицом Бога и вечности.

Так, Евсевий Кесарийский, пытаясь совместить языческий императорский культ и христианскую доктрину, подчеркивает сверхчеловеческое естество императора, его непосредственную связь с Богом и его уподобленность Господу, отмечая: «Единородное Слово Бога непрерывно соцарствует своему Отцу от безначальных веков в неисчислимые и бесконечные века, а друг Его, получивший свыше мудрость царствования и укрепляемый названием, одноименным Богу, владычествует через долгие периоды годов. Спаситель всех приготовляет своему Отцу благоприятными все небо, мир и вышнее царство, а друг Его приводит к единородному и спасительному Слову подвластных себе жителей земли, и через то делает их готовыми для того же самого царства» [2]. Из учения Евсевия Кесарийского следовало, что особа императора как Божьего избранника является священной, а его власть – своего рода священнодействием, в силу того что, как отмечал С. Рансимен, «...его (императора) глаза возведены горе, поскольку он ждет указания Божьего. Следовательно, его надо окружать таким почетом и славой, какие подобает земному подобию Божью» [6]. Подобно Богу, император возвышался над всеми рядовыми смертными, и пышный придворный церемониал еще более подчеркивал его недоступность и

удаленность от мирской суеты. Все, что было связано с императором – его дворец, придворный совет, казна, опочивальня, одеяния – все было священным, и всякое покушение на что-либо из принадлежащего императору было не просто воровством или изменой, а святотатством. Но иначе быть не могло, ведь при Юстиниане на свет рождается не только идея симфонии, но и другая, ставящая императора на порядок выше любого простого смертного. И не случайно, что при Юстиниане, преисполненном сознания величия императорской власти и сана, византийский придворный церемониал, установившийся в общих чертах во времена Диоклетиана, был усовершенствован и еще более усложнен. 84-е правило св. апостол гласило: «Аще кто досадит царю, или князю, не по правде: да понесет наказание. И аще таковый будет из клира, да будет извержен от священного чина: аще же мирянин, да будет отлучен от общения церковного» [4, 23–34]. Это правило было подтверждено и позднее, в «Синтагме» Матфея Властаря.

Византоцентризм был неразрывно связан, точнее, был прямым следствием воспринятой византийцами разработанной в эллинистическом мире и усовершенствованной христианскими писателями идеи «божественного царства». В византийской идеологии не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие античное понимание Империи как единственного «мира», обжитой вселенной (п'йчхмЭнз), населенной людьми, за пределами которой есть лишь мир «потусторонний», населенный «не-людьми» [3, 23]. Поэтому вполне естественным было восприятие византийскими книжниками и философами империи как не обычного государства, а *Imperium Romanum Christianum*, империи христианской, богохранимой, исполнительницы божественных предначертаний и «Града земного» – земного подобия «Града небесного». Отнюдь не случайно Феодор Студит писал в 821 г. императору Михаилу: «По справедливости, в настоящее время из уст всех гонимых с особенной силой должна возноситься хвала, во-первых, Царю всех Христу, а затем и Вашей богоизбранной державе, благодаря которой мы, связанные, получили разрешение, содержимые под стражей – отпущение, угнетенные – утешение, израненные – исцеление, осужденные – свободу, изгнанные – возвращение»[5]. Георгий же Акрополит прямо называет подданных Ромейской державы «христоименитым народом» [1]. Поэтому вполне естественным выглядит именование Константинополя новым Иерусалимом, а Византии – новым Израилем, землей богоизбранного народа. Эта традиция ставить перед властью и народом религиозно-нравственные, христианские задачи правильной жизни находит свое продолжение и в современных дискуссиях о путях церковно-государственного диалога в России.

Литература

1. Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. 76 // Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. – Рязань: Александрия, 2003 г. – 470 с
2. Евсевий Кесарийский. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования [Электронный ресурс] url: http://azbyka.ru/otechnik/?Evsevij_Kesarijskij/slovo-vasilevsu-konstantinu дата обращения (03.03.2014)
3. Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
4. Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец. – М.: Русский Хронограф, 2004. – 410 с.
5. Преподобный Феодор Студит. Послание 74 (133). К Михаилу, самодержавному императору // [Электронный ресурс] url: http://pagez.ru/lsn/studit_p/0133.php (03.03.2014)
6. Рансимен С. Византийская теократия // Восточная схизма. Византийская теократия. – М., 1998.

Проселкова Т.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ДОКТРИНА ТВОРЕНИЯ, ПРИРОДА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОБЩЕСТВА В ФИЛОСОФИИ М.Б. ФОСТЕРА

Название тезисов взято в кавычки, поскольку оно частично заимствовано из названия уникального сборника статей [8], посвященного жизни и творчеству оксфордского философа М.Б. Фостера (1903–1959). Нельзя не признать его точным – именно между этими тремя областями интеллектуальной деятельности человечества (теологией, наукой и теорией общественного устройства), философ установил и обосновал связи в своих пронизательных и глубоких работах. Его имя малоизвестно вне круга специалистов по истории и философии науки и практически совсем неизвестно отечественному читателю. Однако ни одно серьезное историко-философское обсуждение вышеупомянутых связей не обходится без обращения к его идеям. Более того, многие из этих идей давно уже вошли в наш научный обиход, впрочем, без отдания должного их автору и часто даже упоминания авторства.

Среди ученых наибольшую известность получили три его блестящие статьи, опубликованные в середине 30-х годов прошлого столетия в журнале "Mind" ([3],[4],[5]). Они составляют некое единое целое, которое (вместе с его глубокой и утонченной аргументацией) в науке принято называть "тезисом Фостера". Тезис Фостера в широком

смысле утверждает строгую логико-философскую зависимость между религией данного общества, его философией природы и его способом научного познания. Как частный случай, он устанавливает такую же зависимость между христианской доктриной Творения, философией природы Нового Времени и возникновением современного естествознания (более подробно в [1]).

Фостер был *первым* в европейской философии, кто в явном виде сформулировал и обосновал эту зависимость. Способ этого обоснования – логико-философский – вызвал (да и до сих пор вызывает) сопротивление части научных кругов. Не исторически-случайная, но неизбежная и безупречно философски обоснованная логическая зависимость между современной наукой и христианской теологией придает последней академическую респектабельность, что для научных кругов, остающихся до сих пор в старой субъект-объектной эпистеме (враждебной всякой религии), неприемлемо. Характерно в этой связи, что даже несколько десятилетий спустя после публикации, критики Фостера все еще задавались вопросом, почему столь солидный академический журнал, как "Mind", в люто атеистические 30-е годы опубликовал его статьи [9]. Ответ здесь следует искать в уровне высокопрофессиональной философской аргументации Фостера.

Идеи Фостера оказались очень плодотворными, и дали толчок к исследованиям целому ряду ярких современных историков и философов науки, таких как Дж. Хедли Брук, Р. Хойкаас, Ю. Клаарен, Дж. МакГуаер, Ф. Оукли, М. Ослер, Э. Дэвис (к сожалению, их творчество также остается пока малоизвестным российскому читателю). Фактически, Фостер положил начало целой традиции в научной историографии. Как пишет британский историк науки Джон Генри: "Существует историографическая традиция, которая связывает два различных теологических подхода к Творению мира Богом (и характеру Его последующей связи с миром) с соответственно противоположными позициями по отношению к тому, что считать наиболее надежной научной эпистемологией. Эти два подхода обычно упоминаются как волюнтаристская и интеллектуалистическая теология. Начало этой историографической традиции было положено в 30-х годах появлением серии трех статей философа и теолога Майкла Бересфорда Фостера, опубликованных в философском журнале "Mind" с одной стороны и выходом в 1936 году труда Артура Лавджоя "Великая цепь бытия: история идеи" – с другой" [6, 79].

Исходя из этих идей, Фостер предложил новое осмысление всего процесса интеллектуального и духовного развития европейской цивилизации. Сущность этого процесса по Фостеру состояла в преобразовании европейского ума христианским Откровением, которое шло гораздо медленнее, чем принятие самого Откровения. Однако именно это преобразование знаменует собой то понимание мира, которое мы

теперь называем "научным". В эпоху Реформации произошло резкое ускорение, которое дало взрывной рост научного знания – "научную революцию". С этой точки зрения Фостер подходит к рассмотрению и вопросов социально-политического устройства. В своей диссертации, называющейся "Политические философии Платона и Гегеля", в своих статьях и ревью (в журналах "Mind", "Philosophy", "Christian Scholar" и др.) он проводит одну и ту же мысль – политическая теория тем ближе к истине, чем более мысль теоретика преобразована истиной христианского Откровения. Так, гегелевские концепции закона и свободы в государстве, гражданского общества и самого государства изначально являются платоновскими, но преодолевают платонизм в существенных элементах. Эти элементы ("воля", новое понимание "свободы" и др.) имеют своим источником христианское Откровение, однако рационализм Гегеля привел его к попытке построить философию государства, соотнося его с некоторым вневременным стандартом. Но вещи в сотворенном мире не имеют "целей", это вытекает из христианского понимания Творения, поэтому попытка построить метафизику государства обречена на провал, государство доступно только историческому объяснению. Таким образом, дефекты гегелевской философии есть непосредственное следствие его неудачи принять христианское Откровение во всей его полноте. Историю Фостер также понимает с христианской точки зрения, особенно любопытна в этой связи его трактовка "вызовов истории" в отзыве на работу А. Тойнби [2].

Трудно переоценить значение идей Фостера. Фактически его понимание истории западной цивилизации может служить базой нового "великого нарратива", и это особенно актуально сейчас, когда прежний (эпохи Модерна) почил от старости, отягченной разрушительной постмодернистской критикой. Для христианского же осмысления истории фостеровский подход представляется естественным, а "тезис Фостера", как уже говорилось, дал начало богатой историко-философской традиции. Можно только присоединиться к одному из исследователей творчества философа, американскому теологу Р. Пеку, который в своей докторской диссертации «Апологетическая философия М.Б. Фостера» не без основания назвал его идеи *"возможно, наиболее ценным вкладом в изучение отношения христианства к появлению современной науки, сделанным кем-либо в нашем столетии"* [7, 37-38].

Литература

1. Проселкова Т.В. Тезис Фостера (тезисы выступления на теоретическом семинаре «Современная философия и теория культуры в критическом диалоге с собственной традицией»). [Электронный ресурс] url: <http://stf.bsu.edu.ru/info/22.04.13.html> (дата обращения 02.03.2014)
2. Foster, M.B. "(II) A Study of History." *Philosophy* 23 (1948): 72-79.

3. Foster, M.B. "Christian Theology and Modern Science of Nature (I)." *Mind* 43 (1935): 439-66.
4. Foster, M.B. "Christian Theology and Modern Science of Nature (II)." *Mind* 45 (1935): 1-27.
5. Foster, M.B. . "The Christian Doctrine of Creation and the Rise of Modern Natural Science." *Mind* 43 (1934): 446-68.
6. Henry, John. "Voluntarist theology at the origins of modern science: a response to Peter Harrison." *History of Science* 47, no. 155 (2009): 79-113.
7. Peck, Robert David. *The Apologetic Philosophy of Michael Beresford Foster*. (Doctoral dissertation). Berkeley: Pacific School of Religion, 1964.
8. Wybrow, Cameron, ed. *Creation, Nature, and Political Order in the Philosophy of Michael Foster (1903 – 1959): The Classic Mind Articles and Others, With Modern Critical Essays*. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1992.
9. Teel, Paul David Wilkinson. (2006). Christian theology and the modern science of nature: a critical analysis of Michael Beresford Foster's Mind articles. Retrieved from [Электронный ресурс] url: <http://dspace.library.uvic.ca:8080/handle/1828/2152?show=full> (дата обращения 02.03.2014)

Проскурина Т.Д.
*Белгородский государственный национальный
 исследовательский университет
 Белгород, Россия*

Л.Н.ТОЛСТОЙ И ЕГО ПОНИМАНИЕ «ДИАЛЕКТИКИ ДУШИ» КАК ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА СТРУКТУРУ ЧЕЛОВЕКА

Людей всего мира до сих пор поражает в творчестве Л.Н. Толстого духовная сила подлинности, его нравственной целостности. Соприкасаясь с Толстым, человеческая душа подзаряжается и испытывает духовные наслаждения и духовные страдания, связанные с мистическими открытиями писателя.

По утверждению Н.А. Бердяева, Л.Н. Толстой был счастливецом по пониманию мира, ему даны были все блага мира сего: слава, богатство, знатность, семейное счастье. И он был близок к самоубийству, так как искал смысла жизни и Бога. Он не принимает жизни без ее смысла. А инстинкт жизни был у него необычайно силен и свойственны ему были все страсти. В его лице господская Россия, высший культурный слой обличает неправду своей жизни [8,362].

Однако к 50-ти годам жизни Толстой сам заявлял в «Исповеди» (1882 г.) иное: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне, и задатки которого всегда были во мне ...»[2, 36-37].

Состояние мужа Софья Андреевна поняла по-своему: «Что-то пробежало между нами, – писала она в дневнике по этому поводу, – какая-то тень, которая разъединила нас...»(5,84). Члены семьи тоже

видели и понимали болезненное состояние Толстого, о чем пишет в воспоминаниях сын Лев Львович: «Мне было около 6-7 лет во время страшного кризиса отчаяния и ужаса перед лицом жизни, <...> который переживал отец. Это было между 1876-1880 годами. <...> В течение этого периода мой отец неожиданно погрузился в верования Православной церкви» [6, 23].

Но обращение Толстого к религии было нелегким и непростым. Еще 27 февраля 1874 года Лев Николаевич, делая наброски о своем понимании веры, писал: «Я ищу, <...> хочется проникнуть в тайну того, что значит та жизнь, которую я прожил, и еще большую тайну того, что ожидает меня в том месте, к которому я стремлюсь» [1, 50, 171]. В «Воине и мире» он не раз отмечал, что идея добра неразрывно связана с признанием Бога как «причины причин». Его герой Пьер Безухов говорит Андрею Болконскому: «Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть Истина, есть добродетель, и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, что живем не иначе только на этом клочке земли, а жили, и будем вечно жить там, во всем (он указал на небо)...» [3, 4, 287].

Стремление к вершине жизни, устремленность к ее высотам – характерное свойство могучего духа. Толстой обладал этим свойством и стремился отразить заложенное свыше в человеческую душу желание подняться над собой: «Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, писал он, <...>. Эта основа есть служение Богу, исполнение Его Воли по отношению к той Его сущности, которая есть во мне» [1, 50, 170].

К концу семидесятых годов XIX писатель находился на вершине миропонимания и творчества. Само переживание пика земной жизни звало его к величайшим свершениям, однако этот пик жизни, как замечает И. Мардов, он не праздновал, он «мучился родами» [9, 31].

В своем духовном рождении Лев Толстой впервые реально пережил трансперсональный опыт соприкосновения земной жизни с жизнью вечной. Это произошло в нем «прорывом», прозрением. В момент духовного рождения Толстой познал какой-то Свет, он решил, что он узрел Свет вечной жизни, и понял, что в Свете этом заключен замысел жизни как таковой, ее разгадка и ее закон. Он определил это явление как «Разумение жизни» [1, 56, 19], позже, уже в 80-х годах, называл это понятие «Разумное сознание» [1, 49, 75], употребляя его в значении заданного смысла. Самостоятельно изучив греческий язык, Толстой работает над «Соединением и переводом 4 Евангелий», тратит на него всю мощь своей души и своего гения. На переосмыслении евангельских текстов им было создано и развито мистическое учение. Свое религиозное учение Толстой обосновывает на вере в любовь: «Жизнь настоящая состоит только в любви, она исходит из любви и продолжается любовью»

[1, 23, 732]. Сначала Толстой поверил и полюбил евангельскую любовь, а потом осмысливал ее мистически и метафизически.

Для Толстого понимание «спастись» – это значит то же, что достичь некоторой вершины жизни, но только вершины не мнимой, а подлинной и жизни не земной и тоже подлинной, т.е. бессмертной. Целостность человека, по Толстому, обеспечивается единством жизни. «Жизнь животную» Иисус называет смертью. Живое только то, что сознает свое Божество. Люди не должны смотреть на себя как на живые существа только лишь потому, что они движутся, едят, но потому, что они осознают себя сынами Бога [1, 24, 325]. Смерть лишь нарушение жизни, свойственное земному существованию. Жизнь без нарушений – это жизнь бессмертная, вневременная. Грешить, утверждает Толстой, способна только низшая душа. Ущербную земную жизнь можно назвать смертной жизнью или смертью. «Животная личность» у Толстого – это все то в человеке, что живет жизнью-смертью. Истинная жизнь проявляет себя верой, любовью, добром и совестью, неистинная – страстями и похотями. Духовное рождение и состоит в том, что человек создает подлинность и неподлинность жизни в себе.

Вера Толстого – это вера в высшую душу человека, способную на духовное рождение. «Идет борьба между духовной и животной Я. И все, что я приобрету для первого, на все это я ослаблю вторую. С одной чаши весов перекалдываю на другую [1, 53, 190]. Но, отмечает Толстой, из гибели «физического Я» вылупляется «Я духовное» [1, 51, 14].

В романе «Анна Каренина» Толстой с художественным мастерством гения представляет сущность двойственности человеческой души. Анна говорит мужу в предсмертном бреду: "*Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся* [4, 8, 452]. (Курсив мой -Т.П). Анна осознает присутствие в ней самой *того, что* она не в состоянии победить, изгнать из себя. "*Я – как натянутая струна, которая должна лопнуть*" – предчувствует гибель своего духовного я Анна [4, 8,468](Курсив мой – Т.П). Воскресение духовного я Анны было произведено ощущением близости смерти, и как только опасность миновала, Каренин заметил, что она тяготится им. Вскоре Анна скажет Вронскому: "Да, ты овладел мною и я твоя..." [4, 8,476] Постоянное желание Анной любовных наслаждений, ее заявление, о том, что она не хочет и не может быть ничем, кроме как любовницей Вронского, делает ее заложницей плотских наслаждений. М.С. Громека утверждал, что "Анна умерла потому, что в ней угас источник жизни, в ней умерла любовь. Анна разлюбила все, кроме своего прелестного тела и в нем тела чувственного Вронского" [10, 32]. Нарушение Анной Божественного закона привело ее к забвению Бога, а значит к восприятию мира, как царства хаоса, от которого спасение –

смерть. Судьба давала Анне возможность во время родов спасти свою душу, примириться с Богом и людьми, но животная личность победила в Анне.

Толстой приходит к выводу, что коллективная жизнь людей управляется движением жизни не *духовного я*, а *животной личностью*. Он сам был в ужасе перед этой метафизической силой, силой совокупной животной личности, которая безраздельно правит в мире людей и которая, как объяснено в работе "В чем моя вера?" есть главное зло этого мира.

Современники Толстого осознавали глубину мировосприятия им: «Серьезность Вашего тона просто страшна, писал Н.Н. Страхов Толстому в марте 1877 года, – такого серьезного романа еще не было на свете» [7, 83].

И действительно, Толстой ощущал не только пагубное влияние извне на сознание и духовное состояние людей, но и неотвратимость противостояния метафизической силе зла, которая воздействует на душу всякого человека разрушительно. Чем дольше жил Толстой, тем лучше понимал, что в мире существует жестокое противостояние мирских людей, людей низшей души, и Божьих людей, людей высшей души. В жизни этой люди должны страдать, если живут для Царства Божьего, потому что мир любит своих, а Божьих ненавидит. Всегда было так, что мирские люди мучили тех, кто исполняет волю Отца. Отсюда создается впечатление, что высшую душу являет человек, уходящий из земной жизни, но это не совсем так. Наиболее ярко проявляется высшая душа во входящем в земную жизнь человека в младенце, в малом ребенке. «Дети, приходя оттуда, еще ясно чувствуют эту жизнь и ее единственное вполне доступное нам проявление в любви» [1, 56, 165]. Со временем высшая душа в человеке забывается хотениями низшей души и постепенно меркнет. Вся человеческую жизнь от рождения до смерти Толстой представляет как параллельное развитие двух существ или двух душ в человеке. Но и в детстве, когда низшая душа развивается быстрее, чем высшая, когда развитие их идет «почти вместе» [1, 88, 263] человек не в состоянии различать их в себе, «разделить эти слипшиеся я». Именно такое представление о человеке придавало объемность художественному взгляду Толстого, которое составляет основу характерного толстовского проникновения в человека. Таинственная художественная сила толстовской «диалектики души» многим обязана его особому взгляду на структуру человека.

И сегодня мы еще раз убеждаемся, что гений Толстого неисчерпаем, его творчество и размышления даны нам на все времена.

Литература

1. Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. – М.:1928-1958. – Т.23.
2. Толстой Л.Н. Собр .соч. в 22 т. – Т 17. – М.:Худ лит-ра, 1984.

3. Толстой Л.Н. Собр .соч. в 22 т. – Т 4. – М.:Худ лит-ра, 1984.
4. Толстой Л.Н. Собр .соч. в 22 т. – Т 8. – М.:Худ лит-ра, 1984.
5. Толстая С.А.Дневники. В 2 т. – Т.1. – М., 1978.
6. Концевич И.М. Истоки душевной трагедии Л.Н.Толстого. М., 1982.
7. Переписка Л.Н.Толстого со Страховым 1870-1894. – СПб, 1914.
8. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л.Толстого / Русские мыслители о Льве Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002.
9. Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
10. Громека М.С. Последнее произведение графа Л.Н.Толстого. – М., 1884.

Пчелинов-Образумов А.А.
Государственный архив Белгородской области
Белгород, Россия

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТОВ ПОМОЩИ РОССИЙСКИМ ДОБРОВОЛЬЦАМ В ВОЙСКАХ ФРАНКО (1937-1939)

С началом Гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) перед многими российскими белоэмигрантами остро встала не только проблема оценки и осмысления событий, происходивших за Пиренеями, но и вопрос об активном участии в них. За время конфликта через вооруженные силы Франко прошло около семидесяти российских волонтеров-эмигрантов, принимавших участие в боевых действиях практически на всех фронтах Испанской войны.

Одной из актуальных проблем для активной части правого лагеря Российского Зарубежья стал вопрос о материальной поддержке соотечественников, находившихся в армии испанских националистов. Осенью 1937 года архимандрит Иоанн Шаховской – «духовник русского белого воинства в Испании» обратился к российской диаспоре в Германии с воззванием о помощи русским белоэмигрантам, воевавшим на стороне Франко [3, 7].

5 октября 1937 г. редакция журнала «Часовой» – органа Русского Общевоинского союза (крупнейшей антисоветской военизированной организации Российского Зарубежья) объявила о создании «Фонда помощи русским воинам в Испании» и начале сбора средств [4, 6]. Деньги принимались в редакции журнала, его парижской конторе и «во всех русских национальных газетах» [4, 6]. Первый взнос в размере 150 злотых поступил от российской диаспоры в Польше, второй – редакция

«Часового» – 500 бельгийских франков[4, 6]. Позже журнал напоминал читателям о продолжении сборов [5, 2; 6, 32; 7, 2].

В ноябре 1937 года редакция газеты «Возрождение» (органа Российского центрального объединения, объединявшего промонархически настроенную часть эмиграции) призвала своих читателей жертвовать на рождественские подарки волонтерам в Испании [1, 6]. Издание обязалось выяснить «из официальных испанских источников» точное количество русских эмигрантов, находившихся в войсках националистов. Подарки предполагалось распределять через посредничество испанских организаций.

В номере газеты от 7 января 1938 году сообщалось, что на поступившие средства в русских магазинах Парижа были закуплены «с большой уступкой» продукты (сало, огурцы, водка, сельдь, чай и пр.) для отправки добровольцам батальона «Донья Мария де Молина» (в котором было сосредоточено большинство российских волонтеров-франкистов) на Арагонский фронт. Посылки должны были быть переданы через Красный крест Испании.

По данным редакции «Часового» к январю 1938 года в фонд поступило около 7000 бельгийских франков, на часть собранных средств было подготовлено и отправлено в Испанию 5 посылок [8, 2].

К апрелю 1938 года было собрано более 14,5 тыс. бельгийских франков. Редакция журнала от «имени своего и Старшего Русской Группы в белой Испании» поблагодарила «всех русских людей, вспомнивших о своем долге перед нашими братьями, сражающимися за общее дело» [9, 3]. Был также опубликован отчет о расходовании полученных средств.

В июле 1938 года в Брюсселе был образован Комитет помощи русским воинам, сражающимся в армии генерала Франко и их семьям под председательством баронессы Врангель. В него вошли жены председателей или представителей правых организаций Российского Зарубежья: Е.В. Апраксина, С.А. Архангельская, Г.И. Беккер, Е.С. Гартман, М.М. Иванова, М.В. Орехова, В.А. Пурпиш, Л.А. Резвая, А.Р. Варнек, Ш.Г. Фричеро [10, 9]. Комитет обратился к эмигрантам с воззванием, в котором говорилось, что он «задался целью поддержать наших воинов морально, дать им почувствовать, что Русская эмиграция не забыла их, сочувствует им и ценит их подвиги, а также обеспечит им, в пределах наших сил и возможностей и некоторую материальную помощь» [10, 9]. Пожертвования предлагалось вносить по подписным листам, либо в редакцию «Часового». Журнал обязался информировать читателей о поступлении сумм. Вклады поступали и от эмигрантов, проживавших далеко за пределами Европы (к примеру, от группы российских

поселенцев в Чили) [11, 23; 12, 27, 44]. Следует отметить, что по свидетельству очевидцев посланное далеко не всегда доходило до адресатов [13, 96].

После окончания испанской гражданской войны силами российской диаспоры в Германии были собраны средства на изготовление специальных памятных знаков для волонтеров, сражавшихся в армии Франко – 1-й степени, и для лиц, оказывавшим им содействие – 2-й степени [13, 147-148, 160]. Награда представляла собой белый щит с двуглавым орлом и полосой цвета испанского флага. На знаках 1-й степени был также помещен меч. В мае 1939 года награды были присланы в батальон «Донья Мария де Молина» и вручены российским волонтерам их командиром полковником Н.Н. Болтиным.

Таким образом, правые благотворительные организации Российского Зарубежья начали формироваться в конце 1937 года. Их деятельность охватывала, прежде всего, страны Европы (в первую очередь Францию, Бельгию, Германию), хотя и не ограничивалась ими. Комитеты помощи смогли организовать при поддержке консервативных периодических изданий («Часовой», «Возрождение») смогли организовать сбор значительных средств и наладить отправку продовольственно-вещевых посылок российским волонтерам в войсках Франко.

Литература

1. Семенов Ю. Русские в Испании // Возрождение. 1937. № 4109. С. 6
2. Посылки русским в Испанию // Возрождение. 1937. № 4113. С. 12.
3. Отрывки из письма // Возрождение. 1938. № 4115. С. 7.
4. Фонд помощи русским воинам // Часовой. 1937. № 197. С. 6.
5. Нашим друзьям // Часовой. 1937. № 198. С. 2
6. Часовой. 1937. № 200. С. 32
7. Часовой. 1937. № 201. С. 2.
8. Орехов В. От всего сердца // Часовой. 1938. № 204. С. 2.
9. Отчет «Часового» по сбору средств для подарков русским воинам, сражающимся в армии генерала Франко // Часовой. 1938. № 211. С. 3.
10. Помощь русским воинам в Испании и их семьям // Часовой. 1938. № 216. С. 9.
11. Часовой. 1938. № 221. С. 23
12. Часовой. 1939. № 227. С. 27, 44
13. Яремчук А. П. Восемьсот дней. Дневник добровольца испанской национальной армии 1937-1939 // Русские добровольцы в Испании 1936-1939. – Сан-Франциско: Глобус, 1983. – С. 20 – 179.

Рощупкин И.А.,
научный руководитель Лобанов К.Н.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
Белгород, Россия

НЕООСМАНИЗМ И ПАНТЮРКИЗМ КАК ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

За последние годы турецкая экономика сделала большой скачок вперед, а сама Турция претендует на роль лидера в своем регионе. Население Турции растет на 2-3%, а рост турецкого ВВП в 2003–2008 гг. составил 7% в год. Пик внешней торговли пришелся на 2008 г. – 330 млрд. долларов. По оценке МВФ к 2020 г. Турция может войти в десятку мировых экономик. Данная тенденция заставила турецкое правительство активизировать свою внешнюю политику. Наибольший интерес для Анкары представляют Балканы и Закавказье [3, 374].

Активизация на Балканах началась с приходом в турецкий МИД А. Давутоглу весной 2009 г. При прежнем руководстве политика Анкары в этом регионе была достаточно осторожной. Первым шагом стала организация визитов высокопоставленных руководителей в ряд государств региона. С 2009 г. балканские страны плотно входят в график внешнеполитических визитов первых лиц Турции, в частности, премьера Р.Т. Эрдогана, президента А. Гюля и главы МИД А. Давутоглу, а также высокопоставленных военных и парламентариев. В 2009–2011 гг. они посетили Албанию, Сербию, Болгарию, Черногорию, Румынию, Боснию и Герцеговину, Македонию, Косово [2]. Стоит выделить также отмену виз с Македонией, Албанией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной и Хорватией. Главной целью таких контактов является усиление торгово-экономических связей. Так, например, объем внешней торговли между Тираной и Анкарой с 2003 г. по 2010 г. вырос в 10 раз – с 35 млн. до 350 млн. долларов. С государствами региона были заключены договоры о свободной торговле. Также сотрудничество развивается в сфере науки, культуры и образования. В частности, 30 января 2009 г. в Скопье было основано представительство союза турецких гражданских неправительственных организаций. Налаживаются контакты с Турцией у историков, фольклористов, языковедов; создаются научно-аналитические организации для изучения прошлого и будущего Балкан [1].

Развитие рыночных отношений позволяет Турции использовать свой экономический потенциал для завоевания новых рынков сбыта и источников сырья на постсоветском пространстве, в результате чего расширяется ее сотрудничество со странами СНГ, особенно тюркоязычными республиками [6]. В Закавказье ее основными

партнерами являются Грузия и Азербайджан. Эти страны используются как экспортеры каспийской нефти в обход России, а также как рынок сбыта дешевых турецких товаров. Растет военное и военно-техническое сотрудничество Азербайджана и Турции. В азербайджанской армии работают турецкие специалисты, в Турции обучаются азербайджанские офицеры, Турция поставляет Азербайджану новейшие средства связи [9]. Отдельно можно выделить интенсивное развитие отношений Турции с Молдавией. Участие в развитии сельского хозяйства, усовершенствовании систем водоснабжения, строительстве предприятий и школ – это лишь неполный перечень того, что делает Турция для гагаузов. Только на строительство дорог турки выделили автономии \$35 млн. долларов! Поэтому здесь уже выросло целое поколение молодых людей, которые прекрасно осознают, кто реально помогает автономии и ее населению [4]. Стоит отметить и такой вектор направления внешнеполитической деятельности Турции как Кыргызстан, который подвергается активному идеологическому воздействию со стороны турецких некоммерческих организаций и структур, проповедующих в республике турецкий образ жизни, идеи тюркского единства, необходимость политического объединения при лидирующей роли Анкары. На сегодняшний день влияние Турции осуществляется по трем основным каналам: экономическое проникновение, политическое (в том числе гуманитарное) и военно-стратегическое сотрудничество. Турция грамотно воспользовалась распадом СССР и крушением социалистического лагеря для реализации своих экономических и политических интересов в Юго-Восточной Европе и Каспийском регионе. В этой экономической политике явно прослеживается «неоосманистская» и «пантюркистско-пантуранистская» доктрина [7]. Поскольку данная интеграция происходит на территории бывшей Османской империи, а главным рычагом влияния в регионах являются тюркские народы, Анкара выступает как центр объединения всех тюркских народов [8].

Однако главной проблемой активного внедрения Анкары в эти регионы является пересечение турецких и российских интересов. Россия и Турция могут быть региональными партнерами по многим вопросам, таким как энергетика, транспортное строительство, модернизация и расширение ранее построенных при содействии России объектов (алюминиевый завод в Сейдишехире), а также ограничение исламского экстремизма в Передней Азии или нейтрализация иранского влияния в Закавказье [6, 161-166]. Но есть и факторы для соперничества, в частности, российско-турецкое соперничество на Черном море, столкновение российско-турецких интересов по поводу сирийского кризиса и др. [5, 212-217].

В целом же можно отметить, что потенциал внешнеполитического влияния Турции на близлежащие страны и регионы будет зависеть, в том

числе, и от способности правительства страны урегулировать острые внутривнутриполитические проблемы.

Литература

1. Автономная некоммерческая организация [Электронный ресурс]. url: <http://www.csef.ru/index.php/ru/politica-i-geopolitica/project/-/-/933-turkish-influence-in-gagauzia-what-is-russia>. (дата обращения 20.02.2014)
2. Александр В. Турция: внедрение на Балканы [Электронный ресурс]. url: <http://www.odnako.org/almanac/material/turciya-vnedrenie-na-balkani/>. (дата обращения 20.02.2014)
3. Востоковедный сборник (выпуск второй) / под ред. Исаева В.А., Филоника А.О. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 374 с.
4. Гулевич В. Турецкое влияние в Гагаузии: что ожидает Россию? // Центр стратегических оценок и прогнозов [Электронный ресурс]. url: <http://www.csef.ru/index.php/ru/politica-i-geopolitica/project/-/-/933-turkish-influence-in-gagauzia-what-is-russia>. (дата обращения 20.02.2014)
5. Косиков А.С. Военно-политический потенциал Турции / Востоковедный сборник (выпуск второй) / Год ред. Исаева В.А., Филоника А.О. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 212-217.
6. Кантемиров А.В. Экономические отношения Турции со странами Закавказья/ Востоковедный сборник (выпуск второй) / под ред. Исаева В.А., Филоника А.О. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С.161-166.
7. Люкманов А. Р. Новая политика Турции на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2010. № 11. [Электронный ресурс] url: <http://interaffairs.ru/read.php?item=7726>. (дата обращения 20.02.2014)
8. Протопапас Д. Геополитические интересы Турции и восстания на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2010. № 11. [Электронный ресурс] url: <http://interaffairs.ru/read.php?item=7726>. (дата обращения 20.02.2014)
9. Пантюркизм на Кавказе в условиях геополитической трансформации: философско-культурный анализ – «часть 2» [Электронный ресурс]. url: <http://www.pandia.ru/464634/>. (дата обращения 20.02.2014)

Рязанцева Л.В.

*Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова
Белгород, Россия*

ДИАЛОГ КАК МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ТЕКСТА В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА М.М. БАХТИНА

Специфика философии языка М.М. Бахтина заключается в том, что она тесно связана с литературоведением, но не потому, что применяется к литературе, а потому, что литература становится ее точкой зрения. «Выразительное и говорящее бытие», смысл, реализованный в тексте; факт обновления текста в результате его диалога с исторически

изменяющимся сознанием, достоянием которого становится текст, – вот приоритетные направления его исследований.

Можно выделить несколько значимых аспектов анализа текстовой реальности в концепции М.М. Бахтина. Во-первых, он отмечает наличие двух полюсов текста: текст как результат использования языка (отсюда его общедоступность и общезначимость) и текст как высказывание, когда речь идет о его неповторимости. Это же относится и к функционированию текста в речевом общении: «... всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово, ибо, поскольку имею с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением, оно уже проникается моей экспрессией» [3, 459].

Во-вторых, главная проблемная ситуация понимания и истолкования текста разворачивается на рубеже двух сознаний: активности познающего и активности открывающегося, т. е. в диалоге [1, 515].

В-третьих, анализ текста с точки зрения диалога предполагает выход за пределы собственно лингвистики в металингвистический контекст трансформации высказываний в «мировоззрения», в «точки зрения», в «социальные голоса» и т. п. [4, 490].

Металингвистический контекст предполагает также наличие высшего «наадресата» текста, который в зависимости от исторических условий может рассматриваться как Бог, абсолютная истина, беспристрастный суд человеческой совести, народ, суд истории, критерий научности и т. д. «Автор никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам (ведь и ближайшие потомки могут ошибаться) и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-ту высшую инстанцию понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях» [4, 498]. Отсюда потенциальная неисчерпаемость смыслов, заключенных в тексте, все большая глубина и полнота понимания которых достигается только в большом времени культуры.

В-четвертых, М.М. Бахтин стоит у истоков семиотической интерпретации культуры, «раздвигая» границы самого понятия текста: «Человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [4, 478].

В-пятых, в завершающий период своего творчества М.М. Бахтин обосновывает методологический статус важнейшего термина своей ранней эстетики – «вненаходимости» (т. е. «дружности» автора по

отношению к его герою как сотворенному): «Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает, Великое дело для понимания – это внезаходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [2, 507].

И, наконец, диалог является адекватной моделью развития науки. По мысли М.М. Бахтина, общность проблемы порождает диалогические отношения между текстами ученых, отдаленных во времени и пространстве и не подозревающих порой о существовании друг друга.

Литература

1. Бахтин М. М. Заметки. Литературно-критические статьи. – М.: Мысль, 1986. – 563 с.
2. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира». Литературно-критические статьи. – М.: Мысль, 1986. – 563 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Литературно-критические статьи. – М.: Мысль, 1986. – 563 с.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. Литературно-критические статьи. – М.: Мысль, 1986. – 563 с.

Салтык Г.А.

*Курский государственный университет
Курск, Россия*

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1914-1918 гг.

Первая мировая война оказала существенное влияние на развитие социокультурной ситуации в отдельных регионах российской провинции, одной из которых являлась Курская губерния. Следует отметить, что с ее началом внутривосточная ситуация в России усложнилась. Опасаясь военного шпионажа, приказом армии Юго-Западного фронта в приграничных губерниях была введена военная цензура. В Курской губернии она была учреждена 18 апреля 1916 г. приказом № 644. В связи с тем, что в губернскую почтово-телеграфную контору ежедневно поступало около 50000 отправок решено было «для их осмотра» учредить в Курске и Белгороде цензорские бюро [1]. Предполагалось создание специального военно-цензорского отдела по просмотру корреспонденции. Их служащие должны были следить за тем, чтобы в печать не допускались сведения о проведении в России съездов, конференций, совещаний с представителями союзных государств, а также народных волнений и т. д. Особой обязанностью военных цензоров

являлось наблюдение за типографиями, книжной торговлей, кинематографом, театром [2, 46–47].

Предпринимались также меры для борьбы с военным шпионажем. Интерес представляет воззвание главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, которое нам удалось обнаружить в Государственном архиве Курской области. В нем, в частности, отмечалось следующее: «Борьба с неприятельскими агентами возложена на органы контрразведки, но может быть успешной лишь при содействии всего населения» [3]. В другом возвании, призывая к бдительности гражданское население, главнокомандующий подчеркивал: «Остерегайтесь, молчите! Враг всюду подслушивает! Всюду, и на позиции, и в тылу и в штабах, в обозах, лазаретах, в поездах, на железных дорогах, заводах, мастерских, в комитетах и воинских присутствиях, всюду, где собираются люди и где делается военное дело, всюду протискиваются, присматриваются и прислушиваются иуды-предатели, чтобы уловить что-нибудь на пользу немцам и на пагубу нам...» [4].

В Курской губернии велось усиленное наблюдение за германскими, австрийскими и венгерскими подданными, а также «прибывшими с театра военных действий военнопленными». Местные власти боялись, что среди них «много социалистов» – противников самодержавного строя. Поэтому «они создавали серьезную угрозу для государственного порядка и общественного спокойствия» [5].

Вместе с тем в политическом отношении Курская губерния в период мировой войны представляла собой относительно спокойный регион – основные силы социалистических партий были разгромлены полицией еще в 1909–1911 гг. [6]. И все же в 1915–1916 гг. предпринимались попытки по восстановлению неонароднических организаций. Известно, например, что в начале февраля 1916 г. в Белгороде появилась небольшая группа эсеров, состоящая из учащихся средних учебных заведений, именовавшая себя «Белгородским комитетом партии социалистов-революционеров». Руководил ею ученик 5-го класса реального училища Александр Заикин. В группу входили юноши и девушки 16–17 лет: Т.А. Олейник, Я.М. Романенко, Д.А. Степанов, И.И. Дагаев, А.И. Задорожный, И.А. Коровка и другие (всего 19 человек). Особой активности группа не проявляла. Нам удалось обнаружить несколько возваний «К падению Эрзерума», которое революционеры распространяли в уезде [7].

Первая мировая война и революционные события, происходившие в стране, не могли не отразиться на культурной жизни населения провинции. И, тем не менее, в социокультурной повседневности мало что изменилось – в кинотеатрах продолжалась демонстрация фильмов, на подмостках театров ставились трагедии и т.д. Так, судя по объявлениям, в Курском общественном клубе 12 марта 1917 г. должен был состояться

литературный вечер писателя Евгения Чирикова на тему: «Сказки русского народа». А 16 марта – концерт знаменитого скрипача, профессора Московской консерватории М. Пресса при участии А. Стариковой [8]. Интересно, что революция не помешала выступлению в здании Городского зимнего театра в марте 1917 г. украинской труппы под управлением А.Н. Николаенко. Артисты ставили комедию «Панна Штукарка, драму «Маруся Богуславка» и др. В это же время «в обычном режиме» продолжали работать рестораны и кафе при гостинице Полторацкого, кинотеатры города, а также центральная баня [9]. Примечательно, что, в июне 1917 г. в художественном театре «Чары» демонстрировался фильм «Великосветский скиталец», а в электро-театре «Био» – «сильная драма» в 4-х частях «Так вот тебе, коршун, награда за жизнь воровскую твою» [10].

Казалось бы, в условиях «революционных потрясений» никто не был уверен в завтрашнем дне. Однако на страницах газет весной-летом 1917 г. мы находим многочисленные объявления о продаже киоска, дома, участка земли, или же о сдаче их в аренду [11]. Попадались объявления, передающие дух революционного времени: «Из дома дворянина Курской губернии удален портрет Николая II. Находящийся тут же бронзовый памятник Александру III задрапирован белым полотном». «Тим. Образован комитет, председатель Кочура. Удалены исправники и полиция. Организована милиция» и т.д. [12]

В 1918 г. в газетах публиковались сообщения о деятельности земельных комитетов, о борьбе с пьянством, хулиганством и др. К примеру, в мае газета «Красная Армия» сообщала своим читателям о том, что в Белгороде было уничтожено 36000 ведер водки [13]. Об антисанитарии в Ямкой слободе Курска читаем в № 4 от 15 мая. Кстати, рыбакам исследуемого региона интересно было узнать о том, что в Курске было создано «Общество рыбоводов-удильщиков», главной целью которого объявлялась «борьба с хищническим истреблением рыбы в местных реках» [14].

Заслуживает внимания и «Обязательное постановление для посетителей общественных садов», опубликованное в одном из весенних номеров газеты «Красная Армия». В нем говорилось о том, что «появление в саду товарищей солдат, не имеющих отношения к наряду, с винтовками или бомбами ... воспрещается. Виновники нарушения сего будут подвергнуты аресту и преданы судку революционного трибунала». Эта же мера наказания применялась и в отношении лиц, «появлявшихся в нетрезвом виде» или «принесшим в сад спиртные напитки и перекупающим таковые», а также к лицам, «вызывающим шум, ссоры и т.п.». При этом оговаривалось, что «фамилии и имена подвергшихся задержанию в саду ... будут опубликованы во всех местных газетах» [15].

Таким образом, в годы Первой мировой войны жизнь населения российской провинции была насыщена разного рода событиями. Куряне принимали активное участие не только в политической, но и в социальной и культурной жизни региона. Об этом свидетельствуют не только архивные документы, но и периодические издания того времени. Именно они помогли нам восстановить социокультурную повседневность российской провинции в 1914–1918 гг.

Литература

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.
2. Салтык Г.А. Военная цензура в России начала XX века (на материалах Курской губернии) // Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докл. междунар. научн. конф. Санкт-Петербург, 16–18 мая 2005 г. Санкт-Петербург, 2005.
3. ГАКО. Ф. 46. Оп. 50. Д. 5. Л. 159.
4. ГАКО. Ф. 46. Оп. 50. Д. 19. б/л.
5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 569. Л. 1.
6. Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1902-1923 гг. М.: Прометей, 2002. С. 270–272..
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. Ф. 102. Оп. 246. 1916. Д. 9. Ч. 38. Л. 1; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 577. Л. 107.
8. Курский край. 1917. № 1.
9. Курский край. 1917. № 6.
10. Курский край. 1917. № 82.
11. Курский край. 1917. № 6, № 82; Красна армия. 1918. № 4.
12. Курский край. 1917. № 82.
13. Красная Армия. 1918. № 5.
14. Красная Армия. № 4.
15. Красная Армия. 1918. № 4.

Сипунина Е.В.,

научный руководитель Сямина О.В.

*Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Россия*

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ОРНАМЕНТА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

По своей природе орнамент не имеет самостоятельного значения, он может полноценно существовать только в контексте той формы, которую украшает. Орнаментальная композиция в архитектуре имеет свою специфику. Отдельные декоративные мотивы, а также их сочетания следуют за очертаниями поверхности, подчеркивают структурное

членение архитектурных объемов, выявляют визуальные акценты, а также служат для обозначения напряженности на несущих конструкциях и деталях, и легкости – на несомых и венчающих элементах. В средневековой и классической архитектуре, а также архитектуре модерна все эти свойства орнамента имеют яркое воплощение. С наступлением эпохи модернизма произошел целенаправленный разрыв с классической архитектурной традицией. Возникновение функционализма и интернационального стиля привело к упрощению архитектурной композиции. Широкое распространение получает типовое проектирование, серийное строительство и массовое производство конструкций. Орнамент как пережиток прошлого был исключен из архитектуры, его место заняло декоративное звучание фактур строительных и отделочных материалов (стекла, бетона, штукатурки и пр.).

В последовавшую за модернизмом эпоху постмодерна архитекторы вновь начинают прибегать к орнаментальным формам, потребность в которых определяется необходимостью привнесения разнообразия и эмоционального начала в монотонную городскую среду. На основе существующих строительных технологий возникает тип сооружений, который американский архитектор Роберт Вентури определил как «декорированные сараи» — здания простых геометрических очертаний, на которые, подобно платью, надевается сетка узора. Именно сетчатый орнамент наилучшим образом взаимодействует со стандартизированной конструкцией типовых построек, создавая органичное сочетание с регулярно организованными ячейками окон, облицовочными панелями. Сама раппортная сетка декора может иметь простую структуру, основанную на метрическом повторении одного, также лаконичного и несложного мотива (в качестве примера можно привести производственное здание фирмы Рикола студии Herzog & de Meuron, в декоре которого повторяется стилизованное изображение листа растения). Декоративный мотив может быть визуально усложнен, что предполагает его детальное рассматривание, благодаря чему сама раппортная сетка превращается в сложную декоративную текстуру (примером здесь является библиотека университета в Утрехте Рема Колхаса). Композиция сетчатого орнамента может быть усложнена с помощью приема чередования отдельных свойств мотива (примером может служить гостиница «Ренессанс» в Барселоне Жана Нувеля, в котором декор фасада представляет собой чередующиеся по размеру стилизованные пальмовые листья, в виде которых также выполнены оконные проемы). Орнамент может быть более сложно организован, сочетая в себе некоторое множество мотивов. Так, в здании бизнес-центра «Бенуа» Сергея Чобана сетчатый декор образован изображениями различных эскизов

театральных костюмов А.Н.Бенуа. Здесь, кроме самих мотивов, декоративный эффект создается также с помощью цвета.

Архитектурный орнамент сетчатой структуры, используемый для оформления типовых построек, представляет собой закономерную линию развития декора в современную эпоху.

Смелая А.Ю.,
научные руководители Кривец А.П., Гукова И.Н.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ И КРЫМУ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Особое положение в классификационном ряду социальных конфликтов занимают политические конфликты, так как сфера политики – это область постоянной, повышенной конфликтности по сравнению с другими сфера общественной жизни. Особое место в классе политических конфликтов занимают этнополитические конфликты, имеющие идентификационную основу [6].

К числу подобных примеров можно отнести этнополитические конфликты в Нагорном Карабахе и Крыму. Они являются показательным примером проявления реализации права народов на самоопределение. Пути разрешения указанных конфликтных ситуаций имеют как общие черты, так и особенные.

Начало карабахскому конфликту было положено в 1988 г. после заявления преимущественно населенного армянами Нагорного Карабаха о выходе из состава Азербайджана. Нагорный Карабах – регион в Закавказье в восточной части Армянского нагорья. Согласно административно-территориальному делению Азербайджанской Республики Нагорный Карабах находится на ее территории. 10 декабря 1991 г. в Нагорном Карабахе состоялся референдум, где народ высказался за полную независимость от Азербайджана. При этом проведенный референдум не разрешил разгоревшийся конфликт [1].

Автономная республика Крым расположена на одноименном полуострове в северной части Черного моря [3]. Крымский вопрос возник вследствие беспорядков в Киеве в ноябре-феврале 2014 года, причиной которых стала пророссийская политика Президента Украины Виктора Януковича. Волнения в республике Крым закончились всенародным референдумом, состоявшимся 16 марта 2014 года и провозгласившим подавляющим большинством голосов присоединении полуострова к

Российской Федерации. Таким образом, посредством референдума была устранена причина конфликта – нежелание подавляющего большинства крымчан оставаться в составе Украины. Конфликт на Крымском полуострове был разрешен.

В Нагорном Карабахе ситуация по-прежнему продолжает оставаться нестабильной, так как, несмотря на отсутствие открытого военного противостояния, противоборство сторон с сохранением причин конфликта создает условия для повторного обострения ситуации. При этом имеются и общие черты у рассматриваемых конфликтных ситуаций. Общность между крымским и карабахским вопросами заключается в том, что провозглашение независимости Нагорно-Карабахской области произошло в полном соответствии со статьей 1 пунктом 2 Устава ООН, точно, так как это произошло в Крыму [4].

Говоря о перспективах развития событий в нагорном Карабахе, возможно, рассмотреть два варианта стабилизации ситуации, предусматривающих участие двух государств, как Азербайджана, так и Армении. Первый вариант – это многолетнее многостороннее обсуждение проблемы Нагорно-Карабахского конфликта в формате посредничества Минской группы ОБСЕ. Это многосторонний формат, выбранный для урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, одобренный властями Нагорно-Карабахской Республикой и гарантом ее безопасности Арменией. Пока существенных результатов эта работа не принесла. Есть и другой вариант разрешения существующей проблемы – признать результаты состоявшегося 10 декабря 1991 г. референдума, в результате которого Карабах был объявлен независимым государством. И все остальные сложные вопросы урегулирования рассматривать уже с учетом такого решения. Учитывая горький опыт войны, навязанной Азербайджаном после референдума о независимости, и затягивания процесса урегулирования отношений с Нагорно-Карабахской Республикой, фракции и депутатская группа Национального собрания Арцаха (Нагорный Карабах) призывают предпринять все возможные меры, чтобы ситуация, сложившаяся после референдума в АР Крым, была решена исключительно мирными средствами, на основе взаимного уважения [2]. Сегодня, имея перед глазами пример Крыма, этот сценарий разрешения конфликта в Нагорном Карабахе вполне возможен. Крым за считанные дни прошел тот путь, который Нагорный Карабах проходит 26 лет. Референдум от 16 марта 2014 г. стал еще одним подтверждением реализации права наций на самоопределение, который подтвердил, что территориальная целостность государства не превалирует над свободным волеизъявлением народа. Крымский референдум продемонстрировал бесспорное стремление населения полуострова воссоединиться с Россией, но проведение параллелей с карабахской проблемой неуместно, так как в случае с Крымом речь идет о переходе из состава одного государства в

состав другого, а в случае с Нагорно-Карабахской Республикой стоит задача международного признания состоявшегося суверенного государства [5].

Таким образом, разрешение конфликтной ситуации в Нагорном Карабахе возможно и зависит от решений, принятых двумя республиками Азербайджаном и Арменией. Опыт разрешения крымского конфликта также может послужить положительным примером проявления реализации права народа на самоопределение, несмотря на то, что в данном случае речь идет об образовании суверенного государства.

Литература

1. Историко-политические аспекты карабахского (арцахского) конфликта. [Электронный ресурс] url: <http://www.karabagh.am/ GlavTem/19Ist-PolAspekti.html> (дата обращения 21.02.2014)

2. Карабахский конфликт: в историко-политических и международно-правовых ракурсах. [Электронный ресурс] url: <http://www.karabagh.am/GlavTem/14Spravka.htm>(дата обращения 21.02.2014)

3. Крым — геополитический кризис между Россией и Западом. [Электронный ресурс] url: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20140325/218941874.html>(дата обращения 21.02.2014)

4. Крым-Карабах-Курдистан: почему Запад воюет против свободы народов: интервью Арташеса Гегаяна. [Электронный ресурс] url: <http://belarus.regnum.ru/news/ukraina/1782329.html>. (дата обращения 21.02.2014)

5. Парламент Карабаха приветствовал народ Крыма и напомнил о карабахском референдуме // ИА REGNUM. [Электронный ресурс] url: <http://regnum.ru/news/polit/1779816.html#ixzz2wY3rC8OA> (дата обращения 21.02.2014)

6. Политические конфликты современности. [Электронный ресурс] url: <http://www.dslib.net/filosofia-politiki/politicheskie-konflikty-sovremennosti.html> (дата обращения 21.02.2014)

Страхова И.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СИМВОЛИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА (ОПЫТ ОБЗОРА)

Православная Церковь в России на протяжении многих веков выступала важным институтом социализации, а текст православного храма нес огромную символическую нагрузку, которая была зашифрована в архитектонике внутреннего пространства, храмовой живописи и в целом оказывала влияние на сознание людей. В храме в символической форме запечатлены главные догматы христианской религии.

В православном сознании в литургической практике важную роль играет символизм. Храмовый литургический символ объединяет материальную и духовную, физическую и метафизическую реальности. «Литургический образ – семантический ключ к пониманию внутренней сущности богослужебного действия в целом, а также значения всех его элементов в отдельности, как и семантических их связей» [2, 208]. За ритуалами стоят обряды, обращенные к сакральным ценностям. Таким образом, символика храма «...принципиально многозначна и многомерна, и поле образуемых ею значений как раз и включает в себе духовно-символический потенциал храма, его эстетический и религиозный смыслы, слитые здесь практически нераздельно» [3, 47].

Участие в храмовых действиях есть важнейшая форма духовного развития. По мнению Флоренского П.А. храмовые действия есть «целостный организм» [5, 1], жизнедеятельность которого проявляется в художественном творчестве. Так, храмовое искусство, смысл иконы, иконостаса, символ огня и дыма до конца выполняют свое назначение только в храмовых действиях. Икона представляет собой изобразительно выраженную молитву [4, 77-78]. Иконостас есть символическая преграда перед алтарем, которая разделяет на два пространства мира: небесный и земной [4, 117]. Символ огня и дыма в Храме представлен горящей свечой и завесой ладана. Горящая свеча есть символ «глубокого молитвенного горения» человека к Богу, а тончайшая «голубая завеса» ладана вносит в созерцание икон и росписей Храма такое «смягчение», которую не знает музей [5, 2]. В состав символа храмового действия входит своеобразная «проступающая» хореография, которая представляет собой размеренность всех символических движений, совершаемых в храме.

Идея церковности, по мнению П.А. Флоренского, состоит в ритме, который должен исходить из подчинения ритмического символизма Иисусовой молитвы. Все чувства, мысли, телесные ощущения в храме должны быть подчинены этой молитве. В храме отражена идея соборности. В нем объединяют не стены и не архитектурные линии, а то, что храм является живым целым, собранным «воедино Духом любви». В храмовом действе, как устанавливает П.А. Флоренский, с наибольшей полнотой реализуются эстетический и мистический принципы синтеза искусств, последние же в своей совокупности направлены на выявление метафизических основ бытия и достижение участниками богослужения религиозно-эстетического катарсиса.

Согласно П.А. Флоренскому, церковное искусство бифункционально по своей сути: будучи элементом культа и неся определенную религиозно-смысловую нагрузку, оно в художественно-образной форме открывает божественный мир, возвышает и преображает душу человека не только мистически, но и художественно-эстетически. Религиозная и художественная стороны церковного искусства,

неразрывно взаимосвязаны, и потому при его рассмотрении следует избегать их метафизического расчленения.

Для церковного искусства, в силу его религиозного содержания и выполняемых культовых функций, характерны такие специфические особенности, как каноничность и соборность, которыми в свою очередь обусловлена его принципиальная надындивидуальность. В этом его существенные отличия от искусства светского. Несмотря на общие христианские корни, православное изобразительное искусство существенно различается с католическим и протестантским, что, согласно П.А. Флоренскому, объясняется их принадлежностью к принципиально различным типам культур и имеющимися расхождениями в религиозно-мировоззренческих основаниях этих двух изобразительных систем.

Православное церковное искусство призвано установить связь между миром дольным и горним, соединить человека и Бога и потому способно преобразить человеческую жизнь и преобразовать окружающую действительность.

Литература

1. Андроник (Трубачев), иеромонах. Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского Андроник (Трубачев), иеромонах. – Томск: Водолей, 1998. – 192 с.
2. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. – Киев: «Путь к истине», 1991. – 408 с.
3. Бычков В.В. Духовно-эстетические основы русской иконы В.В. Бычков. – М.: Ладомир, 1995. – 332 с.
4. Тарабукин Н.М. Смысл иконы. – М., изд-во Православного Братства Святителя Филарета Московского, 1999. – 221 с.
5. Флоренский Павел. Храмовое действо как синтез искусств // Маковец. – 1922. – № 1. – С. 28 – 32.

Субботин А.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ЗНАЧИМОСТЬ МНОГОПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Математический аппарат естественных наук постоянно усложняется, что связано с ростом уровня задач: рассматриваются комплексы с непростой структурой, нелинейные системы или неравновесные процессы. Поэтому современные модели работают с многопараметрическими объектами.

Многопараметрическими являются те объекты, которые выражают (обозначают) собой несколько параметров и связь этих параметров друг с другом. Таковые объекты встречаются уже в школьном курсе. Например,

вектор, который указывает направление чего-либо: для его задания в пространстве требуется знание двух точек этого пространства, а потому он несет в себе обозначение координат двух точек и упорядочивание этих точек (начало и конец). Еще одним школьным примером являются элементы таблицы Менделеева. Так, одна сокращенная запись элемента с обозначением атомной массы, ${}^4\text{He}$, подразумевает все числовые характеристики атома гелия, в состав ядра которого входят два нейтрона: массу, заряд ядра, характеристики электронных оболочек, энергию связи ядра и т.д.

В современной физике используются векторы, матрицы и тензоры. В какой-то степени многопараметрическими являются функции и операторы. Эти многопараметрические объекты являются результатом формализации, помогающие существенно упростить и сократить запись. Теперь все характеристики классического электромагнитного поля в вакууме можно выразить четырьмя уравнениями Максвелла. Теория поля, где вводится тензор электромагнитного поля, записывает то же самое уже двумя уравнениями. Запись становится очень простой не только на вид. Многопараметрические объекты выполняют функцию синтеза, объединяя несколько параметров. Теперь их можно преобразовывать в единой совокупности с помощью тензорной алгебры или алгебры операторов. Многопараметрические объекты, однако, требуют для использования определенных навыков, знаний, привычек. Их использование превращает математические модели в чрезмерную абстракцию, практически убирая наглядность. Процесс «расшифровки» становится сложным. В связи с этим подготовка физика или математика к работе с многопараметрическими объектами занимает большое время, которое, при учете постоянного развития математического аппарата, все время растет. А если у человека возникают трудности с восприятием целостности информации многопараметрических объектов (что встречается довольно часто, учитывая, сколь не многие ученики легко решают задачи по химии), то период подготовки значительно увеличивается.

Решение этой проблемы видится в развитии культуры многопараметрических объектов, причем не только в усовершенствовании методов преподавания математики, но и в более сильном виде: введение принципов работы с многопараметрическими объектами в повседневную жизнь. Нужно научить людей жить с ними.

ФЕНОМЕН РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ XX-XXI вв.

Предметом систематического изучения феномен русской усадьбы является уже более ста лет. За это время отечественное усадебоведение оформилось в самостоятельное научное направление, которое продолжает активно развиваться и сегодня. В этой связи важной задачей для современных исследователей является аналитическое освоение наследия предыдущих поколений ученых и разработка новых стратегий изучения усадебной проблематики, учитывающих перспективы развития России в XXI веке.

Несмотря на то, что первые публикации об усадьбах относятся еще к XVIII-XIX вв., открытие усадебной темы принадлежит деятелям культуры Серебряного века. К наиболее значительным представителям этой яркой плеяды относятся Н.Н. Врангель, братья Г.К. и В.К. Лукомские, П.П. Вейнер, Ю.И. Шамурин, И.Э. Грабарь, А.Н. Бенуа и др. Они смогли раскрыть непреходящую художественно-эстетическую и культурно-историческую ценность старинной русской усадьбы, вызвали живой интерес к этому явлению.

В первые годы после революции наиболее значительный вклад в изучение и сохранение усадебного наследия внесли члены «Общества изучения русской усадьбы» (1922-1930 гг.). Они не только собирали и описывали эмпирический материал, что само по себе важно, но и разработали программу комплексных исследований усадьбы как феномена культуры. К сожалению, осуществить в полной мере эту программу не удалось из-за постигших репрессий.

В советское время предметом особого внимания исследователей были архитектурные и садово-парковые комплексы загородных резиденций Москвы и Петербурга, а также усадьбы известных деятелей культуры – писателей, поэтов, художников (Михайловское, Тарханы, Ясная Поляна, Мелихово, Спасское-Лутовиново, Щелыково, Пенаты, Поленово и др.).

Качественно новый период в истории усадебоведения начинается в 90-е годы с развитием культурологической парадигмы, предусматривающей целостный подход к изучению конкретных феноменов. Акцент делается на изучении провинциальных и пореформенных усадеб. Значительно расширяется диапазон исследовательских методов, одним из ведущих становится семиотический

подход. В научный дискурс входит понятие «усадебный текст», которое активно используется при анализе архитектурно-паркового пространства усадьбы, повседневной жизни ее обитателей, при изучении образа усадьбы в искусстве (литература, живопись, театр и др.). Одновременно феномен усадьбы привлекает специалистов из других областей – истории, социологии, экономики, филологии, музееведения, педагогики, психологии, дизайна, эргономики, урбанистики и др. В 1992 году возрождается «Общество изучения русской усадьбы» (ОИРУ), которое стремится интегрировать различные исследовательские практики.

В последние годы активно развивается ландшафтный подход к изучению усадьбы, суть которого заключается в выявлении роли усадьбы в географическом и культурном ландшафте как отдельных регионов, так и страны в целом. Это направление разрабатывается сотрудниками Государственного научно-исследовательского института природного и культурного наследия им Д.С. Лихачева.

В настоящее время современные стратегии развития и модернизации России задают новые исследовательские векторы усадебной теме. Усадебное наследие сегодня рассматривается как важный ресурс культурного и социально-экономического роста регионов России, формирования их имиджа, развития внешнего и внутреннего туризма. В связи с этим актуальными становятся прикладные исследования в сфере социокультурного проектирования с целью интеграции усадебного наследия в современное социокультурное пространство.

Особое внимание следует уделить актуальной сегодня проблеме перехода нашей страны к новому – усадебному – образу жизни. В последнее время заметно усиливается тенденция, которую можно охарактеризовать понятием «одноэтажная Россия». Сегодня почти каждая российская семья ищет возможность осуществить мечту о собственном доме. Усадебный образ жизни воспринимается как назревшая альтернатива мегаполисам и в целом техногенной цивилизации. В стране широко развернулось движение по созданию родовых поместий и экопоселений. При всем разнообразии проявления и идеологических оснований это движение в первую очередь свидетельствует о назревшем стремлении людей к новому укладу жизни – жизни на земле, в своем доме, в своей усадьбе. В этом образе жизни они видят основу для устойчивого развития страны, физического и духовного здоровья будущих поколений. Стратегическое значение для России обозначенных выше процессов, делает крайне актуальным их комплексный научный анализ и моделирование. Сегодня необходимы концептуальные разработки в этой области, поскольку речь идет, по сути, о становлении новой парадигмы исторического развития России – «ландшафтно-усадебной урбанизации», в основе которой лежит синтез лучших национальных традиции жизнеустройства и новых технологических возможностей.

АРМИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ XX ВЕКА

На протяжении всей человеческой истории военное сословие играло одну из важней ролей в жизни общества. Что неудивительно, если учесть, что история человечества – это история войн. Утверждение одинаково справедливо для всех времен и всех народов. Не стал исключением и XX век. В новейшей истории арабских стран армия сыграла исключительную роль, которую сложно переоценить.

После распада Османской империи, вызванного поражением в Первой мировой войне, арабские территории попали в колониальную зависимость от Англии и Франции. Колониальный режим, ставивший своей главной целью эксплуатацию приобретенных территорий в интересах новых хозяев, тем не менее, имел и одно существенное преимущество и для местного населения. А именно, знакомство с плодами технического, культурного и социального прогресса. Не смотря на ограниченный характер развития колоний, прогресс открывал новые перспективы. Появляется национально-освободительное движение, которое ставит своей целью освобождение арабского народа от иностранной зависимости.

Несмотря на разницу между регионами арабского мира и различное положение, тех или иных колоний, в национально-освободительных движениях можно обнаружить общие черты. А именно, ведущую роль армии. Связанно, это было с вполне объективными причинами. Создание колониальных вооруженных сил, набранных из местного населения, отвечало интересам метрополии. Это позволяло снизить количество собственных войск и заручиться поддержкой части местного населения, сформировав из него своеобразный привилегированный класс. Для местного населения армия стала одним из немногих социальных лифтов в условиях колониального гнета.

Стоит отдельно отметить, что и в условиях традиционного общества, армия, по сути, является одним из немногих институтов, который способен поддерживать социальную мобильность населения. В армии нет дела до знатности рода, конфессиональной принадлежности или места рождения. В иерархической структуре идет жесткое подчинение нижестоящих вышестоящим. Армейская система рангов позволяла продвинуться по службе представителям низших социальных слоев и религиозных меньшинств. Так же армия давала знакомство с достижениями Западной цивилизации. Однако подобное положение дел

делало из военных не столько опору режима, сколько его врагов. Высокий уровень образования, четкая организационная структура, широкие финансовые и технологические возможности – все это делало армию чрезвычайно могущественной формой организации масс. Среди солдат и офицеров начинают приобретать влияние революционные идеи ставящие своей целью освобождение от колониализма. В армейской среде широкое распространение получили идеи панарабизма, арабского национализма и арабского социализма. Именно они стали доминировать в тех политических организациях, что стали возникать в Арабском мире, вскоре после Второй мировой войны.

Почему же столь широкое распространение получили социалистические идеи? Тому было несколько причин:

1. Ввиду того, что главными колониальными державами того времени были Англия и Франция, арабы видели естественного союзника в лице Советского Союза. СССР всегда выступал против колониализма и поддерживал право народов на самоопределение. Начавшаяся Холодная война заставила активизировать советскую внешнюю политику и более активно поддерживать национально-освободительные движения, в том числе и арабское.

2. Подавляющая часть солдат и младших офицерских чинов, были выходцами из низших социальных слоев и не были связаны с традиционной элитой арабского общества. Социализм давал им шанс свергнуть старый господствующий класс и самим занять доминирующее положение в государстве.

3. Социализм, в виду его идеи значительного укрепления государства в экономике, давал возможность более широкого контроля над обществом. Уничтожение феодальной и капиталистической собственности позволяло сосредоточить все ресурсы в руках государства. Это давало широкие возможности для мобилизации всего населения на решение тех или иных задач. Государственная власть приобретала жесткую иерархическую структуру схожую с армейской.

Первой организацией такого типа стали египетские “Свободные офицеры” под руководством Гамалея Насера, Анвара Садата и Моххамеда Нагиба. В 1952 втором году в результате Июльской революции будет свергнута пробританская монархия и установлена новая республиканская форма правления. Своей целью Насер поставил своей главной целью освобождение всех арабов, создание единого арабского государства и построение социализма. С этой целью он заключил союз с СССР, поддерживал арабские национально-освободительные движения по всему Ближнему Востоку и вел войны с Израилем, с целью освобождения Палестины. Во внутренней политике Насер вел ожесточенную борьбу с исламистским движением “Братья-мусульмане”. Несмотря на схожие

цели, эти две организации стали злейшими врагами, так как представляли собой два различных пути развития страны: светский и религиозный.

Так же стоит упомянуть о партии БААС, образованной в 1947 г. Мишелем Афляком. Идеологией партии являлся Арабский социализм разработанный Афляком. Партия завоевала широкую популярность в среде солдат и офицеров Сирии и Ирака. И в 1963 г. в обеих этих странах произошли революции, которые привели БААС к власти. Не смотря на подобный успех, мечтам о панарабском государстве не суждено было сбыться. Между Насером и баасистами вспыхнули противоречия по поводу руководства в будущем государстве. Впоследствии и раскол ожидает и саму БААС. В результате внутрефракционной борьбы сирийское и иракское отделение партии обвинят друг друга в “предательстве интересов арабской нации” и начнут борьбу друг с другом. Сирийское отделение партии, в конечном счете, возглавит Хафез Асад, иракское – Саддам Хусейн. Вражда этих двух лидеров окажет значительное влияние на Ближневосточную политику в период 80-90-ых годов XX века.

В заключение стоит отметить, что армия оказала решающее влияние в борьбе арабского народа против колониализма. Впоследствии военные стали новым правящим классом во многих арабских государствах. Здесь широкое распространение получили идеи арабского национализма и социализма. Но попытка построить единое арабское государство потерпела крах, ввиду противоречий между арабскими лидерами. Впоследствии многие военные режимы отказались от своих первоначальных программ и свернули социалистические преобразования и стали вести более умеренную внешнюю политику. В настоящий момент во многих арабских странах наблюдается кризис власти.

Терес Н.В.

Киевский национальный университет

им. Тараса Шевченко

Киев, Украина

ЭТНОПОЛИТИКА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Этнополитическая ситуация в современной Украине – это комплекс взаимосвязанных проблем, обусловленных как историей взаимоотношений народов в этот период, так и новыми политическими и социально-экономическими реалиями независимого развития. Современная этнополитика Украины – это система законодательных актов и концептуальных положений, программ, организационных мероприятий в сфере этносоциального, этнокультурного и

этнополитического развития общества, целью которых является свободное развитие этнических сообществ.

Этнополитика является важнейшей составляющей национальной безопасности, поскольку национальный фактор играет большую роль как в создании и укреплении государства, так и его дезинтеграции и разрушении. Поэтому в Законе «Об основах национальной безопасности Украины» (2003) подчеркивается, что «проявления сепаратизма, попытки автономизации на основе этнического признака являются угрозой национальным интересам и национальной безопасности Украины в национальной сфере» [2].

Фундаментальные задачи государства в области этнополитики состоят в создании условий гармоничного развития и комплиментарного союза титульной нации с национальными меньшинствами. По данным последней Всеукраинской переписи населения 2001 г. украинцы составляют 77,8 % (37 млн 541 тыс. чел.), русские – 17,3 % (8 млн. 334 тыс. чел.), представители других национальностей – 4,9%. С момента независимости в украинском законодательстве, в первую очередь в Конституции Украины, были закреплены важнейшие демократические нормы, обеспечившие возможности для развития представителей всех национальностей. Базисные принципы отвечали самым высоким демократическим стандартам. При этом, как гласит ст. 2. Закона «О национальных меньшинствах Украины», граждане должны оберегать государственный суверенитет и территориальную целостность, уважать язык, культуру традиции, обычаи и религиозную самобытность украинского народа и всех национальных меньшинств [1]. Стабильность и национальная безопасность непосредственно зависят от решения базовых вопросов государственного строительства, которое осуществлялось с учетом исторического, географического и демографического факторов. К таковым, например, относится порядок предоставления гражданства Украины после распада СССР. В нашей стране был реализован наиболее демократичный «нулевой вариант» его получения.

Преимущественное размещение и большая концентрация национальных меньшинств в приграничных областях, сложности социально-экономического развития страны создали объективные возможности для усиления влияния соседних государств на этих территориях. Угрозой национальной безопасности стало предоставление соседними государствами гражданства населению пограничных областей Украины. Эту политику проводят Россия, Румыния, Венгрия, другие страны. Появились особые формы подчеркивания этнической лояльности, например, паспорт этнического поляка, который можно получить с 2009 г. при условии подтверждения польского происхождения. Венгрия упростила для граждан Украины венгерского происхождения процедуры въезда и пребывания на своей территории путем субсидирования их

расходов. В нарушение законодательства Украины выдаются румынские паспорта украинским гражданам [3, 98-99]. Эти недемократические действия нарушают принцип равенства граждан перед законом, разрушают взаимопонимание представителей разных национальностей. Возрастают требования о введении принципа парламентского представительства по национальному признаку. Венгерское национальное меньшинство апеллирует к европейскому опыту и предлагает рассмотреть вопрос об обеспечении представительства в парламенте Украины на основе опыта Косова.

В последние годы возросло внимание лидеров политических партий к вопросам языковой политики как фактора этномобилизации. До принятия закона Украины «О государственных основах языковой политики» (2012) языковая политика характеризовалась ориентацией на расширение сферы употребления украинского языка как государственного и предоставление простора для развития языков национальных меньшинств.

Современные процессы глобализации требуют новых подходов в этом направлении, создания условий для овладения гражданами страны как минимум тремя языками: родным, государственным и языком личной адаптации. Показательно, что борьба по вопросу о языках стала одним из поводов для эскалации противостояния в Крыму и проведения референдума о вхождении автономии в состав Российской Федерации. Можно утверждать, что с принятием внеправовых решений о вхождении АР Крым в состав Российской Федерации открывается новый этап в этнополитическом развитии Украины. Но решение многих вопросов в межнациональных отношениях будет зависеть от международного контекста, с учетом угрозы разрушения системы международной безопасности и нарушения суверенитета и целостности неядерного государства – Украины.

Литература

1. Про національні меншини в Україні. Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 36. – Ст. 529.
2. Про основи національної безпеки України. Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 38. – Ст. 449.
3. Терес Н. Етнополітичний простір сучасної України: нові виклики і проблеми (2005-2010 рр.) // Етнічна історія народів Європи. – 2011. – Вип. 34. – С. 97-102.

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: К ОПЫТУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГЕГЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

В первой половине XIX века вопрос о самоопределении России, о ее культурно-историческом самосознании приобрел новое философское звучание. Наблюдается устойчивый интерес к западноевропейской мысли, и в первую очередь к немецкой классической философии. В этой связи рамках данного исследования мы обратимся к специфике русской философии истории XIX века и попытаемся посмотреть, как здесь были восприняты и интерпретированы философско-исторические идеи Гегеля.

Как отмечают Новикова Л.И. и Сиземская И.Н., «Философская мысль России действительно развивалась в общеевропейской парадигме, но решала проблемы российского исторического бытия в его связи с мировым историческим процессом, раскрывая на этой основе новые его ракурсы» [3, 4]. Интересным в данном аспекте представляется утверждение Т.И. Липич, которая обращает внимание на «наличие в русской культуре национально-специфического фильтра, посредством которого она была способна воспринимать, отбирать, перерабатывать лишь те идеи и представления немецкой мысли, в которых она остро нуждалась в тот или иной период своего исторического развития» [2, 52]. В рамках XIX столетия «поиск национальной идеи – явление, обусловленное в значительной степени несогласием русских мыслителей с недооценкой Гегелем роли славянского народа во всемирной цивилизации» [1, 212]. В научной литературе, посвященной данной проблеме, отмечается двойственность влияния гегелевской философии истории на развитие русской мысли:

- С одной стороны она стала своеобразным эталоном;
- и в то же время – предметом дискуссий, приводивших к новым философско-историческим идеям [1, 24].

Если мы говорим о специфике интерпретации философско-исторической концепции Гегеля на «русской почве», то следует иметь в виду, что в данном контексте имели место разные интерпретационные позиции. Например, С.А. Воробьева приводит следующую классификацию подходов к пониманию рассматриваемых идей Гегеля:

1) Критика рационализма гегелевской системы, утверждение приоритета веры (С.П. Шевырев, М.П. Погодин, П.Я. Чаадаев, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин).

2) Критика забвения реалий конкретно-исторической жизни общества в гегелевском определении основ исторической методологии (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский).

3) Подчеркивание значения гегелевской философии в развитии исторической науки, хотя большинство сторонников такой позиции были против умаления Гегелем роли России в истории, а так же революционного пафоса диалектического метода (Т.Н. Грановский, Б.Н. Чичерин, Д.Л. Крюков).

Философско-историческая концепция Гегеля была воспринята представителями отечественной философской и общественной мысли XIX века неоднозначно. Так, например, «определяя философию Гегеля как «науку диалектического рассудка», славянофилы стремятся к более широкому истолкованию диалектики в контексте реалий исторического познания» [1, 190]. Западники, в частности Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, критикуют гегелевскую позицию, согласно которой личностной свободе предпочитается всеобщая необходимость и что всемирная история осуществляется не личностью и ее духом, а мировым духом через посредство личности. Так или иначе, диалектика становится фундаментом разработки методики исторического исследования в русской философии истории в 30–50-е годы XIX века. Одним из первых способствовал изучению гегелевской философии в России Н.В. Станкевич (1813–1840). В данном контексте примечателен факт создания кружка Станкевича, носившего статус гегельянского. Из данного кружка вышли такие представители отечественной мысли как В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, И.С. Тургенев, Т.Н. Грановский. Станкевич приступил к серьезному изучению работ Гегеля только в Германии, в октябре 1837 г. У Гегеля он взял его диалектический метод. Но если Гегель отдавал приоритет всеобщему перед индивидуально-личностным, то Станкевича интересовала именно целостная личность. «Абсолютная идея» получает свое наивысшее воплощение и развитие в конкретной человеческой личности.

Б.Н. Чичерин (1828–1904) в труде «Наука и религия» уделяет значительное внимание осмыслению истории человечества. У Чичерина мы находим методологическую ориентацию на гегелевский подход к всемирно-исторической действительности. В частности, он утверждает: «Диалектический закон должен выразиться в историческом развитии человечества. История должна начаться с первобытного единства, которое

затем должно разложиться на две противоположности, после чего последние должны быть снова сведены к высшему единству» [4, 255]. Здесь мы видим гегелевскую абсолютную идею, раздваивающуюся в природе и духе и восходящую через саморазвитие духа к идее свободы, то есть, к абсолютной идее. Таким образом, Чичерин на основании гегелевского учения, перерабатывая и обогащая ее, строит собственную диалектическую модель истории человечества.

Развитие отечественной философской и общественной мысли XIX в. осуществлялось в тесном диалоге с немецкой философской культурой. Вместе с тем, мы можем наблюдать самобытность и уникальность русской философской традиции. Философско-историческая концепция Гегеля оказала значительное влияние на развитие русской философии истории XIX в. Критика, переосмысление и обогащение гегелевской концепции на «русской почве» актуализировали интерес и спровоцировали специфические интерпретационные позиции осмысления отечественной культурно-исторической идентичности и культурно-исторического самосознания.

Кроме того, здравый поход к философии истории Гегеля дает возможность сформулировать теоретическую модель, в основе которой лежит диалектическое понимание истории. В дальнейших исследованиях мы попытаемся выявить возможности такой модели в контексте осмысления русской исторической действительности в ее соотношении со всемирно-историческим процессом.

Литература

1. Воробьева, С.А. Философско-исторические идеи в России (1830–1850-е годы). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – 303 с.
2. Липич, Т.И. Литературно-философский диалог в культурном пространстве России и Германии I половины XIX века: монография / Т.И. Липич. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 256 с.
3. Новикова, Л.И., Сиземская, И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. – Изд. 2-е, доп. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 399 с.
4. Чичерин, Б.Н. Наука и религия / Всуп. ст. В.Н. Жукова. – М.: Республика, 1999. – 495 с.

Толмачева Е.А.,
научный руководитель Ефремова Ж.Д.
*Ливенский филиал Государственного
университета – учебно-научно-
производственного комплекса г. Орел
Ливны, Россия*

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ТЕЛЕЗРИТЕЛЯ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Настоящее время является периодом бурного развития Интернета, что стало основанием для прогнозирования заката телевидения. По данным исследований, проведенных кампанией ТНС, объем телесмотра в России сохраняется за счет преимущественно представителей старших возрастных групп, тогда как в младших возрастных группах предпочтение отдается Интернету [1].

И все же влияние ТВ на сознание людей нельзя недооценивать. Телевидение по-прежнему играет важнейшую роль в удовлетворении информационных, культурных и других жизненно важных потребностей различных социальных групп, в том числе молодежи.

С целью изучения телевизионного поведения молодежи нами был проведен опрос студентов и школьников г. Ливны Орловской области (декабрь 2013 г.). В опросе приняли участие 100 респондентов в возрасте от 16 до 22 лет. Юноши и девушки представлены в равной пропорции (50 %). Доля студентов высшего образования – 50 %, среднего профессионального образования – 30%, школьников – 20 % по выборке. Проведенное исследование позволяет выяснить, какое место занимает телевидение в жизни молодых людей, оценить влияние ТВ на молодежь, составить портрет молодого телезрителя.

В ходе исследования мы хотели определить, какое место занимает телевидение в структуре свободного времени молодых людей. Одним из показателей является бюджет медиавремени. Под медиавременем принято понимать время, затрачиваемое индивидом на потребление контента медианосителей [2, 94]. Наблюдается существенное изменение в бюджете медиавремени молодежи. Так, ежедневно смотрят ТВ только 26% респондентов, 65 % смотрят телевизор от случая к случаю, а 7% вообще не смотрят телевизор. При этом наблюдается сокращение общего количества времени телесмотра, которое составляет у основной массы респондентов от 1-2 часов ежедневно до нескольких часов в месяц.

Сегодня активно происходит дифференциации телевидения, включая увеличение числа специализированных каналов и рост тематического многообразия программ. На данный момент рядовому гражданину в России доступно в среднем 35 каналов. Наш город не

является исключением. Среди множества телеканалов у молодежи есть явные лидеры. На первом месте по предпочтениям стоят телеканалы, предлагающие наибольший процент развлекательных передач – это ТНТ (63 %), СТС (44 %). Также популярными являются каналы «Спорт» (25 %), «Перец» (22 %), Первый канал (20 %). При этом канал «Спорт» более популярен у юношей, а ТНТ – у девушек. Канал «Культура» обладает самым низким рейтингом.

Ввиду того, что телевидение ежедневно предлагает каждому молодому человеку множество программ, он вынужден постоянно решать проблему их выбора. Анализ тематики телепередач позволяет сделать вывод что, самой большой популярностью пользуются музыкальные и юмористические передачи (они уступают только фильмам). Таким образом, телевидение в основном выполняет для молодежи развлекательную функцию (таблица 1). Можно отметить определенное различие зрительских предпочтений юношей и девушек. Так, юноши в большей степени, чем девушки интересуются новостными, спортивными и научно-популярными передачами. Девушки проявляют больший интерес к музыкальным передачам.

Таблица 1

Предпочитаемые телепередачи, в %

Телепередачи	Студенты высшего образования	Студенты среднего профессионального образования	Школьники	Всего
Новости	22	27	15	22
Политические	8	0	5	5
Научно-популярные	26	30	10	24
Спортивные	38	37	20	34
Музыкальные	36	37	55	40
Юмористические	48	77	55	58
Интеллектуальные игры	6	10	20	10
Реалити-шоу	6	10	30	12
Фильмы	68	53	70	64
Сериалы	40	20	50	36

Интерес молодежи к развлекательным телепередачам имеет под собой объективную основу. Мы согласны с мнением И.А. Полуэхтовой о том, что «общая развлекательная направленность контента современного российского телевидения, массированно задающего развлекательный тон телепотокa, приучает зрителей искать в нем в первую очередь развлечения» [3, 171].

Значимое место занимает у молодежи просмотр фильмов: 75% респондентов регулярно смотрят фильмы по ТВ. Предпочтение молодежь

отдает зарубежным фильмам (59 %) перед отечественными (27%). Наиболее предпочитаемым жанром являются комедии. Этот жанр по распространенности выбора оказался на первом месте, как у юношей, так и у девушек. Второе место занимают фантастические фильмы, которые также можно отнести к развлекательным (таблица 2). Есть определенная корреляция предпочтений в зависимости от пола. Жанр мелодрамы имеет достаточно высокий рейтинг у девушек и низкий у юношей, которые отдают предпочтение боевикам.

Таблица 2

Предпочитаемые киножанры

Жанры кинофильмов	Студенты высшего образования	Студенты среднего профессионального образования	Школьники	Всего
Боевики	38	60	50	47
Исторические фильмы	38	40	25	36
Комедии	72	80	75	75
Детективы	20	33	35	27
Документальные фильмы	28	37	20	39
Триллеры	32	33	60	38
Фантастика	62	93	55	60
Мистика	38	43	45	42
Мелодрамы	18	13	55	24

Телевидение – это универсальный оперативный источник информации, который делает человека включенным в социум. Однако эта функция оказалась менее значимой для молодежи. Только 13% респондентов ежедневно смотрят новости по ТВ, 74% смотрят от случая к случаю, а 13% – вообще не смотрят. Одной из причин снижения интереса к телевизионным новостям стало появление альтернативного источника информации – Интернета. Другой причиной является недоверие к телевидению как к источнику информации, которое испытывают более 50% респондентов. Одной из претензий к современному телевидению является нагнетание негатива. Более 50% наших респондентов считают, что по телевидению нельзя показывать сюжеты на любые темы, в первую очередь сцены насилия, жестокости. Вопрос о доверии к телевидению связан с вопросом о том, как именно оно влияет на людей – положительно или отрицательно. Мнения по данному вопросу разделились: 33% респондентов оценили влияние телевидения как негативное, считая, что оно навязывает свои стереотипы; 27% респондентов положительно оценили влияние телевидения на человека, полагая, что оно расширяет кругозор, помогает человеку лучше ориентироваться в мире.

Таким образом, можно констатировать снижение роли телевидения в повседневной жизни молодежи, Молодой телезритель стремится

удовлетворить с помощью ТВ потребность в развлечении, предпочитая смотреть фильмы и передачи развлекательного содержания.

Литература

1. Выборы экрана // Ведомости. 2011. 18 августа. № 153. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru>. (дата обращения 15.02.2014)
2. Бузин В.Н. Возможен ли закат телевидения? (Социологический прогноз) // СОЦИС. – 2012. – № 10. – С. 93-98.
3. Полуэхтова И.А. Телевидение в общественном мнении и повседневной жизни россиян // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 166-172.

Урывский А.П.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

УСИЛИЯ АНГЛИИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЫ В ОКТЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1935 г.

По мере реализации планов экономических санкций британское правительство не видело несовместимости таких международных действий с собственными попытками по улаживанию конфликта между Италией и Эфиопией, вступившего в активную боевую фазу 3 октября 1935 г. С этого момента премьер-министр Франции Лаваль был главным образом заинтересован в удовлетворении претензий Муссолини, в то время как английское министерство иностранных дел верило в возможность территориального урегулирования, приемлемого для обеих сторон [2, 7-8]. Эти различия были только частично откорректированы в Парижских предложениях от 8 декабря. Тем не менее, территориальные обсуждения продолжались более или менее согласованно в октябре и ноябре.

17 октября Друммонд, английский посол в Риме, был проинструктирован заверить Муссолини, что у британского правительства не было никакой заинтересованности в итало-абиссинском споре вне того, что требовалось в соответствии с их обязательствами как членов Лиги. Проект этой телеграммы постоянного заместителя министра иностранных дел Р. Ванситарта вызвал неудобные комментарии в Форин офис. Помощник зам. министра Олифант считал что, если она будет послана, «ничто теперь не сдержит дуче» [2, 117-118.]. Таким образом, был открыт путь для обсуждений согласованного урегулирования, которого французы страстно желали, и которое внешнеполитическое ведомство Великобритании приветствовало.

В разговоре с Друммондом, 30 октября, о планах взаимного вывода итальянских войск из Ливии и двух британских крейсеров из Гибралтара,

Муссолини предложил иметь дело с проблемой не по частям, а обсуждать целиком вопрос средиземноморской демобилизации на суше и море, чтобы соглашение приняло более широкий и общий характер [2, 195]. 5 ноября дуче заявил, что это предложение носило только переходный эффект, а он стремился к всеобщей разрядке и удовлетворению британских потребностей в Средиземноморье и теперь, и в будущем [2, 229]. 13 ноября Муссолини снова сообщил британскому послу, что хотел переговоров, которые могли быть этапом к урегулированию отношений между Италией и Англией в Средиземном море, с предварительной декларацией, что это является конечной целью двух держав. Это подразумевало невмешательство итальянской стороны в британские интересы в Египте и на Ближнем Востоке, соответственно, невмешательство в позиции Италии в Эфиопии [2, 260-261]. Министерство иностранных дел Великобритании, выражая недоверие предложениям Муссолини, не было готово на том этапе пойти вне Статута лиги на «джентльменское соглашение» чтобы уменьшить существующую напряженность [2, 252, 262].

Переговоры привели в итоге к так называемому Парижскому соглашению от 8 декабря 1935 г. Муссолини получил знаменитые предложения Хора-Лавалья 10 декабря 1935 г. Они предусматривали раздел Абиссинии и передачу Италии значительной ее части: Италия получала бы плодородные равнины Абиссинии; Хайле Селассие продолжал править в значительных горных районах, бывших исторических территориях его королевства. Великобритания готова была помочь в реализации этого плана, предоставив замкнутой на суше Абиссинии выход к морю через Британское Сомали. Предполагалось принятие Муссолини плана и представление его англичанами на утверждение Лиги наций [1, 268]. 18 числа дуче отклонил предложения, незадолго до заседания Большого Фашистского Совета. Если бы Муссолини принял план, Англия также покончила бы с их различиями с Францией и, возможно, снова обезопасила Италию в качестве члена коалиции, сдерживающей Германию. Кроме того, постепенно мог быть восстановлен престиж Лиги Наций как органа примирения, в противоположность принуждению, а так организация вновь показала свое бессилие. Самой проигравшей стороной оказалась Абиссиния, поскольку фиаско договора Хора-Лавалья имело следствием полную потерю эфиопской независимости. По словам О. Чемберлена, это было «проверкой миротворческой роли» Лиги [3, 351; 4, 199].

Практическим эффектом неудачи плана Хор-Лаваль стало и то, что Эфиопия должна была теперь сражаться с итальянскими захватчиками, начавших серьезное военное наступление в январе 1936 г. Просочившаяся в печать информация об этом плане вызвала всплеск общественного мнения в Англии и Франции. Британский министр иностранных дел Хор и

Лаваль вынуждены были подать в отставку. На предложения относительно новых мирных начинаний вновь назначенный руководитель внешнеполитического ведомства Великобритании А. Иден отвечал, что британское правительство примет участие в любых обсуждениях, но не решалось брать на себя инициативу [2, 570-571, 682].

Отсутствовало дальнейшее продвижение в кризисе до решения Кабинета 26 февраля относительно нефтяных санкций [2, 700]. Но санкции на перевозку нефти морем приняты не были. Можно согласиться с Киссинджером, что Великобритания, не захотела рисковать, вступив в войну на суше за дело, не связанное с нарушением ее национальных границ» [1, 270]. Последующий отказ Британии поддержать коллективную безопасность вызвал крах Лиги наций, поскольку это позволило Гитлеру на один год раньше реализовать свои планы по ремилитаризации Рейнской зоны. Этот акт, осуществленный 7 марта 1936 г., помог в дальнейшем объединить Германию и Италию, комбинацию, которой британская политика стремилась, но не сумела избежать. Таким образом, двойная политика английских руководителей оказалась неэффективной, а ее практическим следствием стала аннексия Эфиопии.

Литература

1. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: «Ладомир», 1997. – 848 с.
2. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. 2nd ser.: Vol. XV. The Italo-Ethiopian War and German Affairs. Oct. 3, 1935 – Febr. 1936. L., 1976.
3. Great Britain. House of Commons (Hansard). Parliamentary Debates. Official Report. 5th ser. L.: Majesty's Stationery Office, 1936-1939. Vol. 307.
4. Hardie F. The Abyssinian Crisis. L.: Batsford, 1974. 294 p.

Устинова И.Е.,

научный руководитель Баландина О.В.

Академия труда и социальных отношений

Москва, Россия

РОССИЙСКИЙ СТУДЕНТ: ГРЕЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сегодня все чаще на разных уровнях поднимаются вопросы труда и занятости молодежи, трудоустройства выпускников. Молодежь, сохраняя большую потребность в работе как основном источнике дохода, не выдерживают конкуренции на рынке труда. Согласно онлайн – опросу портала Career.ru, большая часть компаний (43%) отказывает молодым специалистам из-за отсутствия опыта. И только 5% работодателей не берут выпускников на работу из-за недостатка теоретических знаний. Работодатели оценивают уровень практических навыков современных

выпускников на 2,1 балла из пяти. Если раньше работодатели смотрели на качество образования и престиж вуза, то теперь смотрят на опыт.

Без практических навыков и опыта невозможно стать компетентным специалистом. Руководители вузов понимают, что необходимо сотрудничество с производственными организациями, компаниями, которые организуют практики и стажировки для студентов. Например, студенты Академии труда и социальных отношений уже три года направляются в кадровый холдинг «Империя кадров», где в течение сорока часов изучают вопросы рекрутмента под руководством наставников. Содержание практики обсуждается представителями компании и преподавателями кафедры экономики труда и управления персоналом. Студенты после краткого вводного курса в дела компании становятся участниками реальных проектов – изучают резюме, отвечают на «холодные звонки», присутствуют на собеседовании соискателя с представителем кадрового холдинга, учатся грамотно составлять отчеты и т.д. Лучшие студенты получают приглашение работать в компании (по гибкому графику), другие – попадают во внешний резерв. В Отзыве-характеристике по завершении практики наставник оценивает теоретические знания и умения студента, которые он обнаружил в реальной деятельности. В этом случае студенты точно знают, чему они научились, смогут продемонстрировать практические навыки в процессе трудоустройства.

Не секрет, что часто ожидания студентов от прохождения практики не оправдываются. Большинство компаний не заинтересовано в том, чтобы брать к себе неопытного работника, да еще и на короткий срок. В России отсутствует механизм для стимулирования привлечения студентов к работе на время прохождения практики. При том, что за ограниченное время практиканта нужно еще и обучить, провести оформление документов. Произведенный практикантом продукт, как правило, не компенсирует затратную составляющую, что влияет на отношение работодателя к организации практики студентов. Некоторые вузы пытаются организовать практику своими силами, без сотрудничества с компаниями, но такой подход вряд ли может дать студенту реальные практические навыки. Возможно, если вуз действительно хочет помочь своим студентам стать компетентным специалистом и трудоустроиться по окончании обучения, нужно предоставлять объективную информацию о современном рынке труда, о том, какие работодатели вообще существуют в этой сфере, и о том, какие стажировки и конкурсы проводят эти компании.

За рубежом сейчас больше распространен формат долгосрочных стажировок, чем краткосрочных практик. Стажировка обычно длится от

двух месяцев до полугода и включает в себя обучение. Иногда стажер получает небольшую зарплату или стипендию, а в некоторых компаниях, наоборот, сам платит за стажировку. Работодатели предпочитают брать на стажировку студентов последних курсов, чтобы затем они могли остаться работать в компании на постоянной основе. Стажерские программы есть во многих крупных зарубежных компаниях, например, в Microsoft, IBM, АВВУУ, АЕСОМ, Coca-Cola Hellenic и в филиалах в России. Также Департамент по труду и занятости города Москва разработал порядок стажировок выпускников учреждений профессионального образования на предприятиях в целях содействия их занятости.

Конечно, наибольшую пользу от прохождения практики и стажировки получает студент, поскольку это дает ему возможность применить теоретические знания в работе, получить опыт в выбранной области. Но работодатели тоже должны быть социально ответственными и участвовать в подготовке будущих специалистов.

Устюжин И.Б.

*Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина
Харьков, Украина*

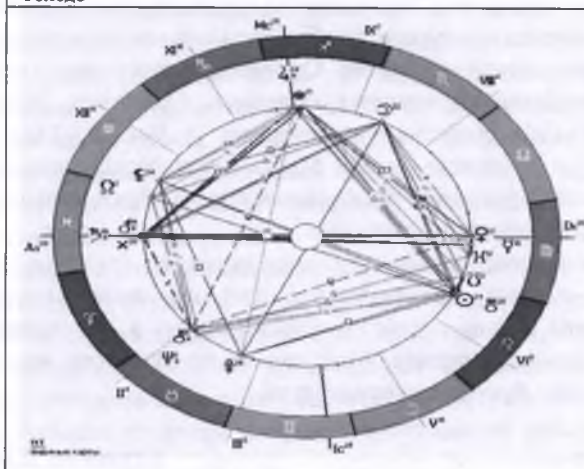
СОЗДАНИЕ ЧЕРУБИНЫ: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

Вы меня выдумали таким – я и стал им.
М. Волошин,
История моей души (1905) [5, 143].

Несмотря на обилие публикаций, посвященных Черубине де Габриак, «неверной кометой» («Cometa Astralis») пролетевшей над Петербургом в конце 1909 г., до конца невыясненным остается главный вопрос: какова роль и мотивы Максимилиана Волошина (1877 – 1932) в ее появлении? Рассказы вольных и невольных участников самой громкой мистификации в истории русской литературы XX века (С. Маковский, М. Волошин, Е. Дмитриева, А. Толстой, И. фон Гюнтер и др.) противоречивы, и, вероятно, предвзяты. На их фоне, как ни странно, самым правдивым может оказаться недооцененный исследователями портрет Черубины де Габриак, написанный Волошиным для второго номера «Аполлона» в якобы «полупародийной форме “гороскопа”» [10, 755]. «Гороскоп Черубины де Габриак» сопровождал первую публикацию стиховорений «инфанты» [4].

Черубина Георгиевна де Габриак, 15.08.1877, 20 ч. 11 мин,
Толедо

[14]

♈	23°01'48"	♈
♉	21°52'46"	♉
♊	15°47'16"	♊
♋	20°02'08"	♋
♌	18°12'35"	♌
♍	23°49'21"	♍
♎	18°44'45"	♎
♏	24°56'47"	♏
♐	7°33'47"	♐
♑	25°32'52"	♑
♒	4°24'36"	♒
♓	11°03'30"	♓
♈	1°37'34"	♈
♉	1°37'34"	♉
♊	23°53'45"	♊
♋	20°11'26"	♋
♌	18°34'34"	♌
♍	19°02'24"	♍
♎	3°08'42"	♎
♏	1°56'13"	♏
♐	24°09'09"	♐
♑	15°24'43"	♑
♒	10°45'56"	♒
♓	19°02'24"	♓
♈	3°08'42"	♈
♉	1°56'13"	♉
♊	24°09'09"	♊
♋	15°24'43"	♋
♌	10°45'56"	♌
♍	19°02'24"	♍
♎	3°08'42"	♎
♏	1°56'13"	♏
♐	24°09'09"	♐
♑	15°24'43"	♑
♒	10°45'56"	♒

Обилие помет в книгах по астрологии, хиромантии, магии, и оккультной ботанике в мастерской ДМВ свидетельствуют: поэт был убежден в том, что топография неба в момент рождения, рисунок на ладонях и текст жизни человека (а стихи – высшее его проявление) должны совпадать в своих главных чертах. Год рождения Черубины (1877), «состаривший» Е. Дмитриеву (1887-1928) на 10 лет, и анализ – «по правилам царственной науки» [4; 7] – расположения планет, отмеченных Волошиным в «Гороскопе Черубины де Габриак», подсказывают: «проектируя» Черубину, мастер «Великого Востока» мог преследовать как минимум три цели.

1. Подарить русской литературе невиданного дотолде поэта. «Мы сделали Черубину страстной католичкой, так как эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге. <...> Затем решили внести в стихи побольше Испании. <...> Кроме того, необходима была преступно-католическая [читай: эротическая – У.И. {*1}] любовь к Христу [6, 182-183]. К. Бальмонт призывал художников слова творить прекрасное по примеру оружейников древнего Толедо, умевших чудесным образом сочетать разнородные материалы [2]. Очевидно, что Волошин рискнул «сплавить» в Черубине, преимущественно, «свинец» и «медь» – антагонистичные (как верят астрологи) качества Сатурна и Венеры, к влияниям которых был чувствителен и сам.

2. Подарить хромой, кривоzubой, большоголовой – геенообразной – школьной учительнице «с некрасивым лицом и неустанно спрашивающими глазами» [12, 13], писавшей, по мнению Волошина, до

1909 г. «милые простые стихи» [6, 180], а после – «талантливые черновики» [12, 113], которые почти не печатали, новую идентичность и славу. «В этой молодой школьной девушке <...> жил нескромный, нешкольный, жестокий дар. <...> Жил внутри, один, сжирая и сжигая. Максимилиан Волошин этому дару дал землю {*2}, то есть поприще, этой безымянной – имя, этой обездоленной – судьбу» [13, 211]. «Когда-то феи собирались вокруг новорожденных принцесс и каждая клала в колыбель свои дары, которые были, в сущности, не больше, чем пожеланиями. <...> Какой же дар нам, феям – критикам, положить в колыбель этому подкинутому в храм Аполлона поэту? <...> Ей подобает только один – золотой, неверный и нерадостный дар – слава. Мы кладем его в колыбель Черубины де Габриак» [4] {*3}

3. Подарить себе после крайне болезненного разрыва с женой, «разочаровавшей» его с Вяч. Ивановым, «необыкновенную вещь: создать <...> такую женщину, которая была [бы] воплощением его идеала и которая в тоже время не могла [бы] его разочаровать, так как эта женщина была [бы] призраком» [6, 187]. Прецедент был – причем даже не в Вавилоне (р. Ханина и р. Хошайя), Праге (р. Лев) или Эберштадте (д-р Франкенштейн), а в любимой Волошиным Испании, давшей мировой культуре не только «учителя нашего дон Кихота», но и Зоар.

Еврейская легенда гласит, что андалусский поэт, мистик, и философ-неоплатоник ибн-Габироль (ок. 1022 – ок. 1058), тяготившись своим одиночеством, как-то из «дерева» создал девушку, прекрасную тем светом, который не проходит. Девушку увидел халиф и влюбился в нее, но та оказалась равнодушной к правителю. Халиф подумал: это из-за того, что она любит сочинителя и задумал казнить Габироля. Тогда Габироль признался халифу, что девушка эта – не человек и разобрал ее на части. Такого быть не могло, – комментирует Д. Соболев. Не могло потому, что философ даже под страхом смерти не способен разобрать на куски душу человека, которого любит. Не все созданное может быть разрушено. Габироль не просто создал женщину-голем. Он воплотил в ней «образ истины, образ света, образ своей любви» [11, 125].

Почти несомненно, что образом истины, света и любви для убежденного оккультиста Волошина была в 1909 г. Сара де Моперс – двадцатитрехлетняя красавица-аристократка, наследница крестоносцев, воспитанная в католическом монастыре, «самая мрачная из девушек», утверждавшая, что помнит, как соблазняла Ангелов, и что «все ласки других женщин не стоят ее жестокостей» [3]. Искушение не столько «поиграть», сколько «поиграть в призраки» [9, 172] с двадцатидвухлетней испанистской, которую в мае 1909 г. привез ему в такой похожий на Испанию Коктебель Гумилев, было, вероятно, слишком сильным. «Быть отдельным и мужским» Волошину было очень некомфортно. Дмитриева, возможно, понадобилась ему для того, чтобы проявилась и заговорила

Она – женская половинка Волошина, которую он так упорно искал в материальном мире «от Гималайских ступеней / До древних пристаней Европы», и в Андалусии – в том числе:

М. Волошин, Она (1909)	Ч. де Габриа, Ишу защиты в преддверьи храма (1909)
<...> Она забытый сон веков, В ней несовершенная надежды. Я шорох знал ее шагов И шелест чувствовал одежды. <...> Под гул молитв и дальний звон Склонялся в сладостном бессильи Пред ликом восковых Мадонн На знойных улицах Севильи. <...> Порой в чертах случайных лиц Ея улыбки пламя тлело, И кто-то звал со дна темниц, Из бездн прозрачного тела. ...	Ишу защиты в преддверьи храма Пред Богоматерью Всех Сокровищ, Пусть орифламма Твоя укроет от злых чудовищ ... Я прибежала из улиц шумных, Где бьют во мраке слепя крылья, Где ждут безумных Соблазны мира и вся Севилья. Но я слагаю Тебе к подножью Кинжал и веер, цветы, камеи – Во славу Божью... O Mater Dei, memento mei!

Эффект Черубины превзошел все ожидания, но после полугода «игры в призраки» «Лилия, которая всегда боялась призраков, была в ужасе. Ей казалось, что она встретит живую Черубину» – и та спросит у нее ответа» [6, 191].

Но беда или вина Волошина в том, что «суб-личность», которой поэт-теург «выдумал» гороскоп, удивительную биографию, имя и герб с толеданским девизом «Sin miedo», не была «разобрана», даже став причиной тяжелейшего нервного срыва Дмитриевой, выстрела – на поражение – в Волошина Гумилева и кончины И. Анненского, в последней своей статье признавшего: «пусть она – даже мираж <...>, я боюсь этой инфанты, этого папоротника, этой черной склоненной фигуры с веером около исповедалини, откуда маленькое ухо, розовея, внимает шепоту египетских губ»? [1, 29].

Литература

1. Анненский И. О современном лиризме. Оне // Аполлон. – 1909. – № 3 (декабрь). – С. 5-29.
2. Бальмонт К. Sin miedo // Бальмонт К. Избранное. – М. : Правда, 1991. – С. 162-163
3. Вилье де Лиль Адан Ф.-О. Аксель // Волошин М. Из литературного наследия. Вып. III. – СПб.: ДБ, 2003. – С. 10-108.
4. Волошин М. Гороскоп Черубины де Габриа // Аполлон. – 1909. – № 2 (ноябрь). – С. 1-4 (хроника).
5. Волошин М. История моей души. – М.: Аграф, 1999. – 478 с.
6. Волошин М. История Черубины (Рассказ М. Волошина в записи Т. Шанько) // Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник. – М.: Советский писатель, 1990. – С.179-194.

7. Лео А. Эзотерическая астрология, или астрология Нового времени. – Харьков: Оригинал, 1994. -221 с.

8. Купченко В. Труды и дни М.Волошина 1877 – 1916. – СПб. : Алетейя, 2002. -512с.

Майринк Г. Голем // Майринк Г. Голем. Вальпургиева ночь. – М.: Прометей, 1989. – С. 7-184.

9. Маковский С. Портреты современников // Серебряный век. Мемуары (сборник). – М.: Известия, 1990. – С. 111-176.

10. Мануйлов В. А. Гороскоп Черубины де Габриак // Волошин М. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988. – С. 755-760.

11. Соболев Д. Иерусалим. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

12. Черубина де Габриак. Письма 1908-1928 годов // Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. – Феодосия-Москва: Коктебель, 2009. – С. 13-166.

13. Цветаева М. Живое о Живом // Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 199 – 267.

14. Яшенин С., Казарин А. Sotis 3.11. Профессиональная астрологическая программа.

ПРИМЕЧАНИЯ

{*1} Луна в знаке Скорпиона, в доме VIII.

{*2} Сатурн в восхождении.

{*3} Юпитер в зените.

Фесенко В.В.

*Курский государственный университет
Курск, Россия*

ПЧЕЛОВОДСТВО И ЦЕРКОВЬ: РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

О существовании пчеловодства у древних народов известно давно. Устои жизни пчел базируются на незыблемых нравственных началах, библейских заповедях и моральных принципах. Интересно, что само происхождение пчелы часто окружено ореолом святости. В мифологии она выглядит как божественное существо, спутница и помощница бессмертных небожителей. Согласно же древнеегипетскому мифу, пчелы родились из слез солнечного бога Ра. В хеттской мифологии пчела изображается спасительницей мира от засухи [1]. Продукты пчеловодства в погребальных обрядах использовали древние скифы [2].

Многочисленные сведения о пчелах и пчеловодстве мы находим в Библии. «Пчела» по-древнееврейски – *debhora* (дебора). Это существительное используется и как женское имя. Так, кормилица Ревекки носит имя Девора (Дебора). Ученые подсчитали, что пчелы упоминаются в Библии четыре раза, мед – 54 раза. Последний рассматривается с точки зрения его функций – как полезная еда, целебное

лекарство, составная часть приятных напитков, подходящий подарок и ценная собственность [3].

Большое внимание пчеловодству уделялось и в Древней Иудее. Об обилии меда в этих землях написано во второй книге Моисеевой «Исход»: «И иду избавить еврейский народ из земли Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и просторную, где течет молоко и мед»... [4]

С принятием в 988 г. на Руси христианства в жизнь людей стали входить церковные праздники. В православном календаре почти каждый день отмечен именем какого-либо святого или важным событием. С такими днями крестьяне и стали связывать различные приметы или предсказания будущей погоды, основанные на длительных наблюдениях. Многие приметы относились к пчелам и занятию пчеловодством, а мед нередко использовали для приготовления обрядовых блюд. Так, к примеру, отмечая 7 января (25 декабря) – Рождество Христово, вся семья садилась за общий стол и ела из чаши кутью, которую подавали с медом и изюмом. 14 августа (1 августа) весь православный мир отмечает Медовый Спас, который также является праздником пчеловодов [5]. Отмечали также и именины покровителя пчеловодов, который приходился на 17 января (4 января).

Возникновение покровителей пчеловодства среди христианских святых, очевидно, произошло после разделения церкви на православную и католическую в XI в. У католиков покровителем пчеловодства являются святой Амвросий (Амбросий) – епископ Медиолана (Милана), живший в 340 – 397 гг. У православных – преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. В день преподобного Зосимы – 17/30 апреля приурочивалась выставка пчел из зимовников, а 2 октября, в день памяти Савватия, их убирали в погреба и, начиная с этого дня до 10 октября, отмечали пчелиную девятину, ежедневно потребляя мед. Девятина заканчивалась выпечкой печенья на меду. Кстати, к Зосиме и Савватию православные обращались с молитвами и просьбами о помощи при содержании пчел. Многие распространенные в народе заговоры заканчивались словами: «Божию помощью и преподобного Зосимы» [6].

Заметим, что в Соловецком монастыре что только в 1763 году появилось «десять ульев с пчелами». Здесь был разбит большой яблоневый и вишневый сад, и устроен пчельник. А в XIX в. вхождении монастыря появились воскобойный и свечной заводы [7].

Безусловно, русская православная церковь нуждалась в продукции пчеловодства, особенно в воске. Церковь активно обменивала его на дорогие импортные ткани, церковную утварь, золотые и серебряные изделия светского и церковного назначения. В это время в стране шел процесс возведения храмов и монастырей. Известно, например, что на Руси в конце XIII в. насчитывалось 120 (24) монастырей, из них – 99(24) городских и 21 – сельский.. И практически в каждом из них появились

пчельники. Так, сведения о наличии пасеки в Рыльском Свято-Троицком монастыре находим у Т.Н. Арцыбашевой [8]. Нами же обнаружены документы, подтверждающие существование в XVIII веке «пасеки со пчелами» при Курском Рождество Богородицком монастыре [9].

подавляющее количество пасек в Курской губернии находились в руках духовенства. Интересны высказывания священника-пчеловода Николая Невского из с. Уланка Суджанского уезда Курской губернии. На страницах «Курских епархиальных ведомостей» он дает «добрым и полезные советы» в деле пчеловодства, подчеркивая при этом его «нравственно-высокую пользу». Так, священник отмечал, что «в народе распространено поверье, что «пчелы страшно не любят и начинают жалить того, кто подходит к ним в пьяном виде» [10].

Примечательно, что священники-пчеловоды, прежде всего, прививали любовь к пчеловодству своим детям. И не удивительно, что в их семьях появлялись будущие пчеловоды-рационализаторы. Одним из них является П.И. Прокопович, известный всему миру как изобретатель первого рамочного улья (1814 г.), а также основателя первой в мире школы пчеловодства, из которой вышло много выдающихся пчеловодов, например, Федор Сухомлинов – автор одно из первых пособий по пчеловодству [11].

Из семьи священника происходил и изобретатель-курянин Владимир Иванович Ломакин, с именем которого связано создание технической базы рамочного пчеловодства и оснащение его новейшими механизмами, уровень которых был не ниже лучших мировых образцов. Ломакин известен русским пчеловодам как изобретатель медогонки оригинальной конструкции, дыма, а главное, вальцев для изготовления искусственной вошины. Интересно, что на Всемирной выставке в 1893 г. (г. Чикаго, США) продукцию мастерской Ломакина была отмечена золотой медалью и Почетным Дипломом [12].

Таким образом, мед и пчелы были известны еще в библейские времена. Добыча меда освящена церковной традицией, которая видела в бортническом промысле «благый труд во славу Божию». Поэтому многие священнослужители активно занимались пчеловодством, в котором признавали его высокую духовно-нравственную основу. Ведь окунувшись в пчелиный мир, человек улучшает свой нравственный облик и становится культурнее.

Литература

1. Пчела в мифологии // [Электронный ресурс]. url: mar4586.narod.ru/animals/other/bee.html (дата обращения: 16.02.2014).
2. Миронов В.Г. Скифское изобилие // Пчеловодство. – № 2. – 1970. – С. 17.

3. Астафьев Н. Библия о пчелах и меде // Пчеловодство. № 2. 2013. С. 68; Библия о пчелах и пчеловодстве // Светь. № 5. 2012 // [Электронный ресурс]. url: ru.pravoslavie.bg/?p=4491 (дата обращения: 16.02.2014).
4. Астафьев Н. Пчеловодство. – № 10. – 2009. – С. 57.
5. Амвросий Медиоланский // [Электронный ресурс]. url: wikipedia.org/wiki (дата обращения: 2. 04. 14).
6. Гробов О.Ф. Зосима и Савватий Соловецкие – покровители и защитники русских пчел // Пчеловодство. – № 9. – 1993 // [Электронный ресурс]. url: solovki.ca/nature/solovki_bees.php (дата обращения: 16.02.2014).
7. История возникновения монастырей в 10-13 веках Киевской Руси // [Электронный ресурс]. URL: 2fj.ru/istoriya/istoriya..._monastyrej_v.php (дата обращения: 16.02.2014).
8. Арцыбашева Т.Н. Рьльский Свято-Николаевский монастырь // Курск дореволюционный. Монастырская культура // [Электронный ресурс]. url: old-kursk.ru/book/amk/a014.html (дата обращения: 16.02.2014).
9. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 5.
10. Невский Н.О пользе пчеловодства // Курские епархиальные ведомости. – № 42. – 1893. – С. 964–968.
11. Некрасов В.Ю. Пчеловодная школа П.И. Прокоповича // Пчеловодство. – № 10. – 1953. – С. 39–40.
12. Салтык Г.А. Выдающийся российский пчеловод – конструктор родом из Курской губернии // Личность в истории Курского края: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной празднованию Года российской истории / под ред. В.Л. Богданова. – Курск, 2012. – С. 96–101.

Фомичев Н.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ «ДОБРОВОЛЬЦЕВ» И ЭКСПОРТА ВООРУЖЕНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1939 ГГ.) ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

В работе сделана попытка исследования степени участия прессы в формировании общественного мнения на примере Великобритании 1930-х гг. Источниковой базой выступают более 2500 статей и заметок в 12 британских изданиях 1936-1939 гг.

Формирование внешнеполитического курса «невмешательства» применительно к Великобритании можно отнести к концу июля 1936 г. По мнению корреспондента газеты, эта политика была вызвана стремлением не допустить расширения и углубления кризиса в Испании. [*Times*. 1936. 6 Aug.].

Международной организацией, координирующей соблюдение условий соглашения о невмешательстве стал Комитет по невмешательству в дела Испании (далее КПН). В Комитет входило 27 стран (все государства Европы за исключением Швейцарии). Основная дипломатическая борьба на заседаниях Комитета и Подкомитета разгорелась между СССР с одной стороны (прореспубликанская позиция) и Германией и Италией с другой (профранкистские силы). Великобритания заняла позицию «строгого нейтралитета», что на деле означало «душение» Испанской Республики. [2, 22]

С 15 сентября 1936 г. работал т.н. Подкомитет, который должен был заниматься вопросами «технического» характера. В него вошли 9 государств (Англия, СССР, Франция, Португалия, Италия, Германия, Швеция, Бельгия и Чехословакия). По свидетельству представителя СССР в Комитете И. Майского Подкомитет, по существу, подменял собой пленумы КПН, основные проблемы обсуждались лишь в этом «узком кругу»[1, 28].

Первоначально Национальный кабинет Болдуина (июнь 1935-май 1937) по сообщению *Manchester Guardian* не намеревался полностью запрещать экспорт оружия в Испанию, понимая, что правительство Испанской Республики выступало полноправным субъектом международного права, а также учитывая коммерческую убыточность подобных мер [*Manchester Guardian*. 1936. 1 Aug.]. Возникла идея, экспорта вооружения через частные фирмы [*News Chronicle*. 1936. 3 Aug.].

Но уже 20 августа 1936 г. в прессе был опубликован закон о прекращении продажи оружия и снаряжения в Испанию. В тексте документа были перечислены виды продукции военного назначения, запрещенной к перевозке из Великобритании (список включал в себя даже спортивное и антикварное оружие). [*Times*. 1936. 20 Aug.].

Крупнейшим осуществленным мероприятием КПН стало осуществление плана по предотвращению проникновения на территорию Испании иностранных добровольцев и позже – по выводу иностранных комбатантов. Первоначальный план полного запрета на въезд добровольцев в Испанию был обнародован 12 ноября 1936 г. И предполагал направление в порты Испании инспекторов, которые должны были осуществлять контроль за этим. [*Daily Express*. 1936. 14 Nov.].

К началу 1937 г. в мировом общественном мнении утвердилось понимание невмешательства как политики неэффективной и не отвечающей заявленным целям. Первоначально англо-французкая дипломатия предлагала план патрулирования границ Испании силами 6 держав (Англия, Франция, Германия, Италия, СССР, Португалия) с согласия Комитета[*Times*. 1936. 31 Dec.] Об этой «рабочей схеме» писал и либеральный *Observer*[*Observer*. 1937. 21 Feb.]. Оценки перспектив этой

схемы были полярными: от положительных в *Times* до резко негативных в *Manchester Guardian* и *Daily Worker*.

Схема контроля стала работать на четырехсторонней основе (без СССР и Португалии) с 5 мая 1937 г. Частично этот план был введен в действие с 19 апреля 1937 г., по данным *Contemporary Review* с 6-7 марта 1937 г.). [*Daily Herald*. 1937. 16 Apr.; *Contemporary Review*. 1937. 12 Mar.]. Германия и Италия летом 1937 г. временно отказывались от совместного патрулирования, инспекторы в своей работе часто сталкивались с непреодолимыми трудностями юридического характера, становились жертвами авианалетов в ходе военных действий. В целом, механизм контроля, активно критиковавшийся в левой прессе показал свою неэффективность. [*Daily Worker*. 1937. 18 Oct.]. Следующим важным вопросом стал вывод иностранных войск, сражающихся в Испании. Проблема имела большое военное и политическое значение (по данным министра иностранных дел Франции на стороне испанских националистов сражались 70-80 тыс., а на стороне Республики 25 тыс. иностранцев). [*Daily Herald*. 1937. 15 Mar.]. На 76-м заседании Подкомитета (в декабре 1937 г.) было принято решение учредить 2 комиссии, которые будут следить за выводом добровольцев. [*Daily Telegraph*. 1938. 5 Jul.]. Летом 1938 г. республиканское правительство дало принципиальное согласие на вывод иностранцев (для Республики – прежде всего, интербригадовцев). Однако правительство националистов не делало ответных шагов. Вопрос обсуждался в марте-апреле 1939 г. (*Times* повествовала о предложении создание инспекций 4-х типов для вывода добровольцев). До окончания гражданской войны проблема так и не была решена.

В целом, можно отметить, что максимальное количество «проправительственных» заметок публиковалось в *Times*, *Daily Sketch*, а также с известными оговорками в *Daily Telegraph*, *Daily Mail*. Также необходимо заметить и ровное отношение *Times* к полной бездеятельности КПН в период гражданской войны в Испании. Цель информационной политики этих газет сводился к представлению невмешательства как политики национальных интересов Соединенного Королевства («третьего радующегося» по выражению автора в *Daily Mail*). *Manchester Guardian*, *Daily Herald*, *Daily Worker*, *Contemporary Review* в ряде аналитических статей не принимали линию невмешательства, однако первоначально и они выступали за меры правительства по «прекращению испанской братоубийственной войны». Часто можно было видеть образ невмешательства как свидетельства «кризиса Лиги Наций и всего европейского порядка» [*Manchester Guardian*. 1938. 18 Jan.].

Литература

1. Майский И. Испанские тетради. – М.: Воениздат, 1962. – 200 с.
2. Edwards J. The British Government and the Spanish Civil War 1936-1939, L., Macmillan Ltd., 1979., 280 p.

Хотина В.А.
научный руководитель Сямина О.В.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

УСАДЕБНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Несмотря на утраты многих исторических ценностей отечественной культуры в XX веке, старинные усадьбы и сегодня занимают важное место в культурном ландшафте России. По данным национального фонда "Возрождение русской усадьбы" (2007 г.) на территории страны находится около 7000 усадеб, являющихся памятниками истории и архитектуры. Часть этих усадеб восстановлена и существует сегодня в качестве музеев, медицинских, образовательных учреждений и др. Так, например, в Белгородской области после реставрации в 2013 г. открылся музей-усадьба декабриста В. Раевского, под Курском действует санаторий «Марьино», находящийся в усадьбе князей Барятинских и др. Весьма прискорбно, но около 2/3 усадебного наследия находится в плачевном состоянии и требует принятия незамедлительных мер по его спасению. Задача нашего времени – не только архитектурное возрождение памятников, но и обеспечение их функционирования в современном социокультурном пространстве.

Следует отметить положительную динамику, наметившуюся за последние годы в сфере возрождения отечественного усадебного наследия. В решении этой проблемы объединяют усилия государство, общественные организации, коммерческие структуры. Можно отметить деятельность некоторых из них.

Центральная роль в изучении и популяризации усадебного наследия сегодня принадлежит воссозданному в 1992 г. «Обществу изучения русской усадьбы». ОИРУ проводятся регулярные научные семинары, конференции, организуются экспедиции, с 1994 г. издается ежегодный сборник "Русская усадьба", отражающий результаты новых исследований и хронику деятельности объединения. Под грифом Общества издаются книги по усадебной тематике. Общество изучения русской усадьбы поддерживает деятельность музеев-усадоб, устраивает выставки по истории и современному состоянию усадеб, в том числе фотовыставки.

С целью поиска практических путей восстановления «родовых гнезд», привлечения внимания к проблеме усадебного наследия в России сегодня создаются различные фонды. Самый значительный из них – Национальный фонд «Возрождение русской усадьбы», который ведет

систематические исследования состояния исторических усадебных комплексов и разработку проектов по вовлечению их в хозяйственную и социально-культурную инфраструктуру. Фонд развивает контакты с международными организациями, занимающимися изучением и сохранением культурного наследия.

Сегодня активно обсуждаются различные аспекты проблемы участия частных лиц и структур в восстановлении усадеб. Уже есть положительный опыт использования частных инвестиций. Так с ноября 2013 г. стартовал проект «Ренессанс русской усадьбы» под руководством казанского бизнесмена А. Семина. На данный момент в рамках проекта идет реставрация трех практически заброшенных усадеб с богатой историей: усадьба В. Агина, Черкизово (владение князей Черкасских), Пушино-на-Наре (владение князей Вяземских);

Весьма значительной является роль современных медийных средств в привлечении внимания к проблеме усадебного наследия. Существуют десятки различных сайтов на эту тему. Отметим, что на запрос «восстановление русской усадьбы» поисковая система Google выдает 810000 страниц. Стоит отметить, что все выше перечисленные организации имеют свои личные сайты или страницы в мировых социальных сетях. Тема усадьбы получает сегодня отражение на страницах многих печатных изданий, в том числе периодических: «Наше наследие», «Родина», «Жизнь в усадьбе», «Русская усадьба», «АСД» (Архитектура, строительство, дизайн), «Дворянский вестник» и др.

Восстановление усадебного наследия – важная задача не только деятелей культуры, но и всего общества. Без прошлого не может состояться настоящее, поэтому так важно не только восстановить архитектуру усадебных комплексов, но и создать условия для возрождения жизни усадьбы в современных социокультурных условиях.

Чернецов И.Е.

научный руководитель Бросова Н.З.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ЛЮДИ, – КОНЦЕПЦИЯ РОЖЕ КАЙУА

Исследование игры как феномена берет свое начало у Й. Хейзинга: в своей работе автор представляет игровую деятельность как важнейший компонент в развитии цивилизации, дает анализ некоторых фундаментальных черт игры, определяет природу игры. Он же впервые выделяет игровой элемент в каждой общественной структуре.

Французский исследователь Роже Кайуа развивает идеи нидерландского философа; но, соглашаясь во многом с его позицией, указывает на существенный момент, пренебрежение автором, как чем-то второстепенным, описанием и классификацией игр, на трактовку их у Хейзинги в таком ключе, «как будто все они отвечают одинаковым потребностям и выражают одно и то же психологическое настроение» [1, 43]. Р. Кайуа дает классификацию игр в зависимости от преобладания в них состязательности, случайности, симуляции и головокружения, предлагая разделить их на четыре основных типа:

1. *Agon* (от греч. – борьба) представляют собой состязание: таковы большинство спортивных игр: футбол, шахматы, бильярд, а также викторины и игры «на руках» (например, «камень, ножницы, бумага»). Суть в том, чтобы победить противника в честном состязании по четким правилам. К формам *agon* относятся и такие, на первый взгляд, неигровые отношения, как коммерческая конкуренция, конкурсы и экзамены, распространенная в самых разных официальных институтах, судебные процессы. Каждая из игровых форм имеет свои искаженные, негативные ипостаси – выходит за рамки установленных норм: в первом типе это бойцовская жестокость, хитрости.

2. *Alea* (от греч. – жребий) основываются на случайном выборе, игроки опираются на удачу, определяют выбор судьбой: примером служат рулетка, лотерея, игра в кости, карты. Примечательно то, что игровой риск порождает своеобразное измененное состояние сознания – транс, и зависимость от этого транса – одна из немногих, официально терпимых обществом [2]. *Примеры alea есть и в повседневной жизни*: принять решение, бросив монету, заключение пари, вера в «счастливый» билет, пасьянсы и многое другое. Биржевые спекуляции по Р. Кайуа – институционализируемая форма этого типа игры. Негативная ипостась этого вида игры – суеверия, гадалки, ясновидящие и прочее.

3. *Mimicry* (от лат. – подражание) – игры, в основу которых положено воспроизведение различных типов человеческой деятельности: театр, балет, маскарад. Главным компонентом этого типа является симуляция, создание и принятие фиктивного мира, выполнение роли. Из мимикрии выросли все современные виды искусства. На общественно-институциональном уровне этому соответствует этикет, церемониал, униформа. Искаженная сторона здесь может проявляться вразного рода отчуждении, «раздвоении личности».

4. *Pinx* (от греч. – головокружение): игры, вызывающие органическое состояние смущения и расстройтва, частичную потерю разума (*confusion, desartoi*): «волчок», американские горки, карусели, качели) [1, 50-51]. Смесь страха и транса, лежащая в основе любого удовольствия – продуцируется в них в самом чистом виде. «Вырожденные» формы *Pinx* – алкоголизм, наркомания.

Кроме этих обозначений, исследователь вводит понятие полюсов игры, дополняющих типологию и противоположных друг другу:

- *paidia* – игры, тяготеющие к принципу развлечения, шалости, вольной импровизации, беспечности, в которых проявляется неконтролируемая фантазия;

- *ludus* – игры, в которых действует тенденция дисциплинированности, а также сила, обратная анархической природе, в которых прослеживается растущая потребность подчинять игру императивным конвенциям, затрудняющим достижение результата.

Вопрос об отнесении того или иного игрового действия к типологии, предложенной Р. Кайуа, с одной стороны, достаточно определен, а с другой – спорен. Сам автор указывает, что невозможно строго соотнести все существующие игры по представленным четырем секторам, некоторые игры попадают сразу в несколько. Однако исследователю удалось наглядно показать, какие принципиальные различия таят в себе примеры игр из разных классов. Р.Кайуа также не разделяет игры на детские и взрослые и прибегает к аналогиям из мира животных и насекомых, подчеркивая принцип предложенной классификации. Таким образом, в один класс попадают, как игры мимолетные, затеваемые одним индивидом, так и продолжительные, которым предшествует большая подготовка, и игровая среда создается многими людьми. Последние в реальности не являются игроками, а фактически исполняют свою работу – обслуживают игровой процесс.

Несомненное новаторство автора, создавшего собственную оригинальную классификацию игр, проявляется и в том, что он подчеркивал экономическое своеобразие этих игровых практик, которые противостояли послевоенному потребительскому ажиотажу: в ходе игры собственность подлежала обмену, но при этом не производилось никаких товаров. Тем самым игра отличалась от творческого процесса, поскольку творчество все же предполагает некое художественное творение. Игра, как замечает Р. Кайуа, является чистой «тратой»: расходом времени, энергии или денег.

Р. Кайуа утверждает, что именно овладение тягой к маскированию и экстазу сделало возможным возникновение цивилизации: «Сила такого волшебства представляется непобедимой, и ничего удивительного, что на избавление от ее миража человеку потребовались тысячелетия. При этом он достиг того, что обычно называют цивилизацией» [1, 100]. *Mimicry* и *ilinx*, взятые под контроль, более не мешали перевороту в условиях человеческой жизни: мир маски и экстаза был заменен миром заслуг и удачи. Самоубийственные влечения были локализованы и видоизменены таким образом, что сами стали служить институту контроля: «На место маски из обществ, практиковавших головокружение, в цивилизованном обществе приходит униформа» [1, 149].

Однако смена игровых приоритетов не может долго сохраняться без деятельного участия самого человека. Р.Кайуа подчеркивает возможность соскальзывания человечества в пропасть губительных инстинктов, предупреждая о вечно актуальной опасности таких движущих сил игры, как экстаз и мимикрия: «...их захватывающая сила остается достаточно мощной, чтобы они могли в любой момент увлечь толпу в какое-нибудь чудовищное неистовство. История дает тому достаточно поразительных и страшных примеров, начиная с крестовых походов детей в средние века и вплоть до искусно оркестрированного головокружения Нюрнбергских съездов во времена «третьего рейха» [1, 145].

Литература

1. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
2. Сосланд А. Человек и его игра / «Знание-сила», 2008 г., № 5, с. 57-59.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

Чижова Е.Н.

*Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова*

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Традиционно капитал понимается как ценность (вложения), приносящая доход. К настоящему моменту понятие капитала дифференцировалось, обозначились, его новые формы, которые подтвердили неразрывность факторов хозяйственной деятельности. Особенно это касается всего связанного с человеком, – его знаний, компетенций, здоровья, профессионализма, ценностей, верований, взаимного доверия, коммуникабельности, сплоченности и т.д. Таким образом в теории свое место занял человеческий капитал, который в значительной мере отражает индивидуальные особенности человека, и социальный капитал, который отражает наличие и действие социума – группы людей, определенного сообщества. Теория и практика показали, что результаты функционирования социального капитала, выходят далеко за чисто социальные, а напрямую определяют величину получаемого дохода. Следовательно, социальный капитал имеет и экономический характер.

Социальный капитал касается связей между людьми – социальных сетей, норм взаимодействия и доверия, возникающих в таких отношениях, это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами. Развитие теории

социального капитала связано со множеством вопросов. Формируется ли он самостоятельно, без принуждения извне? Как быстро может материализоваться отдача от социального капитала? Имеется ли прямая связь между величиной социального капитала всегда положительным экономическим эффектом? Всегда ли эффективно работает государство, если в нем достаточно социального капитала? Можно ли социальный капитал считать экономическим ресурсом? Всегда ли эффекты открытого социального капитала более полезны, нежели закрытого? Как национальная (гражданская) культура способствует формированию и росту социального капитала? Эти вопросы еще ждут ответов.

Шаркунова А.Б.,
научный руководитель Сямина О.В.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СИЛА ПРОСТОТЫ. ИМЕНИЕ НЕСКУЧНОЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ З.Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Творчество Зинаиды Евгеньевны Серебряковой (Лансере) – одно из наиболее значительных явлений русской и мировой культуры XX века. Ее искусство привлекает удивительной гармоничностью, той глубинной простотой и «самородной подлинностью», о которой писал М. Хайдеггер. В своем эссе «Проселок» немецкий мыслитель говорит о том, что все истинное рождается лишь тогда, когда «человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес и хорониться под защитой несущей его на себе земли». Сквозь призму этой идеи можно лучше осмыслить истоки столь притягательной силы таланта художницы.

Особенности художественного мировоззрения З.Е. Серебряковой раскрывает анализ связи ее творчества с усадьбой Нескучное, в которой она родилась (12 декабря 1884 г.) и провела значительную часть своей жизни, пережив самые счастливые и горькие события уготованные судьбой. Имение Нескучное находилось в Курской (ныне Харьковской) губернии и принадлежало ее родителям – представителям двух известных художественных родов Лансере-Бенуа. Дом с колоннами окружал огромный сад с липовыми и фруктовыми деревьями. Рядом протекала речка Муромка. За оградой фамильной церкви находилась могила отца – Е.А. Лансере, выдающегося скульптора. Имение окружали поля с уходящими за горизонт проселочными дорогами, по которым отправлялись на торг в Харьков и возвращались обратно крестьяне. Впечатления от природы, размеренный ритм крестьянского труда, а также атмосфера семьи, связанной с классическими традициями европейского и

русского искусства, формировали нравственно-эстетические установки художницы и определили дух ее творчества.

В докладе анализируются произведения Зинаиды Серебряковой, непосредственно связанные с именем Нескучное: «За туалетом» (1909), «Жатва» (1915), «Крестьяне» (1915), «Купальщица» (1911), «Беление холста» (1917), ряд пейзажей и натюрмортов.

Дальнейшее изучение творчества З.Е. Серебряковой в предложенном аспекте будет способствовать не только более глубокому пониманию художественно-образного смысла произведений замечательного мастера, но и раскроет важные страницы в истории региональной культуры.

Шведова И.В.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НАРОДНОГО КОСТЮМА: ВНЕВРЕМЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ВИЗУАЛЬНАЯ КОНКРЕТНОСТЬ

Энтропийные процессы и процессы распада, свойственные любому жизненному явлению, дают себя знать в событиях культурной истории. Индивидуализация личного бытия и ценностных критериев существования в эпоху постмодерна способствовала формализации коммуникативных взаимосвязей со средой, утрате ощущения ее целостного единства. В настоящее время, наряду с разрушительными тенденциями XX столетия, идет подспудное формирование новых интегративных свойств для перехода культуры с одного исторического уровня целостности на другой. Аналогии возможны; именно так происходило на рубеже XX в., от его начала с крахом старых общественных систем и далее, в уже относительно мирное время: достаточно вспомнить «наивное искусство» русских примитивистов, поиски Понт-Авенской школы Гогена [2], этнофутуристические поиски [1] от 1980-90-х, стремление к синкретизму современных арт-практик. Наконец, это последствия бунта хиппи 1970-х, открывшие молодежную направленность и свободу этнической моды вкупе с массовым творчеством *hand made*, перекочевавшим в XXI век.

Достаточно четким индикатором кризисных периодов становится обращение профессионального искусства к народным корням. «Убеждения, питаемые народом и имеющие нередко безмерную силу, относятся только к тому, как следует жить и что следует делать,» [7, 275]

– отмечал еще Н.Н. Страхов, размышляя о природе народной мудрости, никогда не претендовавшей ни на какую научность своего знания. Но если задуматься, сколько заложено в этом «только», то знание «как жить и что следует делать» составляет главные точки опоры народного бытия. Вневременные ценностно-мировоззренческие компоненты исторически сохраняются в символических структурах народной культуры, выразивших присущую еще первобытному мышлению идею «кровного родства» мира и человека, их взаимосвязь и выраженное языком символов представление одного через другое. Графически основы его выражают элементарные, первичные, глобальные знаки: круг, квадрат и крест. Как символы-формулы они постигались не путем абстрагирования, как это происходит в современной науке, – а в силу синкретичности, предметности, тождественности древнего мышления в виде реальных, доступных ему в окружающем мире представлений, конгениальных вселенским.

Крест – древнейший сакральный знак, символ идеи центра, пространственного порядка, пересечения и взаимосвязи верха и низа, правого и левого. В комбинации с кругом крест составляет одну из самых законченных графических формул: в этом случае на него накладывается архетип Мирового Древа, человека с раскинутыми руками, как живой модели мира и системы координат.

Круг представляет вечность, круговорот бытия и времени, задает ассоциативные связи с небесными светилами, понятиями совершенства (Бог, Космос, Солнце, Луна, небеса), с различными их аспектами.

Квадрат символизирует культурное творчество человека, преобразующего природу, связь с идеей места обитания и пропитания, возделывания, почвы. То, что фигура не имеет аналога в природе, подчеркивает ее производность, взаимосвязь с человеческой деятельностью. Черный супрематический квадрат, противопоставленный в искусстве солнечному кругу и ставший для него своеобразной победой «активного человеческого творчества над пассивной формой природы» [3], тоже неслучайно возник в личностно-авторском понимании значения этих праэлементов. В разных комбинациях с крестом и кругом квадрат задает базовые пиктографические формулы для прочтения языка, выразившего систему традиционного народного мировоззрения в предметах культуры и быта.

Обращение к традиции в народном искусстве, если только это не есть простое копирование традиционного, дает содержательные результаты, поскольку изобразительная часть здесь всегда стремится соединиться с мировоззренческим началом.

Этника в конце своего путешествия через XIX-XXI в. вышла на величайший простор культурного многообразия. В массе своей сегодня

картина достаточно пестра: чисто внешнее следование традиционным формам и приемам зачастую сочетается с эффектной современной подачей на модных подиумах, глубокое изучение символики и канонов традиции – с явным закрепощением в рамках устарелых форм, с недостатком ощущения тенденций и творческого образа современника. Одной из проблем является недостаток теоретического материала на местах при пока имеющемся обилии фактологического. Как, например, в шедеврах костюмных комплексов Белгородского региона, с XVI века собиравшего на южном порубежье Российского государства представителей множества его областей. Это настоящий заповедник русского костюма, в особенности женского [4]: великолепная геометрия орнамента южнорусской черноузорной вышивки с золотным шитьем элитных рубах иллюстрирует и космологическую основу, и зашифрованные метафоры русской сказки; отчетливо просматривается влияние украинского приграничья, наводнившего традиционное поле узора растительно-цветочными мотивами, позднейшие стилизации «под народное».

Геометрические знаки-символы, в их исконной смысловой заданности, сохраняют свое начертание во времени. Из раннеземледельческих и культовых календарей, благодаря десемантизации, они переходят и в христианское средневековье, появляясь в церковном шитье и осмысливаясь в соответствии с новым мировоззрением [5]. Их основополагающие смысловые аспекты представляют визуально бесспорную форму для современного философского опыта и великолепную графическую основу для опыта художественного, который культура, как символическая Вселенная и «третья система» [6] человека, заключает и аккумулирует в себе.

Литература

1. Великие художники. Гоген. – М.: «Директ-Медиа», 2009. Т.8 -48 с.
2. Розенберг, Н.А., Плеханова, Е.О. Этнофутуризм и этническая идентификация в искусстве России конца XIX – начала XX в. // Современные трансформации российской культуры. – М.: Наука, 2005. – 281 с.
3. Великие художники. Малевич. – М., «Директ-Медиа», 2009. Т.85. – С.23
4. Чижикова, Л.Н. Русско-украинское пограничье. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
5. Казарина, В. Культовые знаки в народной вышивке // Народное творчество. – 2007. – №4. – С. 32-35.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. 3 т. – М.-Спб.: Университетская книга, 2002. – 270 с.
7. Страхов Н.Н. Мир как целое. – М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007.

КЛАССИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЧИСЕЛ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИКИ

Теория чисел занимается изучением свойств целых чисел.

Замечательный английский математик Г.Х. Харди утверждал, «элементарную теорию чисел следует считать одним из лучших предметов для первоначального математического образования. Она требует очень мало предварительных знаний, а предмет ее понятен и близок; методы рассуждений, принимаемые ею, просты, общи и немногочисленны; среди математических наук нет равной ей в обращении к естественной человеческой любознательности».

Действительно, многие вопросы ставятся настолько конкретно, что обычно допускают «экспериментальную» числовую проверку; многие достаточно глубокие проблемы допускают наглядную интерпретацию. К тому же элементарная теория чисел наилучшим образом сочетает дедуктивное и интуитивное, что весьма важно в преподавании математики.

В теории чисел в процессе ее развития возникали и решались многие задачи:

- решение диофантовых (неопределенных) уравнений, то есть решение в целых числах уравнений, в которых число неизвестных больше числа уравнений;
- диофантовы приближения, где рассматриваются приближения действительных чисел рациональными;
- вопросы распределения простых чисел в натуральном ряду и других числовых последовательностях;
- аддитивные проблемы разложения целых больших чисел на слагаемые определенного вида;
- алгоритмические проблемы (криптография), которые в настоящее время получают наиболее активное развитие в математической науке, поскольку имеют огромное прикладное значение как основа теории защиты информации.

Основные результаты теории чисел носят фундаментальный характер, и на современном этапе развитие этой науки базируется на двух направлениях:

- совершенствовании имеющихся методов с точки зрения решения конкретной задачи;

– улучшении полученных результатов посредством введения дополнительных условий на исходные данные проблемы.

Аналитическая теория чисел применяет средства математического анализа, теории функций действительного и комплексного переменных, теорию рядов, теорию вероятностей и другие разделы математики. Основоположителем этого направления является великий петербургский академик Л. Эйлер (1707-1783).

Одной из классических задач аналитической теории чисел является проблема распределения простых чисел в арифметических прогрессиях.

Пусть при l и D – взаимно простых $\pi(X, D, l)$ означает число простых чисел, не превосходящих X и сравнимых с l по модулю D . Известна следующая асимптотическая формула, справедливая при $D \leq (\ln X)^4$, $A > 0$, $c = c(A) > 0$ – константы:

$$\pi(X, D, l) = \frac{LiX}{\varphi(D)} + O\left(Xe^{-c\sqrt{\ln X}}\right),$$

которая известна в литературе как формула Зигеля-Вальфиша.

Специальный вид разности $D = p_0^m$, $p_0 \geq 3$ – фиксированное простое число, позволяет получить асимптотическую формулу для $\pi(X, D, l)$ при гораздо больших D . Результаты решения данной задачи математиками базировались на применении средств комплексного анализа.

Нам удалось методами элементарной теории чисел улучшить остаточный член асимптотической формулы для числа простых чисел, лежащих в арифметической прогрессии с разностью указанного вида.

При l и D – взаимно простых, $D = p_0^m \leq X^{3/8} e^{-(\ln \ln X)^2}$ справедлива формула:

$$\pi(X, D, l) = \frac{LiX}{\varphi(D)} + O\left(\frac{X}{\varphi(D)} e^{-\phi(\ln \ln X)^2}\right),$$

где $0 < \phi < 1$ – константа.

Таким образом, классическая задача аналитической теории чисел получила улучшение и в методике, и в формульном результате.

В настоящее время классические задачи теории чисел могут находить свое применение в теории телефонных сетей (кабелей), в кристаллографии, при решении некоторых задач теории приближенных вычислений.

Литература

1. Бухштаб А.А. Теория чисел. – М.: Просвещение, 1966. 384 с.

2. Виноградов И. М. Основы теории чисел. — Москва-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2003. 176 с.
3. Карацуба А.А. Основы аналитической теории чисел. — М.: Наука, 2004. — 184 с.
4. Нестеренко Ю. В. Теория чисел: учебник для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.

Шевченко Д.С.,
научный руководитель Кривец А.П.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

АПОЛИТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ – ЗЛАЯ СТОРОНА СОВРЕМЕННОСТИ

Лень – двигатель прогресса. Возможно, что автор данного высказывания слегка заблуждается, ведь к политике это точно не относится. Президент сам не вступит на должность, а референдум не будет назначен, если не будет предпринят целый ряд политических решений и действий. Причем не только и не столько со стороны властных структур, сколько со стороны самих граждан. В данной работе нами будет рассмотрена весьма актуальная, можно сказать, «топовая» проблема – пассивность российской молодежи. Бытует мнение, что нашу молодежь уже давно ничего не интересует кроме гаджетов, интернета и прочей современной «ерунды». Книги, театр, классическая музыка – это не входит в круг молодежных интересов, не говоря уже о политике.

Так ли это на самом деле? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нами было проведено небольшое исследование с применением метода анкетирования, давшее весьма неожиданные результаты.

В опросе участвовали представители молодежи трех возрастных групп:

1-я группа – с 15 до 18 лет;

2-я группа – 19-22года;

3-я – 23-25 лет.

Вопросы участникам опроса формулировались с учетом имеющихся у них знаний, полученных в средней школе или в высшем учебном заведении.

Результаты опроса позволяют сделать следующие выводы.

Молодежь, относящаяся к первой группе опрошенных, не знает, как полностью называется страна, в которой она проживает; она не в курсе, какое политическое устройство в нашей стране, какой политический режим. Большинство представителей данной группы не смогли ответить на вопрос «На какой срок полномочий избирается

Президент Российской Федерации?». И это при том, что в школе все опрошенные изучали дисциплину «Обществознание», включающую циклы «Политология», «Культурология» и др.

Во второй группе ситуация более радужная. Кто сейчас является Президентом России, представители данной группы молодежи знают, имеют представление о политических партиях, но вот о том, что такое органы местного самоуправления, имеют весьма приблизительное представление или вообще не имеют. Никто из опрошенных не смог назвать депутатов местного органа власти, за которых они голосовали, хотя, казалось бы, именно на уровне муниципального образования молодежь должна быть более осведомлена о политических событиях, связанных с выборами и деятельностью органов местного самоуправления.

Третья группа – это молодые люди, уже имеющие определенные знания и опыт, что сказалось и на результатах опроса (диаграмма.) Они ориентируются в политической обстановке страны, имеют свое мнение относительно государственной власти, активно высказываются о решениях, принимаемых нынешним руководством страны, подвергают критике местные власти, переживают за свое Отечество и гордятся им.

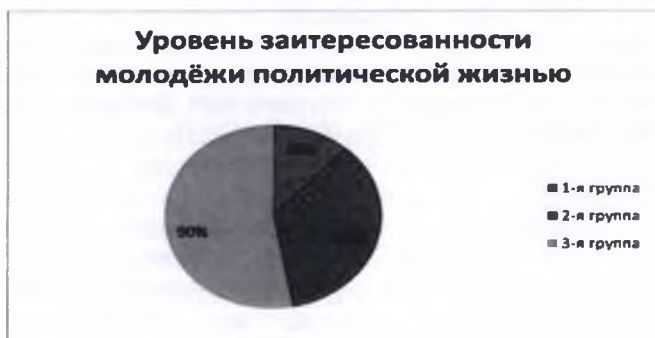

Рис. Уровень заинтересованности молодежи политической жизни

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод, что российская молодежь не так уж и пассивна. В большей степени это относится к молодежи в возрасте от 18 до 22 лет. Именно представители этой группы не интересуются или демонстрируют малую заинтересованность политической жизнью нашей страны. Молодые люди именно этой группы апатичны, и не понимают, что их бездействие может породить достаточно серьезные последствия в политике. Не интересуясь политикой, будущее нашей страны в лице молодого поколения легкомысленно относится к такой серьезной проблеме, как

аполитичность. Что же мешает молодым людям участвовать в политической жизни страны? Эти вопросы волнуют многих. В частности, Е.Л. Шарлыков в своей научной работе «Причины аполитичности молодежи в Российском обществе» выделил, на наш взгляд, главные причины: [1, 117].

- 1) Нехватка знаний о политической культуре.
- 2) Правовая неграмотность.
- 3) Особенности ценностных ориентаций молодежи.
- 4) Психологический подуровень.
- 5) Отсутствие лидеров, ориентиров молодого поколения.
- 6) Глобализация, космополитизм.
- 7) Негативы в жизни общества: коррупция, бюрократизм, местничество и так далее.
- 8) Неэффективная молодежная политика государства.

Если мы постараемся исправить данные причины, то ситуация резко изменится, а следовательно измениться и ситуация в стране. Мы избавимся от «безграмотной», неосведомленной политической жизнью молодежи и получим активное молодое поколение, готовое открывать новые политические горизонты.

Литература

1. Шарлыков Е.Л. Причины аполитичности молодежи в российском обществе // Наука в исследованиях молодых: материалы IV Международного научного форума студентов, магистрантов, аспирантов (Новосибирск, 30 ноября 2013 г). – Новосибирск: ООО «ЦСРНИ», 2013. С. 115-119.

Шевченко М.В.,
научный руководитель Проскурина Т.Д.
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

«АЗБУКА» И «НОВАЯ АЗБУКА» Л.Н. ТОЛСТОГО КАК НЕПРЕРЕКАЕМАЯ ЦЕННОСТЬ В ДЕЛЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Семья и семейные отношения во все времена являлись и являются непререкаемой ценностью в человеческом обществе. Великий русский писатель, педагог и философ Л.Н. Толстой считал семью главным человеческим единением, он видел всему начало в семье, а в ее укреплении усматривал ценность государства, сохранение его национальных традиций, залог надежности и долговечности.

В середине 70-х годов XIX века Толстой начал писать «Азбуку», книгу для обучения крестьянских детей. Писатель впервые в истории

мировой просветительской деятельности приступил к обучению крестьянских детей, предвидя в этом залог процветания Отечества. Он полагал, что такое обучение решит многие насущные общественные проблемы, среди которых нравственным вопросам придавалось особое значение.

Современники Толстого высоко оценили педагогический труд писателя. Русский педагог, профессор С.А. Рачинский писал Толстому по поводу «Азбуки»: «Нет в мире литературы, которая могла бы похвалиться чем-либо подобным» [1, 216].

Однако, официальная педагогическая общественность резко раскритиковала первое издание «Азбуки» писателя, вышедшее в ноябре 1872 году. Книга не была разрешена для работы с детьми. Лев Николаевич терпеливо рассмотрел все замечания, учел их и в 1875 году выпустил «Новую азбуку» и отдельно четыре «Русские книги для чтения».

Мы сегодня с удовлетворением говорим, что обе эти книги ценны и интересны по настоящее время. В этой связи исследователи В.Г. Горещкий и Г.В. Карпюк писали: «Глубокое нравственное чувство, которым проникнуты тексты “Новой азбуки”, авторское стремление укрепить в маленьком читателе-ученике добрые человеческие начала и гуманные побуждения, душевно закалить его и сделать стойким перед житейскими невзгодами, сохранить в нем веру в победу добра над злом, морально подготовить к нелегкой трудовой деятельности является примечательной особенностью учебника Л.Н. Толстого» [4, 504].

В качестве главенствующего принципа педагогики Л.Н. Толстой считал свободу воспитания и образования. Он утверждал, что детям от рождения присущи высокие нравственные качества, которые могут получить полное развитие лишь в условиях, исключающих всякое принуждение со стороны родителей и воспитателей. «Новая азбука» как раз имела свои литературные достоинства, в ней помещались произведения легкие для детского понимания. Исследователи неоднократно отмечали, что десятки произведений из «Азбуки», таких как сказка «Три медведя», рассказ – (быль) «Филиппок», притчи «Отец и сыновья» стали классикой мировой детской литературы [3, 218]. В рассказе «Филиппок» Толстой проводит идею нравственного совершенствования ребенка в семье, стремление его к знаниям, к христианскому идеалу: все пошли учиться и Филиппок тоже пошел. Чтобы подчеркнуть, насколько мал был Филиппок, писатель показывает его в огромной отцовской шапке и длинном пальто, тем не менее, мальчик, преодолевая трудности в пути, приходит за знаниями в школу. Этот рассказ, несомненно, имеет воспитательное значение для нынешних дошкольников. В работе с дошкольниками после прочтения рассказа «Филиппок» и беседы по его содержанию уместно будет использовать

фольклор, н-р пословицы: «Грамоте учиться – всегда пригодится», «Ученье – свет, а неученье – тьма», «Ученье – лучше богатства» и др...

Для Л.Н. Толстого нравственное воспитание, осуществляемое в семье – важнейший показатель влечения к добру и отвращения ко злу. В этом отношении рассказы о семье, которые будут прочитаны детям, помогут осознать свою значимость в жизни родных им людей. Вот небольшой рассказ, имеющий, бесспорно, глубокий смысл: «Деду скучно было дома. Пришла внучка, спела песню». В этом в две строчки произведении звучат уважение, отзывчивость и доброта к старшим, что является важной составляющей семейного воспитания. Созвучны такому рассказу и имеющие глубокий смысл пословицы и поговорки о семье: «Вся семья вместе, так и душа на месте», «Семья сильна, когда над ней крыша одна», «В семье и каша гуще» и др. Но верность Л.Н. Толстого педагога беспощадному реализму в изображении жизни побуждали его показывать и темные стороны быта, жестокость и человеческую злобу: «Был у Миши кнут. Он им всех бил. Раз он бил кошку няни. П ришла няня, взяла у Миши кнут и била Мишу за то, что он был зол и бил ее кошку». Автор показывает обратный ход: «А если тебя вот так кнутом?». Рассказ лучше всяких увещаний и нотаций говорит о правилах поведения детей и их обращении с животными. Произведение является ценным материалом для воспитания в детях чувства сострадания и ответственности за свои поступки. И здесь дошкольникам кстати станут пословицы: «Собаку палкой не учат», «Злой человек не проживет в добре век» и др.

Л.Н. Толстой проводит мысль о необходимости любить труд и делать добро в рассказе «Бабка и внучка»: «У бабки была внучка, прежде внучка была мала и все спала, а бабка сама пекла хлеб, мела избу, пряла и ткала на внучку; а после бабка стала стара и легла на печку и все спала. А внучка пекла, мыла, шила, ткала и пряла на бабку». Здесь вскрывается глубокая сущность взаимоотношений детей и взрослых в крестьянской семье. С фольклорной выразительностью и лаконизмом передается течение жизни, невидимая связь поколений. Мораль здесь не отвлеченная, а основной стержень, объединяющий его тему и идею: перераспределение трудовых обязанностей между пожилыми и молодыми людьми, между взрослыми и детьми.

Л.Н. Толстой стремился не только учить детей читать и писать, но и расширять их жизненный кругозор [4,269]. На основе множества небольших произведений звучит евангельская заповедь о почитании детьми родителей, любовном отношении ко всем членам семьи. Дети с раннего возраста знают и понимают значение пословиц и поговорок: «Труд человека кормит, а лень портит», «Терпение и труд все перетрут», «Кто родителей почитает, тот вовек не погибает», «Кончил дело – гуляй смело» и др.

Писатель считал, что добрый пример родителей всегда воздействует на ребенка лучше любой назидательной беседы, а чтобы воспитать достойного гражданина, родителям требуется большой внутренний труд по преодолению своих слабостей и привычек. Отсюда исходит, что семейная атмосфера, наполненная любовью и светом, является ценным залогом воспитания полноправного гражданина и человека. Только понятные для родителей цели в воспитании дают возможность развивать в ребенке лучшие качества характера, готовить его к предстоящей самостоятельной жизни [2].

Написанный писателем труд о детях и для детей знаменовал новую эпоху в развитии отечественной педагогики. Жизнестойкость толстовских «Азбук» можно объяснить их содержательностью: «... Я памятник воздвиг этой Азбукой» и «такой Азбуки не было и нет, не только в России, но и нигде!», – скажет писатель по окончании работы, хотя это было ясно уже современникам Толстого [5, 117]. Действительно, «Азбука» и «Новая азбука» Толстого является ценным трудом, который следует использовать в работе с дошкольниками, а также в деле воспитания педагогов и будущих родителей.

Литература

1. Письма Толстого и к Толстому. – М.: Л, 1928. – С.216.
2. Проскурина Т.Д. Русские писатели XIX века о семье. – Белгород.: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – 260 с.
3. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Ч.7 / Сост. В. Зелинский. – М., 1901.
4. Толстой Л.Н. Азбука; Новая азбука / Сост. В.Г. Горещкий, Г.В. Карпюк. – М., 1978.
5. Толстой Л.Н. Книга для детей (Рассказы. Сказки. Басни. Описания. Рассуждения). – М: Московский рабочий, 1977.

Шелудько Л.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Многовековая общая история России, Украины и Белоруссии прочно скрепила эти страны в братских, тесных и нерушимых узах. Мы через многое прошли вместе, наши языки возникли от одного корня – древнерусского языка. Гений украинского народа, Тарас Григорьевич Шевченко писал свои произведения на украинском языке, а письма – на русском. Наши обычаи схожи почти во всем, у нас одинаковое мировоззрение и вера, и никто так не может понять друг друга, как мы,

эти три родственных народа. Жители одной страны уже давно перемешались с жителями других: в Белоруссии живет много русских, в России – украинцев и белорусов. Мы уже давно привыкли не делать разграничений между людьми, живущими в этих странах-побратимах, – все мы говорим на разных языках, но прекрасно понимаем друг друга не только в буквальном смысле, но на эмоциональном и духовном уровне: что происходит в наших душах, в наших мыслях. Вообще, нет ничего ценней подобных крепких уз, которые помогут и поддержат и в радости, и в печали.

Русские, украинцы и белорусы связаны генетически, поэтому всегда с болью относишься к расколам и нестроениям, которые происходят иногда между народами-братьями. Когда под воздействием враждебных средств массовой информации происходит манипуляция сознанием и навязывание людям чуждого мировоззрения, в результате чего они совсем забывают о своих корнях и полностью теряют ориентиры, не зная кому верить. Именно это произошло на наших глазах на Украине, когда в Киеве был свергнут законно избранный президент страны, и власть была захвачена ультра-радикалами и националистами-бандеровцами.

Украинский национализм – это не только проблема Украины, это проблема всех людей. Достаточно вспомнить, что первый концлагерь для военнопленных на территории Европы появился в Галиции и был создан украинскими националистами. Позднее, во время Великой Отечественной войны на Украине возникло националистическое движение под руководством Степана Бандеры. Эти люди не жалели никого – не только русских, поляков, белорусов и венгров, но даже своих, исконных украинцев, выступавших за дружбу с другими народами. В ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания многим людям пришлось в течение долгого времени вести борьбу с украинскими националистами, которые проповедовали идеологию фашизма и превосходства своей нации и истребляли не только братьев славян, но и евреев, румын и венгров. Одним из тех людей, которым с оружием в руках пришлось сражаться с бандеровцами и защищать свою страну от националистов, был мой прадед, Виктор Михайлович Орлов.

Виктор Михайлович родился 22 мая 1925 года на Украине, в селе Сахновщина, Полтавской области. С детства он мечтал стать военным и защищать свою Родину. Эту мечту он сумел пронести через всю свою жизнь. Из рассказов моей бабушки Орловой Людмилы Викторовны, единственной дочери Виктора Михайловича, я узнала, что после того как 22 июня 1941 года Германия напала на СССР, и наша страна вступила в Великую Отечественную войну с фашизмом, мой дедушка шестнадцатилетним юношей, добровольно отправился защищать Родину от немецко-фашистских захватчиков. Сначала он служил рядовым

солдатом в составе 228 стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта. За время войны Виктор Михайлович не раз был ранен, контужен и находился на лечении в госпиталях, но всякий раз возвращался на фронт. За участие в боевых действиях Виктор Михайлович Орлов награжден многими орденами и медалями: орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и «30 лет Советской Армии и Флота».

После окончания Великой Отечественной войны, он не захотел оставлять службу в Вооруженных силах, и был направлен на Западную Украину в Тернопольскую область для борьбы с украинскими националистами-бандеровцами. Он работал оперуполномоченным Гусятинского районного отдела МВД УССР. Виктор Михайлович отдавал службе не только все свое время, но и все силы, не считаясь с огромными трудностями и опасностью для жизни, имея перед собой единственную цель – защиту интересов своей Родины. Мой прадед, Орлов Виктор Михайлович, являясь секретным агентом МВД, был непосредственно внедрен в ряды бандформирований оуновского движения для его окончательной ликвидации. Со слов моей бабушки, Орловой Людмилы Викторовны, я узнала о том, как нелегко жилось в те суровые годы. Так, она вспоминала: «Мне было три года, когда в наш дом нередко приходили бандеровцы. Они заваливались всей бандой и вповалку спали в коридоре и в нашей большой кухне. Я помню, как мама не разрешала мне подходить к ним».

Вплоть до начала 50-х годов Виктор Михайлович ликвидировал большое число участников и руководителей оуновского движения. Например, в рапорте о событиях с января по декабрь 1953 года, который хранится в семейном архиве, упоминается об уничтожении 9-ти главарей и участников бандеровского и оуновского подполья, в том числе «Байды» – руководителя связи центрального «провода» ОУН, «Бурого» – руководителя окружного «провода» ОУН, «Моряка» – участника районного «провода» ОУН и других.

За время службы он не раз участвовал в проведении опасных и сложных операций и агентурно-оперативных мероприятий, в результате которых были захвачены и ликвидированы ряды крупных главарей бандеровского и оуновского подполья. За успешное проведение операций и решение задач, стоявших перед чекистами, он неоднократно награждался благодарностями и отмечен приказами КГБ УССР. Об этом Виктор Михайлович рассказывает в автобиография, написанной им позднее. Вот строки из этой автобиографии, которая также хранится в семейном архиве: «Только за последние годы, с 1949 по 1954 гг., с моим

участием и лично мной захвачено и уничтожено, при вооруженном сопротивлении, более 70 главарей и участников бандитских формирований ОУН, действовавших на территории Тернопольской и смежных областей Западной Украины. С моим участием успешно проведена операция по захвату группы агентов – парашютистов, выброшенных на границе Тернопольской и Львовской областей. В числе захваченных парашютистов находился эмиссар Закарпатского Центра ОУН».

Сегодня, посмотрев на все то, что происходит в современной Украине, мне становится больно, и невольно я задаюсь вопросом: ради чего мой прадедушка защищал свою страну почти свою жизнь? Ради того, чтобы сейчас происходило все то же самое?.. Этот вопрос не дает мне покоя.

Совсем недавно, 16 марта 2014 года, в результате проведенного на полуострове Крым референдума о статусе региона, абсолютное большинство крымчан проголосовали за вхождение полуострова в состав Российской Федерации. Что послужило этому причиной? Из-за национализма на Украине русскоязычное население, а его на полуострове Крым большинство, почувствовало себя изгоями. Они не смогли принять рост радикальных националистических взглядов, в результате Крым и город русской воинской славы Севастополь возвратились в Россию. Эти события послужили началом нового исторического этапа в истории нашей страны. Россия вновь начинает собирать свои земли, потерянные в годы смут и лихолетий. Я верю в то, что Россия как центр огромного Русского мира сумеет сплотить вокруг себя все дружеские славянские и неславянские народы.

Мне кажется, есть некий парадокс истории: ничто никуда не исчезает бесследно. Война закончилась, но эхо войны, национал-фашизма и зверских убийств до сих пор доносится до нас с Киевского майдана и приводит к человеческим жертвам в мирное время.

Таким образом, данная тема является важной и актуальной еще и потому, что не так давно нашему губернатору, Е.С. Савченко, поступили угрозы от украинских националистов-бандеровцев, с требованиями передать часть Белгородской области Украине. Опять наступает «дележ территории», и некоторые в одночасье позабыли о совместно пролитой крови в течение многовековой общей истории. Но так не должно быть! Мы славяне, мы братья и сестры. Кто, как не мы, прошли через столь многое вместе, через огонь, и воду...и даже медные трубы. Давайте вспоминать об этом почаще.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИДЕЕ НЕДОПУСТИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В РЫНОЧНУЮ ЭКОНОМИКУ

В связи с крушением советского (восточного) марксизма и либерализацией отечественной политико-экономической мысли, в постсоветской России практически не получил развития критический анализ идей либеральных мыслителей. В первую очередь это относится к произведениям апологетов капитализма XX столетия, особенно, времен «Холодной войны». К подобным мыслителям, в первую очередь, следует отнести Айн Ренд (А.З. Розенбаум) Ф. Хайека, Л. фон Мизеса, А. Гриспен, М. Фридмана и т.д. По нашему мнению, на сегодняшний день особого внимания заслуживает тезис ряда либеральных мыслителей о том, что со стороны государства протекционистская экономическая политика является причиной производственного спада и кризиса [7, 151-157]. Актуальность подобной тематики исследований объясняется тенденциями в сторону стагнации экономик большинства стран постсоветского пространства, несмотря на практически повсеместный отход от принципов плановой экономики. Целью настоящей работы является критический анализ тезиса о принципиально негативном характере государственного вмешательства в капиталистическое производство. При этом, целью данной статьи не является апология марксизма, плановой экономики и т.д. В качестве основных методов, применяемых в данной статье, следует отметить сравнительно-исторический метод. Среди научных трудов, применяемых в настоящем исследовании, необходимо отметить работы А. Рэнд, А. Гриспен, Н. Бранден, Б.Ю. Кагарлицкого, С.Г. Кара-Мурзы, Ф. Хайека, Ф. Броделя, Й. Шумпетера, М. Кремельда и др.

На наш взгляд, несмотря на внешнюю привлекательность, подобные выводы не подтверждаются историческими фактами. В данной, по сути, необъятной проблематике следует выделить лишь ключевые моменты. Так, следует отметить, что капиталистический способ производства сумел завоевать мировое господство именно благодаря существенной роли государства в экономической жизни европейских общества. Так, промышленная революция в Англии, обезземеливание английских крестьян в XVII столетии, выдавливание их в города и превращение их в наемных рабочих происходило при исключительном влиянии государства. Нельзя не отметить, что именно благодаря подобной активной государственной политике, а не «невидимой руке рынка», в

Англии были достаточно быстро устранены пережитки феодализма. Помимо этого, следует указать, что завоеванием рынков сбыта и созданием колониальных империй торгово-промышленный капитал также обязан широкой государственной поддержке. Наиболее явно подобное влияние проявилось в Викторианскую эпоху при внедрении капиталистического способа производства в значительной части колонизированной европейцами Азии, Африки, а также закабалении их населения. Как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, «Изучая историю капитализма, легко обнаружить, что периоды, когда преобладала политика свободной торговли, неизменно и регулярно сменяются периодами активного государственного вмешательства и правительственного регулирования» [3, 17-18]. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что даже создание государственно-монополистического капитализма ставит своей целью поддержку наиболее прибыльных отраслей производства, а не уничтожением духа свободы предпринимательства, как трактует данный вопрос Айн Рэнд и прочие апологеты капитализма [7, 20-26].

Таким образом, можно отметить, что, начиная с XVI столетия, на протяжении исторического процесса развитие капитализма проходило при неотъемлемом государственном вмешательстве. Следует также отметить, что идеи протекционизма были характерны для экономической мысли XVI-XVII столетий. Исходя из сказанного, можно утверждать, что тезис о недопустимости государственного вмешательства в рыночную экономику следует считать недостаточно объективным и противоречащим логике капиталистического устройства общества.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. – М.: Весь Мир, 2007. – 752 с.
2. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 480 с.
3. Кагарлицкий Б.Ю. От империи – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции продолжаются. Стратегия разрухи. – М.: Алгоритм, 2011. – 352 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
6. Кремль М. Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
7. Рэнд А. Апология капитализма. – М.: Литературное обозрение, 2003. – 360 с.
8. Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: АСТ; Астрель, 2012. – 317 [3] с.
9. Шумпетер Й.А. Теории экономического развития, Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – 863 с.

ИСТОРИСОФИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Проблемы России, русского мировоззрения, русской мысли и истории в творчестве Н. А. Бердяева занимают центральное место. Его перу принадлежат работы о А. С. Хомякове, Ф. М. Достоевском, К. Н. Леонтьеве Н. Ф. Федорове, Л. Н. Толстом, а также глубокие и всесторонние исследования: «Душа России», «Судьба России», «Русская идея» и др. Именно в них раскрывается его историософская концепция и где одной из существенных характеристик национального мировидения он называет особый тип общности – коммюнитарность.

Свою концепцию коммюнитарности (или общинности) Н.А. Бердяев излагает в «Русской идее».[1] Коммюнитарность, по его мнению, составляет существо русской самобытности и определяется им как метафизическая и мистическая разновидность коллективизма, выработанного, как считает Н. А. Бердяев, русской народной жизнью и философской культурой, начиная со славянофилов, и противоположного западному индивидуализму.

Суть концепции в том, что, рассматривая взаимоотношения личности и общества, Н.А. Бердяев тем не менее утверждает приоритет личности перед обществом, несмотря на то что личность внедрена в общество и призвана к общественной жизни, и проявить свою уникальность, духовную свободу, осуществить свое призвание личность может только через «мы», только в обществе.

Поскольку абсолютная свобода существует только в духовном опыте и только в нем человек, по Н.А. Бердяеву, остается творцом, то есть личностью, то и проблему взаимоотношения личности и общества Бердяев пытается решить в рамках философии духа с позиций христианского персонализма. Он признает ценность личности как духовного существа и духовного единения людей на почве любви и служения Богу. Следуя за славянофилами, Н.А. Бердяев приходит к соборности, под которой понимает прежде всего внутреннюю духовную общность русских людей, достигаемую в божестве.

Эта мировоззренческая схема позволила подойти Н.А. Бердяеву к определению смысла бытия русского народа, его духовной традиции, характера, судьбы; иначе говоря, к собственной интерпретации национальной идеи. В своих сочинениях он представляет не «эмпирическую» Россию, а ее «умопостижимый образ», не историю русской мысли, а ее «идею». Мыслителя интересует не Россия сама по

себе – в ее духовных политических реалиях, а то, что «замыслил Творец о России», [2, 5-6] какое «новое слово» она скажет миру. Здесь Н.А. Бердяев, на наш взгляд, смыкается с Вл. Соловьевым.

Русский мыслитель трактует историю как чистое творчество. В основе его историософской концепции «интуитивный тезис о саморазорванности, противоречивости русской души». [3, 297]. «Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Творчество русского духа так же двоятся, как и русское историческое бытие» [4, 252]. Эти противоположности и заимствованные, и местные, порожденные непосредственно стихией национальной жизни.

Корень антиномичности русского национального самосознания Н.А. Бердяев видит в экзистенциальных особенностях русской души – в превалировании в ней женского начала, в отличие от мужественного, характерного для духа европейских народов, прошедших школу рыцарства и монашеской аскезы: «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная... он всегда ждет жениха, мужа, властелина» [4, 298]. Отсюда терпение, покорность судьбе, переходящее, порой, в апатию и лень. Образ России в русской идее Н.А. Бердяева (что, впрочем, свойственно всей философии Серебряного века) обогащается под влиянием учения Вл. Соловьева о Вечной женственности новой чертой – женственность.

Известно, что женственность в истории философии определяется следующими характеристиками: дионисийское, пассивное, природное, родовое, чувственное, милосердное, алогичное начала. Эти качества, атрибутированные мировой философской мыслью женщине, утверждаются Бердяевым и другими философами русского религиозного ренессанса как характеристика миропонимания русских, а Запад осмысливается в понятиях, соотносимых с характеристикой мужественности: активное, оформляющее, аполлоновское, личностное начало. Как было отмечено выше, «женщина обретает в русском космосе особую ценность именно в ипостаси матери и культ Богородицы на Руси связан с культом материнства» [5, 112]. Более того, можно даже говорить о наделении Бога на Руси материнскими чертами. А отношение к России – это отношение к родине, к матери-земле, «Матушке-Руси». У Н.А. Бердяева же новый, эротический мотив толкования России не как матери, а возлюбленной, и таковое отношение человека к своей Родине – жесткий и однозначный тезис. Основную антиномию общественной мысли Запад и Восток Н.А. Бердяев решает, исходя из женственного Востока (русское единство) и мужественного Запада (западный индивидуализм).

Итак, Россия женственна, Запад мужественен. Вместе с тем женственный элемент присутствует в каждом народе – это собственно народная стихия. Но на определенном этапе развития в национально своеобразной форме у народов Запада изнутри пробудился мужественный дух, оформив органически народную стихию. В России этого не произошло. Н.А. Бердяев считает, что в России соотношение между мужским и женским началом нарушено, женственность – беда России. Русский народ не знает меры и легко впадает в крайности, поэтому он никогда не был народом культуры (а это – мужественное качество). У него огромная сила стихии и сравнительная слабость формы, «безгранность» [1, 44].

Вместе с тем Н.А. Бердяев далек и от абсолютизации мужественности. Оторванность мужского начала от женского (как это, по Н.А. Бердяеву, произошло в Германии) – та же трагедия, противоположная трагедии русской души. Срединное положение между Востоком и Западом как одно из оснований, по Н.А. Бердяеву, ее антиномичности определяет ее призвание, великую историческую миссию: гармонично соединить два мира – Восток и Запад.

Н.А. Бердяев утверждает, что именно России суждено воплотить замысел Божий об андрогиническом соединении женственного Востока и мужественного Запада и таким образом реализовать свое мессианское предназначение: «...Россия должна быть возведена до общечеловеческого значения. Россия – творческая задача, поставленная перед всечеловечеством, обогащающая мировую жизнь» [2, 98]. Таким образом, русский мессианизм, свойственный национальному мировоззрению [8], оказывается связанным не с религиозными и имперскими, а женскими ценностями и наполняется новой смысловой парадигмой – женский мессианизм.

Порождением неоформленности, дионисизма, стремления к чрезмерности, а значит женского начала, является, по Н.А. Бердяеву, русская эсхатологичность. Эсхатологический характер русского народа проявляется прежде всего в его устремленности к концу, а не к началу или середине исторического процесса, что выведет ее, по мнению Н.А. Бердяева, из ограниченного во времени и пространстве провинциального мира исторических задач на простор космического мышления, до осознания идеи космической общности. Эсхатологическая склонность ума русского народа, отсутствие у него интереса к «половинчатому царству культуры» и вечно русская жажда абсолютного Бердяевым описана в книге «Русская мысль».

Неразвитость личностного начала, коллективизм как атрибуты женственного начала в русском самосознании рассматриваются

Н.А. Бердяевым в плоскости соборности как недостаток. Вместе с тем притягательны, по мысли Бердяева, такие атрибуты женственности, как альтруизм, самоограничение, жертвенность. В основе русской соборности – любовь и смирение, противостоящие западной гордыне. Западной мужественной агрессивности в России противопоставлены терпение, кенотизм (жалостливость), «милость к падшим», снисходительность к человеческим слабостям. У русских чувство милосердия преобладает над чувством справедливости.

Анализируя женственную природу русских, Н.А. Бердяев выделяет в национальном мировоззрении такую его сущностную характеристику, как кенотизм (жалостливость). В русском женственном миропонимании с жалостью ассоциируется прежде всего любовь. Любить по-русски – значит жалеть. Именно такой тип любви-жалости выделяет как один из главных типов (наряду с любовью-эросом) в своей концепции любви Н.А. Бердяев.

Итак, историософская концепция Н.А. Бердяева раскрывается через такие понятия, как коммюнитарность, антиномичность, женственность, женский мессианизм, жалостливость (кенотизм), эсхатологичность. Мыслитель убежден, что призвание России, ее великая историческая миссия – гармонично соединить несоединенные мужественное и женственное начала и воплотить замысел Божий об андрогиническом соединении женственного Востока и мужественного Запада. Геополитическое положение России ее к этому обязывает.

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и н. XX в. // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. — С. 43–271.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.
3. Замалеев А. Ф. Истории русской философии. – М. «Из-во СПб университета», 1996. -349с.
4. Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. – Республика, 1992. – 303 с.
5. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1997. – 159 с
6. Бердяев Н. А. О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.:Наука, 1990 – 528с.
7. Русская идея: Сборник/Сост.М.А. Маслин.- М.: Республика , 1992.- 494 с.
8. Штец Т.П. Русская философская поэзия рубежа 19-20 вв. как культурно-историческая рефлексия национального мировоззрения: Монография.- Мурманск: МГПУ, 2008.-140с.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОМИНАНТНЫХ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ И РИТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Взаимопроникновение наук привело к тому, что в области риторики большое внимание стало уделяться вопросам устойчивых моделей, закрепленных в сознании участников коммуникации. В пространстве политического дискурса языковая сторона анализа приобретает особую важность, т.к. в речах политиков каждое высказывание призвано активизировать как социально закрепленный, так и индивидуальный опыт реципиента.

Американская политическая риторика выросла из религиозного дискурса пуритан и обладает своей особой спецификой: диалогическое построение, убеждение посредством цитат и аллюзий к прецедентным текстам, простота изложения, связь с повседневной жизнью, обращение к здравому смыслу. Эти признаки американского политического дискурса являются константными.

Анализ речей политических лидеров США подтверждает, что когнитивно-семантический и риторический компоненты аргументации взаимосвязаны, т.к. активизируя тот или иной фрейм у адресата, говорящий может воздействовать как на интерпретацию сообщения, так и на последующие действия адресата. Автор как создатель сообщения акцентирует внимание реципиента на смысловых центрах политической речи с помощью риторических средств.

Сопоставление текстов речей американских политических лидеров позволяет выявить, с одной стороны, центральное положение ценностей *freedom, peace, leadership, democracy, God, happiness, dream* в американском политическом дискурсе, а с другой стороны, подтвердить их устойчивость на основании частотности употребления в корпусе исследуемых текстов. Необходимость защиты этих основополагающих ценностей обуславливает частое обращение к лексическим единицам фрейма «война». Кроме того, использование военной лексики выглядит закономерным на фоне того, что одной из наиболее важных функций самого политического дискурса является борьба за власть, следовательно, в нем первоначально заложена сема войны.

В результате анализа текстов речей были выявлены используемые в риторических стратегиях фреймы, одним из компонентов которых является ценностно-значимое понятие. Принцип создания риторического эффекта заключается в том, что заполняя один из слотов фрейма, понятие-ценность распространяет положительную оценку на весь фрейм. Например, чаще всего понятие freedom занимает слот объекта защиты во фрейме defense, который активизируется посредством глагола defend в таких сочетаниях как defend freedom, и существительного defense в the defense of freedom. Согласно электронной базе данных FrameNet, составленной Ч. Филлмором, во фрейме defense присутствует три ядерных слота: субъект нападения, жертва и защитник. Субъект нападения может конкретизироваться в зависимости от исторического периода, защитником, как правило, выступают США, а жертвой эксплицитно выступает ценность freedom. В соответствии с таким распределением ролей действия США по защите ценности freedom оцениваются положительно.

Дискурсивный анализ политических речей позволил заключить, что в такие формулировки как the defense of freedom, fight for freedom, to meet freedom's challenge, а также search for peace, pursuit of peace способны носить эвфемистический характер и использоваться оратором для создания положительной оценочности при описании военных действий.

«(...) *they are meeting freedom's challenge on the firing line*» Политический эвфемизм, использованный Джоном Кеннеди, служит переходом к новому видению ситуации, позволяя заменить эксплицитное упоминание смерти словосочетанием с более общим, маркированным положительным оценочным знаком freedom's challenge. Использование подобной риторической стратегии позволяет увеличить экспрессивность высказывания за счет представления политической ситуации в свете ценностей общества и снятия потенциальной негативной реакции аудитории.

Обращение к ценностно-значимым понятиям в текстах политических речей позволяет не только усилить пафос выступления и сохранить преемственность системы ценностей, но и создать новые смыслы за счет фрейминга или перехода от старого видения ситуации к новому, предлагаемому оратором. Принцип действия фрейминга как процесса формирования нового смысла заключается в использовании новых языковых средств описания, приводящего к созданию новых смыслов и изменению существующего понимания положения вещей. Барак Обама выразил свое ироническое отношение к любимому лозунгу Джорджа Буша war on terror в одной из своих речей, где он назвал войну с терроризмом политическим футболом:

«*And now, after three long years of watching the same back and forth in Washington, the American people have sent a clear message that the days of*

using the war on terror as a political football are over. That policy-by-slogan will no longer pass as an acceptable form of debate in this country».

Предлагая другой фрейминг ситуации Б. Обама меняет созданную Дж. Бушем положительную оценку выражения *war on terror* на отрицательную за счет интерпретации последней через, казалось бы, несовместимое с военной ситуацией понятие спортивной игры. Анализ короткой истории ценностной структуры *war on terror*, показывает, что оценка может вторгаться в систему ценностей и менять ее, однако такие изменения могут оказаться временными и зависеть от политического курса страны. Таким образом, введение новых именовании явлений действительности оказывается проявлением языка как деятельности, направленной на изменение мира. Анализ текстов американских политических выступлений показал, что фрейминг главных тем речи оратора связан с риторическими стратегиями, которые преследуют своей целью убедить, информировать, оказать эмоциональное воздействие, вызвать доверие, привлечь внимание адресата.

При исследовании риторического потенциала стратегий было отмечено, что неумелое использование последних может обратить политическое выступление против его создателя. В одной из своих речей Дж. Буш младший использует риторический прием персонификации и высказывание о ценностях с прагматической целью привлечь внимание к работе волонтерской организации Корпус мира:

«And then we've got the Peace Corps, and the Peace Corps is a way for Americans to help teach the world about the universal values that we hold dear, the true nature of America, which sometimes is distorted around the world».

Глагол *teach* активизирует фрейм *teaching process*, согласно которому учитель, обладающий большим багажом знаний и наделенный соответствующими полномочиями, делится опытом с учеником. Метафора персонифицирует понятие *world*, создавая контраст и несоответствие в распределении ролей: учитель – *Americans*, ученик – *the world*. Имплицитно воспринимается и характеристика ученика, как недостаточно образованного и нуждающегося в помощи со стороны учителя. Внимательный слушатель также может отметить высказывание о ценностях в данном фрагменте речи как парадоксальное. Характеристика ценностей *universal* лишает глагол *to teach* смысла, поскольку вряд ли стоит учить тому, что провозглашается как общеизвестное и разделяемое всеми.

Литература

1. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти. – М.: Прогресс, 1987.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.

3. Гуляева Т.В. Американский официально-политический дискурс: особенности формирования дискурсивного пространства.: Вестн. Перм. ун-та. 2007. – Вып.2 (7).

4. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.

5. <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal> [Электронный ресурс]

6. <http://obamaspeeches.com> [Электронный ресурс]

7. <http://www.jfklibrary.org/JFK/Historic-Speeches.aspx> [Электронный ресурс]

Brzaković A.

Ниш, Республика Сербия

MEDIJI MANJINA U SRBIJI

Uvod. Mediji manjina su integralan deo informaciono-komunikacionog sistema pojedine zemlje. Mediji manjina su oblik komuniciranja unutar samih manjina, oni su sredstvo komuniciranja između manjine i većine i najzad, oni predstavljaju kanal komunikacije između manjine i matične države.[5]

Prema popisu stanovništva iz 2002. godine u Srbiji živi 21 manjinska zajednica i one čine 18% ukupnog stanovništva. Najbrojnija manjina je mađarska (3,91%), slede Bošnjaci (1,82%), Romi (1,44%), Hrvati (0,94%), Crnogorci (0,92%), Albanci (0,82%), Slovaci (0,79%) itd. Manjinske zajednice najviše naseljavaju područje Autonomne Pokrajine Vojvodina, gde svaki treći stanovnik pripada nekoj od manjinskih grupa.⁸

Odredbom člana 79 Ustava precizirano je pravo pripadnika manjinskih nacionalnih zajednica na očuvanje posebnosti, što podrazumeva i pravo na upotrebu svog jezika i pisma.[8] Statut Autonomne Pokrajine Vojvodine u članu 26 navodi kako su u službenoj upotrebi srpski jezik i ćirilično pismo, te mađarski, slovački, hrvatski, rumunski i rusinski jezik i njihova pisma.[7] Dostupnost informacija na maternjem jeziku je jedno od osnovnih prava manjina u srpskom zakonodavnom sistemu. Najvažniji dokumenti koji garantuju prava manjina na informisanje na maternjem jeziku, uz Ustav i Statut Vojvodine, jesu i Zakon o zaštiti manjina, Zakon o informisanju, Zakon o radiodifuziji, Zakon o lokalnoj samoupravi, kao i i mnoštvo nižih podzakonskih akata, odluka, uredbi, strategija i međudržavnih sporazuma.

Strah da bi privatizacija lokalnih i regionalnih medija ugrozila opstanak medija na jezicima manjina, koji su najčešće lokalnog karaktera, naterao je Narodnu skupštinu Srbije da 2009. godine usvoji Zakon o nacionalnim savetima nacionalnih manjina prema kojem su na ova tela preneti osnivačka prava.[9] Ovaj zakon je treći u nizu zakon kojim se zaustavlja proces privatizacije, deetizacije lokalnih medija, i koji ostavlja nedorečeno

⁸ Dostupno na stranici Republičkog zavoda za statistiku, <http://webzrzs.stat.gov.rs/axd/Zip/VJN3.pdf>

vlasništvo nad ovim medijima, ali i daje veliki prostor nacionalnim savetima za direktan uticaj na uređivačke politike i rad manjinskih medija.

Uloga medija manjina. Mediji manjina predstavljaju veoma važnu kariku u ostvarivanju manjinskih prava nacionalnih zajednica. Pored toga što predstavljaju sredstvo informisanja na sopstvenom jeziku, manjinski mediji imaju još nekoliko važnih uloga među koje spada:

1. simbolički aspekt medija, koji može da deluje kao izraz određenog identiteta

2. pored toga što su mediji sredstvo izražavanja određenog identiteta, oni su i sredstvo širenja običaja, tradicije, kulture i istorije nacionalnih zajednica

3. konačno, manjinski mediji mogu biti uslov za puno i efikasno učešće pripadnika nacionalnih zajednica u svim sferama javnog života, kako na lokalnom tako i na nacionalnom nivou.[4]

Uloga manjinskih medija nije samo očuvanje jezika, kulture i tradicije, već i ukazivanje na problem u zajednicama, stvaranje relacija sa drugim zajednicama i na taj način doprinos integraciji društva. Razvijeno informisanje na maternjem (manjinskom) jeziku može biti i zdrava konkurencija onim televizijskim kućama koje su do sada imale monopol nad tim (monopol RTV je ugrožen od strane privatne Pannon RTV koja emituje celodnevni program na mađarskom).[4] Pošto našem javnom servisu nedostaju sadržaji koji se odnose na život i probleme nacionalnih zajednica, upravo je uloga manjinskih medija da popuni tu prazninu.

Odnos medija manjina i države. Odnos medija manjina i države analizirao je S. R. Rigins (Riggins, 1997). On je uopštavanjem medijske situacije u više zemalja došao do pet osnovnih modela odnosa medija manjina i države. To su:

1. *Integracionistički model* – njime se nastoji integracija manjine posredstvom njihovog medija u državnu zajednicu i obeshrabrivanje manjinskih zajednica da se politički osamostale. Istorijski primer ovog modela jeste zamisao „homo sovieticus-a“ u SSSR, koji je trebalo da premosti etničku različitost i neutralizuje asimilacionističku politiku carske Rusije.

2. *Ekonomski model* – teži da ekonomski aktivira manjinsko stanovništvo. Mediji deluju zajedno sa obrazovnim sistemom na jeziku manjina s ciljem da se stvori obrazovana radna snaga koja jača ekonomski potencijal društva u celini. Kritičari ga često označavaju kao novi asimilacionizam.

3. *Divizivni model* – predstavlja orude za podizanje tenzija u zemlji. Primer ovakvog medija predstavlja radio na kabilskom jeziku koji je promovisan od strane Francuza koji je trebalo da umanj arapsku komponentu alžirskog društva.

4. *Preemptivni model* – država sama pokreće medije manjina u cilju neutralisanja pokušaja manjina da se preorijentišu na vlastite medije koji su nezavisni od države. Zbog ograničenosti auditorijuma, mediji manjina su

ekonomski ranjivi i država može da dovede svoje manjinske medije u ekonomski privilegovan položaj, a „nepodobne kazni“.

5. *Prozelitski model* – jezik manjine se koristi kako bi im se nametnuo kulturni ili religijski sistem koji im je stran. Primeri ovakvog modela su brojne misionarske radio-stanice koje „poruke prave vere“ prenose na jezicima manjina, odnosno naroda koje žele da kristijanizuju ili islamizuju.

Manjinski mediji u medijskom sistemu Srbije. Srbija spada u jednu od etnički najobojenijih država Evrope, te je potrebno i obezbediti sva zakonima predviđena prava manjina. Jedan od podsticaja za obezbeđivanje svih prava manjina jeste i Evropska povelja o regionalnim i manjinskim jezicima koja je usvojena 1992. (Cormack, 1998)

Prema istraživanju Fonda za otvoreno društvo iz 2007. radio programe na manjinskim jezicima emituje 86 stanica – 74 u Vojvodini, a 12 u centralnoj Srbiji. Radio programi su uglavnom lokalnog karaktera. TV program emituju 32 televizije, i to 27 u Vojvodini, a pet u centralnoj Srbiji. Istraživanje Novosadske novinarske škole pokazalo je da informisanje na jezicima manjina u Srbiji, generalo posmatrano, nije ispod evropskih standarda. U Vojvodini štampa izlazi na 10 jezika, što je ukupno 150 listova na jezicima nacionalnih manjina. Radio i TV program na sedam jezika nacionalnih manjina emituje Radiodifuzna ustanova Vojvodine kao javni servis svih građana ove pokrajine.

Pravo na informisanje na manjinskim jezicima se u punom obimu ostvaruje uglavnom na teritoriji Vojvodine, gde postoje štampana manjinska izdanja koja izlaze na dnevnoj i periodičnoj bazi, odnosno emituju se radijski i TV programi, ažuriraju *web* stranice, na 10 manjinskih jezika. Uz srpski jezik u medijima su u upotrebi mađarski, slovački, rumunski, rusinski, romski, hrvatski, ukrajinski, češki, nemački, makedonski, bugarski, albanski, vlaški i bunjevački. Preko 160 štampanih i elektronskih medija objavljuje svoje sadržaje (deo ili celokupan sadržaj) na jezicima manjina. Od ovoga broja, 140 medija deluje na teritoriji Vojvodine. Na teritoriji Srbije 31 medij objavljuje svoje sadržaje samo na jezicima manjina, od toga je 19 štampanih medija, devet radijskih i tri televizijska programa.[2]

Tabela 1.

Mediji čiji je celokupan sadržaj na jezicima manjina (cela Srbija)[4]

No	Jezik	Štampani	Radio	TV
1	Mađarski	8	1	1
2	Romski	2	3	1
3	Slovački	2	1	1
4	Albanski	1	2	1
5	Rumunski	1	2	-
6	Rusinski	1	-	-
7	Hrvatski	1	-	-
8	Ukrajinski	1	-	-
9	Bugarski	1	-	-
10	Bunjevački	1	-	-
Ukupno		19	9	3

U Vojvodini funkcioniše 114 medija koji svoje sadržaje, delimično ili u potpunosti, objavljuju na 11 jezika.[6] Monitoring Javnog servisa Vojvodine, ukazao je na nedostatke interkulturalnih sadržaja kao i propisne promocije i afirmacije jezika i kultura etničkih zajednica. Dominira politički kontekst izveštavanja, dok sadržaji lokalnog karaktera, posebno iz Vojvodine, nedostaju.⁹

Tabela 2

Mediji koji u celosti ili delimično izveštavaju na jezicima manjina (Vojvodina)

No	Jezik	Štampa	Radio	TV
1	Mađarski	18	23	7
2	Slovački	2	12	4
3	Rumunski	3	7	3
4	Rusinski	2	5	2
5	Hrvatski	1	2	1
6	Romski	1	7	2
7	Ukrajinski	1	2	1
8	Bunjevački	1	2	-
9	Makedonski	1	1	1
10	Česki	-	1	-
11	Nemački	-	1	-
Total		30	63	21

Mediji manjina u Vojvodini i RTV. Nacionalne manjine u Vojvodini svoje pravo na informisanje na maternjem jeziku ostvaruju, inače, ili putem zasebnog manjinskog medija, ili putem posebnih medijskih sadržaja (štampanih ili programskih) unutar postojećih medija, odnosno medijskih proizvoda. Prema podacima Pokrajinskog sekretarijata za informacije, ukupni sadašnji manjinski informativni resurs obuhvata 114 manjinskih medija i medijskih proizvoda u pokrajini, na 11 jezika. U većini slučajeva „kontrolu“ nad medijima manjina imaju nacionalni saveti kojima su ovi mediji poligoni medijske zastupljenosti.

Tabela 3

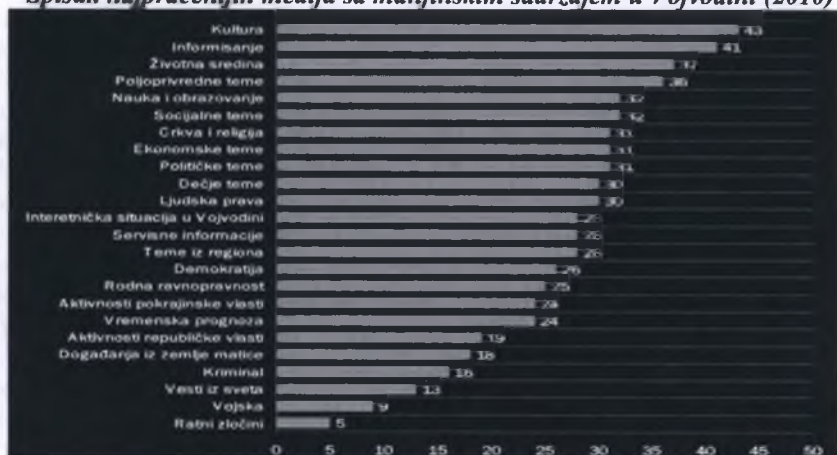
Radio Novi Sad	Mađar so	TV Pančevo
Radio Pančevo	Kulska komuna	TV Viktoria
Radio Viktoria	Dunataj	TV Ju Eko
Radio Ju Eko	Temerinske novine	TV Mozaik
Radio Kulska komuna	Bečejski mozaik	Pannon TV
Radio Bela Crkva	Panorama	TV Kovačica
Panda radio	Kovin ekspres	TV Bačka
Radio Aktive	Tordanske novine	Sremska TV
Radio Kisač	Bunjevačke novine	TV Bački Petrovac
Radio Odžaci	Tandrčak	
Radio Subotica	Mužljanske novine	
Radio Sečanj	Makedonska videlina	
Radio Far	Ridne slovo	

⁹ „Javni servis – Monitoring transformacije RTV Novi Sad u Vojvodini“, rezultati kvalitativne i kvantitativne analize sadržaja programa na Javnom servisu Vojvodine

Radio Regije	Hlas ljudu	
Radio Kikinda	Vzlet	
Radio Bačka	Ruske slovo	
Panon Radio	Fečke	
Radio Kovačica	Hrvatska riječ	
Radio Zrenjanin		
Radio Stara Pazova		

Tabela 4

Spisak najpraćenijih medija sa manjinskim sadržajem u Vojvodini (2010)

Kao što se može videti u tabeli 4, mediji manjina u Vojvodini u potpunosti ispunjavaju ulogu očuvanja kulture i informisanja na maternjem jeziku, pošto su to dve najzastupljenije teme u manjinskim medijima. Ostale teme koje najviše pokrivaju manjinski mediji tiču se zaštite životne sredine, poljoprivrede, socijalne teme, nauka i obrazovanje, kao i crkva i religija.

Glavni problemi funkcionisanja manjinskih medija u Vojvodini su:[1]

1. *finansiranje* – mediji u državnom vlasništvu primaju nedovoljno sredstava za funkcionisanje, dok mediji u privatnom vlasništvu zbog nedovršenog procesa privatizacije beleže veliki pad prihoda od oglašivača.

2. *kadrovski problemi* – jedan od glavnih problema manjinskih medija predstavlja nedostatak obučenog kadra, kao i nezainteresovanost mladih za novinarskim poslom i radom u manjinskom mediju.

3. *uslovi za rad* – odnose se na nedostatak tehničko-tehnološke uslove, nedostatak prostora...

4. *pritisci* – zajedničko većini manjinskih medija jeste politička pozadina, tako da nisu retke pojave ugrožavanja slobode izražavanja, pretnje smrću, pozivi na bojkot...

Identitet pokrajinskog javnog servisa (RTV) u velikoj se meri prepoznaje upravo po činjenici da on programe emituje na više jezika. Radio emisije emituju se preko tri programa na ukupno sedam jezika (srpski, mađarski, slovački, rumunski, rusinski, ukrajinski i romski) a televizijski program emituje se na dva programa ukupno na čak deset jezika (srpski, mađarski, slovački, rumunski, rusinski, romski, ukrajinski, makedonski, hrvatski i bunjevački). Drugi program Radio-televizije Vojvodine (u žargonu „manjinski kanal“) upravo se po tome znatno i razlikuje od drugih nacionalnih tv-stanica, a imajući u vidu tu ukupnu etničku raznovrsnost programa pokrajinskog javnog servisa, statistički i formalno gledano ti podaci su impresivni.

Monitoring Novosadske novinarske škole svedoči da su manjinski jezici različito zastupljeni u programu RTV2. Najveći udeo imaju programi na mađarskom jeziku – oko 21 sat tokom sedmice, odnosno tri sata dnevno (54 emisije, 17,9% minutaže). Sledeći najduži je program na slovačkom jeziku, upola kraći od onog na mađarskom – oko 10 sati nedeljno (19 emisija, 8,2% minutaže). Emisije na još tri jezika se emituju češće od drugih, odnosno oko dva puta dnevno, u trajanju od 6 do 7 sati nedeljno, i to na rumunskom (13 emisija), rusinskom (12 emisija) i romskom (11 emisija) sa oko 5-6% udela u trajanju programa. Emisije na ostalim jezicima (ukrajinski, makedonski, hrvatski i bunjevački) su zastupljene sa po manje od 1% u ukupnoj minutaži.[6]

Zaključak. Danas su mediji manjina u rukama nacionalnih sveta manjina. U odlučivanju o prenošenju osnivačkih prava, precizirano je da se „nacionalni savet slovačke, hrvatske, rusinske, rumunske, mađarske i romske nacionalne manjine obavezuje se da neće otuđiti imovinu“, kao i da će nastaviti delatnost ovih novinsko izdavačkih kuća, dok Skupština Vojvodine „garantuje finansiranje delatnosti novinsko-izdavačkih ustanova, najmanje na nivou budžetom utvrđenih sredstava u vreme preuzimanja osnivačkih prava“. (Serenčeš, 2009)

I dalje je prisutna “etatizacija medija kroz mikro (de)etatizaciju” od strane nacionalnih saveta koji sada vide šansu da od manjinskog medija naprave stranačko glasilo u koje će stavljati partijski podobne osobe, često bez nikakvih ili odgovarajućih kvalifikacija, što samo dovodi još većoj degradaciji medija. Ova pojava će pre svega odvratiti pripadnike druge političke partije da ne prate određeni manjinski medij, zatim i apolitične, kao i one koji žele medij u kojem se nepristrasno govori o politici koju vode manjinske vođe.

Literatura

1. Izveštaj pokrajinskog ombudsmana o stanju manjinskih medija u Vojvodini, 2010
2. Ilić, Snežana, Zakonsko regulisanje položaja nacionalnih manjina u Srbiji i njegova implementacija:
http://www.21osmeh.net/Zakonsko_regulisanje_polozaja_NM.pdf
3. Javni servis – Monitoring transformacije RTV Novi Sad u Vojvodini, Novosadska novinarska škola

4. Manjine i mediji na zapadnom Balkanu: Komparativni istraživački projekat baziran na analizi sadržaja medija nacionalnih manjina u Bosni i Hercegovini, Crnoj Gori, Makedoniji i Srbiji (2012), Sarajevo
5. Radojković, Stojković (2004), Informaciono-komunikacioni sistemi, Clio
6. Serenčeš, Žužana, Informisanje na jezicima nacionalnih manjina i deetatzacija. Novi Sad: Nezavisno društvo novinara Vojvodine, 2009.
7. Statut AP Vojvodine, Službeni list APV br.17/09
8. Ustav Republike Srbije, Službeni glasnik Republike Srbije, br. 83/06
9. Član 19. Zakona o nacionalnim savetima nacionalnih manjina, Službeni glasnik Republike Srbije, br. 72 / 2009.

Dimitriević T.

Нини, Република Србија

ANGELS IN SERBIAN MONASTERIES AND CHURCHES AND THEIR ROLE NOWADAYS

There is a number of very good representations of angels in serbian monasteries, for example, Christ the Magistrate between two angels in the West portal of monastery Decani and Angel's head from the Ascension composition in the Church of Holy apostles in the Patriarchate of Pec, but the most remarkable are the White angel in Mileseva and Blue angel in Arilje.

Mileseva is located in the valley of Mileseva River, near the town Prijepolje. It is the endowment of King Vladislav, son of the Stephen the First-Crowned, and it was built in 1219. White angel is a detail of the fresco Myrrhbearers at the Christ's Grave from 1235. The Angel of the Lord is dressed in white chiton. His myrrh bearing arm shows the place of Christ's Resurrection and his empty tomb. A picture of White angel was sent as a message in the first satellite broadcast from Europe to America after the Cuban Missile Crisis, as a symbol of peace and civilization. The same symbol was later transmitted to space in an attempt to communicate with extraterrestrials life forms.

The Church of Saint Achillius is situated in Arilje in Western Serbia. It was built in 1296 by King Stefan Dragutin. The fresco of Saint Archangel Gabriel called Blue angel inspired poet Branko Miljkovic (29.1.1934-12.2.1961):

Ariljski andjeo
 Andjele gorki praznine i snage,
 Kad ukaza se sunce kakav nije
 Svet, gde nevolje jače ću voleti drage,
 Dok pod posejan u paklu na nebu ne sazrije.
 Ako namere dobre srce voću
 Podari, kakvom vatrom vođeni idu,
 Dok pčela stavlja zaoku u slatkocu
 Za smisao leta na iskusnom zidu.

O, opija me vatra tako trezna
Okolo tvoje glave ko proleće!
Koliko tebe nije video taj ne zna
Sebe, ko tebe ne vide taj neće
Nikuda stići, jer beskrajna je put.
Gle mesec bliski iznad rujnog cveta
Dobi oblik srca:lepota je smrt
Gle vrlina otkriva mogućnost uzleta.
Nepomican si, zato te ne mogu stići;
Tako blizu mene drugi vazduh dišes
Dok dolazak u dubinu obećava sve više
Zvezda na koju treba se tek navići.
Divno praznoverje što izmišljaju krila
Oslepljenom vazduhu u toj sazetosti,
Tvoja je mladost pre svih mladosti bila
I ostala na zidu ko slika milosti.
O Sretna mladost koja proći neće!
Da bi bio razumljiv srcu osta
Mlad u izdvojenom gradu koji posta
Svetlost što me miri sa većim prolecem.

Although Serbia has a rich tradition in fresco painting, people are not enough familiar with it. Questionary which took place in an ordinary school, shows that just a few pupils exactly know where, for example, White angel is situated, what is the composition to which it belongs and what is the described event about. One reason for it, except that there is not enough attention paid to this topic at schools, is the enormous reproduction of White angel just as a detail not in the whole composition. It is not hard to conclude that a questionnaire about some frescoes which are not so important would give even worse results.

The educational system in Serbia has to make effort to give to this topic enough place in the subjects as Serbian Language, History, Arts and as well to organize excursions to the most important monasteries more frequently. A good idea is also to run competitions where competitors can show not just their knowledge but also their creativity. This is something what could be done permanently and be reported in media, and can be joined by other, especially cultural institutions.

Literatura

1. Mileusnic S. Monasteries of Serbia. – Novi Sad: Pravoslavna rec, 1997.
2. Mileusnic S. The medieval monasteries of Serbia. – Novi Sad: Pravoslavna rec, 1997.
3. Miljkovic B. Pesme. – Sremski Karlovci: Kairos, 1997.
4. Pavicevic A. Sta radi i gde sedi Beli andjeo. Beograd: Etnografski institut SANU, 1997.

АКСИОЛОГИЯ МАКИАВЕЛЛИ

Макиавелли – один из немногих, чье имя увековечено не только в области его собственных интересов, но стало нарицательным во многих других полях, от политики до психологии. Возможно, именно эта универсальность послужила источником его дурной славы. Показательно, что даже сам термин «макиавеллизм» и другие производные от имени флорентийского мыслителя носят негативную окраску, санкционируя превратное отношение к личности и трудам философа. Также показателен тот факт, что эта традиция наделяния его маской чудовища, пособника дьявола и друга тирании не ослабевает, сохраняется в общественном сознании и в наши дни, когда порой «макиавеллистические» тезисы не вызывают никакого возмущения (см., напр.: классическое определение политической партии, данное М. Вебером).

Одна из ключевых заслуг Макиавелли как политического мыслителя и «врага человечества» – отстраненный и оторванный от традиции и морали взгляд на правителя, его функции в государстве. Именно государь, не скованный цепями нравственности, попал под обвал жесткой критики, позволил людям с ужасом вопрошать на манер Достоевского: «если Бога нет, то все дозволено?». Только богом здесь выступает как некий третейский судья между правителем и народом – та самая мораль.

Известный отечественный историк Л.М. Баткин начинает свою работу, посвященную Макиавелли, словами Ф. Бэкона: «Мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным ему писателям, которые в открытую, ничего не темня, показывали не то, как людям следовало бы поступать, а то, как они обычно поступают» [1. 345]. Пресловутое разделение морали на мораль общественную и мораль правителей – это не циничный прием Макиавелли, но вскрытая им проблема, противоречие, которое он пытается разрешить, вступая в полемику с традицией, выступая против бездумного следования христианским догматам, которые оказываются не жизнеспособными для ремесла политика. Исая Берлин отмечает, что из философии флорентийского мыслителя вытекает, что, «если люди в своей жизни и поступках хотят быть последовательными и хотят понимать, к каким целям они стремятся, то они обязаны пересмотреть свои моральные ценности» [2].

Так же, как и Платон, Макиавелли исходит из идеальных моделей, а не просто описывает факты [1, 357], и концепция «блага» тоже идет далеко

впереди остальных его идей. Но что тогда не так? Можно было бы подумать, что идеи Макиавелли устарели, и его понимание блага, которое не идет дальше, чем «овладение Италией и освобождение её из лап варваров», не уместно в условиях современности. Однако принимая это допущение, мы вынуждены заключить, что Макиавелли изначально был устарелым, т.к. еще в 1549 г. флорентинец Джамбаттиста Бузини вспоминал по этому поводу: «Все и вся его ненавидели из-за "Государя": богачам казалось, что этот его "Государь" наставлял герцога отобрать у них все имущество, а беднякам - что всю их свободу; "плаксам" (фанатично настроенным последователям Савонаролы из низов) он казался еретиком, а людям благонамеренным – бесстыдным и опытным негодяем, большим, чем они сами; так что его ненавидел каждый» [1, 362].

Не все приняли главное условие существования трактата «Государь». Каким бы изящным ни казался этот гениальный труд, телеология, главная цель для государя – государство. Мы можем уйти от конкретно-предметного понимания государства, применяя методы Макиавелли не только к Итальянскому государству, но к любому другому. И в каждом случае наши действия, согласно Макиавелли, будут безошибочны, если мы принимаем тот тезис, что только это государство и только государство требует процветания.

Государь, орудуя «во славу себе и на благо отечества» [3, XXVI], в действительности не стремится к благу своего народа. Это рассматривается лишь как побочное стремление, являющееся средством для более эффективного удержания власти, которое, в свою очередь, тоже раскрывает свою истинную цель в последней главе трактата.

Имморализм как таковой не является ужасающим сам по себе. «Апелляция к нравственному или эстетическому чувству – это прием запрещенный, когда речь идет о науке. Ибо наука обязана раскрыть факт в его отношении к другому факту, а вовсе не к «чувствам» и к «самочувствию» человека» (Э.В. Ильенков). В своей же системе Макиавелли использует именно тот самый «запрещенный» прием, апеллируя к чувству патриотизма, некой национальной гордости. Фактически мы видим человека – заложника системы государственного возвеличивания, в которой нет другого положения, кроме рабского. Однако это возвеличивание не происходит на лад Левиафана Т. Гоббса, призванного регулировать отношения между людьми. Эта система не обосновывается ничем другим, кроме самой себя.

«Если столяр делает стулья, на которых нельзя сидеть, то это плохой столяр, даже если он бескорыстен и не пьет» [1, 359]. Однако ни один столяр не делает стулья для того, чтобы делать стулья. Главным остается человек, который этот стул будет использовать. В случае же Макиавелли именно стулья наделены высшей степенью важности в жизни столяра.

Проблема совсем не в том, что «цель оправдывает средства». Да, это действительно так, но нам нужна цель, которая была бы оправданной средствами. И средства, которые подойдут для исполнения нашей цели. Если главный урок, которому учит нас философия Макиавелли, – это необходимость пересмотреть свои ценности для наиболее эффективного достижения своих целей, то именно ему мы и должны последовать, пересмотрев саму философию Макиавелли через призму других систем миропонимания, в которых человек действительно окажется ценностью, а не придаточной частью, винтиком в бессмысленном механизме самообоснования.

Литература

1. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995.
2. Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. – С. 295-368.
3. Макиавелли Н. Государь. – М.: Эксмо-Пресс, 1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Brzaković Aleksandar – студент Университет г. Ниш, Ниш, Республика Сербия

Dimitriević Tanya – студентка Университет г. Ниш, Ниш, Республика Сербия

Абросимова Людмила Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии образования и науки Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Москва, Россия

Алавердян Артем Левушович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Анисимова Дарья Сергеевна – студентка Ливенского филиала Государственного университета – учебно–научно–производственного комплекса г. Орел; Ливны, Орловская область, Россия

Арутюнян Хорен Араратович – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Атлагич Синиша – доктор политических наук, профессор факультета политических наук Белградского государственного университета, Белград, Республика Сербия

Бабьяк Артур Андреевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Баландина Ольга Васильевна – кандидат философских наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Бацанова Софья Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

Белых Марина Александровна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Беляева Светлана Петровна – старший методист кафедры истории и обществоведческих дисциплин Белгородского института развития образования, Белгород, Россия

Бердник Александр Николаевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры социологии и общетеоретических дисциплин Белгородского государственного института культуры и искусств, Белгород, Россия

Бердник Дарья Александровна – магистрантка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Бильчук Наталья Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального аэрокосмического университета им. Н.Е. Жуковского, Харьков, Украина

Боголюбова Виктория Владимировна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Богун Наталья Николаевна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Бойко Жанна Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Болдарев Максим Алексеевич – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Борисова Ксения Сергеевна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Бородина Светлана Васильевна – заведующая научно-исследовательским отделом государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», Прохоровка, Белгородская область, Россия

Бросова Наталья Зиновьевна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Габелко Юлия Владимировна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Гаврилова Лариса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Курского государственного университета, Курск, Россия

Гончаренко Наталья Михайловна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского

государственного национального исследовательского университета, директор МБУК «Выставочный зал «Родина», Белгород, Россия

Гончарова Елена Николаевна – учитель православной культуры Средней общеобразовательной школы №3 с углублённым изучением отдельных предметов г. Строитель Яковлевского района Белгородской области; аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Гребенникова Юлия Александровна – ассистент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Гридасова Юлия Дмитриевна – младший научный сотрудник Отдела культурно–образовательной деятельности Белгородского государственного художественного музея, магистрантка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Даниленко Анжела Павловна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Двойников Андрей Викторович – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Джурич Живойин – доктор политических наук, директор Института политических исследований Институт политических исследований, Белград, Республика Сербия

Дутова Светлана Ивановна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Емельянова Марина Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель Курского государственного университета, Курск, Россия

Ефремова Жанна Дмитриевна – кандидат социологических наук, декан экономического факультета Ливенского филиала Государственного университета – учебно–научно–производственного комплекса г. Орел; Ливны, Орловская область, Россия

Жиров Михаил Семенович – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Журавлева Лариса Ивановна – кандидат экономических наук, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Закиров Марат Борисович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, Луганск, Украина

Зернова Валерия Ивановна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Зинченко Виктор Викторович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, профессор Института общества (Киевский университет им. Б. Гринченко), руководитель Международной лаборатории образовательных технологий (Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины), заведующий кафедрой менеджмента Украинского гуманитарного института, Киев, Украина

Зубарев Валентин Алексеевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Иллензеер Диана Николаевна – кандидат философских наук, ассистент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Истомин Александр Георгиевич – заместитель директора Центра профессиональной карьеры Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Кобзарь Егор Олегович – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Коваленко Марина Викторовна – аспирантка кафедры английского языка и методики преподавания, магистрантка кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Кофанов Павел Игоревич – студент Ливенского филиала Государственного университета – учебно–научно–производственного комплекса г. Орел; Ливны, Орловская область, Россия

Кривец Алла Павловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Крупкин Павел Ливерьевич – кандидат физико–математических наук, старший научный сотрудник, научный руководитель «Центра изучения Современности», Москва, Россия

Крупская Оксана Леонидовна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Крупская Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры международных отношений и украиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Лагутина Валентина Викторовна – учитель средней образовательной школы № 47 г. Белгорода, Белгород, Россия

Лазарев Андрей Алексеевич – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Лебедев Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Липич Дмитрий Васильевич – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Липич Тамара Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Лобанов Константин Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Лопин Роман Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Лопина Мария Романовна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Малай Вера Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и украиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Мальцева Наталья Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Мальченко Александр Евгеньевич – студент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»

Маслеников Антон Олегович – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Машнова Виктория Викторовна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Монастырская Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Мотовникова Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Мусиенко Алла Васильевна – аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Нехаева Марина Анатольевна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Ольхов Павел Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Пейкович Марко – научный сотрудник Института политических исследований, Белград, Республика Сербия

Пеньков Виктор Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Пеньков Сергей Викторович – учащийся средней образовательной школы № 42 г. Белгорода, Белгород, Россия

Прокопенко Татьяна Витальевна – начальник отдела в ООО «Управляющая компания ЖБК-1», выпускница специальности теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Проселкова Татьяна Васильевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического и программного обеспечения информационных систем Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Проскурина Татьяна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии

Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Пчелинов–Образумов Александр Александрович – магистр истории, главный специалист отдела использования архивных документов Государственного архива Белгородской области, Белгород, Россия

Рошупкин Иван Андреевич – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Рязанцева Людмила Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Салтык Галина Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой культурологи Курского государственного университета, Курск, Россия

Сипунина Евгения Владимировна – магистрант Тольяттинского государственного университета, Тольятти, Россия

Смелая Алевтина Юрьевна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Страхова Ирина Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Субботин Андрей Валерьевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Сямина Ольга Васильевна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Тарасевич Евгений Анатольевич – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Терес Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и краеведения, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

Теслев Александр Александрович – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Толмачева Елена Александровна – студентка Ливенского филиала Государственного университета – учебно–научно–производственного комплекса г. Орел; Ливны, Орловская область, Россия

Урывский Андрей Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и украиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Усиченко Екатерина Романовна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Устинова Ирина Евгеньевна – студентка Академии труда и социальных отношений, Москва, Россия

Устюжин Игорь Борисович – магистр искусств, старший преподаватель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина

Фесенко Владимир Владимирович – соискатель кафедры культурологии Курского государственного университета, Курск, Россия

Фомичев Николай Николаевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Хотина Виктория Александровна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Чернецов Иван Евгеньевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Чицова Елена Николаевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Шаркунова Анна Борисовна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шведова Ирина Викторовна – старший научный сотрудник Белгородского государственного музея народной культуры, магистрантка кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шевцова Мария Витальевна – кандидат физико–математических наук, старший преподаватель кафедры алгебры, теории чисел и геометрии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шевченко Диана Сергеевна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шевченко Мария Вадимовна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шелудько Лика Александровна – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шенцов Максим Евгеньевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Широкая Светлана Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального аэрокосмического университета им. Н.Е. Жуковского, Харьков, Украина

Штец Татьяна Павловна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Мурманского государственного гуманитарного университета, Мурманск, Россия

Эргашев Артур Александрович – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Абросимова Л.В. Проблемы гносеологии в контексте философии диалогизма М.М. Бахтина	3
Алавердян А.Л. Российский модернизационный кризис конца XX века и ментально-антропологические трансформации	6
Анисимова Д.С. Представления населения малого провинциального города о современной российской политической элите	7
Арутюнян Х.А. Перспективы вступления республики Армения в таможенный союз	10
Атлагич С. Культурные контакты, связи и сотрудничество России и Сербии. Роль национальной культуры в продвижении России за рубежом	12
Бабьяк А.А. Чем жива философия, и почему ей нужен перевод?	14
Баландина О.В. Креативная личность как компонент инновационного развития	17
Бацанова С.В. Телесность в системе конструирования субъективности	19
Белых М.А. Традиции генеалогии как преодоление чувства одиночества в атомизирующемся обществе	22
Белых М.А. Реконструкция историко-литературного музея Н.В. Станкевича (культурологический эскиз)	24
Беляева С.П. Позиция Великобритании в связи с началом гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) в трактовке зарубежных историков	29
Бердник А.Н. Концепт «Культурное пограничье» как методологическая основа изучения проблем регионального развития	30
Бердник Д.А. Социальные сети как инструмент повышения электоральной активности молодежи	36
Бильчук Н.Л., Широкая С.И. Ценностный аспект корпоративной культуры	40
Боголюбова В.В., Усиченко Е.Р. Музей-усадьба Н.В. Станкевича: проектный образ и бренд-прогноз	43
Богун Н.Н. Образ солнца в лирике поэтов Серебряного века: структурно-семантический анализ	45
Бойко Ж.В. Формирование профессиональных компетенций у культурологов через активные методы обучения	47
Болдарев М.А. Роль политических ценностей в развитии общества и государства	49
Борисова К.С. Корпоративизм как форма взаимодействия государственной власти и бизнеса	51
Бородина С.В. Проблемы религиозного и нравственно-политического просвещения девочек-крестьянок Курской губернии в XIX – начале XX вв.	53
Бросова Н.З. Феномен философской мысли: истоки диалога и/или монолога	59
Волкова О.А. Политика в сфере трудовых отношений: линво-психо-социальный анализ иллюстрированных подарочных карточек	62
Габелко Ю.В. Археология культуры (зодчество, изобразительное искусство) и палеокультурология	66
Гаврилова Л.И. Русский центр в Пизе: проблема популяризации русского языка и культуры	68
Гончаренко Н.М. Репрезентация «Нового человека» в искусстве начала XX века	70

Гончарова Е.Н. Духовная основа технологической культуры молодежи	75
Гридасова Ю.Д. «Августовская рапсодия»: культурное непонимание	78
Даниленко А.П. Этнохудожественные аспекты современного образования	79
Двойников А.В. Международное право: настоящее и будущее	82
Джурич Ж., Пейкович М. Значимость русской политической мысли для сербского национального идентитета	83
Дутова С.И. Роль брендинга в формировании имиджа России	85
Емельянова М.А. Клемент Гринберг как теоретик постмодернизма	87
Ефремова Ж.Д. Русский менталитет глазами русских мыслителей: сущностные черты, факторы формирования	90
Жиров М.С. Открытый мир: этнокультурная традиция Белгородчины	94
Журавлева Л.И. Роль современного государства в решении экономических проблем	104
Закиров М.Б. Ценностные доминанты в политической концепции Н.А. Бердяева	105
Зернова В.И. Кукла как социокультурный феномен	108
Зинченко В.В. Общественно-экономическая практика и личностная девиантность в политико-идеологических трансформациях социальных институтов	109
Зубарев В.А. Философия Нагуа: к проблеме возникновения философской мысли в Мезоамерике	121
Иллензеер Д.Н. Становление и содержание современного психологического знания	123
Кобзарь Е.О. Соотношение национализма на Украине и в нацистской Германии	126
Коваленко М.В. Радикальная герменевтика Эриха Фромма: попытка лингвокультурного комментария	128
Коваленко М.В. К Англоязычным рецепциям религиозности М.М. Бахтина (на материале сборника статей «Bakhtin and Religion: A Feeling for faith»)	130
Кофанов П.И. К вопросу о трудовой миграции молодёжи малых городов России	131
Кривец А.П. Модернизация как политическая идеологема современной России	134
Крупкин П.Л., Лебедев С.Д., Истомин А.Г. Российские локальные идентичности в начале XXI века: функционально-сакральные основания	138
Крупская О.Л. Современное образование: дистанционно-виртуальное обучение в рамках университетов	141
Крупская С.Ю. Проблемы внешней политики в системе нацистской пропаганды середины 1930-х гг.	144
Лагутина В.В. Интерпретация поэтического текста. Ф.И. Тютчев «Я встретил вас...»	146
Лазарев А.А. Попытки становления общероссийской идеологии. Крымский фактор	148
Липич Т.И., Липич Д.В. Диалог суверенитетов государства и церкви в духовно-нравственном воспитании молодежи	150
Лопин Р.А. Звукосфера русской культуры	155
Лопина М.Р. Семья как ценность в жизни творческого человека (пример М.С. Щепкина)	158

Майданский А.Д. Диалектика и герменевтика: логика дела против логики слова	161
Малай В. В. Региональные конфликты в Европе накануне и после второй мировой войны (Испания, 1936-1939 и Греция, 1946-1949) и международные отношения	163
Мальцева Н.Н. Рациональный стиль научного мышления и историко-методологическая модель науки	165
Маслеников А.О. Умберто Эко: эпистемологический взгляд на феномен нео-войны	167
Машнова В.В., Гребенникова Ю.А. Роль культуры в преодолении поведенческих девиаций у подростков	172
Монастырская И.А. Проблема востребованности текста в диалогической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси	175
Мотовникова Е.Н. Об условиях успешного диалога: Г.-Г. Гадамер – О. Розеншток-Хюсси	177
Муслиенко А.В. К вопросу о видении роли религии Л.Н.Толстым	180
Нехаева М.А., Лопина М.Р. Усадьба Н.В. Станкевича как достояние отечественной культуры	182
Ольхов П.А. О диалогическом переосмыслении исторического знания	185
Пеньков В.Е. Антропологические измерения эволюционизма и возможные пути научного постижения трансцендентного	187
Пеньков С.В. Политические лабиринты России и Америки вокруг Украины	189
Прокопенко Т.В. Pax Christiana – к онтологическому горизонту политической культуры	192
Проселкова Т.В. Доктрина творения, природа и политический строй общества в философии М.Б. Фостера	194
Проскурина Т.Д. Л.Н.Толстой и его понимание «диалектики души» как особый взгляд на структуру человека	197
Пчелинов–Образумов А.А. К вопросу о деятельности комитетов помощи российским добровольцам в войсках Франко (1937-1939)	201
Рошупкин И.А. Неосманизм и пантюркизм как вектор современной внешней политики Турции	204
Рязанцева Л.В. Диалог как модель анализа текста в философии языка М.М. Бахтина	206
Салтык Г.А. Российская провинция в социокультурной повседневности периода Первой Мировой Войны: 1914-1918 гг.	208
Сипунина Е.В. Композиционные особенности архитектурного орнамента эпохи постмодерна	211
Смелая А. Ю. Пути разрешения этнополитических конфликтов в Нагорном Карабахе и Крыму: общее и особенное	213
Страхова И.А. Символические начала православного храма (опыт обзора)	215
Субботин А.В. Значимость многопараметрических объектов	217
Сямина О. В. Феномен русской усадьбы в исследовательских практиках XX-XXI в.	219
Тарасевич Е.А. Армия в ближневосточной политике XX века	221
Терес Н.В. Этнополитика как фактор национальной безопасности: опыт современной Украины	223

Теслев А.А. Философский диалог России и Германии: к опыту интерпретации философско-исторической концепции Гегеля в контексте отечественной философской и общественной мысли XIX века	226
Толмачева Е.А., Портрет молодого телезрителя (опыт социологического исследования)	229
Урьевский А.П. Усилия Англии по урегулированию итало-абиссинской войны в октябре-декабре 1935 г.	232
Устинова И.Е. Российский студент: грезы и реальность	234
Устюжин И.Б. Создание Черубины: попытка реконструкции	236
Фесенко В.В. Пчеловодство и церковь: религиозно-нравственный аспект	240
Фомичев Н.Н. Великобритания и проблемы «добровольцев» и экспорта вооружения в период гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) по материалам британской прессы	243
Хотина В.А. Усадебное наследие в современном социокультурном пространстве России	246
Чернецов И.Е. Игры, в которые играют люди – концепция Роже Кайуа	247
Чижова Е.Н. Значение социального капитала в развитии общества	250
Шаркунова А.Б. Сила простоты. Имение Нескучное в жизни и творчестве З.Е. Серебряковой	251
Шведова И.В. Символические структуры народного костюма: вневременные компоненты и визуальная конкретность	252
Шевцова М.В. Классические проблемы теории чисел на современном этапе развития математики	255
Шевченко Д.С. Аполитичность молодежи – злая сторона современности	257
Шевченко М.В. «Азбука» и «Новая азбука» Л.Н.Толстого как непререкаемая ценность в деле семейного воспитания детей	259
Шелудько Л.А. История моей семьи в истории России	262
Шенцов М.Е. Несколько замечаний об идее недопустимости государственного вмешательства в рыночную экономику	266
Штец Т.П. Историсофия Н.А. Бердяева	268
Эргашев А.А. Герменевтический анализ доминантных аксиологических категорий и риторических особенностей американского политического дискурса	272
Brzaković A. Mediji Manjina u Srbiji	275
Dimitriević T. Angels in Serbian Monasteries and Churches and Their Role Nowadays	281
Мальченко А.Е. Аксиология Макиавелли	283
Сведения об авторах	286

Научное издание

КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ

Материалы II Международной научной конференции

24-26 апреля 2014 г.

Подписано в печать 21.04.2014. Заказ № 6. Тираж 130 экз.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 18,37. Гарнитура Times New Roman, Verdana.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 1